ИЗВѢСТІЯ

АЛ-БЕКРИ И ДРУГИХЪ АВТОРОВЪ

О РУСИ И СЛАВЯНАХЪ.

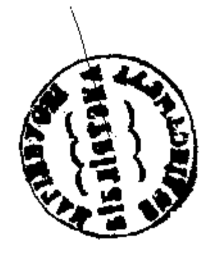
Часть 2.

(Разысканія **А. Куника.**)

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 27-го октября 1899 года.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1903.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ И У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и **Комп.** и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ. **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Е. П. Распопова** въ Одессѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; **Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ; **Люзакъ** и **Комп.** въ Лондонѣ.

Цѣна 2 р. 40 к. — Prix 6 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

Предварительныя замѣтки.

I.

Когда я въ концѣ 1875 г. представилъ А. А. Кунику первый набросокъ перевода присланныхъ ему профессоромъ M. J. de Goeje[1]) извлеченій изъ ал-Бекри, нашъ покойный сочленъ до такой степени былъ пораженъ важностью особенно записки Ибрагима ибн-Якуба, что онъ немедленно рѣшилъ позаботиться объ изданіи и объясненіи этого новаго цѣннаго источника. А. А. Куникъ тогда же поручилъ мнѣ приготовить къ печати арабскій текстъ, нѣмецкій переводъ и введеніе, а самъ взялся за составленіе комментарія. Моя работа была окончена въ апрѣлѣ 1876 года и въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Академіи 13 апрѣля была представлена къ напечатанію Б. А. Дорномъ[2]). По первоначальной мысли А. А. Куника его комментарій долженъ былъ содержать только самыя необходимыя для правильной оцѣнки показаній Ибрагима ибн-Якуба

---

1) См. Извѣстія ал-Бекри и пр., ч. I, стр. 113—114.

2) См. Протоколы Отдѣленія за 1876 г. § 42. Въ протоколѣ не упомянуто о русскомъ изданіи, но по тогдашнему академическому обычаю подобныя работы всегда печатались въ двухъ изданіяхъ, т. е. въ Mémoires на иностранномъ языкѣ и въ Приложеніяхъ къ «Запискамъ» на русскомъ.

разъясненія, но этотъ первоначальный планъ скоро подвергся коренному измѣненію. Изученіе новаго источника завлекало нашего покойнаго сочлена все далѣе и далѣе. Выяснялась ему необходимость приложить къ комментарію различные экскурсы объ отдѣльныхъ вопросахъ, и показалось ему кромѣ того желательнымъ присоединить сюда также еще нѣкоторыя извлеченія изъ другихъ арабскихъ авторовъ, частью уже ранѣе изданныя, частью раньше нигдѣ ненапечатанныя. Такимъ образомъ получился бы сборникъ, въ который должны были войти еще статьи П. И. Лерха (извлеченія изъ одного астрономическаго сочиненія ал-Бируни), А. Я. Гаркави (извлеченія изъ Масудіевыхъ книгъ ат-Тэнбйха и Ахбâр-аз-Земâнъ) и пишущаго эти строки (извлеченія изъ Абу-Ханифы Динавери и ал-Джâхиза).

А. А. Куникъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1876 и 1877) едва ли не все свободное время свое посвящалъ ал-Бекри. Но по мѣрѣ того, какъ разросталась работа, становилось все менѣе и менѣе вѣроятнымъ, что она появится въ скоромъ времени. Между тѣмъ было болѣе чѣмъ желательно, чтобы новый источникъ сталъ доступнымъ и другимъ изслѣдователямъ, особенно ввиду выдающагося интереса записки Ибрагима. Поэтому А. А. Куникъ рѣшилъ русское изданіе раздѣлить на двѣ части и первую выпустить въ свѣтъ, не дожидаясь окончанія всего сборника. Предупрежденный съ самаго начала о томъ, что изданіе появится на двухъ языкахъ, я сейчасъ же по напечатаніи нѣмецкаго изданія, приступилъ къ приготовленію русскаго. Чистые листы нѣмецкаго изданія, какъ моей статьи, такъ и разысканій А. А. Куника, по мѣрѣ ихъ печатанія посылались профессору de Goeje, вслѣдствіе чего между нами завязалась оживленная переписка о многочисленныхъ болѣе или менѣе трудныхъ или темныхъ мѣстахъ текста Ибрагима. M. J. de Goeje уже тогда, въ семидесятыхъ годахъ, былъ однимъ изъ лучшихъ арабистовъ и безспорно лучшимъ знатокомъ арабской географической литературы. Всякій легко пойметъ, какую пользу долженъ былъ извлечь я, тогда весьма только недавно выступившій на

ученое поприще, изъ этого обмѣна мыслей со столь выдающимся ученымъ. Неудивительно поэтому, что русскій текстъ моей статьи явился не простымъ переводомъ нѣмецкаго, а значительно исправленнымъ, какъ бы новымъ изданіемъ.

Рѣшеніе свое выпустить русское изданіе въ двухъ частяхъ, А. А. Куникъ осуществилъ въ концѣ 1878 года, когда появилась первая часть «Извѣстій ал-Бекри» какъ приложеніе № 2 къ XXXII тому «Записокъ» Имп. Ак. Наукъ. Въ ней, кромѣ принадлежащаго мнѣ «Введенія», текста и перевода извѣстій ал-Бекри, А. А. Куникъ помѣстилъ свой краткій комментарій къ запискѣ Ибрагима и кромѣ того два изъ своихъ экскурсовъ, т. е. *Разысканіе* 1) «О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами по славяносербскому Имянику» и *Разысканіе* 2) «Тожество Русовъ-язычниковъ и Нормановъ, подтверждаемое посланіемъ папы Николая I отъ сентября 865 г». Нѣмецкое изданіе еще нѣкоторое время продолжало печататься и разростаться. Но послѣ опубликованія первой части русскаго изданія интересъ А. А. Куника къ этой работѣ повидимому сталъ ослабѣвать. Его пытливый умъ и несравненная эрудиція влекли его все къ новымъ и новымъ темамъ и изслѣдованіямъ,— забота объ окончаніи начатаго труда отходила на второй планъ, и наконецъ была совсѣмъ оставлена...

Послѣ послѣдовавшей въ 1899 г. кончины А. А. Куника въ Истор. Фил. Отдѣл. И. Академіи Наукъ возникъ вопросъ о судьбѣ начатыхъ, болѣе или менѣе далеко подвинувшихся впередъ въ печати трудахъ покойнаго его сочлена, въ томъ числѣ и объ «Извѣстіяхъ ал-Бекри». По провѣркѣ оказалось, что нѣмецкаго изданія отпечатано было всего $25\frac{1}{2}$ лл. или 204 стр. in 4°, которыя содержатъ, кромѣ соотвѣтствующихъ первой (появившейся) части «Извѣстій ал-Бекри» стр. 1—68 и 80—111 еще Разысканія 1) А. А. Куника «Die älteste slawische Wanderungssage. Zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Ausbreitung der Rumynen», стр. 69—79; 2) Его-же «Die Aufsegelung des «Sundes» von Byzanz durch das Seevolk der «Nordscythen» im 9. Jahrhundert», стр. 111—143; 3) А. Я. Гаркави «Nachrichten der

Araber über Thule», стр. 143—149; 4) А. А. Куника «Die erste Bekanntschaft der Perser u. Araber mit dem Seevolk der Rûs nach dem Jahre 865. Ein Beitrag zur Kritik von Ibn Chordadbeh und Jakubi», стр. 149—189; 5) А. Я. Гаркави «Auszüge aus dem Kitab Achbar-az-Zaman und dem Kitab at-Tanbih von Maçudi», стр. 190—204 (не окончено[1]).

Извѣстія ал-Бекри и, главнымъ образомъ, сообщенныя въ нихъ показанія Ибрагима ибн-Якуба обратили на себя общее вниманіе ученыхъ, интересующихся исторіей славянъ и восточной Европы, и породили цѣлую литературу[2]), посвященную разбору и объясненію этого любопытнаго памятника. Исходною точкою при его объясненіи служили: съ одной стороны русскій переводъ, помѣщенный въ «Извѣстіяхъ ал-Бекри и другихъ авторовъ и пр.», съ другой — голландскій переводъ de Goeje, появившійся въ 1879 году. Комментаторами были почти исключительно не-оріенталисты. Мнѣ поэтому казалось, что выпустить теперь нѣмецкое изданіе, содержащее мой переводъ на нѣмецкій языкъ записки Ибрагима, сдѣланный раньше моего-же русскаго перевода и до полученія нѣкоторыхъ матеріаловъ, которыми я могъ пользоваться при составленіи русскаго — будетъ совершенно нецѣлесообразнымъ и даже вреднымъ для науки, такъ какъ поступитъ въ научный обиходъ переводъ менѣе правильный и уклоняющійся кое въ чемъ отъ того, который положенъ въ основаніе многочисленныхъ появившихся толкованій и изслѣдованій. Такимъ образомъ недоконченное нѣмецкое изданіе «Извѣстій ал-Бекри» могло бы быть выпущено только безъ первой (моей) статьи, такъ что получилась бы книга безъ начала и конца. Кромѣ того два экскурса А. Я. Гаркави могли бы быть изданы только съ согласія автора. Болѣе цѣлесообразною мнѣ представлялась

1) Составленіе всѣхъ этихъ статей относится къ концу 70-хъ годовъ.

2) Наиболѣе полный обзоръ ея находится въ только-что появившемся сочиненіи Ф. Вестберга «Комментарій на Записку Ибрагима ибн-Якуба о славянахъ». С.-Петербургъ, 1903 г.

другая комбинація, а именно: издать въ русскомъ переводѣ, какъ вторую часть «Извѣстій ал-Бекри» упомянутые выше экскурсы покойнаго нашего сочлена, снабдивъ эту вторую часть указателемъ ко всему сочиненію. Что-же касается двухъ экскурсовъ А. Я. Гаркави, то первый (оконченный) представляетъ только нѣмецкій переводъ статьи, появившейся въ 1873 году въ «Запискахъ» Академіи, и слѣдовательно, не подлежитъ повторенію, второй-же (неоконченный) могъ бы войти въ предполагаемую вторую часть «Извѣстій ал-Бекри», если бы на это (и на окончаніе его) послѣдовало согласіе автора. Двоякая цѣль была бы достигнута этой комбинаціей: были бы спасены отъ забвенія полныя несравненной эрудиціи статьи А. А. Куника, и было бы доведено до конца, хотя бы только внѣшнимъ образомъ, академическое изданіе, начатое болѣе 20 лѣтъ тому назадъ.

Эти соображенія я имѣлъ честь представить на обсужденіе Ист.-Филологическ. Отдѣл. Импер. Академ. Наукъ въ засѣданіи 27 октября 1899 г. и они удостоились одобренія Отдѣленія [1]).

Мнѣ остается сказать еще два слова объ исполненіи состоявшагося постановленія Отдѣленія. Переводъ на русскій языкъ экскурсовъ А. А. Куника былъ сдѣланъ приватъ-доцентомъ арабскаго языка при С.-Петербургскомъ Университетѣ, А. Э. Шмидтомъ, и затѣмъ подвергнутъ общими силами тщательному просмотру, такъ что мы надѣемся, что мысли А. А. Куника переданы вездѣ точно [2]). Въ ороографіи русской, равно какъ и въ транскрипціи восточныхъ словъ, мы старались по возможности ближе держаться системы, принятой въ первой части. Тѣмъ не менѣе полнаго однообразія и полной послѣдовательности не удалось достигнуть, въ чемъ мы теперь можемъ только извиниться передъ читателемъ.

---

1) См. Протоколы Ист.-Фил. Отдѣл. № XIV, § 169.

2) Выпущены только ссылки (ихъ было весьма немного) на предполагавшіеся, но еще ненапечатанные экскурсы и одно примѣчаніе въ началѣ Разысканія 5-го, назначенное спеціально для нерусскихъ читателей. Въ немъ А. А. Куникъ объясняетъ, что онъ имя «Русь» передаетъ черезъ «Rus̀», а арабскую форму Рӯс черезъ Rûs.

Указатель составленъ также А. Э. Шмидтомъ и относится къ обѣимъ частямъ. Не принято во вниманіе при его составленіи «Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ», которое, какъ выяснилъ въ нижеслѣдующей замѣткѣ уже по напечатаніи Указателя А. С. Лаппо-Данилевскій, должно было служить предисловіемъ къ «Извѣстіямъ ал-Бекри». Почему оно А. А. Куникомъ не было приложено къ первой части «Извѣстій ал-Бекри» — остается неизвѣстнымъ.

Баронъ **В. Розенъ.**

С.-Петербургъ, февраль 1903 г.

II.

Въ дополненіяхъ и примѣчаніяхъ къ «Каспію» Б. Дорна (СПБ., 1875 г.) А. А. Куникъ не мало мѣста удѣлилъ «варягоборству» и, между прочимъ, еще разъ пришелъ къ заключенію, что «древняя Россія стала морскою державою въ смыслѣ того времени лишь тогда, когда господство водобоязливыхъ хазарскихъ степныхъ наѣздниковъ было уничтожено въ Кіевѣ и далѣе знакомыми съ морскимъ дѣломъ Аскольдомъ и Олегомъ» (А. Куникъ, «Начались ли русскія торговыя сношенія и походы по Черному и Каспійскому морямъ во времена Мухаммеда или при Рюрикѣ?» въ Зап. Академіи Наукъ, т. XXVI, кн. 2, стр. 357—462 и 687—697). Въ той же статьѣ А. А. Куникъ выразилъ надежду, что антинорманисты не скоро возобновятъ полемику. Тѣмъ не менѣе черезъ годъ по изданіи «Каспія» появился цѣлый рядъ сочиненій противниковъ норманской школы: такъ напримѣръ, въ Кіевѣ были перепечатаны статьи М. А. Максимовича, въ Москвѣ вышли въ свѣтъ «Разысканія» Д. И. Иловайскаго, а въ С.-Петербургѣ одновременно съ ними извѣстныя изслѣдованія С. А. Гедеонова о Варягахъ и Руси. Почти въ тоже время антинорманисты пріобрѣли себѣ новыхъ союзниковъ: И. Е. Забѣлина и кн. П. П. Вяземскаго; они примкнули къ ихъ направленію и между прочимъ подвергли критикѣ тѣ выводы, къ которымъ А. А. Куникъ пришелъ въ своихъ

обширныхъ примѣчаніяхъ къ «Каспію» [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Н. И. Костомаровъ въ статьѣ, написанной имъ по поводу разбора книгъ С. А. Гедеонова и другихъ «варягоборцевъ» (Русская Старина за 1877 г., т. XVIII), даже «отслужилъ панихиду по во брани убіеннымъ норманистамъ». Въ то время М. П. Погодина, пятьдесятъ лѣтъ боровшагося съ «норманофобами», уже не было въ живыхъ; но ихъ пріемы и выводы не могли не вызвать протеста со стороны А. А. Куника. Въ своемъ письмѣ къ В. Гутцейту отъ 30 декабря 1876 года ссылаясь на вышеуказанную статью, онъ уже замѣтилъ, что, хотя и слѣдуетъ оставлять безъ отвѣта нападки анонимныхъ газетныхъ рецензентовъ на норманистовъ, но «такихъ людей, какъ Н. И. Костомаровъ, надо высмѣять» (Briefwechsel zwischen Akademiker Kunik und Gutzeit, Riga, 1899, s. 9; cf. ss. 10, 14, 52). И дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ 1877 года въ академической типографіи было уже напечатано «Открытое письмо» А. А. Куника къ «сухопутнымъ морякамъ, вызванное приговоромъ Н. И. Костомарова отъ 1 января 1877 года». Такъ какъ кромѣ «протестовъ противъ непогрѣшимости варяжскаго папы» въ «Письмѣ» было высказано нѣсколько общихъ положеній касательно спора между норманистами и «варягоборцами», то А. А. Куникъ, повидимому, и хотѣлъ воспользоваться имъ въ качествѣ

---

1) И. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, т. I, М. 1876 г.; авторъ, какъ извѣстно, придерживаясь теоріи «славянства Руси, оставляетъ извѣстное мѣсто въ нашей исторіи норманству . . .» (стр. 201); о Каспіи см. тамъ-же, стр. 121—128. «Замѣчанія» кн. П. П. Вяземскаго на Слово о Полку Игоревѣ вышли въ 1875 году; но послѣ вызова, сдѣланнаго автору «замѣчаній» А. А. Куникомъ (Каспій, стр. 690), кн. П. П. Вяземскій отвѣтилъ ему въ статьѣ подъ заглавіемъ «Синды, Зундъ и Сундары» въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1876 г., ч. 184, стр. 1—49. Кромѣ того ср. еще статьи: Д. Щеглова, «Первыя страницы русской исторіи» въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1876 г., ч. 184, стр. 221—269; ч. 185, стр. 1—68; 163—209; его же докладъ подъ заглавіемъ «Новый опытъ изложенія первыхъ страницъ русской исторіи» въ Тр. II-го археол. съѣзда, Спб., 1876 г., т. II, отд. IV, стр. 63—80, а также статью Д. Иловайскаго «Заключительное слово моимъ противникамъ норманистамъ» [т. е. В. Г. Васильевскому и А. А. Кунику] въ Древ. и Нов. Россіи 1876 г., т. I, стр. 203—208 и 304—312.

предисловія къ новому ученому труду, который онъ предпринялъ вмѣстѣ съ барономъ В. Р. Розеномъ по поводу одного арабскаго извѣстія о Славянахъ X вѣка, доставленнаго ему проф. де Гуе. Заинтересованный разсказомъ ал-Бекри и, главнымъ образомъ, сообщенными въ немъ показаніями Ибрагима ибн-Якуба, А. А. Куникъ вмѣстѣ съ барономъ В. Р. Розеномъ вскорѣ приступилъ къ сочиненію извѣстной книги озаглавленной: «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ»; «Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ» и должно было послужить своего рода предисловіемъ къ «Извѣстіямъ ал-Бекри».

Въ самомъ дѣлѣ, «Письмо» уже было готово въ 1877 г. и, кромѣ того, озаглавлено: «Вмѣсто предисловія»; далѣе на стр. 03 «Письма» авторъ замѣчаетъ, что онъ «предоставилъ бы дальнѣйшее разъясненіе исторіи русскаго судоходства послѣ Рюрика будущему времени и другимъ лицамъ, если бы не получилъ недавно отъ одного изъ первыхъ знатоковъ арабскихъ географовъ, профессора де Гуе, замѣчательнаго памятника о Славянахъ X вѣка, съ содержаніемъ котораго онъ и познакомился по переводу бар. В. Р. Розена». Наконецъ, на стр. 03, 010, 011, 013, 025 и 052 «Письма» встрѣчаются ссылки на первую часть «Извѣстій ал-Бекри», но безъ указанія заглавія цитируемаго сочиненія и съ характерной прибавкой «см. *ниже*». На основаніи вышеприведенныхъ соображеній, трудно сомнѣваться въ томъ, что А. А. Куникъ предполагалъ издать свое «Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ» въ видѣ предисловія къ «Извѣстіямъ ал-Бекри». Цѣликомъ напечатанное въ 1877 году, оно до сихъ поръ, однако, еще не вышло въ свѣтъ, хотя первая часть «Извѣстій» уже въ слѣдующемъ году появилась въ «Запискахъ Академіи» (т. XXXII, Приложеніе № 2, 1878 г.).

Между тѣмъ «Открытое письмо» А. А. Куника любопытно не только въ біографическомъ, но и въ исторіографическомъ отношеніи. На ряду съ замѣчаніями, характеризующими скорѣе личное міровоззрѣніе покойнаго академика, чѣмъ его ученыя

убѣжденія (стр. 019, 035, 038, 040, 045, 054), здѣсь можно найти, напримѣръ, общее обозрѣніе главнѣйшихъ и спорныхъ положеній антинорманистовъ и той «разноголосицы», которая обнаружилась въ ихъ мнѣніяхъ по одному и тому же предмету (стр. 06—027); здѣсь же авторъ даетъ указанія на отрицательное значеніе «варягоборства» для развитія противуположной ему теоріи, и обращается съ «словомъ» къ «новому поколѣнію» о тѣхъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ должно двинуть впередъ изученіе исторической этнографіи востока Европы въ варяжскій періодъ (стр. 060—066); въ числѣ послѣднихъ сочинитель письма ставитъ и готскій вопросъ; «въ настоящее время, пишетъ онъ, можно утвердительно сказать, что господство Готовъ надъ славянскими племенами . . . . оставило по себѣ рѣзкіе слѣды въ бытѣ и языкѣ Славянъ и что многія учрежденія, которыя Погодинъ и другіе производили отъ Нормановъ, слѣдуетъ приписать Готамъ» (стр. 063). Такимъ образомъ А. А. Куникъ уже въ 1877 году предвидѣлъ появленіе тѣхъ изслѣдованій, въ которыхъ наши лингвисты и историки только теперь принимаются за выясненіе готскаго вліянія на древнюю культуру и государственный бытъ Славянъ.

Предисловіе А. А. Куника, какъ видно, содержитъ не мало цѣнныхъ свѣдѣній по исторіографіи древнѣйшаго періода русской исторіи; въ виду того, что оно естественно примыкаетъ къ первой части «Извѣстій ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ», казалось желательнымъ напечатать его во второй части «Извѣстій», нынѣ издаваемыхъ въ русскомъ переводѣ подъ редакціей барона В. Р. Розена.

А. Лаппо-Данилевскій.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ СУХОПУТНЫМЪ МОРЯКАМЪ [1]).

(вмѣсто предисловія.)

Et refellere sine pertinacia et refelli sine iracundia parati sumus.

CICERO.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что до сихъ поръ мало думали о томъ, почему изъ множества народовъ, появлявшихся въ древности и въ среднія вѣка на исторической сценѣ, только весьма немногіе составили себѣ имя и славу *морскаго* народа. У нѣкоторыхъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, также какъ и у большинства языческихъ народовъ, морской разбой былъ первичной формой мореходной дѣятельности; по свидѣтельству историческихъ памятниковъ, немногія племена Славянъ съ 7-го вѣка на Архипелагѣ и въ Адріатическомъ морѣ, а на югѣ Балтійскаго только съ 10-го вѣка — по историческимъ соображеніямъ вѣроятно и раньше — занимались такимъ разбоемъ; съ принятіемъ христіанства они покинули его, какъ занятіе, противное духу христіанскаго ученія, причемъ морской разбой не послужилъ у нихъ прочнымъ основаніемъ ни морской военной силѣ, ни морской торговлѣ.

Въ „Каспіи" до-рюриковскіе Славяне, жившіе по Днѣпру, выше пороговъ, по среднему теченію Двины, по верхней Волгѣ и около Ильменя, не называются морскимъ народомъ на томъ основаніи, что,

[1]) Письмо къ aux marins d'eau douce вызвано приговоромъ Н. И. Костомарова отъ 1 янв. 1877 г., напечатаннымъ въ январской кн. «Русской Старины». См. также «Каспій», стр. 638.

за исключеніемъ лишь жившихъ по нижнему Бугу и Днѣстру, — всѣ восточные Славяне временъ язычества были отдѣлены отъ моря другими народностями и плавая только по рѣкамъ и озерамъ не могли еще пріучиться къ далекимъ морскимъ плаваніямъ съ военной или торговою цѣлью. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Каспіи“ было доказано, что Русы появляются на водахъ Чернаго моря и Каспійскаго, съ торговой или военной цѣлью, лишь послѣ замѣны господства Хазаръ въ Кіевѣ господствомъ Норманновъ. Кромѣ того, въ упомянутомъ сборникѣ было замѣчено, что съ половины 11-го столѣтія русскіе военные и торговые флоты какъ на двухъ южныхъ моряхъ, такъ и на Балтійскомъ морѣ постепенно исчезали и древнее пиратство, возникнувъ снова, продолжало существовать на югѣ вплоть до нашествія Татаръ только среди Бродниковъ, а на сѣверѣ поддерживалось ушкуйниками, производившими разбои по берегамъ рѣкъ. Затѣмъ, тамъ же было разъяснено, что Козаки становились иногда смѣлыми, предпріимчивыми пиратами благодаря совершенно инымъ особымъ условіямъ, что и они даже, разбойничая обыкновенно ниже днѣпровскихъ пороговъ и около устьевъ Дона и Волги, рѣдко отваживались пускаться въ открытое море, а потому, подобно черноморскимъ Готамъ, и не заслужили себѣ въ исторіи имени морскаго народа въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Въ видѣ Положеній можно выразить этотъ взглядъ:

Племена, жившія далеко отъ моря, въ старину вовсе не могли сдѣлаться морскими народами, а изъ приморскихъ племенъ очень немногія сдѣлались мореходными народами.

Конечно, слѣдовало ожидать, что взглядъ этотъ не найдетъ одобренія среди тѣхъ лицъ, которыя желаютъ основанную на свидѣтельствѣ положительныхъ памятниковъ исторію русскаго судоходства послѣ Рюрика и Аскольда замѣнить исторіей, созданною собственнымъ воображеніемъ. Такъ и случилось, мнѣніе наше подверглось столь многочисленнымъ нареканіямъ, что намъ пришлось, — покоряясь своей участи, — терпѣливо переносить всякаго рода ожесточенное злословіе, въ ожиданіи, пока непомраченный еще предубѣжденіями здравый смыслъ подростающаго поколѣнія произнесетъ свой судъ и рѣшитъ тяжбу между изслѣдователями исторической истины и любителями

исторіи фантастической, сказочной. Я бы и самъ предоставилъ дальнѣйшее разъясненіе этихъ вопросовъ будущему времени и другимъ лицамъ, если бы не получилъ недавно (см. ниже стр. 113) отъ одного изъ первыхъ знатоковъ арабскихъ географовъ замѣчательнаго памятника о Славянахъ 10-го вѣка. Познакомясь по переводу барона В. Р. Розена съ содержаніемъ этого памятника, я не могъ воздержаться отъ попытки снова поднять вопросъ о времени появленія *морской* Руси, — подтверждая мнѣнія свои на этотъ разъ свидѣтельствомъ не только памятника, доставленнаго мнѣ профессоромъ де-Гуе, но и свидѣтельствомъ другихъ арабскихъ писателей. Обсужденіе показаній этихъ писателей не могло не возбудить снова жгучаго вопроса о происхожденіи Варяго-Русовъ, который, по единодушнымъ отзывамъ нашихъ историковъ изъ разряда прѣсноводныхъ моряковъ, все еще нельзя считать вопросомъ рѣшеннымъ, не смотря даже на то, что въ западной Европѣ давно уже удивляются, какъ это люди, обладающіе строго научнымъ образованіемъ, до сихъ поръ еще не могутъ согласиться относительно главнаго предмета спорнаго вопроса. Къ числу людей, близко знакомыхъ съ вопросомъ и выражавшихъ подобное удивленіе, принадлежалъ покойный М. П. Погодинъ; въ послѣдніе годы своей жизни онъ даже считалъ прямымъ позоромъ для русской науки возобновленіе въ ней спора о норманскомъ происхожденіи Варяго-Руси.

Какъ извѣстно, Погодинъ († 8 дек. 1875) съ незначительными промежутками времени почти пятьдесятъ лѣтъ боролся за норманское происхожденіе Руси. Во второмъ періодѣ своихъ полемическихъ столкновеній Погодинъ, твердо сознавая прямой путь, на который онъ выступилъ, сохранялъ необходимое спокойствіе духа и опровергалъ своихъ, большею частью находившихся съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ противниковъ (Морошкина, Надеждина, Максимовича) шутя, и даже въ своей полемической статьѣ, по поводу труда г. Гедеонова, явилъ новое доказательство своего уваженія къ свободѣ мнѣній. Въ послѣднее же время Погодинымъ по временамъ овладѣвало какое-то раздраженіе, такъ какъ, дѣйствительно, въ литературѣ стали повторяться тѣ лишенныя всякаго основанія гипотезы, которыя, по его

мнѣнію, были еще давно, во дни его молодости опровергнуты имъ на всегда магистерскою его диссертаціею. Еще разъ собралъ онъ всѣ доступные ему главные аргументы норманистовъ для борьбы противъ гг. Костомарова и Иловайскаго. Послѣ того какъ „Борьба" его была уже напечатана весною 1874 г., нашелъ онъ переданное ему мною еще въ 1860 году свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца о первомъ походѣ Варяго-Русовъ, прямо приписывающее этотъ походъ Норманамъ (Normanorum gentes). Oleum et operam perdidi! воскликнулъ онъ въ заключеніе своего послѣсловія: „довольно бы привести это извѣстіе", которое онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ „наиважнѣйшее, наидрагоцѣннѣйшее". „Нечего говорить, сколько норманскаго удовольствія оно мнѣ доставило" сказалъ онъ тамъ же про свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца. То было одно изъ послѣднихъ „удовольствій", испытанныхъ въ жизни человѣкомъ, стяжавшимъ себѣ вѣчную память въ исторіи русской науки. Если бы онъ дожилъ до 1876 г., то это „удовольствіе" было бы для него снова омрачено появленіемъ въ литературѣ мнѣній, противъ которыхъ онъ боролся въ теченіе 50-ти лѣтъ.

Дѣйствительно, въ прошломъ году антинорманисты не только не обратили должнаго вниманія на свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца, которое Погодинъ сравнилъ съ гранитнымъ утесомъ и съ которымъ антинесторовцы обращаются какъ съ какою-нибудь бездѣлкою изъ папье-маше, но еще и подняли такую бурю противъ *норманства* вообще, какой не приходилось выдерживать Погодину даже во времена Каченовскаго и его школы. Толстыя книги и статьи различныхъ размѣровъ громко провозгласили, иногда не въ очень деликатныхъ выраженіяхъ, читающему міру, что школа норманистовъ отличается „софистикою" и „ненаучностью" и что эта школа окончательно уже пала вслѣдствіе своей собственной „несостоятельности". Читая эти и другія обвиненія въ сочиненіяхъ и статьяхъ князя Вяземскаго, гг. Гедеонова, Забѣлина, Иловайскаго, Щеглова и др. за 1876 г. невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ могла норманская школа такъ долго упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, и почему норманисты, послѣ того какъ ихъ противники „покончили съ норманствомъ", не от-

реклись торжественно отъ прежней ереси и не приняли новаго евангелія. Дѣло въ томъ, что побѣдители-самозванцы [1]) должны были со своей стороны разрѣшить тяжелую задачу, если желали, чтобы норманисты не только сознались въ томъ, что мѣра ихъ научныхъ грѣховъ переполнилась, но и подтвердили бы свое раскаяніе принятіемъ новаго ученія. Норманофобамъ слѣдовало, прежде чѣмъ заявлять такія рѣшительныя притязанія на побѣду своего ученія, согласиться *между собою* на счетъ главныхъ пунктовъ этого ученія. Почему же до сихъ поръ этого они не сдѣлали? Мы этого не знаемъ, но во всякомъ спорѣ чисто научнаго характера каждый, считающій себя побѣдителемъ, остается до тѣхъ поръ побѣдителемъ-самозванцемъ, пока его побѣды не признаютъ другіе авторитетные судьи. Если антинесторовцы считаютъ норманство дѣйствительно навсегда низложеннымъ, то слава ихъ должна вскорѣ распространиться по всему свѣту.

Причина кажущейся побѣды однихъ или пораженія другихъ лежитъ здѣсь, очевидно, въ злоупотребленіи *научнымъ методомъ*, въ области лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій. Антинесторовцы отрицаютъ въ изслѣдованіяхъ норманистовъ истинно-научный методъ и еще въ 1860 году Н. И. Костомаровъ провозгласилъ тономъ Юпитера-громовержца, что все норманское ученіе ничто иное, какъ „софистика“. Въ 1876 г. это выраженіе и подобные ему увизительные отзывы раздались снова въ литературѣ. Но къ какому же ученію обратиться экснорманистамъ? Вѣдь имъ въ этомъ отношеніи предстоитъ настоящій „embarras de richesses“. Подобно тому какъ нѣкогда во 2 и 3 столѣтіяхъ рядомъ съ 4-мя каноническими евангеліями появилась масса евангелій апокрифическихъ, такъ и у антинесторовцевъ является особенная плодовитость въ новыхъ системахъ, въ которыхъ общимъ является развѣ лишь то, что всѣ онѣ отрицаютъ вполнѣ или на половину норманство Варяго-Русовъ и что всѣ онѣ почти безъ исключенія созданы историками, которыхъ ради краткости можно назвать сухопутными моряками.

---

[1]) Слово «самозванецъ» здѣсь, также какъ и ниже, конечно, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какой оно получило въ смутное время, но въ смыслѣ первоначальномъ, соотвѣтствующемъ греческому αὐτόκλητος.

Мнѣнія, которыми замѣняется норманство, столь разнообразны и разнорѣчивы, что всякая попытка связать ихъ въ какое-нибудь гармоническое цѣлое превышаетъ силы экснорманистовъ; да она имъ и недоступна. Въ качествѣ побѣжденной партіи норманисты не имѣютъ даже возможности утѣшить себя объясненіемъ этихъ рѣзкихъ противорѣчій новыми методами изслѣдованія, изобрѣтенными кѣмъ-нибудь изъ ихъ противниковъ, и ихъ затруднительное положеніе увеличивается еще болѣе тѣмъ, что и до сихъ поръ историки, пользующіеся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, которыхъ труды и учебники по всеобщей русской исторіи расходятся въ тысячахъ экземпляровъ, оказываются полунорманистами. Какимъ же евангеліемъ замѣнить норманистамъ свое ученіе? [1]) Въ этомъ отношеніи непростительно, со стороны побѣдителей, что сами-то они промежъ себя не разобрали до сихъ поръ, которое изъ ихъ новыхъ варяго-русскихъ евангелій надо считать каноническимъ и которое — апокрифомъ. Во избѣжаніе же обвиненія въ преувеличеніи, мы здѣсь представимъ въ возможно краткомъ изложеніи, какъ велика разноголосица новыхъ евангелій относительно 4 изъ главныхъ пунктовъ ученія.

1) *Призваніе* Рюрика и двухъ его братьевъ, по убѣжденію многихъ норманофобовъ, — не историческій фактъ, а легенда, возникшая (по однимъ въ Кіевѣ, по другимъ въ Новгородѣ) въ XI столѣтіи и даже позже. Еще Погодинъ требовалъ объясненія, съ какою же цѣлью могли сложить подобную легенду. Отзывы антинесторовцевъ по этому поводу были до сихъ поръ какъ-то неопредѣленны и взаимно другъ другу противорѣчили. Спору нѣтъ, что очень удобно всякій неправящійся намъ историческій фактъ устранять объявляя его легендарнымъ или сказочнымъ. Нѣтъ, говорятъ другіе антинорманисты, *призванія* нельзя отвергать, но дѣло въ томъ, что призваны-то были не Норманы, а Варяго-Русы (т. е. Rugi) съ острова Рюгена изъ славянскаго племени Руянъ. Совсѣмъ не то! говорятъ третьи: призваны были одни славянскіе Варяги изъ померанскаго ли, или изъ оботрит-

[1]) Г. Костомаровъ (Русск. Старина 1877 г. I, 165) приписываетъ школѣ норманистовъ «безусловную вѣру въ какое-то евангеліе».

скаго „варяжскаго поморья“, — все равно, а не Русы. По голословному предположенію иныхъ, Варяго-Русы пришли изъ Литвы отъ устій Нѣмана. Иные проповѣдуютъ, даже въ учебникахъ русской исторіи, что вѣроятно призваны были Славяне *и* Норманы, жившіе неизвѣстно гдѣ по Балтійскому морю въ братской любви и согласіи. Кто жь правъ? Къ какой же дружинѣ примкнуть экснорманистамъ?

Послѣдователи норманской школы давно уже проложили себѣ иную дорогу: они считали, что если извѣстное изреченіе Чуди и Славянъ „земля наша велика и обильна“ и было почти слово въ слово произнесено послами кельтскихъ Бриттовъ [1]), отправленными къ сакскимъ воеводамъ, то отсюда отнюдь еще нельзя заключать, какъ-то дѣлаютъ антинорманисты, что оба историческихъ факта, — призваніе воеводъ на британскіе острова въ 5 ст. и призваніе князей въ новгородскую землю въ 9-мъ, — слѣдуетъ отнести къ области вымысловъ. Согласно законамъ сравнительной исторіи былинъ и преданій, послѣдователи норманской школы допускали оба призванія, какъ историческіе *факты* на томъ основаніи, что при отсутствіи факта призванія варяжскихъ князей не могла бы никоимъ образомъ къ русскому преданію пріурочиться и вышеупомянутая формула посольской рѣчи. (См. Каспій, стр. 394). Съ цѣлью ослабить этотъ доводъ со стороны двухъ варягоборцевъ высказывалось предположеніе, что это изреченіе „земля наша велика и обильна“ зашло изъ Россіи въ Британію, гдѣ оно и было связано преданіемъ съ фактомъ призванія Саксовъ. Стоитъ только бросить взглядъ на лѣтопись Сакса Видукинда, современника св. Ольги, на англійскіе источники и на встрѣчающіеся въ другихъ мѣстахъ варіанты извѣстнаго изреченія пословъ, чтобы убѣдиться въ полной несостоятельности подобнаго предположенія. Что же тутъ дѣлать смущеннымъ экснорманистамъ? Держаться ли имъ сравненія обѣихъ сагъ, или же послѣдовать за тѣми норманофобами, которые преспокойно разрѣзаютъ узелъ вмѣсто того, чтобы его раз-

[1]) См. мою статью въ соч. Погодина: «Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси. Приложеніе къ 6 тому Зап. Акад. Н. № 2. 1864», стр. 58—64 и сравн. Каспій, стр. 394.

вязать? Или не послѣдовать ли имъ за знаменемъ тѣхъ, которые открыли прямой морской торговый путь между Новгородомъ и Рюгеномъ или Травою, существовавшій будто бы до Рюрика? Да, господа антинесторовцы, — по вашему приговору, экснорманисты народъ темный: такъ сжальтесь же надъ заблуждавшимися толкователями Русской лѣтописи и укажите имъ дорогу изъ этого лабиринта. Вы должны оказать имъ эту услугу въ виду также и собственныхъ вашихъ интересовъ. Вамъ самимъ, т. е. какъ полнымъ антинорманистамъ, такъ и полунорманистамъ, — необходимо либо покончить путемъ взаимнаго соглашенія ту „усобицу“, которую вы ведете между собой по поводу преданія о призваніи князей, либо ожидать третейскаго суда отъ кого-нибудь, „который бы судилъ насъ всѣхъ по праву“. Если это призваніе сказка, то разсказъ о немъ долженъ быть исключенъ изо всѣхъ учебниковъ въ Европѣ и въ остальныхъ частяхъ свѣта. Въ этомъ случаѣ вѣдь спросятъ же: на какомъ это дѣлается основаніи? А на этотъ вопросъ и Погодинъ уже получалъ отвѣты, которые, по его мнѣнію, были просто ребяческими. Въ остальной Европѣ относительно анализа подобныхъ историко-эпическихъ сказаній ученые имѣютъ передъ собою болѣе долговременный опытъ и потому при разрѣшеніи ихъ слѣдуютъ твердо установившимся строго научнымъ пріемамъ. Лазейка, что, молъ, Европѣ до этого вопроса нѣтъ никакого дѣла, въ наши дни не пройдетъ даромъ даже босфорскимъ бусурманамъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о призваніи князей стоитъ вопросъ объ историческомъ существованіи Рюрика. Гг. Костомаровъ, Иловайскій и *комп.* считаютъ его чисто миѳическимъ лицемъ. Но гдѣ же основанія подобнаго мнѣнія и какая его цѣль? Гдѣ доказательства миѳической природы Рюрика, собранныя согласно строгимъ требованіямъ современной науки о миѳахъ? Эти миѳоманы до сихъ поръ еще въ долгу передъ нами и передъ ученымъ міромъ Европы, такъ какъ они вовсе не доказали, что краткое извѣстіе о родоначальникѣ русскаго княжескаго дома есть плодъ одного воображенія, а не преданіе, сохранившееся *впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній* въ томъ же княжескомъ родѣ. Мы вправѣ требовать отъ антинесто-

ровцевъ, чтобы они хотя этотъ-то долгъ погасили въ толстой книгѣ своихъ долговъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ навлечь на себя упрекъ въ томъ, что, желая блеснуть въ глазахъ толпы, играютъ они словомъ „миѳъ", не въ состояніи будучи и сами то, какъ оказывается на дѣлѣ, уяснить себѣ разницу между миѳомъ и исторической сагой. Пока, мы ограничимся ссылкою на простое сужденіе Погодина (Борьба стр. 224, 279, 309, 361, 369) и прибавимъ только одну замѣтку о дочеряхъ Рюрика.

Отецъ *Владиміра* извѣстенъ намъ изъ византійскихъ писателей— это *Свѧтославъ* (по болгарскому правописанію). Отецъ послѣдняго назывался у Византійцевъ *Ингор-ъ* (норманская форма съ перемѣною гласныхъ), по Ліудпранду *Inger*. Византійцамъ извѣстна также и жена послѣдняго *Эльга* (норманская же форма Helga), а Адальбертъ знаетъ ее подъ ея христіанскимъ именемъ *Helena*; Исландцы зовутъ ее *Alogia*, но по ошибкѣ считаютъ женою Владиміра. Извѣстенъ ли былъ *отецъ Игоря?* Лѣтописецъ отвѣчаетъ на это утвердительно и даже называетъ его по имени при имени сына. Этого отца мы не признаемъ! трубятъ антинесторовцы. Но мало того, у Игоря было еще двѣ сестры, которыхъ существованіе доказалъ въ 1810 г. Кругъ, очень гордившійся своимъ открытіемъ, такъ какъ оно помогло ему защитить подлинность договора 944 года[1]). Изъ этого офиціальнаго до-

---

[1]) Von dem Netiй der russischen Chronik (Byzantische Chronologie. 1810, p. 210—215). Можетъ быть, одинъ изъ двухъ нетіевъ Игоревыхъ скрывается подъ племянникомъ (ὁ ἀνεψιός) св. Ольги, проводившимъ въ 957 г. свою тетку въ Византію.

Погодинъ до конца своей жизни (Борьба, стр. 309) не умѣлъ понять, что русское слово, встрѣчающеёся также у другихъ славянскихъ племенъ, не могло быть заимствовано у Норманновъ. Вслѣдствіе этого И. И. Срезневскій (Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1850, стр. 148; срав. теперь Словарь Миклошича) отстаивалъ славянское происхожденіе слова «нетій», встрѣчающагося два раза въ Игоревомъ договорѣ. Но все-таки славянское происхожденіе его болѣе чѣмъ сомнительно. Вошли же въ нѣмецкій языкъ Onkel и Tante въ замѣнъ старинныхъ Oheim и Muhme.

Протоарійское напта (откуда греч. ἀνεψιός, лат. nepos, др.-нѣм. nëfo, исл. nefi; nefi Knúts = сестричинъ короля Кнута и т. д.) безъ сомнѣнія, было въ употребленіи и у славяно-литовскаго племени, но замѣнено какъ Литовцами такъ и Славянами, другими выраженіями. Слово нетій вошло въ сла-

кумента мы узнаемъ даже имена обоихъ сыновей этихъ сестеръ Игоря: ихъ звали *Акунъ* и *Игорь* — все чисто норманскія имена въ славянской формѣ, изъ которыхъ Игорь и Рюрикъ долго держались въ княжескомъ родѣ. Съ какою цѣлью было лѣтописцу выдумывать для Игорева отца чисто скандинавское имя *Рюрика*, а не другое славянское или скандинавское имя? На этотъ вопросъ антинесторовцы, не срамясь на всю Европу, никогда не дадутъ связнаго положительнаго отвѣта. Даже такому завзятому скептику какъ г. Гедеоновъ этотъ легкій способъ отрицанія показался совершенно ненаучнымъ не вслѣдствіе теоретическихъ только соображеній, но также и потому, что г. Гедеоновъ знакомъ съ исходомъ подобныхъ скептическихъ попытокъ въ исторической литературѣ вообще. Понятно, что норманофобамъ претятъ норманскія формы княжескихъ именъ, какъ-то Рюрикъ, и др., особенно послѣ замѣчанія Погодина (Борьба, стр. 279):

„Имена Рюрикъ, Олегъ, Руальдъ, Свѣнальдъ,—какъ вы ихъ ни мучьте, не отзовутся вамъ по-славянски“.

Вами, господа антинесторовцы, допускается же историческое значеніе родословій, въ родѣ списка князей или хановъ языческихъ Болгаро-Тюрковъ (см. ниже стр. 128) и множество подобныхъ памятниковъ и не считаете же вы упоминаемыя въ нихъ имена выдуманными только на томъ основаніи, что изъ этихъ именъ два или три не встрѣчаются у Византійцевъ. Если бы русская лѣтопись назвала намъ имя отца Рюрика и имя его дѣда и т. д. и дала имъ въ родоначальники Одина или Ингви, то въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, сомнѣніе было бы позволительно и тогда пришлось бы ради осторожности въ изложеніи историческихъ фактовъ обозначать въ учебникахъ русской исторіи отца Игоря буквами NN. На скандинавскомъ сѣверѣ распространено было множество родословій, которыя вначалѣ передавались

вянскій языкъ вѣроятно во время владычества Готовъ. Коренная придыхательная f (происшедшая изъ p по извѣстному закону передвиженія согласныхъ) исчезла въ готской и скандинавскихъ формахъ вслѣдствіе перехода твердаго t въ придыхательныя þ (th) и đ (dh). Готскому nithij-s соотвѣтствуетъ норв.-исландское oidh-r (см. Словарь Вигфуссона, стр. 454), др.-шв. nith, nithar(arf) и др.-датск. (na)nithi.

отъ одного поколѣнія другому устно, при чемъ конечно имена и порядокъ именъ не избѣгали искаженій, а впослѣдствіи записывались въ лѣтописи и саги. Имя родоначальника княжившаго въ Кіевѣ дома могло очень легко сохраниться въ памяти потомства его впродолженіе трехъ, четырехъ поколѣній посредствомъ устной передачи отъ одного поколѣнія другому, пока наконецъ не было записано лѣтописцемъ. Но антинесторовцы разъ на всегда покончили съ Рюрикомъ и намъ остается въ утѣшеніе только размышлять о томъ, имѣли ли, дѣйствительно, Игорь и его сестры отца, или нѣтъ? Можетъ статься, послѣднее покажется невозможнымъ. Отчего же? У средневѣковыхъ лѣтописцевъ и у нашихъ миѳомановъ все возможно. Выдумалъ же самъ преподобный Несторъ небывалаго отца для убійцъ Бориса Владиміровича: „Суть же имена симъ законопреступникомъ — Путьша, и Талецъ, Еловитъ, Ляшьско, отецъ же ихъ Сотона". Далѣе, разсказываютъ же Адамъ-бременскій и Чукча Дауркинъ, что амазонки въ Ботническомъ заливѣ и въ Ледовитомъ морѣ оплодотворяются первыя — черезъ питье воды, а вторыя морскими волнами во время купанья (см. ниже стр. 80). Наши любители миѳовъ этому, конечно, не повѣрятъ и только потому не повѣрятъ, что Адамъ-бременскій и Дауркинъ были не болѣе какъ современниками упоминаемаго ими факта, но отнюдь не очевидцами и не участниками его.

Согласимся съ крайними норманофобами, что Игорь и его сестры не имѣли отца, что Рюрикъ — нарочно выдуманное лице, что вся Несторова лѣтопись наполнена всякаго рода баснями, сказками и невѣрными преданіями, что сказаніе о призваніи Варяго-Русовъ Финнами и Славянами чистѣйшій миѳъ или по крайней мѣрѣ принадлежитъ къ числу странствующихъ сагъ, — какъ согласовать съ этими голословными предположеніями свидѣтельства иностранныхъ авторовъ IX и X вѣка о появленіи какихъ-то, прежде на Черномъ и Каспійскихъ моряхъ не виданныхъ и не слыханныхъ моряковъ Русо-Норманову? По какому поводу венеціанскій лѣтописецъ, папа Николай, императоръ Людовикъ II, Ломбардъ Ліудпрандъ, независимо другъ отъ друга, приводятъ въ ближайшую связь между собою имена Русовъ и Норманов? Почему императоръ Левъ не упоминаетъ о „такъ

называемыхъ Сѣверныхъ Скиѳахъ“ въ Главѣ о Славянахъ и ихъ военномъ устройствѣ, а посвящаетъ имъ отдѣльный параграфъ въ Главѣ о морскомъ дѣлѣ, гдѣ, опять, помину нѣтъ о Славянахъ? Что заставило императора Константина-багрянороднаго, неизвѣстнаго автора сказаній, сохранившихся у Персіянина Кардизи и у Персо-Араба Ибнъ-Дустеха, и наконецъ, Араба Масъуди строго отличать Славянъ отъ Русовъ, какъ два отдѣльныхъ народа? Всѣ попытки ослабить смыслъ этихъ свидѣтельствъ окажутся тщетными какъ въ отношеніи Нормановъ и Пагановъ 865 г., упоминаемыхъ Итальянцами, такъ и въ отношеніи Кардизи. Если же самый *фактъ* призванія потрясенъ, то на основаніи упомянутыхъ свидѣтельствъ все же остается допустить, что какіе-то норманскіе моряки, не изъ рода прѣсноводныхъ, насильно утвердились въ землѣ Чуди и Славянъ, и на берегахъ Киммерійскаго босфора, подобно Норвежцу Ролло въ Нормандіи, датскимъ Іомсвикингамъ въ Помераніи, ютскимъ князьямъ Рорику старшему и младшему во Фрисландіи, датскому Акуну въ прусской Самландіи и многимъ другимъ атаманамъ норманскихъ дружинъ на Британскихъ островахъ. Другими словами, мы должны бы были тогда непремѣнно предположить *завоеваніе* Норманами сѣверозападной части нынѣшней Россіи, — предположеніе тѣмъ болѣе возможное, что гораздо болѣе обширная область на юго-востокѣ уже была *завоевана* и впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній принадлежала Хазарамъ. Или не пожелаютъ ли противники Нестора и этого факта вычеркнуть изъ русской лѣтописи? Поступая послѣдовательно, они должны бы были рѣшиться на это. Едва ли только имъ кто повѣритъ, что Хазарамъ приписано было завоеваніе лишь кѣмъ-нибудь изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Если Несторъ и нашелъ что-нибудь записаннымъ раньше, то навѣрно извѣстія о походахъ предпринимавшихся варяго-русскими князьями съ 882 по 966 годъ съ цѣлью освобожденія Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей отъ гнета азіатскаго деспотизма. Но въ такомъ случаѣ и вытѣсненіе Хазаръ изъ главнаго города Полянъ, Кіева, Аскольдомъ и Диромъ является вполнѣ естественнымъ фактомъ, хотя бы извѣстіе о немъ и было заимствовано Несторомъ изъ устныхъ преданій, а не изъ письменныхъ источниковъ.

Вообще владычество Хазаръ надъ Славянами вполнѣ подтверждается Арабами и между прочими также и Ибрагимомъ Ибнъ-Якубомъ, который не могъ себѣ иначе представить властвованія Русовъ въ землѣ Славянъ, какъ слѣдствіемъ завоеванія, такъ какъ о призваніи Русовъ ему ничего не было извѣстно. Впрочемъ видно изъ иностранныхъ источниковъ, упоминающихъ объ отношеніяхъ Варяго-Русовъ къ Славянамъ, что это завоеваніе вовсе не было похоже на завоеванія напр. Франковъ въ Галліи, Мадьяровъ въ Панноніи, нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи, Лифляндіи и т. п., и не сопровождалось ни лишеніемъ поземельной собственности, ни лишеніемъ личной свободы. А такое положеніе туземнаго народонаселенія несовмѣстно съ понятіями властителей и народовъ среднихъ временъ о завоеваніи.

←XX Со временемъ, можетъ быть, многіе норманофобы зададутъ себѣ вопросъ: „Да не лучше ли уже, вмѣсто завоеванія допустить призваніе“? Косвенно оно подтверждено однажды свидѣтельствомъ Сакса Видукинда. Что же касается существованія самыхъ поводовъ къ призванію, то оно подтверждается поразительными примѣрами подобныхъ же призваній въ средніе вѣка, какъ у Славянъ, такъ и у другихъ народовъ (См. также ниже стр. 166). Рѣшеніе, принятое взаимно-враждовавшими финско-славянскими племенами, было *геройское*. Послѣдствія доказываютъ лучше всего политическую прозорливость тѣхъ, кто впервые сознали недостатокъ государственнаго центра и стали искать его въ монархіи. Другіе Славяне не нашли въ себѣ достаточно нравственныхъ силъ для подобнаго геройскаго рѣшенія и потому погибли. Еще около 600 года, одинъ Грекъ-сановникъ или императоръ Маврикій, писавшій о внутреннемъ состояніи Славянъ-язычниковъ подмѣтилъ болѣзнь, препятствовавшую славянскимъ племенамъ отказаться отъ ихъ политически обособленной жизни и сплотиться въ прочную государственную форму; болѣзнь эта — ложное понятіе о личной свободѣ. По свидѣтельству Маврикія у Славянъ было много князьковъ, которые жили между собою въ постоянномъ несогласіи (ἀσυμφώνως). Также и императоръ Левъ, списавшій трудъ Маврикія и распространившій его согласно измѣнившимся обстоятельствамъ, очень выразительно замѣтилъ, что Славяне (южные) вслѣдствіе своего стремленія

къ племенной независимости „согнули свою выю подъ ярмо греческаго владычества (ἐξουσία)“. Столь же неразумны были и Славяне Пелопониса: они хотѣли жить исключительно про себя [1]) и не признавать никакого верховнаго властелина (ὥσπερ αὐτόνομοι καὶ αὐτοδέσποτοι). Кончалась же эта древнеславянская свобода тѣмъ, что „погибоша аки Обрѣ; ихже нѣсть племени, ни наслѣдъка“. И что главнымъ образомъ помогло нѣмецкимъ средневѣковымъ тираннамъ покорить и стереть съ лица земли балтійскихъ и другихъ Славянъ? На этотъ вопросъ мы, по всей вѣроятности, не найдемъ утѣшительнаго отвѣта въ исторіи ихъ, хотя новѣйшіе изслѣдователи политической судьбы и внутренняго быта этихъ племенъ обыкновенно объ этомъ молчатъ, приписывая ихъ погибель одному фанатизму Нѣмцевъ и Датчанъ.

2) Другимъ главнымъ спорнымъ предметомъ былъ до сихъ поръ вопросъ *о происхожденіи и первоначальномъ распространеніи названія Варягъ.* Одни изъ антинесторовцевъ соглашаются, что это слово скандинавское, но не могутъ еще до сихъ поръ понять, почему коренная гласная въ немъ необходимо была прежде долгою (â) и потому впадаютъ въ совершенно ненаучное производство этого слова изъ норвежско-исландскихъ основъ съ короткою а (ă). Другіе принимаютъ его за слово славянское, которое образовалось въ Россіи, какъ названіе извѣстнаго племени, какъ этническое выраженіе; при этомъ, само собой разумѣется, является на сцену такая этимологія, которая, по мнѣнію экснорманистовъ, существовала развѣ до появленія славянской граматики. Нѣтъ, снова слышится возраженіе, слово это заимствовано у Вендовъ, жившихъ по берегамъ Балтійскаго моря, у которыхъ оно имѣло форму Warang, и обозначало собственно „мечъ“, тогда какъ другіе антинорманисты не допускаютъ даже возможности самаго существованія такой вендской формы, какъ „Warang“. Третьи вызываютъ изъ могилъ славянскихъ Вагріевъ, нисколько не стѣс-

[1]) «Поляномъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ...»

«Изъгнаша Варяги за море ...и почаша сами въ собѣ володѣти, ... и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся».

нясь тѣмъ, что такая наивная этимологія дозволительна была только во времена Герберштейна, 350 лѣтъ тому назадъ, и не подозрѣвая, что Вагріи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было ничто иное, какъ употреблявшееся въ восточной Гольштиніи нѣмецкое (саксое) названіе Оботритовъ (Бодричей). Иные остаются при мнѣніи, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись всякіе Европейцы вообще, и при этомъ упускаютъ изъ виду, что въ древне-русской лѣтописи поселенія забалтійскихъ Варяговъ ограничены мѣстностями, заселенными Скандинавами въ Швеціи, на Готландѣ, въ Норвегіи и владѣніями норманскихъ завоевателей въ Нормандіи и въ Англіи; они упускаютъ изъ виду также и то, что только съ 11 ст. называютъ вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ Варягами скандинавскихъ папистовъ, а впослѣдствіи и всякихъ папистовъ вообще. Наконецъ въ послѣднее время разнообразія ради стали выдавать выраженіе Варягъ за слово чудское, а одинъ ярый, какъ кажется, но юный антинорманистъ пытался даже сбить Норманновъ съ позиціи при помощи Санскрита и доказывалъ совсѣмъ не шутя, что слово Варягъ прямо происходитъ отъ Санскрита.

Противъ такой фаланги этимологовъ экснорманисты могли выставить одно только положеніе, состоящее въ томъ, что по непреложнымъ законамъ фонетики норвежско-исландская форма Væringi и славянская Варягъ заставляютъ во всякомъ случаѣ предполагать существованіе др.-шведской формы Wâring (съ удареніемъ на долгой коренной гласной а), а потому по аналогіи подобныхъ выраженій экснорманисты предполагали, что первоначально это слово имѣло лишь *военное* или *военно-служебное* значеніе, а впослѣдствіи во времена Рюрика или еще раньше его восточные Славяне стали употреблять это слово, удобства ради, для обозначенія Скандинавовъ вообще. Въ настоящее время, норманисты, упавъ съ седьмаго неба, конечно, слишкомъ еще оглушены, чтобы выбрать изо всей вышеприведенной варяжской чаромутіи себѣ что-нибудь по вкусу; а потому имъ, конечно, было бы пріятно, если бы ихъ побѣдители, — какъ безусловные, такъ равно и условные антинорманисты, — услышали ихъ покорнѣйшую просьбу и согласились между собою относительно того, что посовѣтовать выбрать изъ вышеприведенной антологіи раскаявшимся грѣшникамъ для

обращенія ихъ на путь истины и для поученія ихъ уму-разуму. Если же побѣдители откажутъ имъ въ этой скромной просьбѣ, и тѣмъ заявятъ, что среди ихъ самихъ не можетъ быть никакого единства, то экснорманистамъ не останется ничего болѣе дѣлать, какъ подумать, что каждый изъ этихъ побѣдителей нашелъ философскій камень.

3) Послѣ роковаго 1876 года норманисты остались также въ полномъ недоумѣніи и на счетъ *происхожденія названія Руси*. Погодинъ чуть ли не до боли въ пальцахъ дописался[1]), стараясь растолковать гг. Костомарову и Иловайскому, что Русь не туземное названіе, но названіе, принадлежавшее первоначально одному Рюрику съ его родомъ. При этомъ Погодинъ напрасно главнымъ образомъ ссылался на Нестора или такъ наз. редактора „Повѣсти времянныхъ лѣтъ“. Казалось бы, искусные діалектики могли противупоставить этому взгляду какія-нибудь положительныя свидѣтельства; но и тутъ, къ сожалѣнію, наши ожиданія не оправдываются. Прежде норманисты полагали, что они, послѣ долгихъ изысканій добрались если не до значенія слова Русь, то по крайней мѣрѣ до древней формы, отъ которой это слово произошло. Весь ихъ выводъ можетъ быть изложенъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: Въ наше время Шведы зовутъ Русскихъ Ryss-ar (Единств. ч. Ryss; y = краткому франц. u); но эта форма сравнительно недавняя и образовалась чрезъ извѣстное уподобленіе звуковъ d и s изъ болѣе древней формы Ryds-ar (съ долгимъ y). Дѣйствительно, въ многочисленныхъ средне-шведскихъ источникахъ и грамотахъ отъ 13 до 16 ст., и въ нѣкоторыхъ еще болѣе позднихъ памятникахъ какъ Новгородцы, такъ равно и подданные великихъ князей московскихъ постоянно называются — Rydsar. На основаніи значительнаго числа аналогичныхъ случаевъ, какъ въ средне-шведскомъ языкѣ, такъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, „y“ должно считать перегласовкою звука „û“, и слѣдовательно и слово Rydsar можно смѣло считать происшедшимъ отъ Rûdsar. Rûds, конечно, не случайно является созвучнымъ съ чудскимъ названіемъ Шведовъ, въ коллективной формѣ Rôtsi (по-вотски; по-эстонски Rôt's; по-фински обыкновенно Ruotsi,

[1]) См. Борьбу 1874 г., стр. 153, 202, 291, 306, 346.

и кромѣ того діалектическая форма съ ассимиляціей Ruossi и Ruotti). Само склоненіе слова Rôtsi уже доказываетъ, что форма его не исконная финская, а заимствованная у какого-то чуждаго народа. Срав. настоящее финское слово Suomi (см. ниже стр. 80), род. пад. Suom*e*n съ заимствованнымъ именемъ (nomen peregrinum, n. foris assumtum) Ruotsi, род. пад. Ruots*i*n, а не Ruots*e*n, какъ слѣдовало ожидать, если бы оно было туземнымъ. Финск. Suom*e*n kieli (Fennorum lingua) = эст. Sôm*e* kêl'; Ruots*i*n kieli (Svecorum lingua) = Rôt's*i* kêl'.

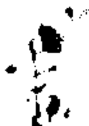
Что можетъ быть естественнѣе какъ заключить изъ созвучія Ryds и Rôts-i, что первоначально балтійская Чудь если и не всѣхъ Шведовъ, то какой-то видъ ихъ (какой-нибудь изъ княжескихъ родовъ, которыхъ было весьма много) обозначала именемъ Rôtsi [1]) и что сами забалтійскіе Шведы, когда переселилась вслѣдствіе призванія вся масса или только часть этихъ Rôtsi въ Ладогу, въ Новгородъ и т. д., стали называть ихъ тѣмъ же именемъ. Только въ такомъ случаѣ станетъ понятно, почему явившихся изъ Византіи на берегахъ Рейна „Рôсовъ“ Франки признали за (видъ) Шведовъ (gentis Sueonum). Но объ этомъ историко-этимологическомъ доказательствѣ (Rôtsi = Ryds) ни въ 1876 г., ни въ 1877 г. ни одинъ изъ варяжскихъ витязей не удостоилъ даже упомянуть. Должно предполагать, что норманофобы или считаютъ себя безсильными въ виду подобнаго донода, или же считаютъ самый доводъ столь ничтожнымъ, что на него по праву можно отвѣчать только молчаніемъ, великодушно наблюдая относительно побѣжденныхъ норманистовъ правило: „лежачаго не бьютъ“. Такъ какъ первое предположеніе обидно, то принимаемъ второе. Послѣ объявленія окончательной несостоятельности норманской школы, слѣдуетъ, конечно, ожидать, что между богатырями-побѣдителями о Ryds = Ryss и Rôtsi не будетъ болѣе рѣчи. *Но въ этомъ случаѣ трудно уже и предвидѣть, что выйдетъ, если*

[1]) Очень можетъ быть что Rôtsi служило и для обозначенія языческихъ Датчанъ, тѣмъ болѣе что они самые близкіе родственники [illegible], отъ которыхъ, судя по грамматическому складу и лексикал[illegible]мъ особенностямъ обоихъ нарѣчій, окончательно отдѣлились вѣроятно не[illegible] до выѣзда Англосаксовъ на британскіе острова.

феннологи безо всякаго отношенія къ варяжскому вопросу, чисто изъ лингвистическихъ основаній *будутъ настаивать на Ryss=Ryds=Rôtsi, какъ на фактѣ неопровержимомъ?* То будетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, для антинесторовцевъ ударъ гораздо болѣе тяжкій, чѣмъ обрушившійся на норманскую школу въ годину варяжскаго побоища (т. е. 1876 г.). Во всякомъ случаѣ, пренебрегать такимъ противникомъ, какъ Финнъ, опасно, особенно когда онъ раздраженъ, потому что въ эту минуту у него проявляется твердость духа, которую можно сравнить развѣ съ твердостью скалъ его родной страны. Слѣдуетъ замѣтить, что феннофаны и безъ того стоятъ уже на сторонѣ преподобнаго Нестора, такъ какъ имѣютъ основаніе думать, что антинесторовцы, за исключеніемъ одного только Д. Ѳ. Щеглова, игнорируютъ по особому поводу то участіе, которое принимала въ призваніи варяжскихъ князей многочисленная Чудь. По мнѣнію феннологовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что область, добровольно подчинившаяся Рюрику и его братьямъ, была населена преимущественно Чудью и что Славяне, по крайней мѣрѣ новгородскіе, чтобъ перебраться за море, вмѣсто длинной окольной дороги на Псковъ или на Ладогу, отправились прямо къ Финскому заливу, съ тѣмъ, чтобы оттуда уже перебраться далѣе на финскихъ судахъ по пути, хорошо знакомому береговымъ Финнамъ. При такихъ убѣжденіяхъ феннологовъ, антинесторовцамъ будетъ трудновато объяснить имъ, что Rôtsi исконное финское слово, а не заимствованное во времена сѣдой древности отъ самихъ Шведовъ [1]). Пока антинесторовцамъ не удастся убѣдить феннологовъ въ правильности предположенія о финскомъ корнѣ слова Rôtsi, принятаго *помимо сравнительной грамматики чудско-балтійскихъ нарѣчій*, по тѣхъ поръ, по мнѣнію

[1]) Датскій феннологъ Вильгельмъ Томсенъ тоже не задумался отнести слово Rôtsi къ числу иностранныхъ словъ въ чудскомъ языкѣ, не смотря на то, что онъ, также какъ и всѣ другіе, не замѣтилъ существованія средне-шведской формы Ryds. Томсенъ, какъ ученый, стоитъ вообще на высотѣ современнаго языковѣдѣнія и получилъ въ первый еще разъ выданную премію Боппа за свое сочиненіе, напечатанное въ 1869 г. на датскомъ языкѣ. Нѣмецкій переводъ его вышелъ подъ заглавіемъ: Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Halle 1870.

пессимистовъ, все зданіе ихъ научныхъ гипотезъ будетъ точить опасный червякъ, котораго не извести имъ ни за́говорами, ни діалектикой.

Пусть несостоятельнымъ норманистамъ отказываютъ въ правѣ возражать на то, что ихъ мнѣніе о формальной и матеріальной связи между Ryds и Rôtsi построено на пескѣ; но нельзя же отказать имъ въ правѣ допытываться съ цѣлью собственнаго поученія, — что же положительнаго создали сами побѣдители на мѣстѣ отвергаемаго ими норманскаго, или лучше несторовскаго ученія о Руси и ея отношеніяхъ къ заморскимъ Варягамъ? Погодинъ обратился съ подобнымъ вопросомъ къ одному изъ своихъ противниковъ, который въ 1871 г. снова объявилъ норманской школѣ безпощадную войну. Отвѣтъ былъ такъ жалокъ, что по поводу его Погодинъ могъ сказать только нѣсколько словъ, содержаніе которыхъ можно передать словами римскаго поэта:

Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus.

Тѣмъ не менѣе однако въ 1877 г. новая мудрость снова подается къ столу какъ „crambe decies recocta“. 300 лѣтъ спустя послѣ Герберштейна г. Иловайскій пытается насъ безъ всякихъ шутокъ убѣдить, что праотцами морскаго народа Русовъ были Роксолане, — народъ конный. Подобная попытка смѣлѣе даже требованія повѣрить въ непогрѣшимость папы. Кто въ наши дни связываетъ Роксоланъ съ Русью, тотъ, по мнѣнію иранистовъ, только заявляетъ о томъ, что онъ не знаетъ ни аза́ въ лингвистической азбукѣ. Кто отождествляетъ орду Роксоланъ съ языческими Славянами, тотъ высказываетъ очень низкое мнѣніе о нравственномъ бытѣ послѣднихъ. Впрочемъ, В. Г. Васильевскій уже назвалъ этотъ взглядъ „нелѣпымъ“ (см. Журн. М. Нар. Пр. 1876, Ч. 185, стр. 395). — Другой противникъ норманства изъ степей тащитъ насъ на Волгу, обращая Русь въ волжскую Чудь. Отчего и не обращать? — бумага все терпитъ. Съ другой стороны насъ тащатъ за море на островъ Рюгенъ. Еще Стрійковскій и средне-вѣковые писатели считали Руги и Русы за тождественныя имена. Въ то время не требовалось никакихъ доказательствъ ни лингвистическихъ, ни историческихъ, теперь же такую химеру, коль

скоро она снова появляется на свѣтъ, предаютъ совершенно заслуженному забвенію. — Не одинъ строгій судья ведетъ насъ снова на устье Нѣмана, текущаго въ Курищъ-гафъ, когда-то зовомый Русною. Но отчего же Русна именно должна быть въ связи съ Русью — этого доказать ни у кого изъ нихъ не хватаетъ искусства; между тѣмъ другіе полагаютъ, что слово Русна могло быть скорѣе готскимъ или нѣмецкимъ, такъ какъ Нѣманъ есть рѣка „языка нѣмаго“, т. е. Нѣмцевъ [1]) и Плиніемъ называется Guthalus (Готы звали себя во множественномъ числѣ Gut-ans). То и другое предположеніе, конечно, остаются недоказанными; ибо никто не присутствовалъ при крещеніи рѣкъ, озёръ и т. д.— Бо́льшаго вниманія, по видимому заслуживаетъ попытка связать слово Русь съ именами различныхъ рѣкъ (Росъ, Рось, Руса), тѣмъ болѣе что число этихъ, правда, незначительныхъ рѣчекъ велико. Попытка эта не нова, хотя филологи-словенисты до сихъ поръ довольно мало занимались этимъ предметомъ. Предполагаютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ названій сокращены изъ двухсложныхъ формъ, подобно греческому ὁ ῥοῦς (изъ ῥόος, см. Curtius, Grundzüge der gr. Etym. Wurz. ῥυ) и иранской формѣ названія Волги, ῾Ρῶς. — Долгое время, и почти до настоящей поры щеголяли открытіемъ историческихъ свидѣтельствъ о понтійскихъ Русахъ до Рюрика; строгая критика опровергла всѣ эти свидѣтельства одно за другимъ и обнаружила полную ихъ несостоятельность. То оказывалось, что свидѣтельство основывалось на ложномъ чтеніи памятника, то обнаруживалось, что имя Русь вставлено было въ древній памятникъ позднѣйшимъ переписчикомъ и т. д. Только одинъ изъ антинесторовцевъ понялъ, сколь желательно и даже сколь необходимо для полнаго пораженія сторонниковъ Нестора отыскать въ какомъ-нибудь памятникѣ „поминъ о народѣ или объ имени Русь въ до-Рюриковскую эпоху“; но въ то же время г. Гедеоновъ (Варяги и Русь, стр. 557) заявилъ съ полной откровенностью, что „сдѣланныя до сихъ поръ на этомъ основаніи попытки оказались неудачными; Езехіилево ῾Ρῶς, ... мнимая Русь Моисея Хоренскаго..... — историческіе призраки и не болѣе“.

[1]) Рѣка Нѣманъ или Memel (изъ Nemel) называется у Литовцевъ Némunas, (Némonas), а у Латышей Namana, Namalis.

Кто изъ другихъ антинесторовцевъ могъ бы похвалиться подобнымъ самоотверженіемъ и рѣшился бы сознаться, что всѣ эти попытки открытія до-Рюриковской Руси вышли неудачными? За то антинесторовцы послѣ 1859 г. столько предлагали защитникамъ Нестора запросовъ, столько противъ нихъ возбуждали обвиненій, что изъ этихъ запросовъ и обвиненій могъ бы составиться особый сборникъ. И что за тонъ былъ этихъ допросныхъ и обвинительныхъ пунктовъ! Мы со своей стороны держаться этого тона не намѣрены, чтобы не придать чисто научному спору, — пользы котораго мы не отвергаемъ, — печать личнаго раздраженія; тѣмъ не менѣе однако должны же поборники Нестора высказать желаніе, чтобы антинесторовцы относительно имени Руси, по поводу котораго мнѣнія ихъ такъ далеко расходятся, согласились предварительно между собою. Никто не имѣетъ права требовать отъ несторовцевъ, чтобы они сами приняли на себя этотъ трудъ; да притомъ имъ нельзя не опасаться, чтобы подобное предпріятіе, — возьмись они только за него, — не было сочтено за дерзость съ ихъ стороны тѣми, кто такъ торжественно и часто возвѣщали несостоятельность норманской школы.

4) Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ главномъ предметѣ спора, относительно котораго всѣ антинесторовцы,—трудно повѣрить! — согласны между собою: это вопросъ, почему писатели, употреблявшіе латинскій языкъ, называютъ Русовъ IX и X стол. Norman'ами? Вопросъ этотъ тревожилъ еще Эверса, который понималъ, что въ этомъ фактѣ онъ, какъ антинорманистъ, встрѣчаетъ камень преткновенія. Онъ старался обойти этотъ вопросъ, но діалектика его не убѣдила ни Карамзина, ни Шафарика, ни Круга, ни Погодина. Послѣдніе двое и раскрыли всю слабость его доводовъ. Въ возраженіяхъ, которыя дѣлаются и до сихъ поръ норманистамъ по поводу извѣстнаго мѣста Ліудпранда, нельзя безъ чувства особеннаго самодовольства не видѣть повтореній все того же Эверсова толкованія, которое было окончательно опровергнуто еще возраженіями Круга и Погодина. Только одинъ изъ противниковъ Ліудпранда является въ этомъ отношеніи, равно какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, исключеніемъ — именно г. Гедеоновъ. Свидѣтельство Ліудпранда о томъ,

что Русы (Rúsii) то же самое, что *мы* (словомъ nos на языкѣ Ліудпранда обозначаются итальянскій и нѣмецкій народы) называемъ Норманами, старается г. Гедеоновъ ослабить инымъ путемъ, иными доводами и называетъ Ліудпранда ученымъ педантомъ, перепутавшимъ и перенесшимъ имя „Норманъ" на „Русовъ". Вслѣдъ за этой атакой г. Гедеоновъ (Предисловіе, стр. X) предлагаетъ защитникамъ Ліудпранда цѣлый рядъ категорическихъ вопросовъ, отъ отвѣтовъ на которые зависѣть будетъ, по его мнѣнію, рѣшеніе: „есть ли еще норманская система? и можемъ ли мы признать за норманскою школою даже право диспута"? По отношенію къ Ліудпранду предлагается вопросъ: „Какое значеніе придаетъ норманская школа въ настоящемъ 1876 году свидѣтельствамъ Ліудпранда и Константина...?" Представители остатковъ „de la grande armée normande" должны быть прежде всего благодарны г. Гедеонову за то, что онъ, по крайней мѣрѣ, не считаетъ, подобно настоящимъ норманоѣдамъ, норманскую школу за умершую, но полагаетъ ея дальнѣйшее существованіе въ зависимости отъ нѣкоторыхъ условій, хотя и питаетъ весьма слабую надежду на мало-мальски прочное возрожденіе ея. Простая вѣжливость уже должна заставить вопрошаемыхъ дать отвѣтъ. Въ отношеніи къ Ліудпранду можно пока указать только на то, что въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій немногихъ средневѣковыхъ историковъ изучили за границей такъ тщательно, какъ Ліудпранда со всѣми его недостатками. Несмотря на то, однако, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Ліудпрандъ осуждался учеными порицателями своими въ западной Европѣ именно за свою этнографическую терминологію, какъ невѣжда или какъ безтолковый писатель. Норманскіе „софисты" конечно будутъ на столько благоразумны, что не ограничатся въ своемъ отвѣтѣ однимъ свидѣтельствомъ Ліудпранда. Это было бы несовмѣстимо и съ требованіями хронолого-генетическаго метода. Эверсъ (по Байеру) зналъ только *одно* свидѣтельство подобнаго рода, именно, свидѣтельство Ліудпранда. Но Ломбардецъ Ліудпрандъ, писавшій около 960 г., является не древнѣйшимъ, а только младшимъ изъ писателей, отождествлявшихъ Норманов съ Русами. Съ 1838 года сталъ извѣстенъ *„Nortmannorum chaganus"* (упоминаемый въ посланіи импе-

ратора Людвига II отъ 871 года къ императору византійскому), а въ 1845 г. открыты *Normanorum gentes* венеціанской лѣтописи (выраженіе, относящееся къ Аскольдовой Руси 865 года). Теперь мы можемъ присоединить сюда свидѣтельство папы Николая отъ 865 года о поганыхъ, (pagani въ смыслѣ Normanni) и, наконецъ, прибавить еще свидѣтельство Араба Якуби о томъ, что „*Маг'усы, которые* (въ Малой Азіи около 890 г.) *называются Русъ*", ограбили въ 844 году Севилью, такъ какъ Арабы въ то время называли Маг'усами (язычниками) преимущественно Норманновъ, и такъ какъ эти же самые грабители Севильи современниками-лѣтописцами христіанской Испаніи называются ясно и вездѣ Normann'ами. Даже въ 1875 г., когда надъ норманистами уже занесенъ былъ мечъ, они зашли такъ далеко въ своемъ высокомѣріи, что дерзнули открыть, будто имя Норманновъ встрѣчается у самихъ Византійцевъ во времена Олега. По ихъ мнѣнію, встрѣчающееся только у одного императора Льва-мудраго названіе морскаго народа *такъ называемыхъ Сѣверныхъ Скиѳовъ* (Οἱ λεγόμενοι Βόρειοι Σκύθαι) должно быть въ силу однихъ уже филологическихъ основаній принято не въ географическомъ, а въ этнографическомъ смыслѣ и, можетъ быть, есть ничто иное, какъ греческая парафраза латинскаго выраженія „Normanni". Такъ ли это?

Такимъ образомъ у насъ теперь 4 свидѣтельства изъ IX и одно изъ X столѣтія, въ которыхъ выраженіе *Русы* употребляется какъ синонимъ *Норманновъ*. Съ этимъ соглашаются и антинесторовцы; но они прибѣгаютъ къ совершенно своеобразному толкованію вышеупомянутыхъ текстовъ съ цѣлью не видѣть въ нихъ подтвержденія словъ Нестора („къ Варягамъ къ Руси" = ad Normannos, qui vocantur Rusii). Ихъ, конечно, бранить нельзя, — слѣдуетъ напротивъ еще похвалить за то, что они предварительно задаютъ себѣ вопросъ: дѣйствительно ли подъ Норманнами эти писатели разумѣли тотъ же самый народъ, который разумѣемъ подъ этимъ именемъ и мы, т. е. Скандинавовъ? и если тотъ или другой (средневѣковый) писатель дѣйствительно понималъ это слово такъ же, какъ мы, то былъ ли онъ въ свое время достаточно хорошимъ знатокомъ народностей, чтобы отличать точно Норманновъ отъ Славянъ?

Выше уже было упомянуто, что антинесторовцы относительно существенныхъ сторонъ этихъ вопросовъ даютъ одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. Но нельзя не сознаться, что самыя основанія ихъ отрицаній любопытны. Одни изъ нихъ, какъ настоящіе sabreurs, много надъ отвѣтомъ головы не ломаютъ. У нихъ выходитъ коротко: латинскіе писатели принимали славянскихъ пиратовъ за норманскихъ, потому что они однихъ только послѣднихъ и знали. Откуда же это имъ извѣстно? Конечно уже не изъ тщательнаго изученія источниковъ. Подобный скороспѣлый отвѣтъ въ западной Европѣ обыкновенно прощается только начинающимъ исторіографамъ (historiens novices). Болѣе обдуманности встрѣчаемъ у антинесторовцевъ, высказывающихъ предположеніе, что латинскіе писатели употребляли слово „Nordmanni" также и въ чисто географическомъ значеніи, а слѣдовательно, разумѣли подъ этимъ словомъ въ числѣ прочихъ народовъ и Славянъ днѣпровскихъ, балтійскихъ и др. Въ пользу этого мнѣнія склоняется и г. Гедеоновъ, но онъ отличается отъ другихъ представителей той же школы тѣмъ, что старается свой взглядъ оправдать на основаніи латинскихъ же источниковъ. Поводъ къ этому дала ему статья Круга объ употребленіи имени „Nordmanni" въ средніе вѣка, статья, далеко уже неудовлетворительная для нашего времени. Но и г. Гедеоновъ далеко не исчерпалъ предмета, о которомъ говоритъ въ своемъ вступленіи къ Ліудпранду; притомъ, онъ въ этомъ вступленіи преимущественно занялся писателями XI и XII столѣтій, т. е. того времени, когда уже стали повсюду извѣстны Шведы, Датчане и Норвежцы, а память о морскихъ разбойникахъ, называвшихся Норманами, значительно уже ослабѣла.

Вообще, коль скоро термину „Normanni" придается не то значеніе, которое ему даютъ во всемъ ученомъ мірѣ, варяго-русскому вопросу приходится предстать предъ иной форумъ, предъ *форумъ международный*. Неужели же дѣйствительно Итальянцы IX и X столѣтій были столь невѣжественны и безтолковы, что 4 итальянскихъ писателя не знали, кто такіе были Норманы и какого нрава были норманскіе пираты? И если бы это такъ и было, то неужели цѣлыя поколѣнія западно-европейскихъ ученыхъ могли бы не замѣтить подоб-

ной ошибки у этихъ четырехъ писателей? Считать ли также и (мнимо ложный) взглядъ Араба Якуби на тождество Норманновъ и Русовъ взглядомъ совершенно исключительнымъ и случайнымъ? или не найдемъ ли мы, что этотъ взглядъ подтверждается показаніями соотечественниковъ Якуби IX и начала X столѣтія? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ почтеннаго Нестора, конечно, придется устранить вовсе, такъ какъ онъ принадлежитъ къ слишкомъ позднему вѣку.

To be, or not to be: that is the question

въ настоящее время какъ для несторовцевъ, такъ и для антинорманской школы. Если бы первые даже и пожелали оставить все дѣло на произволъ судьбы, то западные Славяне и весь заграничный ученый міръ до тѣхъ поръ не успокоились бы, пока значеніе столь общераспространеннаго термина не перестало быть столь шаткимъ. Вотъ почему лучше, если бы къ этому дѣлу приложили руки мы сами, т. е. всѣ русскіе ученые какъ несторовцы, такъ и противники Нестора. Предстоящая намъ задача ясна. Все группируется около вопроса: *„Употреблялось ли въ латинскихъ источникахъ 8 и 9 столѣтій выраженіе „Normanni“ у различныхъ народовъ въ какомъ-нибудь неопредѣленномъ географическомъ значеніи, или же оно употреблялось въ опредѣленномъ (этнографическомъ) смыслѣ, т. е. обозначало исключительно Скандинавовъ?“*

Свидѣтельствъ, относящихся къ Норманамъ, имѣется цѣлая бездна: ихъ можно насчитать сотни изъ разныхъ земель, изъ Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи и Италіи и встрѣчаются они не только въ необозримомъ ряду лѣтописей и хроникъ, но и въ иныхъ многочисленныхъ памятникахъ, какъ-то, въ біографіяхъ, въ легендахъ о святыхъ, въ письмахъ, въ законахъ, въ грамотахъ, въ синодикахъ и синодальныхъ актахъ и даже въ литературныхъ произведеніяхъ [1]). И

[1]) Желающіе посвятить свой трудъ этой задачѣ найдутъ богатый матеріалъ для времени 777 — 879 въ Chronicon Nortmannorum. Auctore Kruse. (Dorp. 1851 in-4⁰). Впрочемъ еще Dozy (Recherches sur l'histoire de l'Espagne. Sec. édit. Tome sec. Leyde 1860, p. 271) убѣдился въ томъ, что многіе памятники не вошли въ составъ этого сборника. Между прочимъ въ немъ пропущены нѣсколько свидѣтельствъ времени папы Николая. См. ниже стр. 166.

Крузе, составляя свое собраніе, былъ воодушевленъ самыми лучшими на-

такъ, смѣло за работу! Пусть тому, кто найдетъ въ письменныхъ памятникахъ этихъ двухъ столѣтій хотя бы 4 мѣста (въ pendant къ указаннымъ нами выше 4 мѣстамъ), въ которыхъ словомъ „Normanni" неопредѣленно обозначались бы вообще всѣ на сѣверѣ живущіе народы, пусть тому счастливому искателю возложенъ будетъ на чело лавровый вѣнокъ въ торжественномъ сонмѣ ученыхъ въ Рюриковой Старой Ладогѣ или во второмъ градѣ Рюрика—на Городищѣ подъ Новымъ-городомъ, или въ Кіево-печерской Лаврѣ. При этомъ побѣдномъ торжествѣ экснорманисты, конечно, должны непремѣнно тоже быть на лицѣ и во искупленіе своихъ ученыхъ прегрѣшеній должны будутъ собственноручно вручить распорядителю праздника вѣнокъ, назначенный для украшенія главы счастливаго изыскателя. Если же, напротивъ, никакихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе „еретическаго" мнѣнія не отыщется, то антивесторовцы, вѣроятно, и сами сознаются, что имъ слѣдуетъ примириться съ тѣнью покойнаго М. П. Погодина. Онъ, незаботясь о болѣе точныхъ доказательствахъ, по инстинктивной догадкѣ въ 1874 г. высказалъ, что „Normanorum gentes" 865 года не можетъ ни къ кому относиться, кромѣ Скандинавовъ. И если окажется, что онъ въ этомъ отношеніи былъ правъ, то противники его должны будутъ въ слѣдъ за нимъ признать свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца какъ „наиважнѣйшее и драгоцѣннѣйшее" для рѣшенія спора о варяго-русскомъ вопросѣ. Въ этомъ удовлетвореніи норманофобы, если они только желаютъ быть справедливы, не имѣютъ права отказать памяти достойнаго критика.

Антинорманистамъ, конечно, слѣдуетъ торопиться отысканіемъ изъ указанныхъ нами выше латинскихъ источниковъ матеріала для

мѣреніями; мы и послѣ его смерти должны быть ему благодарны за его Сборникъ. Въ настоящее время, конечно, продолженіе его труда должно бы издаваться по нѣсколько измѣненной системѣ, но еще полезнѣе было бы изданіе латинскихъ меньшаго объема извѣстій о древнихъ Славянахъ.

Здѣшнее археологическое общество лѣтъ десять тому назадъ учредило премію за собраніе арабскихъ извѣстій о Русахъ до XII столѣтія. Программа, впрочемъ, обнаруживала неправильный взглядъ и на объемъ задачи и на трудности ея. Позже (въ 1871 г.) снова поднятъ былъ вопросъ объ этомъ. Но, кажется, общество опять отказалось отъ своего намѣренія.

объясненія въ свою пользу тѣхъ четырехъ свидѣтельствъ отъ 865, 871, 941 (960), которыя мы приводимъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія о значеніи выраженія „Normanni“. Иностраннымъ знатокамъ средневѣковыхъ источниковъ покажется страннымъ, что именно въ тѣхъ 4 свидѣтельствахъ, въ которыхъ Норманы отождествляются съ Русами, терминъ „Normanni“ долженъ имѣть исключительное особенное значеніе, не то, которое имѣетъ оно въ многочисленныхъ другихъ свидѣтельствахъ, и безъ сомнѣнія, это расположитъ западно-европейскихъ ученыхъ прійти къ тому убѣжденію, что антинесторовцы сами грѣшатъ тенденціознымъ толкованіемъ источниковъ. Антинорманистамъ остается одно только средство отстранить отъ себя подобный упрекъ,—доказать, что упомянутые нами 4 писателя не умѣли отличать Нормановъ отъ Славянъ. Подобная попытка уже была учинена по отношенію къ Ліудпранду (см. выше стр. 024). По поводу свидѣтельства папы Николая антинесторовцы еще не высказали своего мнѣнія; свидѣтельство же венеціанской хроники въ 1876 г. четверо изъ антинесторовцевъ отвергли безъ дальнихъ размышленій и разговоровъ, какъ лишенное всякаго значенія. Нельзя не замѣтить, что Погодинъ съ венеціанской хроникой, ея чтеніемъ и толкованіемъ, застигъ антинорманистовъ врасплохъ, и нельзя не предвидѣть, что съ голословнымъ осужденіемъ этого памятника съ точки зрѣнія норманофобовъ ни въ Италіи, ни въ другихъ земляхъ никто не согласится и что тамъ предъявлены будутъ нѣсколько иныя требованія научнаго изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ потребуютъ доказательствъ и не повѣрятъ на слово, будто венеціанскій лѣтописецъ IX или X столѣтія могъ быть столь малосвѣдущъ, что принималъ слово „Normanni“ въ чисто географическомъ значеніи или смѣшивалъ Нормановъ съ другими народами. На этомъ требованіи, которое также относится и къ папѣ Николаю, будутъ настаивать тѣмъ сильнѣе, что нѣтъ вовсе недостатка въ историческихъ источникахъ, по которымъ можно бы было воспроизвести какъ этнографическія понятія, такъ и вообще все міросозерцаніе Венеціанцевъ и Римлянъ того времени.

Очевидно, что этихъ требованій никакъ не помирить съ тѣмъ высокомѣрнымъ произволомъ, съ которымъ въ 1876 г. устранено было

свидѣтельство венеціанской хроники. Норманистовъ такъ часто упрекали ихъ противники въ „софистическихъ“ и ненаучныхъ пріемахъ и въ высокомѣріи, что этимъ противникамъ не мѣшало бы хоть разъ, и именно вотъ въ этомъ случаѣ, на дѣлѣ показать строгую научность своихъ собственныхъ пріемовъ изслѣдованія. Такъ какъ они отвергаютъ единогласно свидѣтельство 865 г., то будутъ они, конечно, въ состояніи предпринять и общій походъ противъ 2 древнѣйшихъ латинскихъ свидѣтельствъ и разрѣшеніемъ „viribus unitis“ этой задачи навсегда устрашить тѣнь Погодина. Одинъ критикъ, недавно еще произнесшій безаппеляціонный смертный приговоръ школѣ норманистовъ, высказалъ мнѣніе, что послѣдователи ея уже не въ состояніи болѣе собрать и соединить силы свои для отпора постигшаго ихъ удара. Мы со своей стороны далеко не столь жестоки и желаемъ нашимъ погубителямъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ихъ существованіи, совершенно противнаго тому, что они намъ желаютъ, т. е. не гибели, а полнаго успѣха. Это желаніе тѣмъ искреннѣе, что, по нашему твердому убѣжденію, пришло время, когда трудные вопросы въ области исторіи должны разрѣшаться вѣрнѣе всего *соединенными* усиліями спеціалистовъ. Но не упрекнутъ ли насъ, быть можетъ, въ склонности къ иллюзіямъ? Дѣйствительно, можемъ ли мы ожидать, чтобы норманофобы, разладъ которыхъ мы изобразили выше въ возможно мягкихъ краскахъ, въ этомъ единственномъ случаѣ подали другъ другу руку? Было бы дивомъ, если бы это случилось. Норманофобы, конечно, и сами сознаютъ тяжесть своего положенія. Вѣроятно, многіе изъ нихъ теперь, когда несторовцы вытѣснены съ прежней ихъ позиціи, не разъ повторяютъ про себя: „Наша дружина велика и бранлива, но гармоніи въ ней нѣтъ, поищемъ себѣ князь-папу, который судилъ бы насъ по праву“. Да и возможно ли еще найти подобному предположенію общее сочувствіе? Судя по опытамъ, такъ часто повторявшимся у насъ въ исторіи научныхъ споровъ, сильной надежды питать въ этотъ случаѣ не слѣдуетъ. Для подобной рѣшимости требуется значительная доза самоотверженія, котораго ожидать можно менѣе всего отъ варягобойцевъ, такъ какъ всякій изъ нихъ (не исключая норманистовъ), воображаетъ, что попалъ на своей гармоникѣ въ самый тонъ и продол-

жаетъ уже въ этомъ тонѣ безъ удержу. Любопытно было бы узнавать, какая изъ двухъ школъ богаче разстроенными гармониками?

Едва ли когда антинесторовцы нуждались такъ въ сплоченіи раздробленныхъ силъ своихъ, какъ въ настоящее время, и имъ нельзя не пожелать по крайней мѣрѣ наставника, который своимъ авторитетомъ и извѣстнаго рода смѣлостью своихъ пріемовъ могъ бы скрывать отъ зрителей ихъ несогласіе, пока исходъ великой борьбы съ итальянскими и западно-европейскими учеными по поводу 4 итальянскихъ свидѣтельствъ не будетъ вообще склоняться въ пользу антинорманистовъ. Къ счастью норманофобовъ такой атаманъ [1]) уже нашелся и они тѣмъ смѣлѣе могутъ довѣриться ему, что онъ еще давно, при самомъ началѣ послѣдняго періода варягоборства выдержалъ турниръ съ „софистомъ". Должно полагать, что побѣдоносный богатырь 1860 г. заржавѣвшее, можетъ быть, отъ времени оружіе свое наточилъ снова, чтобы навсегда доконать защитниковъ русской лѣтописи и норманскаго происхожденія Варяго-Руссовъ, въ случаѣ если бы эти защитники попытались еще разъ пикнуть.

Въ нынѣшнемъ году, также какъ и въ 1860 г., Н. И. Костомаровъ поздравилъ Несторовцевъ съ новымъ годомъ, но поздравленіе это сопровождалось не пожеланіемъ счастія претерпѣвшимъ до конца витязямъ, а заупокойнымъ возгласомъ по скончавшимся въ агоніи литературнымъ врагамъ. Впрочемъ, мы открыто благодаримъ за то нашего архиантинорманиста; возгласъ этотъ по пословицѣ: de mortuis nil nisi bene, отзывался какимъ-то добродушіемъ, способнымъ ввести читателя въ заблужденіе [2]). Спокойно высказанное осужденіе вер-

---

[1]) Когда наши оріенталисты наконецъ намъ объяснятъ, изъ какого тюркскаго или восточнаго языка слово «атаманъ» попало въ русскія и латинскія грамоты? Для отчаянныхъ норманистовъ созвучіе между велико- и западнорусскимъ «атаманъ» и древне-фризскимъ ataman (judex) очень соблазнительно. Но это созвучіе можетъ быть случайнымъ.

[2]) См. статью, помѣщеняую въ Русск. Старинѣ (стр. 159—184) по поводу слѣдующихъ сочиненій: Исторія Россіи, соч. Д. Иловайскаго. Ч. I. Кіевской періодъ. Москва 1876. — Разысканія о началѣ Руси, соч. Д. Иловайскаго. Москва 1876.—Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, И. Забѣлина Ч. I. Москва 1876.—Варяги и Русь. Историческое изслѣдованіе С. Гедеонова. Ч. I и II. Спб. 1876.

ховнаго судьи не только глубоко огорчило несторовцевъ, но еще и заставило ихъ серьезно задуматься надъ вопросомъ, кто же изъ двухъ: они или норманофобы въ области лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій до сихъ поръ слѣдовали ненаучному методу? По приговору судьи, состоявшемуся 1-го января, кругомъ виноваты несторовцы, которые потому и не имѣютъ права пребывать въ храмѣ науки, а могутъ стоять развѣ только въ притворѣ онаго. Еще въ отдѣлѣ о Разысканіяхъ Д. И. Иловайскаго (Русск. Старина, стр. 165) читатель статьи г. Костомарова предвкушаетъ уже взглядъ автора на безусловное и полное ничтожество ученія несторовцевъ.

«Разрушена г. Иловайскимъ норманская система, но она была, такъ сказать, плохо сколочена и уже въ значительной степени расшатана и подкопана трудами другихъ ученыхъ; она основывалась главнымъ образомъ на произвольно-истолкованномъ смыслѣ нѣкоторыхъ мѣстъ нашей лѣтописи, къ которымъ требовали безусловной вѣры въ понимаемый извѣстнымъ способомъ лѣтописный текстъ, вѣры словно въ какое-то евангеліе, тогда какъ по самому свойству, общему всѣмъ историческимъ письменнымъ источникамъ, надобно было искать въ лѣтописи не столько несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, сколько народныхъ преданій, сказаній и вѣрованій».

Если бы столь категорично обвиненные здѣсь, вздумали возражать по поводу приведенной характеристики, ихъ, безъ сомнѣнія, упрекнули бы и въ умственной косности и въ высокомѣріи; но, полагаю, имъ можно будетъ къ этой характеристики присовокупить нѣсколько замѣтокъ по поводу исторіи варягоборства. Мы, экснорманисты узнаемъ изъ январской статьи г. Костомарова впервые, что „норманская система“ разрушена Д. И. Иловайскимъ. По мнѣнію ученыхъ прошлаго поколѣнія, она была разрушена еще Эверсомъ; затѣмъ снова была уничтожена Каченовскимъ и его послѣдователями, и наконецъ на нашей еще памяти въ 1860 г. она была окончательно низвергнута г. Костомаровымъ, о чемъ тогда же былъ извѣщенъ весь свѣтъ безчисленными статьями и карикатурами.

Найдутся, конечно, люди, которые изъ того, что „норманская школа“ такъ часто разрушалась и возникала снова, выведутъ заключеніе, что она въ концѣ концевъ неуязвима и непобѣдима, а нѣкото-

рые черезъ-чуръ скептическіе умы, вслѣдствіе этихъ частныхъ оглашеній о несостоятельности и гибели норманской школы, придутъ, пожалуй, къ убѣжденію, что она совсѣмъ и не думала погибать. Хотя экснорманистамъ, въ качествѣ осужденныхъ, приличнѣе всего безмолвно дожидаться того времени, когда эти скептики подкрѣпятъ свои подозрѣнія какими-нибудь сильными доводами; но тѣмъ не менѣе нельзя требовать отъ экснорманистовъ, чтобы они въ настоящее время не смѣли даже заявить, что соглашеніе высказаннаго г. Костомаровымъ въ первой строкѣ вышеприведенной статьи съ тѣмъ, что писалъ тотъ же г. Костомаровъ въ 1860 г. (во многихъ своихъ статьяхъ во время своего спора съ Погодинымъ), превышаетъ силы экснорманистовъ. На основаніи собственнаго увѣренія виновника жмудской теоріи, заявленнаго имъ въ 1860 г., честь истребленія норманской школы принадлежитъ скорѣе ему самому, а отнюдь не Д. И. Иловайскому, вѣровавшему еще въ то время въ норманское евангеліе [1]).

Второй пунктъ, относительно котораго мы, отринутые и оглашенные, позволимъ себѣ сдѣлать скромное замѣчаніе, касается упрека въ томъ, что норманская школа главнымъ образомъ основываетъ доводы свои на извѣстныхъ только мѣстахъ русской лѣтописи, которыя притомъ она еще толкуетъ произвольно и т. п. Дѣйствительно, судя по этимъ отзывамъ, болѣе ненаучной исторической школы, какъ норманская, не было еще нигдѣ во всей Европѣ. Можно ли, вообще, еще говорить о норманской школѣ? Скорѣе, не миѳъ ли она сама по себѣ? Во всякомъ случаѣ непонятно, какъ могла такая во всѣхъ отношеніяхъ деспотическая школа существовать такъ долго, — первый норманистъ заявилъ о себѣ въ 1615 г., хотя и довольно неудачно, — не возбуждая противъ себя общагѡ крика негодованія и не погибая въ конецъ подъ ударами норманофобовъ. Здѣсь можно допустить только одно объясненіе: или норманская школа дѣйствительно стоитъ внѣ

[1]) Статьи, вызванныя появленіемъ жмудской теоріи значатся въ Русской исторической библіографіи. Годъ 1860, № 228—278, 4898 и Годъ 1861, № 249. Объ одной каррикатурѣ см. «Каспій», стр. 447. О другой замѣчательной каррикатурѣ тамъ еще не упомянуто.

науки и поддерживала до сихъ поръ свое призрачное существованіе софизмами и другими искусственными средствами, или же между представителями норманской школы и г. Костомаровымъ лежитъ относительно пониманія научнаго метода бездонная пропасть, которая хотя и незамѣтна для научныхъ профановъ, но которую тѣмъ не менѣе никакими фразами нельзя ни закрыть, ни перейти. Отсюда ясно, велъ ли Погодинъ жаркій споръ съ 1860—1874 г. о различныхъ предметахъ русской исторіи съ нашимъ верховнымъ судьею въ интересахъ науки, или изъ одного только личнаго тщеславія и ученаго упрямства? Хотя всякій отвѣтъ экснорманистовъ на этотъ вопросъ, какъ бы ни былъ отвѣтъ зрѣло обдуманъ, долженъ встрѣтить недовѣріе среди противниковъ норманства, тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ согласиться съ мнѣніемъ, что Погодинъ, постоянно признававшій право свободнаго изслѣдованія, въ этомъ спорѣ не совсѣмъ былъ свободенъ отъ одностороннихъ патріотическихъ взглядовъ.

Вышеупомянутое обвиненіе въ томъ, что норманская школа главнымъ образомъ опирается на лѣтопись Нестора, относится преимущественно къ Погодину. Спору нѣтъ, за Погодинымъ останется та заслуга, что онъ въ своей магистерской диссертаціи 1825, которую впослѣдствіи съ небольшими измѣненіями включилъ въ свои „Изслѣдованія",—сопоставилъ извѣстія Кіевской лѣтописи о Варягахъ и т. д., сравнилъ эти извѣстія между собою и согласовалъ ихъ по мѣрѣ возможности съ извѣстіями источниковъ иностранныхъ. Правда, содержащуюся во многихъ мѣстахъ лѣтописи силу доводовъ, которые могутъ служить въ пользу ученія о норманскомъ происхожденіи Варяго-Русовъ, онъ ослабилъ тѣмъ, что не разъяснилъ точнѣе, которыя изъ этихъ мѣстъ Несторъ (или собственно редакторъ дошедшаго до насъ лѣтописнаго Свода) нашелъ уже письменно изложенными и которыя онъ во 2-й половинѣ XI столѣтія записалъ самъ по преданію или на основаніи собственныхъ соображеній. Даже въ послѣднемъ своемъ полемическомъ трудѣ (въ „Борьбѣ") онъ за исключеніемъ послѣдняго отдѣла (о Норманахъ 865 г.) вездѣ выставлялъ свидѣтельства русской лѣтописи на первый планъ. Заранѣе можно уже было предвидѣть, что онъ этимъ путемъ не одолѣетъ своихъ противниковъ. При

настоящемъ положеніи спорнаго вопроса было бы благоразумнѣе Кіевскую лѣтопись совершенно устранить и воспроизвести исторію русскаго государства въ теченіе перваго столѣтія его существованія исключительно на основаніи однихъ иностранныхъ источниковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы дѣйствительно нашли бы не *призваніе* Норманов, но *завоеваніе* Россіи Норманами (около 860 г.), прекратившими также и древнее господство Хазаръ надъ 4 многочисленными славянскими племенами на юго-востокѣ. Еще въ 867 г. Фотій указывалъ на морской народъ Рôсъ, какъ на завоевателей, а сто лѣтъ спустя Ибрагимъ ибнъ-Якубъ упоминалъ о такомъ же морскомъ народѣ Русовъ. Другой современникъ в. кн. Святослава, императоръ Константинъ, приписывая однимъ Русамъ плаваніе по Черному морю для военной и торгоной цѣли, представлялъ себѣ отношеніе данниковъ - Славянъ (οἱ Σκλάβοι οἱ πακτιῶται τῶν Ῥῶς и τὰ ὑπόφορα χωρία χώρας τῆς Ῥωσίας... οἱ Δενζανῖνοι καὶ οἱ λοιποὶ Σκλάβοι) къ династіи изъ рода Русовъ не совсѣмъ правильно (см. Каспій, стр. 673, прим. 7), благодаря отдаленности этихъ Славянъ, но онъ очень хорошо зналъ, что платящіе дань (скотъ, государственную подать) Славяне не лишены личной свободы. Кромѣ того, въ настоящее время мы узнаемъ у одного арабскаго писателя (начала 10 столѣтія) объ отношеніяхъ къ русскому государству тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя не желали ему добровольно подчиниться или уже были покорены Хазарами. Отъ „Начала Руси", основаннаго на завоеваніи, крайніе норманофобы, конечно, съ усмѣшкой отвернутся, тѣмъ болѣе что совершенное низложеніе ими норманской школы безповоротно констатировано 1 января г. Костомаровымъ въ статьѣ, написанной имъ по поводу разбора книги г. Гедеонова; въ этой статьѣ (стр. 179) даже и панихида отслужена по „во брани убіеннымъ" норманистамъ.

«Г. Гедеоновъ владѣетъ чрезвычайною эрудиціею и отличается безпристрастною здравою критикою, глубокомысліемъ и проницательностію. Вооружившись всевозможною ученою арматурою, онъ разбиваетъ въ пухъ и прахъ всю такъ называемую норманскую систему и совершаетъ свой подвигъ съ изумительнымъ искусствомъ. Мы не можемъ полнѣе охарактеризовать его успѣхъ, какъ сказавши, что если бы главнѣйшіе

наши норманисты Байеръ, Шлецеръ, Кругъ, Погодинъ [1]) могли возстать изъ гробовъ и ополчиться противъ новаго врага своихъ теорій, если бы къ нимъ пристали и другіе до сихъ поръ здравствующіе норманисты, то, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли бы они уже поднять изъ развалинъ разрушеннаго г. Гедеоновымъ зданія норманской системы. Она окончательно разбита, разсѣяна, уничтожена и притомъ не на основаніи предположеній и соображеній, а при помощи историческихъ фактовъ и логическихъ умозаключеній, какіе только возможны подъ перомъ человѣка, обладающаго громаднѣйшею ученостью и начитанностью... Собственно что касается до пораженія норманизма, г. Гедеоновъ — неотразимъ. Но достопочтенный авторъ, уничтоживши систему происхожденія Варяговъ отъ Нормановъ, всетаки вѣритъ въ дѣйствительность призванія князей Варяговъ, какъ въ несомнѣнный историческій фактъ...».

И такъ, судьба норманской школы рѣшена безвозвратно и навѣки! Давно ужь эта школа была „разрушена" и неоднократно оповѣщали ученому міру о томъ, что побѣжденные послѣдователи ея раз-

---

[1]) Почему же двумъ такимъ свѣтиламъ на славянскомъ небѣ, какъ Карамзину и Шафарику, нѣтъ мѣста въ этомъ почетномъ ряду? Развѣ они не такъ же, какъ Погодинъ, умѣли сочетать горячую любовь къ славянству съ непритворнымъ признаніемъ норманства? Или не считаетъ ли уже ихъ нашъ судья неумолимый жалкими, лишенными всякой самостоятельности компиляторами, повторявшими лишь чужія мнѣнія не взвѣшивая всѣхъ данныхъ pro и contra?

Въ этомъ ряду обвиненныхъ принадлежитъ, конечно, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ канцлеру Румянцову, замѣчательнѣйшему покровителю наукъ, котораго когда-либо имѣла Россія. Хотя покойный канцлеръ и ничего не печаталъ по варяжскому вопросу, тѣмъ не менѣе онъ былъ съ нимъ ближе знакомъ, чѣмъ многіе современные ему знатоки русской исторіи. Не только радовался онъ изъ чистой любви къ исторической истинѣ каждому новому свидѣтельству въ пользу норманства Варяго-Русовъ, но и былъ едва ли не первымъ предугадавшимъ въ Погодинѣ призваніе къ критико-историческимъ трудамъ. Какъ въ 1820 году сумѣлъ онъ оцѣнить значеніе статьи Востокова, такъ и погодинскія первыя журнальныя статьи историческаго содержанія (см. Вѣстникъ Европы за 1824 г.) обратили на себя тотчасъ же особенное его вниманіе. Послѣ появленія магистерской диссертаціи Погодина, Румянцевъ даже высказывалъ намѣреніе отправить молодаго ученаго на свой счетъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, но смерть канцлера помѣшала осуществленію этого намѣренія, а братъ канцлера, гр. С. П. Румянцовъ, не постыдился нарушить торжественно имъ данное канцлеру при смертномъ одрѣ его обѣщаніе, ежегодно жертвовать 100000 руб. ассигн. въ пользу Румянцовскаго Музея и продолженія ученыхъ предпріятій, начатыхъ покойнымъ меценатомъ.

брелись розно; но одинъ изъ критиковъ, г. Гедеоновъ, понимающій лучше крайнихъ антинесторовцевъ всѣ сильныя и слабыя стороны ея, призналъ за ней, хотя и условно „право диспута". Верховный же грозный судья даже и этой милости ей не оказываетъ, а прямо объявляетъ въ своемъ приговорѣ отъ 1 января: „Она разбита въ пухъ и прахъ" и уже не можетъ, horribile dictu, подняться изъ своихъ развалинъ! Развѣ это языкъ простаго смертнаго? Нѣтъ, такъ говорить можетъ только свыше вдохновенный Pio nono l'infallibile. Нашъ варяжскій папа Николай достигъ своего могущества, конечно, тоже не даромъ, но лишь послѣ тяжкихъ душевныхъ испытаній въ своей научной дѣятельности. Онъ вначалѣ возвѣстилъ міру „безпорочность" объясненія варяжства призваніемъ Литовцевъ, ближайшихъ братьевъ Славянъ, и когда увидѣлъ, какъ не трудно убѣдить въ чемъ угодно легковѣрныхъ читателей[1]), то по примѣру Pio nono, творца пресловутаго „силлабуса", шагнулъ далѣе. Папа римскій строжайшимъ образомъ ограничилъ свободу изслѣдованія составленною разъ навсегда іезуитами энциклопедіей наукъ, такъ же и г. Костомаровъ—всю русскую исторію до Владиміра рѣшилъ признать баснословною, представляющею только нѣсколько голыхъ именъ атамановъ разбойниковъ[2]) безъ мяса и крови. Покойный Погодинъ видѣлъ въ этомъ пріемѣ совершенно недозволительный съ точки зрѣнія строгой науки произволъ, и, донельзя возмущаясь, требовалъ отъ смѣлаго анатома безусловнаго сознанія въ своей винѣ, не предусматривая, что послѣдній сочтетъ для себя болѣе удобнымъ на подобное требованіе отвѣчать простымъ „non possumus", чѣмъ анализомъ русской лѣтописи, основаннымъ на томительномъ трудѣ тонкаго изученія ея подробностей. Затѣмъ все, что произошло далѣе, было не болѣе, какъ логическимъ послѣдствіемъ предъидущаго: нашъ историкъ-анатомъ занялъ мѣсто верховнаго судьи, и въ качествѣ судьи непогрѣшимаго казнилъ 1 января заблудшуюся норманскую школу. Здѣсь варяжскій папа слѣдовалъ только примѣру римскаго тёзки своего Николая I († 867), который считалъ лишнимъ

---

[1]) Срав. «Борьбу» Погодина, стр. 013.

[2]) См. «Борьбу», стр. 07, 181, 234.

утверждать свою непогрѣшимость подобно Pio nono соборомъ полученыхъ прелатовъ и узаконять ее клочкомъ бумаги, такъ какъ при такомъ энергичномъ папѣ, какимъ былъ Николай I, непогрѣшимость эта явствовала и понималась сама собою, безо всякихъ обрядностей.

Теперь, когда „legum historicarum clarissimus et certissimus vates", оповѣстилъ торжественно съ высоты своего Ватикана „Urbi et orbi", Граду и міру позорную гибель норманской школы, лишена она даже и слабой надежды на какой бы то ни было успѣхъ своей аппеляціи. Всякая мысль о равносильномъ возраженіи подвергла бы только экснорманистовъ въ извѣстныхъ кружкахъ, благодаря многочисленности читателей произведеній г. Костомарова, еще большему глумленію, чѣмъ то, которое было вызвано манифестомъ 1-го января. Многіе охотно признали бы донынѣ здравствующихъ представителей норманской школы людьми, иллюзіи которыхъ неизлѣчимы. Дѣйствительно, съ какими сладкими грезами пришлось бы разставаться экснорманистамъ! Припомнимъ хоть одну изъ нихъ. Донынѣ имъ грезилось, что Рюрикъ, — подобно внуку своему Святославу при встрѣчѣ его на Дунаѣ съ византійскимъ царемъ въ 972 г., — въ „бѣлой" военной одеждѣ „гребетъ" на своей лодкѣ вмѣстѣ съ гридью (gridh) своею и войдя въ устье Невы пристаетъ къ чухонскому Лосьему острову (Hirvin sâri); здѣсь, водрузивъ свой флагъ въ болото и принявъ хлѣбъ-соль отъ чухонскихъ рыбаковъ отдыхаетъ онъ на старой тонѣ отъ долгой поѣздки и затѣмъ подкрѣпивъ силы лосьимъ ребромъ, прожареннымъ на кострѣ (kaster, см. Каспій, стр. 416), продолжаетъ путь вверхъ по Невѣ. И вотъ, по волѣ судьбы, какъ разъ съ этого острова, вблизи отъ тони непогрѣшимый папа такъ немилосердо превращаетъ эту идилію въ ничто! Чтожъ остается бѣднымъ экснорманистамъ, какъ не покориться въ полномъ отчаяніи неизбѣжному року и не сознаться, что трудъ ихъ не имѣлъ ни малѣйшаго притязанія на науку и былъ совершенно безполезенъ, даже хуже, послужилъ соблазномъ для болѣе чѣмъ пяти поколѣній! Время исполнилось и близокъ часъ, о которомъ сказано, что окончательно побѣжденная школа должна торжественно и всенародно принести покаяніе, какъ прилично упорствующимъ и слѣпотствующимъ еретикамъ. Само собою разу-

мѣется, что покаяніе, такъ какъ дѣло идетъ о научномъ заблужденіи, должно быть въ связи съ предметомъ спора между двумя школами. Но здѣсь экснорманистамъ предстоитъ новая и еще горшая бѣда, — является вопросъ: какъ имъ выразить свое раскаяніе цѣлесообразнѣе? Со стороны папы варяжскаго нѣтъ на то никакихъ указаній, такъ какъ всѣ его думы въ послѣдніе годы поглощены были исключительно опроверженіемъ лжеученія и уничтоженіемъ еретиковъ, послѣ того какъ онъ и самъ отрекся отъ собственныхъ лжеученій[1]). Въ своемъ манифестѣ молчитъ онъ упорно, какъ древній сфинксъ, и насчетъ указанія осужденнымъ путей истины ни гу-гу! Быть можетъ, у него на то и не хватаетъ ни духу, ни силъ, такъ какъ антинорманисты, за исключеніемъ норманофобіи, въ главныхъ пунктахъ ученія о Варяго-Русахъ сами другъ съ другомъ не сходятся ни въ чемъ, такъ что само существованіе антинорманской школы злые люди могутъ, пожалуй, назвать „миѳомъ". Такимъ образомъ, обездоленнымъ экснорманистамъ остается только одно средство: порѣшить самимъ какъ о формѣ покаянія, такъ и о новомъ символѣ вѣры, которымъ отнынѣ должны они будутъ руководствоваться въ своей научной дѣятельности.

Естественнѣе всего было бы заставить норманскихъ грѣшниковъ исповѣдоваться въ русскомъ Іерусалимѣ, названномъ однимъ „миѳическимъ" героемъ „матерью городовъ русскихъ", въ томъ городѣ, гдѣ жилъ и писалъ нѣкогда тотъ „миѳическій" лѣтописецъ, котораго мы привыкли называть Несторомъ, и гдѣ теперь лежатъ его бренные останки. Предъ ракой Преподобнаго должны они молить, чтобъ онъ отпустилъ имъ, что они по невѣдѣнію сдѣлали его главою еретической школы. Само собою также разумѣется, что путешествіе должно быть ими совершено не по желѣзной дорогѣ и не въ (мнимо норманскихъ) однодеревкахъ (μονόξυλα, дубасы), но по образу пѣшаго хожденія древнихъ паломниковъ. Тогда имъ достаточно будетъ времени приготовиться къ исповѣди. Но хватитъ ли духу у нихъ спу-

---

[1]) Русская старина 1877 г. Т. I, стр. 536: «Такіе примѣры, какъ Н. И. Костомаровъ, благородно отказавшійся отъ Литовской теоріи, рѣдки». И по этимъ словамъ также видно, что система, въ пользу которой Н. И. Костомаровъ отказался, еще не изобрѣтена.

ститься въ Кіевскія пещеры? Пожалуй, многочисленныя обвиненія, взводившіяся норманофобами на преподобнаго Нестора, вызовутъ въ нихъ раздумье о томъ, правильный ли путь выбрали они къ покаянію. Не надо забывать, что Несторъ самъ большинствомъ норманофобовъ считается однимъ изъ виновниковъ, а нѣкоторыми даже и главнымъ виновникомъ того, что споръ о Варяго-Русахъ продолжался такъ долго, ибо, самъ Несторъ изъ стремленія ли къ системѣ, или изъ другаго какого тайнаго побужденія, намѣренно Русовъ сдѣлалъ Варягами, и подъ послѣдними кромѣ рюриковскихъ Русовъ разумѣлъ еще Шведовъ, Готландцевъ, Норвежцевъ, а никакъ не Славянъ, Литовцевъ и Финновъ. Но каково то будетъ несторовцамъ, когда имъ придется спускаться въ пещеры, и тутъ вдругъ вспомнится, что противники Преподобнаго считали вѣдь его сознательнымъ фальсификаторомъ? А что, какъ онъ фальсификаторомъ то не думалъ быть? пожалуй, тѣнь его, грозно явясь передъ паломниками, задастъ, чего добраго, имъ нагоняя за то, что вы молъ, не умѣли защитить ни меня самого, ни мое ученіе „отъ навѣта скептиковъ"? Вѣдь такой казусъ былъ бы для несторовцевъ тяжелѣе и позорнѣе того пораженія, которое понесли они отъ норманофобовъ. Между тѣмъ говоря серьезно, имъ въ будущей исторіи варягоборства не избѣжать подобнаго упрека, если Несторъ, дѣйствительно, былъ болѣе свѣдущимъ и добросовѣстнымъ бытописателемъ, чѣмъ говорятъ про него его толкователи и обвинители. Извѣстно, что капитанъ Маржере (Margeret) еще въ 1607 г. протрубилъ на весь свѣтъ, что по русскимъ лѣтописямъ Рюрикъ и его братья были Датчане[1]). Еще съ большимъ уваженіемъ къ Несторовой повѣсти относились новгородскіе чернецы, несмотря даже и на то, что уже прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ въ домѣ великихъ князей московскихъ завелась родословная таблица, въ которой Рюрикъ являлся потомкомъ Пруса, брата кесаря Августа. Подъ конецъ Смутнаго времени въ Новгородѣ снова ожило воспоминаніе о прошлой его славѣ и политической самостоятельности. У Новгород-

---

[1]) Не вывели ли это изъ того, что Несторъ при перечисленіи различныхъ видовъ варяжскихъ племенъ о Датчанахъ не упоминаетъ?

цевъ явилась мысль, что слѣдуетъ призвать шведскаго принца Густава Адольфа или брата его Филиппа для того, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, причемъ, съ цѣлью побудить Шведовъ согласиться на предложеніе, ссылаясь въ 1611 и 1613 гг. совсѣмъ не шуточно на лѣтописи, по которымъ будто бы Рюрикъ, при потомкахъ котораго процвѣталъ Новгородъ до самаго ига московскаго, былъ когда-то тоже призванъ изъ Швеціи. Это сѣмячко упало не на безплодный камень и Шведамъ, воспользовавшимся намекомъ Новгородцевъ, принадлежитъ честь заложенія первыхъ камней въ зданіи норманистики. Первая, хотя и *слабая* попытка труда съ подобнымъ направленіемъ была напечатана въ 1615 г. Въ теченіе того же XVII ст. убѣжденіе въ призваніи первыхъ русскихъ князей утвердилось въ Швеціи, причемъ Шведы обратили вниманіе на Væring-j-ar Исландцевъ и на собирательное Rōtsi Финновъ; шведскіе плѣнные оцѣнили даже значеніе несторовой лѣтописи по отношенію къ варяжскому вопросу прежде, чѣмъ Байеръ по переводу фрагментовъ привелъ ее въ связь съ иностранными извѣстіями. И такъ тѣ норманофобы, которые говорятъ только о „*сто*лѣтнемъ софизмѣ", жестоко ошибаются; впрочемъ обстоятельство, что норманисты впродолженіи столькихъ поколѣній не смогли еще сдѣлать ученіе Нестора неуязвимымъ, не служитъ къ чести ихъ. Какъ могли бы они приблизиться къ останкамъ Преподобнаго безъ страха и трепета, когда на совѣсти ихъ лежитъ тяжелое сознаніе, что они даже отъ легкой кавалеріи норманофобовъ не отстояли историческаго существованія родоначальника кіевской династіи—Рюрика! Не удивительно, если оробѣвшіе несторовцы объявятъ: *въ Кіевъ идти мы не смѣемъ.*

Въ самомъ Кіевѣ Несторъ до сихъ поръ еще не нашелъ себѣ ни авторитетнаго защитника, ни истолкователя. Въ годину великаго избіенія норманистовъ были въ Кіевѣ вновь перепечатаны сочиненія одного норманофоба стараго закала [1]). Покойный профессоръ Макси-

[1]) М. А. Максимовичъ, Откуда идетъ русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ (1837). О происхожденіи Варяго-Русовъ. Письмо М. П. Погодину (1841). См. Собраніе его сочиненій Томъ I. Кіевъ 1876, стр. 1—92 и стр. 92—104.

мовичъ († 10 ноября 1873), имя котораго тѣсно связано съ первой эпохой исторіи университета св. Владиміра, старался вывести Варяговъ и Русовъ съ острова Рюгена, хотя какъ объ исторіи балтійскихъ Славянъ, такъ и о ихъ военномъ устройствѣ онъ имѣлъ весьма смутныя понятія. Судя по всему, взглядъ этотъ еще держится въ Кіевѣ. Въ силу того, что мнѣніе это сложилось въ Кіевѣ, не посовѣтовать ли уже норманистамъ направить стопы свои къ южнымъ берегамъ Балтійскаго поморья и здѣсь въ священной Арконѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ исполинскій истуканъ страшнаго Свантевита, принесть покаяніе свое? Само собой разумѣется, Рюрикъ не пустился въ дальнее и опасное плаваніе къ Ладогѣ безъ прощальнаго посѣщенія священнаго болвана. Экснорманистамъ тѣмъ удобнѣе было бы попытаться облегчить грѣхи свои на Рюгенѣ, что тамъ и норманскіе разбойники, къ которымъ присоединялись иногда и балтійскіе Славяне, заручались при помощи приносимыхъ ими даровъ благоволеніемъ пользовавшагося общимъ уваженіемъ Свантевита. Было, конечно, между разбойниками много и такихъ „esprits forts", которые вѣрили только въ силу своего топора или меча; были и такіе, которые обращались къ христіанскому Богу или же къ божествамъ другихъ языческихъ народовъ, смотря по расчету. Но и надежда экснорманистовъ на святаго Вита, въ котораго окрестили изворотливые нѣмецкіе попы Свантевита, оказывается тщетною, послѣ того какъ варяжскій папа въ манифестѣ своемъ торжественно объявилъ, что Варяго-Русь на славянскомъ берегу Балтійскаго поморья никогда не обитала. Въ подлинности же этой буллы нашего папы Николая не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ самъ статсъ-секретарь его Димитрій Иловайскій поспѣшилъ вслѣдъ за обнародованіемъ скрѣпить ее золотою печатью (Русск. Старина 1877 г. Мартъ мѣс.). Ктожъ послѣ этого упрекнетъ экснорманистовъ, если они откажутся отъ путешествія на южный берегъ Балтики, извиняясь тѣмъ, что, молъ, *въ Аркону намъ идти строжайше запрещено?*

Ужъ не отправиться ли обездоленнымъ, безсовѣтнымъ экснорманистамъ къ устью Нѣмана? Было время, когда сильно тянуло сюда варяжскаго папу, тянуло, точно къ милой на свиданіе, и онъ выска-

зывалъ вздохи свои даже въ стихахъ[1]. Погодинъ, чтобъ столковаться сколько-нибудь со своимъ противникомъ, поднесъ ему въ 1874 г. „къ свѣтлому празднику въ гостинецъ красное яичко“ въ видѣ слѣдующаго рода тезиса: „я думаю только, что норманскую Варяго-Русь вѣроятнѣе искать въ устьяхъ и низовьяхъ Нѣмана, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Балтійскаго поморья“; однако виновникъ жмудской теоріи давно рѣшилъ, а нынѣ его статсъ-секретарь подтверждаетъ снова, что дружины литовскихъ Варяго-Русовъ получили чистую отставку (Борьба, стр. 390). Опоздалымъ помощникамъ его, еще въ 1876 г. вѣрившимъ въ „литовско-русскій элементъ“ и въ „элементъ прусско-русскій“, теперь ничего не подѣлать противъ непогрѣшимаго рѣшенія варяжскаго папы; а экснорманистамъ остается только воскликнуть: *Нѣтъ! Отправляясь на Нѣманъ, мы еще, чего добраго, и вовсе навлечемъ на себя анаѳему.*

Нѣманъ обращали и въ нѣмецкую и въ готскую рѣку, не приводя въ пользу этого проблематическаго положенія ни строгихъ лингвистическихъ доказательствъ, ни историческихъ свидѣтельствъ (См. выше стр. 020). Гораздо больше правъ, по мнѣнію антинорманистовъ, имѣетъ Волга въ своемъ нижнемъ теченіи на названіе русской рѣки. Такъ, дѣйствительно, она называется у нѣкоторыхъ Арабовъ и, что всего удивительнѣе, называется Rōs у одного греческаго географа временъ римской имперіи, причемъ это слово Ῥῶς пишется у него совершенно такъ, какъ пишется названіе Русовъ у патріарха Фотія. Это было извѣстно уже Байеру. Но Байеръ былъ такой сухой педантъ, что на мнѣніе о связи между старымъ названіемъ матушки Волги и названіемъ Руси смотрѣлъ какъ на непростительный ученый промахъ. Нынѣ еще здравствующіе экснорманисты со своей стороны тоже объясняли существованіе у Арабовъ „рѣки Русовъ“ тѣмъ, что *послѣ* Рюрика Варяго-Русы часто появлялись на ней въ качествѣ купцовъ проѣздомъ въ Каспійское море. Казалось бы, чего еще проще

---

[1]) О Русь, село (Rusnês kémelij): тамъ растетъ цвѣточекъ, туда мое сердце стремится! Эпиграфъ къ разсужденію 1860 г. (Переводъ Литовской народной пѣсни).

и естественнѣе? Однако это объясненіе не помогло: и со времени Эверса Ῥῶς, т. е. Волга-Рôсъ снова вошла въ моду, а когда въ 1859 году разразилась новая гроза надъ норманствомъ, то въ пользу до-рюриковскаго существованія славянскихъ Русовъ на Востокѣ привели и съ тѣхъ поръ приводили уже постоянно это Ῥῶς, какъ неопровержимый поводъ. Что могло бы быть приличнѣе, какъ обмыть экснорманистамъ свое невѣріе въ руслѣ Волги-Рôсъ, тѣмъ болѣе, что, по ихъ же мнѣнію, бóльшая часть древнихъ рѣчныхъ названій ускользаютъ отъ всякаго лингвистическаго толкованія и въ особенности односложныя имена лицъ, рѣкъ и городовъ чаще всего оказываются сокращенными изъ древнѣйшихъ болѣе полныхъ и нынѣ уже неизвѣстныхъ многосложныхъ формъ? На этотъ разъ экснорманисты избѣгаютъ опасности потонуть въ волнахъ Волги; не по собственной ловкости, а благодаря иранистамъ, которые древнія названія Волги, Râ и Rôs (Ῥᾶ Ῥῶς), объявили прямо достояніемъ иранскаго языка. Лингвисты, считающіе не только форму „Волги" (въ памятникахъ еще 16-го ст. Волгада), но и формы Рâ и Рôсъ чудскими, такъ какъ Волга и до сихъ поръ зовется у Мордвиновъ Рау или Рава, могутъ раздѣлываться съ иранистами, какъ знаютъ. Ник. Петр. Ламбину удалось единственно при помощи одной только мордовской формы [1]) открыть въ Ῥῶς Агаѳимера (Ἀγαθήμερος) правильно сокращенную изъ Рау-с, Ῥαου-ς форму, причемъ онъ даже и не подозрѣвалъ, что во многихъ иранскихъ формахъ названія ревеннаго корня найдется ему надежная поддержка. Изъ исторіи понтійской торговли мы знаемъ, что уже Греки и Римляне знали *ревень*, (Rha ponticum, R. barbarum, τὸ ῥᾶ, τὸ ῥῆον, виз. ῥαβάν, перс. равендъ изъ др.-иранскаго причастія равантъ, ново-гр. τὸ ῥαβέντιον, la rhubarbe, der Rhabarber etc.), который доставлялся съ нижней Волги, весьма имъ дорожили и считали его вкуснымъ. Весьма статься можетъ, тотъ или другой лингвистическій натуралистъ обрадуется, что наконецъ найдена коренная форма, отъ которой произошли слова „Русь"

[1]) Рау по Шлецеру, Рава по г. Иловайскому (Ист. Рязанскаго княжества. 1858, стр. 4). Какую изъ этихъ двухъ формъ должно считать болѣе вѣрною?

и „Ῥῶς“, и придетъ къ убѣжденію, что драгоцѣнное словечко „ревень“ отнюдь не чужеземное въ славянскомъ языкѣ, но что скорѣе вышеупомянутыя формы Русь, Ῥῶς произошли вслѣдствіе извращенія и развитія формы „ревень“! Еще въ наше время встрѣчается одинъ видъ ревеня на лѣвомъ берегу нижней Волги. Но экснорманисты уже столько горя натерпѣлись въ поискахъ за мѣстностью, приличною для ихъ покаянія, что, навѣрно, обвинители ихъ не поставятъ имъ въ упрекъ, если они, боясь нагоняя отъ иранистовъ скажутъ: *въ Приволжье, гдѣ ревень растетъ, намъ идти вовсе не по вкусу.*

Норманофобы относятся особенно недружелюбно къ норманистамъ за то также, что послѣдніе не соглашаются признать существованія на Черномъ морѣ русскихъ пиратовъ *до* Рюрика и Аскольда. Это игнорированіе тѣмъ непростительнѣе, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ противниковъ норманизма, названіе „Русь“ *могло* скрываться въ названіяхъ „Роксоланы, Аорсы“, и въ другихъ подобныхъ уродливыхъ формахъ, такъ что азовскіе морскіе разбойники, которыхъ Арабы называютъ *послѣ* 900 г. „Рус-ами“, *могли* быть очень древними жителями Азовскаго и Черноморскаго поморья! Отсюда можно бы, казалось, вывести, что норманистамъ слѣдуетъ каяться на берегахъ киммерійскаго Босфора. Дѣйствительно, на этотъ разъ имъ никакъ не увернуться бы отъ руки карающаго правосудія, если бы не помогъ имъ недавно счастливый случай. Въ 1876 г. какъ разъ въ самый разгаръ бури, поднятой противъ занятыхъ прежде норманистами на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ позицій, совершенно неожиданно появились новыя свѣдѣнія о киммерійскихъ Русахъ-разбойникахъ. До 1876 г. знали только отъ Арабовъ, что эти пираты „Русъ“ еще въ первой половинѣ 10 стол. прославились своими разбоями, что они хлѣба не сѣяли, коней и вообще стадъ не имѣли, а имѣли только корабли, благодаря которымъ могли поддерживать свое существованіе разбоями. Считали даже весьма вѣроятнымъ, что Черное море получило названіе Русскаго именно благодаря этой киммерійской шайкѣ морскихъ разбойниковъ. Но не знали, когда и какъ они тамъ поселились, такъ какъ до 10 стол. о нихъ нигдѣ не упоминалось. Въ настоящее время мы узнаемъ отъ одного Перса, что эти разбой-

ники просили хазарскаго хагана объ уступкѣ имъ клочка земли и что онъ имъ подарилъ (или, быть можетъ, утвердилъ ихъ во владѣніи) нѣкоторые острова (полуострова). Отъ другаго Перса узнаемъ мы, что они приняли христіанство, — тексты даютъ то 333, то 303, то 300 г. геджры = 944, 917, 913 г., — но вскорѣ оставили его и, затѣмъ, еще въ 10 стол. приняли исламъ, для чего обращались къ хвалисскому (хварисскому) султану, приславшему къ нимъ шерифа. Къ сожалѣнію, эти морскіе баши-бузуки, напоминающіе современныхъ имъ Іомсвикинговъ на устьяхъ Одера, имѣли слишкомъ не древнее происхожденіе и слишкомъ недолго хозяйничали на киммерійскомъ Босфорѣ, такъ что норманофобамъ приходится выбрать другую какую-нибудь мѣстность для покаяннаго странствованія экснорманистовъ. За выборомъ, впрочемъ у нихъ дѣло не станетъ, такъ какъ тутъ-же недалеко Судакъ (Сурожъ) на юго-восточномъ и Корсунь на западномъ берегу Крыма, мѣстности, сдѣлавшіяся въ послѣднее время главными предметами спора относительно *перваго* появленія русскихъ пиратовъ на Понтѣ. Но послѣ всѣхъ этихъ тщетныхъ попытокъ отыскать мѣсто для своего покаянія, не придется ли экснорманистамъ, отнестись съ недовѣріемъ къ своимъ жестокосерднымъ побѣдителямъ, и даже поднять мятежъ противъ нихъ?

Есть два историческихъ свидѣтельства, одно въ житіи св. Стефана-сурожскаго, другое въ житіи св. Кирилла; — они у норманофобовъ считаются неотразимыми перунами, при помощи которыхъ, по мнѣнію однихъ, защитники лжеученія сражены окончательно, а по мнѣнію другихъ, должны быть сражены въ близкомъ будущемъ. Конечно, примѣта не хороша, что даже по отношенію къ этимъ двумъ главнымъ свидѣтельствамъ о происхожденіи Русовъ, жившихъ до Рюрика въ Крыму, норманофобы не согласны между собою. — Но дѣло не въ томъ! Перенесемся же на юго-западный берегъ Севастопольской бухты, въ древній Херсонисъ или Корсунь. Мѣстность эта освящена пребываніемъ обоихъ славянскихъ апостоловъ во время путешествія ихъ около 860 г. съ миссіей къ Хазарамъ. Въ Корсуни же, по преданію, 130 лѣтъ спустя Владиміръ „отрясе прахъ невѣрьствія“ и обратился къ „правовѣрію“. Достовѣрно из-

вѣстно, что онъ осаждалъ этотъ богатый, торговый городъ и разграбилъ его. По житію св. Стефана сурожскаго, еще раньше, т. е. по мнѣнію норманофобовъ приблизительно около 800 г., какой-то „бранливый“ русскій князь, пришлый изъ Кіева ли, или изъ Новгорода, разграбилъ Корсунь, Керчь и Сурожъ и въ Сурожѣ принялъ христіанство. Нѣкоторые норманофобы, торжествуя, кричатъ: Это свидѣтельство „никоимъ образомъ“ не можетъ уже относиться къ Варягамъ, такъ какъ норманскіе пираты, по собственному признанію норманистовъ, проникли къ сѣверо-восточному Понту только послѣ половины 9-го столѣтія. Оставимъ здѣсь хронологическую сторону вопроса совсѣмъ въ сторонѣ, — и заявимъ прямо варяжскому папѣ, что мы, экснорманисты, не въ состояніи, подобно современнымъ намъ римскимъ епископамъ, приносить въ жертву здравый человѣческій смыслъ; а съ этимъ смысломъ вполнѣ несогласно, чтобы въ то время, къ которому относятъ Житіе, народъ, жившій *выше* днѣпровскихъ пороговъ, могъ превратиться въ мореплавателей, если онъ предварительно на другомъ какомъ-нибудь морѣ не имѣлъ возможности долгою практикою развить въ себѣ способности къ разбойническимъ предпріятіямъ въ большихъ размѣрахъ; — подобное внезапное превращеніе въ народномъ быту такъ же невозможно, какъ невозможно неумѣющему плавать переплыть Днѣпръ подъ Кіевомъ. Если норманофобы и не согласны съ тѣмъ, что ихъ хронологическое опредѣленіе морскаго похода „бранливаго князя“ опирается на весьма шаткія основанія, то все же они должны доказать на основаніи примѣровъ изъ исторіи мореплаванія въ древнія и среднія вѣка, что народъ, живущій вдали отъ моря, можетъ внезапно дѣлаться и первокласнымъ мореплавателемъ, и внушающимъ ужасъ пиратомъ. Только въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось доказать послѣднее, прѣсноводные моряки наши могли бы спорить о томъ, былъ ли походъ бранливаго князя совершенъ около 800 года, или же во времена Аскольда, или при Владимірѣ. Одна редакція сказаній объ этомъ походѣ относитъ его къ 852 г., напоминающему намъ Нестора, который къ тому же году относитъ начало царствованія Михаила III, причемъ упоминаетъ и о нападеніи Руси на Византію (865 г.).

Такимъ образомъ мы вышли на ту дорогу, гдѣ воззрѣнія многихъ норманофобовъ и норманистовъ на значеніе историческихъ источниковъ, гдѣ вообще все міровоззрѣніе тѣхъ и другихъ вполнѣ расходятся другъ съ другомъ. Если мы, униженные и оскорбленные, пожелаемъ идти своей дорогою, то прежде намъ слѣдуетъ развязаться и раздѣлаться съ варяжскимъ папой, такъ какъ его авторитетъ считается въ глазахъ профановъ непогрѣшимымъ. Буллой своею отъ 1-го января 1877 г. онъ торжественно похоронилъ норманскую школу и отслужилъ даже по умирающихъ несторовцахъ „заупокойную". Дѣйствительно, смѣлый подвигъ! подвигъ болѣе отчаянный, чѣмъ нападеніе Русовъ на Византію, или донскихъ Козаковъ на Азовъ, болѣе отважный, чѣмъ возстаніе Хмѣльницкаго противъ могущественной еще въ то время Польши, чѣмъ замыселъ Ермака покорить Сибирь. Обыкновенные смертные, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ принадлежатъ норманисты, такой геройской рѣшимости иначе объяснить не могутъ, какъ сверхъестественнымъ вдохновеніемъ. Должно замѣтить, однако, что варяжскій папа при немилосердой экскоммуникаціи и безъ того уже умирающихъ норманистовъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, и очень хорошо предвидѣлъ то вліяніе, которое должна произвести его „заупокойная" на тысячи его смѣющихся читателей.

Мы, норманисты, моглибы спокойно предоставить манифестъ отъ 1 янв. его собственной вполнѣ заслуженной имъ участи, даже если бы наше молчаніе было сочтено за безсиліе и послужило поводомъ къ новымъ насмѣшкамъ. Не страсть къ полемикѣ и нынѣ побуждаетъ *меня* на споръ съ варяжскимъ папой; въ 1860 году, не смотря на приглашенія я воздержался ото всякихъ преній, да и послѣ не принималъ въ нихъ никакого участія. Только послѣ появленія статьи „Преданія первоначальной русской лѣтописи"[1]) возникла во мнѣ твердая рѣшимость возражать автору ея, о чемъ я ему тогда же и высказалъ, шутя, въ частной бесѣдѣ. Манифестъ былъ для меня новымъ предлогомъ осуществить мое намѣреніе. Послѣ этихъ статей мы, несторовцы, собственно говоря, состояли въ долгу даже и *передъ наукой*, еслибы

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1873 г. Т. I, стр. 1—34, 570—624 и Т. II, 7—60.

не протестовали противъ образа дѣйствій варяжскаго папы. Наше отношеніе къ спорному вопросу совершенно иное, чѣмъ отношеніе нашихъ противниковъ. Антинорманской школы никакой нѣтъ, а есть только антинорманисты, т. е. извѣстное число лицъ, рѣшившихся всѣ филологическія и историческія свидѣтельства, на которыхъ мы основываемъ наши доводы, во что бы то ни стало подрывать или по крайней мѣрѣ на сколько силъ хватитъ, оспаривать, причемъ сами эти лица оказываются на столько не твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, что не въ состояніи согласиться между собою даже относительно тѣхъ главныхъ положеній, которыми имъ пришлось бы замѣнить отвергаемыя ими положенія. Норманисты, напротивъ, образуютъ старую школу, возникшую въ 17 столѣтіи. Вслѣдствіе вовсе не быстраго движенія проявившагося среди историковъ прошедшаго времени, школа эта довольно медленно развивала и укрѣпляла свою систему, но можетъ смѣло похвалиться, что впродолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ ея положенія подтвердились цѣлымъ рядомъ дотолѣ неизвѣстныхъ еще свидѣтельствъ. Было бы несправедливо возлагать на здравствующихъ нынѣ, — или, по манифесту 1-го января вымирающихъ, — представителей норманской школы отвѣтственность за всѣ промахи, ошибки и вздорныя сужденія ихъ предшественниковъ, хотя современные норманисты и остаются солидарно-отвѣтственными за своихъ предшественниковъ относительно прежде-добытыхъ главныхъ научныхъ результатовъ и потому тѣмъ менѣе имѣютъ право молчать, что у крайнихъ норманофобовъ отрицаніе норманства идетъ рука объ руку съ совершенно произвольнымъ отрицаніемъ историческаго значенія первоначальной русской лѣтописи.

После того какъ г. Костомаровъ такъ полновластно осудилъ всѣ научныя услуги прежнихъ норманистовъ и такъ безцеремонно заживо похоронилъ нынѣ здравствующихъ, мы можемъ обратиться къ нему съ вопросомъ: По какому праву могъ онъ взять на себя произнесеніе подобнаго приговора? Доказалъ ли онъ когда-нибудь на дѣлѣ, что для обсужденія такого сложнаго и отчасти столь труднаго вопроса онъ былъ достаточно подготовленъ? Онъ позволяетъ себѣ вездѣ тонъ и пріемы непогрѣшимаго папы, а между тѣмъ никакъ не можетъ отстоять

тѣхъ положеній, которыя самъ же предлагалъ взамѣнъ отвергаемыхъ имъ. Что сталось съ провозглашенной имъ, Непогрѣшимымъ, 17 лѣтъ тому назадъ теоріею Литвы? Она уже давно заняла подобающее ей мѣсто въ исторіи ученыхъ заблужденій, и не столько вслѣдствіе чьихъ-нибудь полемическихъ нападокъ, сколько потому что съ самаго начала она была уже мертворожденнымъ существомъ. Какимъ только глумленіямъ не подвергался тогда публичный оппонентъ литовской теоріи? Но онъ былъ удовлетворенъ, тѣмъ, что могъ константировать отказъ отъ этой теоріи собственнаго ея отца (Борьба стр. 389, 390). Непонятно, вслѣдствіе какихъ побужденій такой опытный историкъ, какъ г. Костомаровъ, не довольствуется однимъ блестящимъ фіаско, постигшимъ его литовскую теорію, и напрашивается на новую неудачу, которой ему не избѣжать во всякомъ случаѣ, — даже еслибы норманисты хранили мертвое молчаніе, какъ оно и подобаетъ мертвецамъ. Нашъ верховный судья, самъ того не подозрѣвая, своимъ приговоромъ далъ столь полное удовлетвореніе покойному Погодину, какого послѣдній, нападая на пріемы толкованія историческихъ источниковъ, усвоенные его противникомъ, никогда бы при жизни своей получить не могъ. Только искреннее уваженіе къ дѣйствительнымъ заслугамъ г. Костомарова на другихъ поприщахъ русской исторіи удерживаетъ насъ отъ дальнѣйшей характеристики его приговора.

Заявивъ протестъ противъ непогрѣшимости варяжскаго папы, вернемся-ка лучше къ древнему Корсуню, который намъ подалъ къ этому протесту поводъ и порадуемся, что тамъ придется намъ за одно съ Н. И. отражать натискъ цѣлой дружины интерпретаторовъ, задумавшихъ (съ 1843 года) дать великому славянскому апостолу въ менторы небывалаго профессора изъ рода гипербореевъ.

Норманофобы не только морской походъ языческаго князя, предпринятый имъ изъ Кіева въ Корсунь, отодвигаютъ съ преднамѣренной цѣлью въ до-рюриковское время, — въ которое, замѣтимъ мимоходомъ, въ средней Россіи и моряковъ то еще никакихъ не было, — но еще съ особенной силой напираютъ на одно мѣсто паннонскаго житія св. Кирилла, упоминающее о встрѣчѣ Кирилломъ какого-то Русака съ готовыми евангеліемъ и псалтыремъ на русскомъ языкѣ. Былъ ли

этотъ Русакъ Славяниномъ, или Норманомъ? Допустивъ разъ его историческое существованіе, мы скорѣе должны принять его за Нормана, чѣмъ за Славянина, а также должны допустить, что евангеліе его скорѣе было написано на норманскомъ, чѣмъ на славянскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе что всѣ Русь-христіане до Владиміра, — а слѣдовательно и „князь бранливъ" — какъ въ Россіи, такъ и въ Византіи были исключительно Варяго-Русы, какъ это утверждаютъ и нѣкоторые церковные историки[1]). Впрочемъ, число ученыхъ, видящихъ въ этомъ извѣстіи о Русакѣ позднѣйшую вставку, какихъ много встрѣчается въ Житіи, постепенно увеличивается. Кромѣ словениста Ягича[2]) къ числу ихъ принадлежитъ и нашъ варяжскій папа (Русская Стар. 1877. I, 161). Ужь не начало ли это обращенія къ норманскому правовѣрію? Едва ли. Ученый папа, принимающій на себя тонъ непогрѣшимости, изрекающій анаѳему противъ неимущихъ слѣпой вѣры и извергающій ихъ какъ раскольниковъ изъ лона науки, только укрѣпляетъ схизму и дѣлаетъ ее неизмѣнимѣе, если у него нѣтъ средствъ ни для обращенія еретиковъ къ своей догмѣ, ни для истребленія ихъ. Такой папа можетъ быть, какъ это убѣдительно намъ доказываетъ исторія папства, устраненъ и обезоруженъ только антипапою. Этого умнаго антипапу варяжскимъ старовѣрамъ не надо ни выбирать, ни отыскивать долго. Его имъ даетъ исторія. Онъ былъ тоже норманофобъ, и имѣлъ къ тому лучшія основанія, чѣмъ наши антинесторовцы, такъ какъ разбойники-варяги дѣйствительно заставляли его бояться за свою жизнь, дрожать отъ страха въ своемъ Ватиканѣ, и быть свидѣтелемъ гибели своихъ епископовъ, умиравшихъ вмѣстѣ съ монахами и монахинями въ монастыряхъ, объятыхъ пламенемъ пожаровъ.

---

[1]) См. напр. статью Е. Е. Голубинскаго (Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, Часть 187, отд. II, стр. 134, и 1877, Часть 190, отд. II, стр. 157).

[2]) Archiv für Slawische Philologie I, 143. А. Вороновъ въ статьѣ своей: Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1876. Часть IV) къ сожалѣнію почти вовсе не коснулся вопроса о вставкахъ въ паннонскихъ Житіяхъ. Я же не могу отказаться отъ мысли, что славянскій редакторъ дошедшаго до насъ списка Житій, умышленно выбросилъ находившіяся въ первоначальной ихъ редакціи извѣстія объ отношеніяхъ славянскихъ апостоловъ къ македонскимъ Славянамъ на Брѣгальницѣ и къ болгарскому князю Борису.

Можно смѣло поручиться, что этотъ норманофобъ, жившій когда-то на берегахъ Тибра и для отраженія морскихъ разбойниковъ обновившій даже укрѣпленія Остіи, — гавани Рима, — зналъ Нормановъ гораздо лучше, чѣмъ наши норманофобы, мирно обитающіе на берегахъ Днѣпра, Невы и Москвы-рѣки. Едва ли кто въ правѣ упрекнуть немилосердо очерненныхъ и такъ жестоко разбитыхъ норманистовъ за ихъ аппеляцію отъ варяжскаго папы Николая I (Ивановича) къ тезкѣ его римскому папѣ Николаю I (Θеодоровичу), такъ какъ норманисты въ этомъ случаѣ слѣдуютъ только примѣру славянскихъ апостоловъ, которые вслѣдствіе навѣтовъ фанатическихъ и корыстолюбивыхъ нѣмецкихъ поповъ вызваны были въ 867 г. въ Римъ; — не смотря на то, что Фотій созвалъ уже соборъ въ Византіи для отраженія до тѣхъ поръ не слыханныхъ властолюбивыхъ замысловъ самозваннаго намѣстника того, кто сказалъ: царствіе мое не отъ міра сего, и что трудно было ожидать защиты апостоловъ и ихъ дѣяній отъ папы, который, глубоко проникшись идеею всемірнаго деспотизма языческаго Рима, въ своемъ отвѣтномъ посланіи къ императору Михаилу отъ сентября 865 г. высказывалъ такое высокое мнѣніе о латинскомъ языкѣ; просвѣтители Славянъ, въ сознаніи своей правоты, повиновались призыву папы и оказались послушнѣе французскихъ епископовъ того времени.

Какъ нѣкогда Кириллъ и Меθодій, такъ нынѣ и мы, древле-вѣрующіе, направляемъ стопы свои въ градъ св. Петра, приглашая съ собою въ путь варяжскаго папу, и предлагая ему поддерживать у св. престола взведенныя имъ на насъ тяжкія обвиненія. Отъ этого приглашенія ему нельзя отказаться, въ интересахъ его собственной духовной паствы; и если ему не удастся оправдаться здѣсь, какъ оправдались славянскіе апостолы, то опозоренные имъ варяжскіе древлевѣры будутъ имѣть полное право на всѣхъ вообще норманофобовъ наложить соразмѣрную съ ихъ учеными грѣхами эпитимью. Уже въ Венеціи придется варяжскому папѣ выдержать жестокій бой, какъ пришлось нѣкогда и апостоламъ. Послѣдніе побѣдоносно отстояли отъ латинскихъ фанатиковъ право Славянъ на употребленіе въ богослуженіи роднаго языка. Варяжскому же папѣ предстоитъ здѣсь весьма

трудная задача убѣдить венеціанскихъ ученыхъ въ томъ, что ихъ древнѣйшіе лѣтописцы употребляли имя „Normanni“ такъ же произвольно, какъ произвольно древнѣйшій русскій лѣтописецъ употреблялъ, по воображенію норманофобовъ — слово „Варяги“; ему придется также доказать, что Итальянцы, равно какъ и другіе западные Европейцы, должны побывать у крайнихъ Норманофобовъ въ школѣ, прежде чѣмъ рѣшить, что̀ понимали Итальянцы 9-го и 10-го столѣтій подъ выраженіемъ „Normanni“? Но достанетъ ли у варяжскаго папы краснорѣчія и учености, чтобы доказать потомкамъ древнихъ предпріимчивыхъ и вездѣсущихъ Венеціанцевъ, что ихъ лѣтописцы были на дѣлѣ такими же ограниченными въ умственномъ отношеніи людьми, какими варягофобы считаютъ кіевопечерскихъ монаховъ? Если же атаманъ антинорманистовъ еще въ Венеціи будетъ признанъ несостоятельнымъ въ норманскихъ дѣлахъ, то само собой разумѣется, его достоинство папы in partibus infidelium едва ли будетъ признано на ученомъ вѣчѣ въ Римѣ, гдѣ память объ авторитетѣ верховнаго судьи, признанномъ даже славянскими апостолами, еще жива и недавно обновилась по случаю открытія фресковъ въ церкви св. Климента, изображающихъ будто бы св. Кирилла и Меѳодія[1]).

Николай I, современникъ Рюрика и Аскольда, былъ далеко незауряднымъ папою; то была личность съ мощнымъ характеромъ, какой едва ли встрѣчался у кого-либо изъ его предшественниковъ или изъ его преемниковъ. Онъ не могъ привести въ исполненіе всѣхъ своихъ громадныхъ предначертаній только потому, что былъ слишкомъ короткое время, — всего 10 лѣтъ, — на престолѣ св. Петра. Тѣмъ не менѣе *папство* началось только со временъ Николая, такъ какъ до него римскіе патріархи не имѣли даже понятія о томъ значеніи, которое присвоилъ папскому достоинству Николай. Этотъ папа былъ не только человѣкомъ изворотливаго ума, но и человѣкомъ съ обширнымъ теологическимъ образованіемъ; — онъ зналъ и людей, и свѣтъ. Что касается до Скандинавіи и Норманновъ, то онъ имѣлъ много случаевъ

[1]) Dudik, Neuentdeckte Fresken aus dem Leben der h. Apostel Cyrill und Method in Rom. Wien 1869 in-4⁰. — Letter on Rome and the Slavs, by G. Lignana, prof. of comparative philology. Rome 1876.

хорошо съ ними познакомиться (см. ниже стр. 170); о положеніи дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ до него доходило множество устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ (см. стр. 176); также и славянскихъ земель не упускалъ онъ изъ виду, особенно послѣ того какъ славянскіе апостолы начали свою дѣятельность въ Великой Моравіи. Правда, что эта выдающаяся историческая личность не была чужда одной слабости. Для осуществленія созданной имъ высокой идеи о папской власти считалъ онъ позволительнымъ и не противорѣчащимъ своему достоинству намѣстника Христова пользоваться ложными письменными документами, поддѣланными во Франціи и переданными ему въ 863 году. Онъ даже прямо утверждалъ, что эти документы (такъ наз. Псевдо-Исидоровы декреталіи) испоконъ вѣка (какъ документы истинные) хранились въ папскомъ архивѣ. Въ первый разъ воспользовался онъ ими въ 864 г. Въ сентябрскомъ письмѣ 865 г. къ императору Михаилу, гдѣ упоминается о нашествіи Русовъ на Византію, нельзя тоже не замѣтить той тенденціи, которая высказывается въ Псевдо-Исидоровыхъ декреталіяхъ,—тенденціи къ возвышенію папской власти надъ царями и князьями, надъ патріархами и епископами. Къ счастью ли, или къ несчастью варяжскаго папы, то мѣсто письма, въ которомъ говорится о Норманахъ-Русахъ 865 г., отличается столь яснымъ описаніемъ событій, что его не такъ легко заподозрить и отринуть, какъ извѣстіе въ Житіи св. Кирилла о русскомъ профессорѣ, у котораго будто бы знаменитый славянскій апостолъ окончилъ въ Корсуни свой курсъ филологической науки, начатый имъ въ Солуни, Дамаскѣ и Царьградѣ.

Папа Адріанъ, преемникъ Николая, умершаго до прибытія славянскихъ апостоловъ въ Римъ, одобрилъ, — по всей вѣроятности, не безъ расчета, — дѣятельность Кирилла и Меѳодія, и оправдалъ ихъ. Удастся ли такъ же успѣшно атаману норманофобовъ убѣдить римскихъ ученыхъ въ томъ, что онъ, какъ настоящій сухопутный морякъ, лучше своего тёзки знаетъ разныхъ морскихъ разбойниковъ 9-го стол. и что папа Николай-римскій, умѣя различать только національность христіанъ, а не язычниковъ, смѣшалъ въ 865 г. норманскихъ язычниковъ съ язычниками славянскими? Если же и въ

Римѣ, по примѣру Венеціи, гиперборейское толкованіе четырехъ итальянскихъ свидѣтельствъ о Нормано-Русахъ будетъ отринуто, то этимъ приговоромъ будетъ окончательно отмѣненъ смертный приговоръ отъ 1-го янв. надъ несторовцами и первоначальная кіевская лѣтопись, несмотря на нѣкоторыя пятнышки, снова озаритъ, какъ сѣверное сіяніе, своимъ свѣтомъ міръ далеко за предѣлами Россіи.

Кстати было бы здѣсь бросить взглядъ на всѣ тѣ способы, которыми съ 1859 г. неутомимо старались норманофобы очернить стремленія норманистовъ и осмѣять ихъ самихъ. Въ интересахъ мира мы воздерживаемся отъ воспроизведенія полной картины этихъ преслѣдованій, но никто не въ правѣ упрекнуть насъ, если мы въ свою очередь наложимъ на нашихъ самихъ себя побивающихъ противниковъ эпитимью; впрочемъ эпитимья эта должна послужить на пользу наукѣ. Естественнѣе всего было бы дать норманофобамъ искренній совѣтъ обратиться къ практическому способу достичь правильнаго воззрѣнія на тѣ условія, отъ которыхъ тысячу лѣтъ тому назадъ зависѣло въ европейской Россіи появленіе военнаго и торговаго флота. Но здѣсь намъ придется сдѣлать оговорку, тѣмъ болѣе, что несправедливо было бы возлагать на всѣхъ противниковъ норманства одинаковое наказаніе. Съ крайними норманофобами, которые не только призваніе Варяговъ, но и самую личность Рюрика считаютъ за миѳъ, научное соглашеніе едва ли возможно, — возможна только, по выраженію покойнаго Погодина, „борьба не на животъ, а на смерть". Совсѣмъ иного рода отношенія между норманистами и тѣми ихъ противниками, которые съ ними болѣе или менѣе расходятся лишь въ толкованіи отдѣльныхъ памятниковъ. Здѣсь научное соглашеніе не только мыслимо, но и возможно, такъ какъ споръ идетъ по преимуществу о различномъ толкованіи этнографическихъ терминовъ того или другаго источника. Мы имѣемъ въ виду конечно, такъ называемыхъ полунорманистовъ, къ которымъ примыкаетъ „самый сильный и опасный противникъ", котораго когда-либо имѣла, по Погодину „норманская система со временъ Эверса". Г. Гедеоновъ держится непоколебимо преданія о призваніи Рюрика, хотя и объясняетъ его по своему. Какъ человѣкъ, много путешествовавшій и жившій на морскихъ прибрежь-

яхъ различныхъ странъ, онъ, вѣроятно, не станетъ отрицать, что тысячу лѣтъ тому назадъ не одинъ европейскій народъ не могъ быть морскимъ народомъ, если не жилъ вблизи моря. Привлекая къ варяжскому вопросу Славянъ юго-балтійскихъ, г. Гедеоновъ имѣлъ въ виду конечно, только береговыхъ Славянъ, которые, какъ оказывается и изъ его изслѣдованій, предпринимали сообща съ Норманами морскія поѣздки съ военной цѣлью[1]). Если же когда-нибудь норманистами наложена будетъ эпитимья на своихъ противниковъ изъ породы крайнихъ норманофобовъ, то это будетъ сдѣлано съ цѣлью излѣчить ихъ отъ того морскаго недуга, которымъ они такъ сильно страдаютъ.

Но и въ случаѣ полнаго оправданія своего въ Венеціи и Римѣ несторовцы, послѣ столь тяжелыхъ испытаній не должны предаваться безграничному самодовольствію; напротивъ, они должны готовиться къ новымъ нападеніямъ со стороны своихъ противниковъ. Никого не должно удивлять, если норманофобы обвинятъ несторовцевъ даже за то, что между ними, норманофобами, не найдется и двухъ ученыхъ согласныхъ другъ съ другомъ по главнымъ спорнымъ вопросамъ. При помощи своей 250-лѣтней „софистики" не могли несторовцы достичь того, чтобы школа ихъ впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній не слыла то опасною для государства, то несостоятельною, то изгнанною изъ общенія съ научнымъ міромъ и въ заключеніе похороненною варяжскимъ папою. Папы, какъ извѣстно не всемогущи, но въ арсеналахъ ихъ есть неистощимый запасъ оружія, которымъ они неутомимо преслѣдуютъ еретиковъ, особенно когда видятъ въ опасности вѣру въ свою непогрѣшимость или когда ихъ кто-нибудь осмѣливается считать за такихъ же ограниченныхъ и грѣшныхъ людей какъ и всѣ остальные люди. У нашего варяжскаго папы еще въ рукахъ

---

[1]) «Отрывки о вар. вопросѣ» стр. 154—156. Напрасно г. Гедеоновъ не включилъ въ изслѣдованіе свое «Варяги и Русь» (см. стр. 170) этихъ страницъ, такъ какъ предметъ вполнѣ заслуживалъ вниманія и еще болѣе подробнаго разслѣдованія, при чемъ должно обратить особенное вниманіе на строго *хронологическое* опредѣленіе дошедшихъ до насъ свѣдѣній о морской торговлѣ и морскихъ разбояхъ балтійскихъ Вендовъ.

то опасное духовное оружіе, которымъ онъ такъ искусно владѣетъ. Онъ провозгласилъ 1-го января, что воскресеніе норманской школы немыслимо, и тысячи его читателей безусловно повѣрили ему на слово! Правда, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и эта школа снова воскресаетъ и появляется изъ окружавшаго ее мрака: послѣдователи ея, бѣдные числомъ, но осѣняемые тѣнями Байера, Шлецера, Румянцева, Карамзина, Круга, Шафарика и Погодина снова уже стучатся въ дверь храма науки. Тѣмъ не менѣе стоитъ Его Непогрѣшительству сказать только слово и, благодаря его званію и власти, о воскресеніи норманской школы будетъ оповѣщено Urbi et orbi какъ о *миѳъ*. Вѣрили же миліоны невѣжественныхъ язычниковъ въ миѳъ о воскресеніи Адониса-Тамуса, и мусульмане, чтобъ не отстать отъ язычниковъ, сочинили же воскресеніе лже-пророка Магомета! Такіе сознательно поступающіе „софисты“ какъ норманисты, безъ сомнѣнія, гораздо достойнѣе наказанія, чѣмъ невѣжественные язычники и душевно-больные магометане. А какъ было бы жалко, если бы этотъ новый миѳъ о воскресеніи норманистовъ не нашелъ вѣрующихъ! Если, примѣрно, этотъ миѳъ, да хотя бы половина тѣхъ миѳовъ, что антинорманисты открыли въ русской лѣтописи, снова оказались историческими фактами, то варяжскій вопросъ непремѣнно потерялъ бы много въ своей поэтической прелести. Послѣдняя, конечно, была главной причиной, почему этимъ вопросомъ занималось столько миѳомановъ, а другіе дописывались до онѣмѣнія пальцевъ вмѣсто того, чтобы обратиться къ простому рѣшенію вопроса, еще въ Смутное время русской исторіи высказанному благочестивыми монахами Исидоромъ, Хрисанѳомъ и Кипріаномъ: язычникъ Рюрикъ призванъ былъ изъ Швеціи.

Вообще предполагаютъ, что представители различныхъ направленій, существовавшихъ до сихъ поръ въ области изслѣдованій о варяго-русскомъ вопросѣ, имѣютъ въ виду исключительно одну только историческую правду и что вслѣдствіе этого каждый изъ этихъ представителей готовъ отказаться отъ всякихъ недоказанныхъ и не могущихъ быть доказанными положеній. Если бы это дѣйствительно было такъ, то какъ могъ бы держаться во взглядахъ на этотъ вопросъ такой непримиримый дуализмъ? Отъ этого дуализма, безъ сомнѣнія,

страдаетъ достоинство русской науки и представители обоихъ направленій, вслѣдствіе того, что не предвидится конца ихъ спору, равно являются посмѣшищемъ въ глазахъ значительной части общества. Дѣйствительно ли противорѣчія между послѣдователями обоихъ направленій не допускаютъ никакого соглашенія относительно главнаго спорнаго предмета? Погодину когда-то казалось, что приличной формой для соглашенія недоразумѣній можетъ служить публичный диспутъ. Къ сожалѣнію ни онъ самъ, ни его противникъ—никто изъ нихъ не обладалъ вполнѣ свѣдѣніями, касающимися всѣхъ главныхъ сторонъ вопроса; Погодинъ съ цѣлымъ рядомъ источниковъ, давно составляющихъ предметъ критическихъ изслѣдованій у ученыхъ Западной Европы, былъ знакомъ изъ 2-хъ и 3-хъ рукъ, а потому и держался преимущественно текста Несторовой лѣтописи. Кромѣ того, оба диспутанта въ области лингвистики, — Погодинъ самъ сознавался въ этомъ —, были чистые натуралисты; объ этомъ свидѣтельствуютъ и стенографическіе отчеты о диспутѣ къ вящшей потѣхѣ всѣхъ, нѣрящихъ еще въ существованіе славянской и литовской граматикъ. Къ тому же весь этотъ заранѣе проштудированной диспутъ, разыгранный даже съ репетиціей, совершенно по театральному, закончился довольно шутовскимъ финаломъ и со временемъ дастъ богатый матеріалъ писателю, который вздумаетъ обработать этотъ моментъ въ исторіи варягоборства на потѣху ученому люду въ формѣ комической оперы или что еще лучше, водевиля съ ученымъ содержаніемъ, такъ какъ водевили изобрѣтены въ Нормандіи. „Нечего говорить, сколько норманскаго удовольствія" доставило бы это извѣстіе о происхожденіи водевилей покойному Погодину, который не могъ отказаться отъ мысли, что у Варяго-Русовъ была Сага о Рюрикѣ, такъ какъ Норманы и саги неразлучны. Онъ пришелъ бы въ неописанный восторгъ, если бы узналъ, какъ наглядно страсть жителей средневѣковой Нормандіи къ сказочной исторіи выразилась въ одномъ старинномъ fabliau:

Usage est en Normandie
Que qui herbergiez est qu'il die
Fable ou chanson die à l'hoste.

Погодинъ самъ же, выдержавъ диспутъ, сознался въ безполезности его и навѣрно согласился бы въ томъ, что гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для соглашенія главныхъ спорныхъ вопросовъ могла бы быть частная бесѣда между двумя или нѣсколькими представителями того или другаго направленія. Норманисты никогда не отказывались поступаться своими убѣжденіями въ виду исторической истины, коль скоро несостоятельность того или другаго положенія въ ихъ ученіи доказывалась или самими ими или ихъ противниками. Они, конечно, и въ ученомъ собесѣдованіи въ случаѣ необходимости заявятъ какъ готовность къ уступкамъ, такъ и готовность измѣнить свои взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ, хотя, само собой разумѣется, не согласятся признать, что норманская школа своей „софистикой" вводила въ заблужденія цѣлыя поколѣнія, пока наконецъ не провалилась сама. Въ совершенно иномъ, относительно лучшемъ положеніи находятся въ настоящее время антинорманисты. Они, какъ извѣстно, не образуютъ никакой замкнутой школы и не заявляютъ на то ни малѣйшихъ притязаній, вслѣдствіе чего никто изъ нихъ не отвѣчаетъ за другаго даже по главному предмету спора[1]). Оппозиція ихъ была въ извѣстной мѣрѣ очень естественна, даже законна. Какъ бы кто высоко ни цѣнилъ научныя заслуги норманской школы вообще, все же останется несомнѣннымъ фактомъ, что въ ея доводахъ имѣлись пробѣлы и слабыя мѣста, что она не всецѣло подвергала предметъ изслѣдованію согласно строгимъ требованіямъ науки. Замѣтимъ здѣсь также, что она даже не опредѣлила, какъ слѣдуетъ, въ строго генетической и, сколько нужно, полной системѣ терминологію такихъ именъ, какъ Варягъ, Норманы, Русь, Франки, Чудь. Эти-то слабыя стороны норманской школы не ускользнули отъ вниманія ея противниковъ, и вызвали болѣе или менѣе основательныя возраженія. Припомнимъ здѣсь въ высшей степени замѣчательное изслѣдованіе г. Гедеонова, которымъ онъ подорвалъ столѣтнюю безусловную

---

[1]) «Во первыхъ, какъ извѣстно, антинорманисты не составляютъ одной школы, утверждающей, что Русь и Варяги были Славянами.... Варяговъ я отнюдь не считаю Славянами» (Русск. Стар. 1877. Мартъ, стр. 541).

Д. И. Иловайскій.

вѣру норманистовъ во внутреннюю связь, будто бы существовавшую между готскими Федератами 4 и 5 столѣтій и византійскими Варангами. Этой услугой нашъ критикъ обязалъ не только представителей исторической науки вообще, но и въ особенности всѣхъ норманистовъ какъ нельзя болѣе: не будь эта мнимая связь между Федератами и Варангами, выдуманная Шведомъ Ире и распространенная Шлёцеромъ, основательно разрушена авторомъ Варяжскихъ Отрывковъ (стр. 132 — 137), представители норманской школы продолжали бы блуждать въ какомъ-то туманѣ, не будучи въ состояніи разъяснить ни происхожденія варяжства въ самой Скандинавіи, ни перехода его въ славянскія земли и въ Византію[1]). Подобнымъ успѣхомъ не можетъ похвалиться ни одинъ изъ крайнихъ норманофобовъ. Напротивъ, большинство ихъ доказало своей полемикою, что они не обладаютъ ни полнотою свѣдѣній, необходимыхъ для основательнаго обсужденія спорнаго предмета, ни строго-научнымъ методомъ какъ въ лингвистическихъ, такъ и въ историческихъ своихъ изслѣдованіяхъ.

Тѣ изъ антинорманистовъ, которые изучили предметъ глубже и обнаружили слабость и несостоятельность отдѣльныхъ доводовъ въ ученіи своихъ противниковъ, конечно, не откажутся съ честью отступиться со своей стороны отъ нѣкоторыхъ собственныхъ своихъ не выдерживающихъ строгой критики положеній, въ справедливомъ сознаніи, что и ихъ труды послужили не мало для раскрытія исторической истины и, въ особенности, сдержали норманистовъ отъ преувеличенія значенія норманскаго элемента въ русской исторіи. Эта уступка была бы тѣмъ естественнѣе, что въ послѣднее время варяжскій вопросъ значительно разъяснился, и именно, въ пользу норманскаго рѣшенія его, вновь открытыми, до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, или вовсе неизслѣдованными еще историческими свидѣ-

---

[1]) Какъ велико было ослѣпленіе норманистовъ и норманофобовъ на счетъ Федератовъ, видно изъ того, что Погодину (см. Г. Гедеоновъ и его с. 1864, стр. 35 и «Варяги и Русь» стр. 160) и другимъ никакъ не хотѣлось промѣнять тьмы на свѣтъ и что всѣ западно-европейскіе филологи и историки не переставали плавать въ мутной водѣ. Только моимъ рѣшительнымъ отзывомъ, высказаннымъ на основаніи разбора Г. Гедеонова, о нелѣпости тождества Федератовъ и Варанговъ положенъ былъ конецъ этому туманному догмату.

тельствами. Впрочемъ, прежніе противники норманства могутъ оказать полезныя услуги не только въ отношеніи новооткрытыхъ источниковъ, но и вообще, такъ какъ изслѣдованіе зарожденія русскаго государства, къ которому вопросъ о происхожденіи Варяго-Русовъ служитъ лишь вступленіемъ, весьма еще нуждается въ совокупномъ трудѣ дѣятелей различныхъ направленій и спеціальностей.

Спрашивается теперь, что, во первыхъ, должно быть предметомъ академической бесѣды? Со строго научной точки зрѣнія должны бы прежде всего быть опредѣлены лингвистическіе доводы того и другаго направленія. На этотъ способъ едва ли на первый разъ окажется удобнымъ. *Погодинъ въ своей полемикѣ постоянной точкой исхода* бралъ Нестора. Этотъ пріемъ оказался бы для насъ не совсѣмъ подходящимъ, такъ какъ начальная русская лѣтопись получила окончательную свою редакцію только 200 лѣтъ спустя послѣ смерти Рюрика, хотя многія извѣстія ея о Варяго-Русахъ были раньше, отчасти уже во времена Олега и Игоря, записаны кіевскими грамотѣями, безъ которыхъ и языческіе князья Олегъ и Игорь не могли обойтись. Гораздо болѣе цѣлесообразнымъ было бы начать собесѣдованіе разборомъ древнѣйшихъ иностранныхъ свидѣтельствъ, авторы которыхъ были современниками упоминаемыхъ въ нихъ событій и относительно которыхъ все дѣло заключается въ точномъ опредѣленіи терминологіи извѣстной эпохи. Въ этомъ отношеніи лучшій матеріалъ для собесѣдованія могутъ дать 4 латинскихъ свидѣтельства отъ 865, 871 и 941 гг., гдѣ Норманы и Русы употребляются какъ синонимы, такъ какъ здѣсь нѣтъ мѣста никакой „софистикѣ“ норманистовъ, а все дѣло зависитъ отъ правильнаго пониманія латинской терминологіи западно- и южно-европейскихъ народовъ въ IX и X столѣтіяхъ.

Не согласятся ли, спрашивается, антинорманисты на такой частный способъ соглашенія? Сомнѣваться въ томъ, пока, нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Иной вопросъ, возможно ли соглашеніе со *всѣми* представителями отрицательнаго направленія? Весьма вѣроятно, что и въ будущемъ не будетъ недостатка въ крайнихъ норманофобахъ, которые, не заботясь какъ и до сихъ поръ, о какихъ бы то ни было положительныхъ свидѣтельствахъ, будутъ себѣ продолжать вѣ-

рить и въ до-рюриковское существованіе морскаго флота восточныхъ Славянъ и въ миѳическій характеръ такихъ явленій, какъ личность Рюрика, призваніе Варяго-Русовъ и воскресеніе норманской школы. Много ли мыслящихъ людей найдется у насъ и въ остальной Европѣ, расположенныхъ видѣть въ этихъ пріемахъ что-то другое кромѣ скептической забавы? Для такихъ исторіографовъ-нигилистовъ даже званіе антинорманистовъ въ будущемъ было бы слишкомъ почетно; такихъ скептиковъ можно развѣ назвать гиперборейской школой. Но подобныхъ вновь выступающихъ *гипербореевъ*, также какъ и неисправимыхъ *ультрамонтановъ* лучше совсѣмъ не трогать, а оставить ихъ при ихъ сладкихъ мечтахъ. Должно надѣяться, что подрастающее молодое поколѣніе, которое, безъ сомнѣнія, будетъ серіознѣе смотрѣть на ученые вопросы, пропоетъ еще до истеченія настоящаго столѣтія этой гиперборейской школѣ заупокойную. Скажемъ же еще слово этому новому поколѣнію.

Опытные наставники обыкновенно настоятельно совѣтуютъ молодымъ людямъ, посвящающимъ себя историческимъ трудамъ, не ограничивать съ самаго начала своихъ занятій исторіей послѣднихъ столѣтій, но предварительно упражнять силы свои на изученіи одного или нѣсколькихъ предметовъ древняго міра или среднихъ вѣковъ, такъ какъ изслѣдованіе этихъ историческихъ эпохъ представляетъ болѣе случаевъ познакомиться съ требованіями строгаго метода и ихъ себѣ усвоить. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, организаторы такъ называемыхъ историческихъ семинарій, даже и въ томъ случаѣ, когда они сами лично предпочитаютъ изслѣдованія по новой исторіи, предлагаютъ обыкновенно ученикамъ, для обсужденія и сочиненій, темы изъ болѣе древнихъ періодовъ. Если есть въ русской исторіи какая-нибудь тема, которая наиболѣе удовлетворяла бы требованіямъ дидактическаго курса и приносила бы наиболѣе пользы подъ руководствомъ наставника, то это безспорно варяжскій вопросъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Г. Гедеоновъ по поводу многочисленныхъ и разнообразныхъ затрудненій, представляемыхъ варяжскимъ вопросомъ, высказалъ какъ-то слѣдующее замѣчаніе: Варяжскій вопросъ для нашихъ молодыхъ историковъ, посвящающихъ себя спе-

ціальнымъ занятіямъ по русской исторіи, является прекрасной пропедевтикой, такъ же точно какъ классическія занятія составляютъ подготовку для историческихъ трудовъ вообще. Мнѣніе это, безъ сомнѣнія, основано на глубокомъ, многолѣтними трудами пріобрѣтенномъ убѣжденіи. Изъ этихъ словъ, конечно, еще не слѣдуетъ, что всякій приступающій къ самостоятельнымъ трудамъ историкъ долженъ непремѣнно самъ писать по этому вопросу, какъ ни важенъ этотъ вопросъ самъ по себѣ: но нельзя не дать такимъ ученымъ искренняго совѣта прослѣдить безо всякого предвзятаго мнѣнія этотъ вопросъ если не но всемъ его постепенномъ развитіи, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ періодахъ его исторіи. Прекраснымъ примѣромъ того, какъ даже весьма заслуженные въ другихъ отношеніяхъ историки мало подготовлены для правильной оцѣнки главныхъ положеній варяжскаго вопроса, служатъ отношенія къ этому вопросу, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, нашихъ такъ наз. полуноманистовъ. При недостаткѣ систематически обработанныхъ коментаріевъ къ отдѣльнымъ источникамъ [1]), молодымъ ученымъ лучше всего начинать изученіе варяжскаго вопроса съ Эверса, котораго антинорманисты чтутъ какъ своего „наставника и учителя", и затѣмъ слѣдить за его послѣдователями до г. Гедеонова, не ослѣпляясь никакими положеніями, ни выводами, коль скоро эти положенія и выводы не являются строго доказанными [2]). Чѣмъ далѣе они будутъ расширять свое чтеніе, тѣмъ болѣе, благодаря противорѣчіямъ отдѣльныхъ изслѣдователей, взглядъ ихъ на отдѣльныя лингвистическія и историческія явленія будутъ изощряться, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ расширяться передъ ними и общій кругозоръ историческихъ явленій. Много способствовала осложненію варяжскаго вопроса и отдаленію окончательнаго его разрѣшенія именно эта узкость, ограниченность міросозерцанія у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ варягоборцевъ. Есть люди, которые никакъ не могутъ понять, что развитіе народовъ искони обусловливалось взаим-

[1]) О необходимости составленія подобныхъ коментаріевъ см. ниже стр. 065.

[2]) Переводъ «Предварительныхъ крит. изслѣдованій Эверса» до сихъ поръ можно получать у комисіонера Московскаго Общества исторіи, а «Варяги и Русь» г. Гедеонова въ книжн. магазинѣ Эггерса и Комп.

ными вліяніями ихъ другъ на друга и что съ культурно исторической точки зрѣнія при обсужденія вліянія одного народа на другой, для насъ имѣетъ гораздо менѣе значенія заимствованный однимъ народомъ у другаго предметъ, чѣмъ самый способъ заимствованія и добытые изъ него впослѣдствіи результаты. По этому никакъ нельзя упускать изъ виду разницу, которая существуетъ съ одной стороны между охотничьими, пастушьими, кочевыми и земледѣльческими народами, — а съ другой между народами, которые въ старину сражались пѣшими, которые сражались на коняхъ и которые предпочитали биться на водѣ, на рѣкахъ, озерахъ или моряхъ. Именно въ варяжскомъ вопросѣ, гдѣ Норманы, Чудь, Славяне, Греки и разные азіатскіе народы сталкиваются другъ съ другомъ, причемъ эти столкновенія имѣютъ то мирный, то враждебный характеръ, историкъ долженъ сколько возможно ближе усвоить себѣ пріемы этиологической критики. Особенно слѣдуетъ различать народы водобоязливые отъ народовъ охотно предававшихся мореплаванію для военной или торговой цѣли.

Что Славяне не принадлежатъ къ числу водобоязныхъ народовъ, доказывается ихъ исторіей еще съ того времени, когда Маврикій удивлялся ихъ искуству плавать[1]). Почему въ средніе вѣка зародыши славянскихъ флотовъ не достигли полнаго развитія, до сихъ поръ еще точно не выяснено. Нѣтъ сомнѣнія, что одною изъ причинъ была неблагопріятная таковому развитію политическая организація, особенно по военной части. Въ этомъ отношеніи весьма также поучительна исторія морскаго дѣла въ Россіи. Объединеніе отдѣльныхъ разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ восточно-славянскихъ племенъ могло совершиться только при посредствѣ такого *морскаго* народа, какимъ были Норманы (см. „Каспій" стр. 393). Мысль объ основаніи флота въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова впервые возникла лишь тогда, когда цари московскіе укрѣпили свою власть внутри Государства. Иванъ-грозный не спроста требовалъ въ 1566 г. черезъ Дженкинсона

[1]) См. также отзывъ одного византійскаго историка (626 г.) объ отвагѣ южно-славянскихъ мореходовъ въ Запискѣ о Готскомъ топархѣ (Зап. Акад. Н. Ч. 24. 1874, стр. 112).

отъ королевы Елизаветы, чтобы она позволила пріѣзжать въ Россію людямъ, знающимъ кораблестроеніе и мореплаваніе (masters, which can make shippes and sayle them [1]).

Полныхъ изслѣдованій политическаго быта Славянъ-язычниковъ, къ сожалѣнію, вовсе не имѣется. Особенно крайне необходимо воспроизвести ихъ военный бытъ. Здѣсь юнымъ труженикамъ представляется широкое поле для лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій, причемъ, конечно, не слѣдуетъ и языки литовскихъ племенъ оставлять безъ вниманія. Только тогда, когда общія въ этомъ отношеніи всѣмъ Славянамъ черты будутъ твердо опредѣлены, можно будетъ приступить къ изложенному лишь въ общихъ чертахъ Шафарикомъ *Готскому вопросу*, хотя уже и въ настоящее время можно утвердительно сказать, что господство Готовъ надъ славянскими племенами, когда Готы населяли еще теперешнюю Россію, оставило по себѣ рѣзкіе слѣды въ бытѣ и языкѣ Славянъ и что многія учрежденія, которыя Погодинъ и другіе производили отъ Норманновъ, слѣдуетъ приписать Готамъ. Тайна физическаго и нравственнаго превосходства язычниковъ Готовъ надъ отдѣльными восточно-нѣмецкими, литовскими, чудскими и славянскими языческими племенами, также какъ и тайна покоренія Готами черноморскихъ и поволжскихъ племенъ лежала просто въ томъ, что у Готовъ ранѣе выработалось монархическое направленіе (Gotones regnantur). Въ свою очередь Готы не могли выдержать напора многочисленныхъ гунскихъ *конныхъ* народовъ, управляющихся самовластными ханами: пѣшіе бойцы были побѣждены бойцами-всадниками.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одной задачѣ, выполненія которой можно ожидать преимущественно отъ молодаго поколѣнія. Въ наши дни исторія разработывается вездѣ съ большимъ рвеніемъ, и слѣдовало бы думать, что она гигантскими шагами приближается

[1]) Мы болѣе не можемъ питать надежды на открытіе въ англійскихъ архивахъ новыхъ какихъ-нибудь извѣстій по этому предмету, послѣ того какъ такому знатоку древнихъ сношеній Россіи съ Англіей, какъ Ю. В. Толстой, не удалось, несмотря на самые прилежные поиски, отыскать таковыхъ. См. также письма Сигизмунда къ Елизаветѣ въ его «Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею 1553—1593. II. 1875», стр. 31.

къ идеалу исторіографіи. Къ сожалѣнію, такъ думаетъ объ исторіи только тотъ, кто не знаетъ по опыту, какъ отстала историческая наука относительно точности въ изслѣдованіи и въ оцѣнкѣ большихъ и малыхъ историческихъ источниковъ. Какъ бы то ни было, но полки библіотекъ ежегодно наполняются громаднымъ числомъ историческихъ трудовъ и журналовъ. Изъ числа этихъ книгъ и статей не многіе исчерпываютъ вполнѣ предметъ свой, а изъ другихъ не мало найдется такихъ, которыя даже не заслуживаютъ названія научныхъ трудовъ! Этотъ порядокъ вещей будетъ продолжаться, пока мы не рѣшимся относиться къ новымъ явленіямъ въ исторической литературѣ съ болѣе строгой критикой и разработывать болѣе трудные вопросы общими усиліями. Но и въ этомъ случаѣ все еще останется впереди наиболѣе трудная задача, именно объективное воспроизведеніе судьбы и развитія прошлыхъ временъ и поколѣній, такое воспроизведеніе при которомъ предъ нами дѣйствительно явилось бы вѣрное, живое изображеніе той или другой эпохи, не измѣненное,—какъ это часто бываетъ,—подъ вліяніемъ нашихъ современныхъ взглядовъ, тенденцій, симпатій и антипатій. Чѣмъ художественнѣе творенія новѣйшихъ историковъ, тѣмъ съ бо́льшимъ недовѣріемъ слѣдуетъ къ нимъ относиться и зорко присматриваться, воспроизводятъ ли они вѣрно дѣйствительную жизнь малодоступной намъ эпохи, или же воспроизводятъ ее при свѣтѣ новѣйшихъ, современныхъ намъ воззрѣній и представленій: припомнимъ только множество блестящихъ, но фантастичныхъ характеристикъ историческихъ личностей прошлого времени; эти личности, казалось бы, должны быть плоть отъ плоти нашей, кровь отъ нашей крови, а между тѣмъ они такъ рѣзко отличались отъ насъ. Также и изображеніе норманскаго періода потребуетъ, когда всѣ вышеупомянутыя задачи будутъ разрѣшены, отъ исторіографа особаго дарованія углубляться въ прошедшее, гдѣ взаимныя отношенія совершенно разновидныхъ народовъ являются намъ вполнѣ чуждыми. Но чтобы будущій историкъ-художникъ не былъ обремененъ массою мелочныхъ вопросовъ, крайне необходимо, чтобъ уже и теперь изслѣдователямъ по возможности облегчена была ихъ задача. При изученіи варяжскаго, равно какъ и другихъ вопросовъ теряется въ настоящее время страшно много времени на отыски-

ванье и чтеніе разбросанныхъ по разнымъ книгамъ и особенно періодическимъ изданіямъ статей и изслѣдованій, служащихъ для разъясненія источниковъ. Мало того; теперь историческія литературы различныхъ европейскихъ народовъ столь быстро разростаются, что для отдѣльныхъ лицъ становится не только труднымъ, но даже невозможнымъ дѣломъ слѣдить за всѣми новѣйшими замѣчательными явленіями въ области исторіографіи. Тутъ ничего не остается болѣе дѣлать, какъ соединенными силами помочь бѣдѣ[1]).

И такъ, по отношенію спеціально къ варяжскому вопросу должно сдѣлать предложеніе, которое, безъ сомнѣнія, примѣнимо и къ другимъ отдѣламъ русской исторіи. При томъ громадномъ количествѣ разъясненій, которыя обрѣтаются въ литературахъ различныхъ странъ, безусловно необходимо, чтобы составлялись къ отдѣльнымъ источникамъ сжатые коментаріи въ самой краткой формѣ съ указаніемъ на тѣ сочиненія и статьи, въ которыхъ можно найти обстоятельныя объясненія источника. Подобные коментаріи необходимы не только для источниковъ средневѣковой исторіи, но и для источниковъ новѣйшей эпохи, и не только для лѣтописей, но и для грамотъ и т. д. Подобными коментаріями уже снабжены нѣкоторыя обширныя собранія памятниковъ, какъ на напр. источники древней Прусской земли[2]), но какъ извѣстно, такіе коментаріи скоро старѣютъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы издавать ихъ отдѣльно и выпускать время отъ времени въ нѣсколько обновленномъ дополненномъ видѣ. Если бы у насъ былъ подобный коментарій къ источникамъ перваго періода русской исторіи, то трудъ историка былъ бы значительно облегченъ и скорѣе достигалъ бы своей цѣли. Разбросанность матеріала есть одна

---

[1]) Нельзя въ этомъ случаѣ не припомнить съ чувствомъ благодарности многаго изъ того, что предлагалъ покойный предсѣдатель археографической комиссіи П. А. Мухановъ († 16 дек. 1871) относительно облегченія труда будущихъ историковъ въ своей статьѣ: Что желательно для русской исторіи? I-я Часть— статья Desiderata, напечатанная въ сборникѣ Муханова. II-я Часть — прибавленія къ этой статьѣ. Спб. 1870.

[2]) Scriptores rerum prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. 1—5 Band. Leipzig 1861—1874.

изъ главныхъ причинъ, почему трудившіеся надъ рѣшеніемъ варяжскаго вопроса обнаруживали часто незнакомство съ положительными результатами трудовъ своихъ предшественниковъ. И отъ какихъ бы далекихъ объѣздовъ и блужданій избавились начинающіе историки, благодаря такому краткому, снабженному необходимыми литературными указаніями коментарію! Время настало — приняться за работу *общими силами.*

А. Куникъ.

СПб. 25 мая 1877 г.

Разысканіе 3-ье.

Древнѣйшее славянское сказаніе о переселеніи. — Вкладъ въ исторію разселенія Румынъ.

А. Куника.

Исторія происхожденія самой молодой романской народности — Румынъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ матеріаловъ для любителя сравнительнаго народовѣдѣнія. Одни только Румыны и по сію пору сохранили имя гордаго Рима въ своемъ народномъ имени «Rumânŭ» и «Românŭ», въ которомъ «â» замѣняетъ древній «Ѫ» румынской кириллицы, хотя въ произношеніи оно звучитъ лишь чуть слабѣе русскаго «ы». Свой языкъ они называютъ «limba rumânesca» или «românesca», а теперь и «limba româna». Отъ этихъ именъ Румыны не отказывались ни тогда, когда они жили къ сѣверу отъ Дуная, ни тогда, когда жили къ югу отъ него; славянское имя «Влахи» сдѣлалось общеупотребительнымъ лишь благодаря тому, что европейскіе народы въ средніе вѣка познакомились съ Румынами чрезъ посредство Славянъ. Православными Славянами Румыны были обращены въ христіанство. Вмѣстѣ съ перенятыми ими славянскими учрежденіями и другими элементами культуры, съ теченіемъ столѣтій и въ румынскій языкъ было внесено такое множество славянскихъ словъ, что, съ культурно-исторической точки зрѣнія,

изслѣдованіе исторіи Румынъ совершенно немыслимо безъ основательнаго знакомства со славянскими языками. Такое воздѣйствіе славянства, однако, не помѣшало румынской народности усиливаться и разростаться на счетъ славянства, такъ что уже давно указываютъ Румынамъ на то, что въ нихъ едва-ли течетъ еще капля римской крови.

Въ истекшемъ десятилѣтіи въ изслѣдованіе исторіи сѣверныхъ Румынъ былъ внесенъ критическій ферментъ, вліяніе котораго еще долго будетъ сказываться. Идя, отчасти, по стопамъ Зульцера (1780 г.), Роб. Рёслеръ, къ сожалѣнію, скончавшійся въ юномъ возрастѣ (въ 1874 г.), выступилъ съ положеніемъ, что императоръ Авреліанъ, встревоженный движеніемъ надвигавшихся Готовъ, въ 274 г. переселилъ всѣхъ Румынъ съ сѣвернаго берега Дуная на южный, и что древняя Дакія вновь была заселена ихъ потомками лишь послѣ того, какъ на югѣ въ 1186 г. было основано 3-е болгарское, такъ называемое влахо-болгарское царство. Нельзя было, конечно, ожидать, что румынскіе патріоты сочувственно встрѣтятъ такое еретическое мнѣніе. Къ сожалѣнію, мнѣ въ точности неизвѣстно, насколько имъ удалось опровергнуть эти и подобныя положенія Рёслера или подорвать ихъ значеніе. Мы полагаемъ, что мы имѣемъ право надѣяться, что вскорѣ одинъ изъ основательныхъ знатоковъ румынской литературы познакомитъ европейскихъ ученыхъ съ положеніемъ этого вопроса въ самой Румыніи.

Главное положеніе Рёслера, въ послѣдній разъ разработанное имъ въ «Romänische Studien» (Leipzig, 1871 г.), было встрѣчено довольно сочувственно и въ славянскихъ, и въ неславянскихъ странахъ. Укажемъ здѣсь лишь на двухъ авторовъ. Романистъ Gaston Paris открылъ изданіе новаго солиднаго журнала «Romania» (Парижъ, 1872 г.) статьею, въ которой онъ (p. 10, 11, 239) считаетъ окончательно доказанною «la non-continuité du latin en Dacie» съ 274 года до конца XII столѣтія. Этого мнѣнія, правда, не раздѣляетъ Юл. Юнгъ, который свѣтлымъ, непредубѣжденнымъ взглядомъ окидываетъ исторію метаморфозъ

средневѣковыхъ придунайскихъ народовъ; однако, въ своемъ достойномъ вниманія критико-этнографическомъ изслѣдованіи о происхожденіи Румынъ онъ подпалъ вліянію Рёслера («Kritisch-ethnographische Studie» über «Die Anfänge der Romänen». Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien. 1876. Januar, Febr.). Словомъ, Рёслеръ, Юнгъ и др. полагаютъ, что подъ тѣснившими Славянъ «Волохами» Нестора слѣдуетъ подразумѣвать Франковъ Карла Великаго.

Будучи давно хорошо знакомъ съ этнографической терминологіей Нестора, я, разумѣется, не могъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ данныхъ русской лѣтописи, котораго держался Рёслеръ. Было желательно убѣдить такого даровитаго и свѣдущаго ученаго, какъ Рёслеръ, въ допущенной имъ ошибкѣ. Съ этою цѣлью я осенью 1873 года послалъ ему краткое изложеніе тѣхъ причинъ, по которымъ принятое имъ толкованіе «Волоховъ», по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики. Къ сожалѣнію, мое посланіе застало его уже больнымъ. Ибрагимъ Ибн-Якубъ и ал-Бекри (сравн. выше, ч. 1-я, стр. 94) вновь напомнили мнѣ сказаніе Нестора о вторженіи Волоховъ, и я рѣшился посвятить отдѣльное изслѣдованіе этническому термину Нестора — «Волохъ». На основаніи того, что пока имѣется по этому вопросу въ славянскихъ литературахъ, едва-ли кто-нибудь въ состояніи выяснить себѣ, почему имя «Волохъ» имѣетъ различныя значенія въ древнѣйшей русской лѣтописи.

Отъ меня, вѣроятно, будутъ ждать, чтобы я, прежде чѣмъ закончить это введеніе, объяснилъ, почему выше «Валахи» были названы не «Romän'ами», «Rumän'ами» или «Romun'ами» а «Румынами». Это было сдѣлано не только потому, что эта послѣдняя форма со времени присоединенія Бессарабіи при посредствѣ учебниковъ и т. п. получила право гражданства въ русскомъ языкѣ, но и потому, что она, какъ кажется, болѣе соотвѣтствуетъ выработавшемуся въ теченіе столѣтій румынскому произношенію этого имени, чѣмъ тѣ крайне разнообразныя формы, въ которыхъ народное имя Валаховъ съ нѣкотораго времени является у нихъ

самихъ и у другихъ народовъ. Мы предоставляемъ другимъ внести необходимый свѣтъ въ это хаотическое правописаніе и ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими замѣчаніями по поводу русской формы.

Форма «Румынъ» (съ короткимъ «у» и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) получило право гражданства въ русской литературѣ, благодаря учебникамъ, напечатаннымъ въ Кишиневѣ въ теченіе XIX столѣтія. Въ періодическую печатъ эта форма проникла лишь послѣ появленія труда Спиридона Палаузова (Румынскія господарства Валахія и Молдавія, Спб. 1859 г.), труда, первоначально напечатаннаго въ очень распространенномъ журналѣ (Отеч. Зап.). Пока намъ не докажутъ противнаго, мы будемъ держаться того мнѣнія, что русская форма «Румынъ» имѣетъ свое историческое право существованія. У Румынъ, какъ и у другихъ народовъ, патріотизмъ вызвалъ путаницу въ вопросѣ о спорномъ правописаніи. Если мы не ошибаемся, этотъ патріотизмъ сказывается уже въ замѣнѣ формы «Rum-» формою «Rom-», при чемъ эта замѣна встрѣчается не только въ новѣйшихъ произведеніяхъ печати. Долгое «о» въ имени «Rôma», превратившагося изъ имени рѣки въ имя города, у другихъ народовъ, вѣроятно, еще очень рано перешло въ долгое «u». Такъ, еще Вульфила передаетъ имя «Ῥώμη» черезъ «Rûma», а Римлянъ, Ῥωμαῖοι, Готы называли «Rûmoneis». И въ церковнославянскихъ памятникахъ далеко не рѣдко встрѣчаются формы «Роум-инъ» и прилагат. «роум-ьскъ», хотя онѣ довольно рано уже были вытѣснены формою «Римъ» (= Roma; польск. — Rzym, чешск. — Rim, срв. «жидъ», польск. «żyd», нѣм. «Jude» и т. д.), образовавшейся изъ первоначальной формы «Роумъ» (или «Рымъ?»). Невыясненнымъ все-же остается происхожденіе глухой гласной, которая у Валаховъ замѣнило латинское «а» въ словѣ «Roman-u-s». Пока Валахи пользовались исключительно кириллицей, они свое народное имя въ ед. ч. писали «Рȣмѫнъ», «Ромѫнъ», но также и «Рȣмънъ», особенно въ Трансильваніи. Въ современномъ произношеніи этотъ «ѫ» не передаетъ древнеславянской носовой гласной, сохранив-

шейся еще въ польскомъ «ą» и въ нарѣчіи нѣкоторыхъ болгарскихъ поселеній на иноплеменной территоріи; въ современномъ произношеніи онъ является глухою гласною. Эта послѣдняя прежде, вѣроятно, была тождественна со славянскимъ «ъı» (русск. «ы»), но теперь въ произношеніи Румынъ звучитъ нѣсколько слабѣе. Большинство славянскихъ племенъ, ради удобства произношенія, также совершенно отказалось отъ этой древнеславянской гортанной гласной или выражаетъ ее еще лишь въ письмѣ черезъ «у» и т. п. Почему-же не могли усвоить себѣ этотъ древній славянскій звукъ также и Валахи, которые въ громадномъ большинствѣ своемъ являются потомками обрумынившихся Славянъ? Въ незапамятныя времена то-же самое было сдѣлано финскими Эстами и Ливами: для выраженія ихъ гортаннаго «õ», образовавшагося подъ вліяніемъ русскаго «ы», пришлось ввести особый знакъ. Какъ сильно мучаетъ Румынъ эта гортанная гласная, видно и изъ того, что они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы передать ее латинскою буквою. До поры, до времени, однако, модное у Румынъ «Romănŭ» или «Romănŭ» лишь на бумагѣ выражаетъ свое непосредственное происхожденіе изъ «Romanus». Бумага терпѣлива, но наука — непримиримый врагъ всякаго племенного тщеславія и племенной нетерпимости.

Непонятнымъ остается намъ сказаніе о распаденіи славянскаго племени на нѣсколько вѣтвей, сохранившееся у Масъуди и, можетъ быть, заимствованное имъ у Хуррами (писалъ около 850 г.) (срв. выше, ч. 1-я, 94). Это сказаніе, какъ будто, напоминаетъ сказаніе русской лѣтописи о первомъ переселеніи Славянъ; однако, это сходство нарушается извѣстіемъ о томъ, будто-бы до этого распаденія во главѣ всѣхъ Славянъ стояло одно племя съ однимъ вождемъ. Но и русское сказаніе не носитъ характера истинно народнаго преданія; оно, главнымъ образомъ, является продуктомъ средневѣковыхъ ученыхъ комбинацій, первый толчекъ къ возникновенію которыхъ, можетъ быть, былъ данъ какимъ-нибудь дѣйствительно историческимъ преданіемъ о судьбахъ одного отдѣльнаго славянскаго племени. По свѣдѣніямъ такъ

называемой лѣтописи Нестора, Славяне нѣкогда были оттѣснены отъ Дуная на сѣверо-западъ и на западъ, и притомъ были оттѣснены Волохами (срв. Rösler, Rom. Stud. p. 81); этимъ именемъ въ русскихъ источникахъ, отъ XIV до XIX столѣтія включительно, безпрерывно обозначались Валахи или Румыны, но имя это встрѣчается въ той-же формѣ уже и раньше подъ 898 годомъ при упоминаніи движенія Угровъ.

a) **Валахи у Германцевъ.**

Мнѣніе Добровскаго, подробнѣе разработанное Шафарикомъ, будто-бы Славяне подъ Влахами первоначально подразумѣвали Кельтовъ, теперь совершенно оставлено по соображеніямъ, какъ историческимъ, такъ и лингвистическимъ. Врядъ-ли Славянамъ приходилось ближе сталкиваться съ Кельтами, если только господство народа «Boji» или «Boji Lingonesque» не простиралось и на правый берегъ верхняго теченія Вислы. (См. также Миклошичъ: Die slavischen Elemente im Rumunischen. Aus den Denkschriften der Academie. Wien, 1861, p. 1). Богатый матеріалъ по вопросу объ употребленіи имени «Walch» и т. д. можно найти у Потта, Indogermanisches Wurzelwörterbuch. 1867, I, 893—901, у Иречека (Geschichte der Bulgaren, 1875), p. 217 и т. д. Срв. также «Romania», 1872, p. 12.

Остается только предположить, что славянское имя «Wlach» перешло къ Славянамъ отъ жившей по сосѣдству съ ними отрасли германскаго племени, какъ, напр., отъ Готовъ, отъ которыхъ ведутъ свое начало славянскія имена Чуди (срв. выше, ч. 1-я, разысканіе 1-ое) и Витинговъ (срв. Caspia, p. 376), а равно и имена Дуная (Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von Jagić. 1 Band. Berlin, 1876, p. 293, 332) и, можетъ быть, также одно славянское имя Карпатовъ (срв. Каспій, стр. 644, Caspia, p. 379). Мнѣніе Шафарика и другихъ о славянскомъ происхожденіи народца «Carpi», «Κάρποι», «Carpodaci» основано только на мнимо-славянскомъ происхожденіи именъ *Хорваты* и *Карпаты* (ὁ καρπά-

της ὄρος). Но, въ такомъ случаѣ, какая же изъ этихъ двухъ формъ древнѣе? Никто не станетъ говорить о славянскомъ происхожденіи имени острова (ἡ) Κάρπαϑος, который лежитъ между Критомъ и Родосомъ, встрѣчается уже у Гомера и теперь называется Scarpanto. Достаточно одного взгляда на карту у Росса (Reisen auf den griech. Inseln. 1843), чтобы уяснить себѣ, чему островъ обязанъ своимъ именемъ.

Нельзя рѣшить вполнѣ достовѣрно, образовали-ли Германцы и, въ особенности, Нѣмцы свою форму «Walh-» изъ имени кельтскихъ «Volcae» (первоначально «Valcae?»). Достовѣрно лишь то, что Славяне, при помощи свойственной ихъ языкамъ перестановки плавныхъ, изъ германской формы «Walh» или «Walho» создали свою форму «Влахъ», польск. «Włoch», русск. «Волохъ» и т. д. Если-бы имена «Walch» и «Wlach» искони были въ употребленіи одновременно и у германскаго, и у славянскаго племени, то славянская форма, по всей вѣроятности, звучала-бы «Wlas» — «Власъ».

Вмѣстѣ съ формою Славяне заимствовали и значеніе имени «Wlach». У Германцевъ это имя Кельтовъ еще очень рано было перенесено и на романскія народности, усилившіяся въ кельтскихъ странахъ. Въ Англіи это имя получило право гражданства, благодаря Англосаксамъ, значитъ, по меньшей мѣрѣ, уже въ V столѣтіи, и тамъ оно прежде всего служило для обозначенія туземцевъ-Кельтовъ. Это имя живо и по сію пору въ имени княжества «Wales», населеннаго Кельтами-Кимврами. Исчезновеніе конечнаго «h» замѣтно и въ старыхъ формахъ «Veal-as» (Бриты) и «Val-as» (Итальянцы: «Rûmvalas» — Римляне), а также и въ нарицательномъ «veal» (холопъ), происшедшемъ изъ первой изъ двухъ приведенныхъ формъ. Эта сокращенная форма перешла въ норвежскій языкъ: «Val-ir» (мн. ч.) въ значеніи — Кельты (- островитяне), Валлоны и Французы; «Valland» обозначаетъ у нихъ Францію и, въ особенности, ту часть ея, которая была завоевана Норвежцами и съ тѣхъ поръ [...] называться Нормандіей (....riki í Vallandi er s[...]an var [...]llad

Nordhmandi). «Valska» (отъ прилаг. valskr) обозначало «die Welsche Sprache» и въ особенности, французскій языкъ (Latina ok Valska). Эта средневѣковая норвежская терминологія чрезъ посредство Нормановъ проникла и въ Россію, хотя только временно.

б) Въ родословіи племенъ лѣтописи Нестора страна Волоховъ = Valland = Нормандія.

Этнографическо-историческое введеніе, предпосланное древнѣйшей русской лѣтописи, обыкновенно, приписываютъ ея редактору, жившему въ концѣ XI столѣтія. Оставимъ совершенно въ сторонѣ вопросъ, звали-ли его Несторомъ или какъ-нибудь иначе. Но намъ достовѣрно извѣстно, что онъ уже засталъ историческіе матеріалы въ формѣ погодныхъ записей; засталъ-ли онъ также готовые матеріалы для упомянутаго выше введенія, еще не доказано, хотя и не невѣроятно. Во всякомъ случаѣ, Несторово родословіе племенъ, а равно и его свѣдѣнія о рѣчныхъ и морскихъ сообщеніяхъ сѣверозападной и сѣверовосточной Европы и т. п. заимствованы изъ разнообразныхъ источниковъ. Данныя о плаваніи по Варяжскому (Балтійскому) морю и по прилегающимъ къ нему морямъ, очевидно, заимствованы изъ норманскаго источника, т. е. изъ сообщеній болѣе или менѣе ославянившихся варяго-русскихъ мореходовъ. На одномъ берегу Варяжскаго моря (по Нестору) живутъ Ляхи (Лютичи и Поморяне), Прусы и Чудь (Куры, Ливы, Эсты и Воты), а на другомъ (скандинавскомъ) берегу живутъ Варяги «сѣмо къ востоку» «до предѣла Симова»; по тому-же морю (далѣе) сидятъ (Варяги) «къ западу» (ютландскіе Датчане) «до земли Аглянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Оурмане, Готи, Русь, Агляне, Галичане, Волохи, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Венедицы, Фрягове и прочіи. Тіиже присѣдятъ кполудню отъ запада и сосѣдятъ съ племенемъ Хамовымъ» (въ Испаніи).

Говоря о «Варягахъ» въ Англіи, лѣтописецъ или его источ-

никъ, по всей вѣроятности, имѣетъ въ виду франкскихъ Нормановъ, а не Датчанъ, которые въ первой половинѣ XI ст. стали до нѣкоторой степени распоряжаться въ Англіи и осѣли въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ областяхъ. Когда франкскіе Норманы послѣ битвы при Гастингсѣ въ 1066 г. достигли господства въ Англіи, они, за исключеніемъ тѣхъ, которые жили вокругъ Bayeux, были уже романизованы, но это не помѣшало источнику Нестора причислить ихъ все-же къ Варягамъ. Варяги, по даннымъ этого источника, на западѣ жили только до канала, но не жили на югѣ Европы; это явствуетъ, между прочимъ, и изъ того, что апостолъ Андрей, согласно сказанію, изъ Новгорода отправился въ страну Варяговъ, а оттуда прибылъ въ Римъ (иде въ Варяги и приде въ Римъ. Въ другомъ мѣстѣ говорится: тѣмже изъ Руси можешь ити.... по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима). Стало-ли имя «Корлязи» (т. е. зап. Франки, Karlingen) извѣстно лѣтописцу чрезъ посредство Варяговъ, или-же чрезъ посредство наѣзжавшихъ въ Кіевъ нѣмецкихъ купцовъ, трудно рѣшить. Напротивъ того, имя «Галичане» заимствовано изъ скандинавской терминологіи. Въ XI ст. Россія едва-ли поддерживала непосредственныя торговыя сношенія съ Испаніей. Найденныя въ Россіи испанско-арабскія и африканско-арабскія монеты IX и X столѣтій, вѣроятно, были привезены, главнымъ образомъ, датскими торговцами. Почему Норманы стали называть Испанію «Galizoland», очень понятно. Изъ франкскихъ источниковъ мы знаемъ, что въ 843 г. Норманы произвели нападеніе на Бретань, но бурею были отнесены къ берегу *Галиціи*. Какъ на то, отчасти, прямо указываютъ галиційскіе и арабскіе источники, Норманы въ слѣдующемъ 844 году впервые появились тамъ, а равно и у береговъ Португаліи, южной Испаніи и Марокко. Урмане Нестора (Урмане вм. Нурмане, «Nordhmenn» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. Норвежцы) напоминаютъ также западно-европейскую форму «Ormanie» вм. «Normandie» (ср. W. Grimm, deutsche Heldensage 113, 133). Было-бы интересно знать, какъ называлась Нормандія по древне-шведски;

къ сожалѣнію, кромѣ руническихъ надписей, никакихъ памятниковъ древне-шведскаго языка не сохранилось. Переголосовка въ прилаг. «välsk» (итальянскій), въ шведскомъ переводѣ Св. Писанія, и въ существит. «Välskland» (Италія) указываетъ на вліяніе нѣмецкаго языка. Въ «Ett forn-svenskt (т. е. средне-шведскій) Legendarium. 1 Bandet. Stockh. 1847» (въ Samlingar) на стр. 625 говорится, что Франки, завоеватели Галліи, по-нѣмецки (j thydiske thungo) назывались «franker», а по-итальянски (j valsko thungo) — «franzcesa». Значитъ, древне-русское прилагательное *волош*-ьскъ соотвѣтствуетъ древне-шведскому *val*-sk (въ Valskland — Франція). Польскій Несторъ сказалъ-бы «włoska ziemia».

Такимъ образомъ, вопреки всякимъ другимъ недостаточно обоснованнымъ толкованіямъ, прочно установлено положеніе, впервые высказанное Кругомъ (Frähn. Ibn-Foszlan. 1823, p. 201; вновь перепечатано въ «Forschungen» Круга I, p. 148 и въ Rom. Stud. p. 80), что подъ волошьской землей слѣдуетъ понимать Valland, въ норманскомъ значеніи этого слова, т. е. Нормандію. Однако, изъ единичнаго случая употребленія этого имени въ XI стол. вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы Несторъ и въ другихъ мѣстахъ отождествлялъ Волоховъ съ Франками, какъ это утверждаетъ Рёслеръ, а за нимъ и другіе, совершенно забывая, что древнѣйшая русская лѣтопись основывается на весьма разнообразныхъ устныхъ и письменныхъ источникахъ.

в) Волохи или Италійцы Траяна въ восточно-славянскихъ преданіяхъ.

Дошедшія до Нестора устныя преданія о бытѣ восточныхъ Славянъ и ихъ исторіи до основанія русскаго государства весьма немногочисленны, и, руководимый критическимъ чутьемъ, онъ самъ, частью, относитъ ихъ къ области не вполнѣ достовѣрнаго. Сюда относится, напр., сказаніе объ эпонимѣ Кіѣ. Нестору уже никто не могъ повѣдать о вторженіи Гунновъ и о послѣдовавшемъ послѣ ихъ паденія великомъ переселеніи Славянъ изъ исконнаго

ихъ мѣста жительства въ предѣлахъ современной Россіи на югъ и на западъ. Такимъ образомъ, онъ имѣетъ совершенно превратное представленіе о великомъ переселеніи славянскихъ племенъ. Слѣдуя современнымъ ему взглядамъ, Несторъ полагалъ, что Славяне, начавъ послѣ потопа свое переселеніе въ Европу, осѣли по нижнему и среднему теченіямъ Дуная и по ту сторону его. Подтвержденіе своему ложному взгляду онъ нашелъ въ нѣкоторыхъ отрывкахъ средне-вѣковой лжеучености. Въ главѣ о дѣятельности обоихъ апостоловъ Славянъ, Несторъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что Славяне имѣли своимъ учителемъ и апостола Павла. Этотъ взглядъ свой онъ обосновываетъ 15-ю главою посланія къ Римлянамъ, гдѣ идетъ рѣчь о распространеніи дѣятельности апостола вплоть до Иллиріи и о предполагаемомъ путешествіи его въ Испанію; теперь, когда современная критика выяснила подложность двухъ послѣднихъ главъ упомянутаго посланія, уже не приходится доказывать, что вышеприведенныя данныя не имѣютъ подъ собою исторической почвы. Наравнѣ съ Иллирійцами Несторъ, въ другомъ мѣстѣ, причисляетъ къ Славянамъ и древнихъ обитателей Панноніи, а епископа Андроника Паннонскаго (какъ полагаютъ, въ Сирміи) онъ считаетъ ученикомъ апостола Павла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, учителемъ Славянъ. Уже въ паннонскомъ житіи Св. Меѳодія этотъ послѣдній считается законнымъ преемникомъ Св. Андроника. Возможно также, что и византійскіе историки, съ которыми онъ, правда, былъ знакомъ лишь по болгарскимъ переводамъ и компиляціямъ, побудили Нестора считать ѳракійскихъ Гетовъ и Даковъ Славянами. То-же самое уже до него сдѣлали Ѳеофилактъ Симокатта (подъ 588 г.) и патріархъ Фотій, и, конечно, тоже лишь потому, что въ ихъ время Славяне жили тамъ, гдѣ прежде упоминались лишь Геты. Въ средніе вѣка и Сербы заявляли притязанія на то, чтобы Даки считались ихъ предками, а низверженнаго Траяномъ «Декована» они считали сербскимъ вождемъ. (Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Соч. М. Дринова, стр. 36, 71. Изъ «Чтеній» Моск. Общ. Ист. 1872 г. Книга IV).

Несторъ начинаетъ исторію Славянъ повѣствованіемъ (ср. Rösler, Rom. Stud. p. 81) о томъ, что они, много времени (по многѣхъ же временнѣхъ) спустя послѣ потопа, поселились на берегахъ Дуная, а оттуда переселились въ бассейны рѣкъ: Моравы, Вислы, Днѣпра и др. Это переселеніе, по Нестору, было не произвольнымъ, а было вызвано нашествіемъ Волховъ или Волоховъ (Волхомъ [чит. Волохомъ] бо нашедшимъ на Словѣни на дунайскія....). Чтобы не подпасть ихъ игу, Славяне — по мнѣнію Нестора, не всѣ — будто-бы переселились въ бассейны упомянутыхъ рѣкъ и тамъ (по берегамъ Моравы, Вислы и др.) стали извѣстны подъ особыми именами.

Объ остаткахъ древне-дунайскихъ Славянъ Несторъ упоминаетъ и при перечисленіи позднѣйшихъ нашествій азіатскихъ народовъ, которые съ сѣвера направлялись къ нижнему теченію Дуная. Несторъ перечисляетъ по порядку слѣдующія нашествія:

Нашествіе (древне-тюркскихъ) Болгаръ изъ Скиѳіи или (въ послѣдствіи) страны Хазаръ, — значитъ послѣ 480 г. и вообще въ концѣ V столѣтія по Р. Хр.

Нашествіе Бѣлыхъ Угровъ (Бѣлии Угри, не Σαράγουροι-ли?) или Хазаръ, о которыхъ ему извѣстно и изъ болгарско-византійскаго источника, что они (въ 626 г.) въ союзѣ съ Иракліемъ воевали противъ Хосроя. Къ тому-же времени (въ сижи времена) Несторъ, согласно мѣстному преданію, относитъ и нашествіе Аваровъ (Обри); о ихъ походѣ противъ Ираклія (въ 619 г.) онъ, однако, упоминаетъ на основаніи болгарско-византійскаго источника.

Нашествіе Печенѣговъ, о которомъ онъ упоминаетъ, кромѣ того, и въ самой лѣтописи.

Въ заключеніе Несторъ упоминаетъ еще и о нашествіи Черныхъ Угровъ (восточно-финскихъ Мадьяръ подъ предводительствомъ древне-тюркскихъ династовъ), и въ самомъ повѣствованіи онъ (подъ 898 г.) еще особо упоминаетъ о ихъ вторженіи во владѣнія Валаховъ и Славянъ — страны, въ которыхъ «теперь»,

т. е. во времена Нестора, находятся страна Угровъ и страна Болгаръ.

Нужно принять во вниманіе, что эти 5 нашествій перечислены лѣтописцемъ въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ. При этомъ Несторъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о Франкахъ Карла, какъ о сокрушителяхъ аварской власти въ прежнихъ славянскихъ владѣніяхъ. И о вторженіи Волоховъ онъ не упоминаетъ въ главѣ этихъ нашествій, такъ какъ о немъ онъ говоритъ уже выше и поэтому полагаетъ, что оно имѣло мѣсто раньше (т. е. до вторженія Болгаръ). Подъ 898 г. онъ вновь напоминаетъ читателю, что Волохи, тогда вытѣсненные Уграми, были тѣ-же самые, которые нѣкогда на берегахъ Дуная папали на Славянъ и подчинили ихъ себѣ.

Славянское значеніе имени Волоховъ указываетъ намъ, какой народъ Несторъ понимаетъ подъ тѣми Волохами, которые, будто-бы, напали на однихъ только Славянъ и тѣснили ихъ. Впервые это имя встрѣчается въ паннонскомъ житіи Св. Меѳодія, которымъ пользовался и Несторъ. Согласно этому житію, (глава 5-я) моравскій князь Растиславъ писалъ византійскому императору Михаилу, что въ его страну прибыло много духовныхъ учителей изъ Влахіи, изъ Греціи и изъ Германіи («изъ Влахъ и изъ Грекъ и изъ Нѣмецъ»). На первомъ мѣстѣ, разумѣется, имѣются въ виду итальянскіе миссіонеры. Въ польскомъ и чешскомъ языкахъ еще не вышли изъ употребленія имена «Włoch» и «Vlach», для обозначенія Итальянцевъ, и множественныя числа «Włochy» и «Vlachi», въ значеніи — «Италія» (въ чешск. яз. также — «Vlasko», ср. род.), тогда какъ нѣкогда очень употребительное нѣмецкое «Wälschland» совершенно устарѣло. Особенно достойно вниманія то мѣсто хорватской лѣтописи (Arkiv pov. jugosl. Kn. I. U Zagrebu. 1851. I, 225), гдѣ говорится о Морвлахахъ; сама лѣтопись называетъ ихъ «čarni latini», а пресвитеръ Діокл. (V; y Schwandtner'a, 3, p. 478) правильно переводитъ это черезъ «Moroulachi, hoc est Nigri Latini», такъ какъ итальянская форма представляетъ собою лишь сокращеніе формы Μαυρόβλαχοι. Даже въ

славянскихъ колоніяхъ нижней Италіи по сію пору живо имя Влахи для Итальянцевъ. (Заселеніе.... М. Дринова, стр. 82.— Geschichte der Bulgaren. Von K. Jiretschek, Prag 1876, p. 220). Эти и другія данныя имѣютъ такое большое значеніе, что, опираясь на нихъ, можно объяснить одно мѣсто у Нестора, которое до сихъ поръ, частью, считали подложнымъ, частью-же понимали превратно, какъ сдѣлалъ это, между прочимъ, и Кругъ.

Съ самаго начала бросается въ глаза, что Несторъ при перечисленіи народовъ изъ отдѣльныхъ народностей Италіи кромѣ торговаго народа Венеціанцевъ (Веньдици) упоминаетъ еще только Римлянъ, хотя Италія въ то время являлась понятіемъ исключительно географическимъ. Имена Римляне и Римъ Несторъ употребляетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ что онъ, очевидно, былъ хорошо освѣдомленъ о незначительномъ объемѣ patrimonium Petri, хотя онъ и не зналъ, что Ліудпрандъ (Legat. cap. 12) отрицалъ всякую связь между (романизованными) Лангобардами и Римлянами. Подъ Волохами (Волохове), которыхъ онъ помѣщаетъ между Галичанами и Римлянами, Несторъ очевидно понимаетъ обитателей неримскихъ и невенеціанскихъ частей Италіи. Въ такомъ видѣ (Волохове) это имя встрѣчается не во всѣхъ спискахъ; въ нѣсколькихъ спискахъ вмѣсто этого читается собирательная форма «Волъхва». Въ Cod. Radivil. и въ спискѣ московской Духовной Академіи это имя совершенно опущено; однако этихъ двухъ списковъ нельзя приводить въ доказательство противъ остальныхъ. Уже въ 1823 г. Кругъ былъ убѣжденъ въ подлинности формы этого имени въ приведенномъ мѣстѣ, только онъ приводилъ его въ связь съ упоминаемой Несторомъ немного ранѣе «Волошьской землей» (т. е. Нормандія) и прямо толковалъ имя «Волохове» въ значеніи «Франки». Однако, то обстоятельство, что Несторъ (или его болѣе ранній источникъ) и безъ того называетъ западныхъ Франковъ Карлингами (Корлязи), а восточныхъ — просто Франками (Фрягове), и что «Волохове» помѣщены не рядомъ съ Англичанами, а между Галичанами и Римлянами, нисколько не говоритъ въ пользу толкованія Круга.

И такъ, подъ тѣми Волохами, которые вторглись во владѣнія Славянъ на Дунаѣ и производили надъ ними всякаго рода насилія, намъ слѣдуетъ понимать жителей Италіи или Римской имперіи. Словомъ, Волохи — это римскіе солдаты Траяна, которые затѣмъ были имъ поселены въ Дакіи; тутъ они потомъ отчасти смѣшались съ женами и дочерьми плѣненныхъ или погибшихъ мужчинъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и надгробные камни, на которыхъ встрѣчаются неримскія женскія имена. Воспоминаніе о завоеватель Траянѣ еще долго было живо среди славянъ, хотя и его имя было окружено легендами. Ср. сочиненія, цитованныя Конст. Иречекомъ (Gesch. d. Bulg. p. 76), къ которымъ можно прибавить еще библіографическую замѣтку по поводу изслѣдованія Миклошича о славянскихъ элементахъ въ румынскомъ языкѣ въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ. Т. X, стр. 144. Въ новѣйшемъ комментаріи къ Слову о полку Игоревѣ (Замѣчанія на Слово.... Кн. П. П. Вяземскаго. Спб. 1875 г., стр. 90 Указат.) слишкомъ мало вниманія обращено на изслѣдованія сказанія о Траянѣ.

Пусть тѣ, которые въ Волохахъ не желаютъ видѣть Римлянъ Траяна, постараются лучше пріурочить такое разъ установившееся у Славянъ употребленіе этого имени къ какому-нибудь другому историческому событію. Мы вовсе не утверждаемъ, что всѣ литературныя и народныя формы, въ которыхъ встрѣчается имя Траяна, одинаково достойны вниманія; однако, простымъ подтруниваніемъ надъ возникновеніемъ и значеніемъ двухъ-трехъ изъ этихъ формъ остальныхъ еще нельзя лишить значенія.

Правда, возникновеніе славянскаго преданія о Волохахъ еще недостаточно выяснено тѣмъ предположеніемъ, что Несторъ и болѣе ранніе средневѣковые писатели считали Славянами племена, искони обитавшіе Ѳракію, Иллирію и Паннонію. Всѣ попытки послѣдняго времени превратить Гетовъ и Даковъ въ Славянъ или Германцевъ, конечно, должны были окончиться полною неудачею; они не привели даже и къ тому выводу, что ѳракійское

племя стояло ближе къ славяно-литовскому, чѣмъ къ эллинскому или иллирійскому. Болѣе вниманія достойно мнѣніе, которое отстаивалъ уже Шафарикъ и др., что на Дунаѣ въ памятникахъ греческой и римской письменности еще до времени Гунновъ встрѣчаются славянскіе элементы. Однако, они немногочисленны, и многія имена мѣстностей, несмотря на свой славянскій видъ, можетъ быть, принадлежатъ скорѣе обитавшимъ тамъ индо-германскимъ народностямъ, чѣмъ Славянамъ. Впрочемъ, эти имена даютъ еще очень немного, такъ-какъ нельзя оспаривать того положенія, что славяно-литовское племя лишь на сѣверѣ распалось на двѣ половины. Если-же это такъ, то эти отголоски въ именахъ мѣстностей ведутъ свое начало отъ отдѣльныхъ славянскихъ общинъ, проникшихъ на югъ въ доисторическій періодъ Славянъ (т. е. до Аттилы). Вѣдь и впослѣдствіи еще мы видимъ, что, какъ въ этихъ мѣстностяхъ, такъ и въ Греціи и въ сѣверной Германіи, отдѣльныя славянскія орды, еще не связанныя узами государственности, выдвигаются далеко впередъ. Именно Декебалъ могъ имѣть и Славянъ въ числѣ своихъ подданныхъ, а сами Римляне указываютъ на то, что не всѣ его воины пали отъ меча, но что нѣкоторые изъ нихъ переселились (на сѣверъ или на сѣверозападъ). Карподаки, т. е. Карпатскіе Даки, и позже появляются вновь, и ни Шафарику, ни кому-либо другому не удалось доказать чисто славянское происхожденіе именъ «Карпы» и «Карпаты».

г) Вытѣсненіе (румынскихъ) Волоховъ Мадьярами около 900 года.

Подъ 898 годомъ Несторъ сообщаетъ, что Угры, переваливъ черезъ Карпаты, ринулись на жившихъ въ тѣхъ краяхъ (ту) Волоховъ и Славянъ, вытѣснили Волоховъ и заняли ихъ страну, Славянъ-же подчинили себѣ. (Ср. у Рёслера, p. 80). Несторъ въ свое время не могъ имѣть вполнѣ точнаго, въ географическомъ отношеніи, представленія о мѣстожительствѣ этихъ (румынскихъ) Волоховъ, которыхъ онъ нарочито называетъ по-

томками древнихъ (италійскихъ) Волоховъ. Почему Несторъ подъ 6406 = 898 годомъ вкратцѣ излагаетъ исторію переселенія Угровъ, выяснено Кругомъ (Forschungen II, p. 372 sqq.).

P. S. Лишь во время корректуры этой работы мнѣ пришла мысль познакомиться съ одною, отмѣченною мною, критическою замѣткою по поводу изслѣдованій Рёслера. Я имѣю въ виду замѣтку одного изъ первыхъ романистовъ нашего времени — Г. Шухардта въ «Allgemeine Zeitung» (1871 г. № 88 и 91). Къ моему немалому удивленію, я тамъ нашелъ примѣчаніе по поводу Волоховъ Нестора, свидѣтельствующее о тонкомъ критическомъ чутьѣ автора. Надѣюсь, что въ моемъ разборѣ онъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ добавленій съ моей стороны, найдетъ разрѣшеніе всѣхъ поднятыхъ имъ вопросовъ и сомнѣній. Только по поводу одного мѣста въ этомъ примѣчаніи считаю нужнымъ коечто замѣтить. Г. Шухардтъ полагаетъ, что Славяне однимъ и тѣмъ-же именемъ называли «die Walachen und (mit einiger geringen Verschiedenheit der lautlichen Form) die Italiener». Сказанное въ словахъ, поставленныхъ въ ковычкахъ, не имѣетъ значенія для древнѣйшаго времени. Въ церковно-славянскомъ житіи Св. Меѳодія, Италія въ IX стол. называется — Влахи. Отъ Болгаръ и Византійцы заимствовали свое Vlach и отъ него образовали имена Βλάχος и Vlachia для задунайскихъ Румынъ и занимаемой ими территоріи. Тамъ, гдѣ замѣтна «eine Verschiedenheit der lautlichen Form», мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшими заимствованіями. Этимъ объясняется, напр., различіе между польскими формами Włoch и Wołoch, прил. włoski и wołoski (ср. ниже).

Переходъ ă въ ŏ въ польской формѣ Włoch (Итальянецъ) и въ древне-русской формѣ Волохъ объясняется особенностью славянскихъ нарѣчій, о которой см. Каспій, стр. 416 слѣд. Къ перечисленнымъ тамъ древне-русскимъ чуземнымъ именамъ можно прибавить еще: Обры (Авары), Козары (Хазары), Обезы (Абхазы), Борты (Барты) и Голядь (Галинды).

Какъ извѣстно, въ русскомъ языкѣ сочетаніе двухъ соглас-

ныхъ въ началѣ слова устраняется повтореніемъ коренной гласной: отношеніе формъ Волохъ и Влахъ подобно отношенію формъ городъ и градъ, борода и брада. Если въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи Нестора встрѣчается форма *Влохъ* вмѣсто *Волохъ,* то въ этомъ приходится винить только нерадивыхъ переписчиковъ. Чтеніе Влахъ (въ Вѣнскомъ изд. 1860 г.), какъ совершенно не русская форма, должно быть безусловно отвергнуто.

д) Волохи (румынскіе) въ русскихъ источникахъ послѣ 1386 года.

Изъ извѣстія приведеннаго подъ 898 годомъ слѣдуетъ, что Несторъ (или авторъ этого извѣстія) ничего не зналъ о существованіи въ его время Волоховъ къ сѣверу отъ Дуная, но между тѣмъ онъ ничего не сообщаетъ о томъ, куда они переселились или куда они спаслись, что̀ его, можетъ быть, и не особенно интересовало. Въ послѣдующія столѣтія имя Волоховъ совершенно исчезаетъ въ русскихъ источникахъ, хотя иногда и говорится о тѣхъ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Дуная, которыя теперь населены Румынами. Однако, это древне-русское имя, вѣроятно, оставалось общеупотребительнымъ, такъ какъ совершенно въ той-же формѣ вновь появляется въ концѣ XIV вѣка, а именно, въ 1386 году, когда Василій, сынъ великаго князя Дмитрія Донского, бѣжалъ изъ Золотой Орды «въ Подольскую землю, въ Великіе Волохи» къ (молдавскому) воеводѣ Петру (Карамзинъ V, прим. 113, по такъ называемой Ростовской лѣтописи. Срв. также и Воскр. лѣтоп. 6894 г.). Съ этого времени это имя встрѣчается чаще и лишь въ XVIII и XIX ст. оно было вытѣснено нѣмецкою формою «Walach». Древне-русская форма, напротивъ, сохранилась у Поляковъ: Wołoch; прил. Wołoski; Wołochy (мн. ч.), какъ имя страны, для обозначенія которой, впрочемъ, было образовано также имя Wołoszczyzna. Поляки приняли древне-русскую форму тѣмъ охотнѣе, что она отличалась отъ употребительнаго у нихъ сходнаго имени для Итальянцевъ: Włoch; прил. włoski и т. д. Латинскія грамоты, касающіяся такъ называемаго

«jus valachicum», заставляютъ предполагать, что упомянутая русская форма этого имени была въ употребленіи въ южной Польшѣ еще около 1370 года; она могла, впрочемъ, войти въ употребленіе въ Червонной Руси и до появленія Владислава Оппельнскаго. О такъ называемыхъ «Валахскихъ селеніяхъ» существуетъ монографія графа Алекс. Стадницкаго (O wsiach tak zwanych wołoskich na północnym stoku Karpat. We Lwowie 1848, 4°). Срв. Połnocnowschodnie wołoskie osady. Przez J. T. L. (Biblioteka Warszawska. T. 60, p. 1—56).

e) **Влахи на границѣ Галиціи въ 1164 году.**

О Влахахъ къ югу отъ Дуная и, въ особенности, въ Македоніи Византійцы впервые упоминаютъ подъ 976 годомъ, если только считать Кедрина достовѣрнымъ источникомъ. Именно словъ *παρά τινων Βλαχῶν ὁδιτῶν*, имѣющихъ рѣшающее значеніе, и недостаетъ въ изданномъ въ 1580 г. латинскомъ переводѣ Скилицы, котораго Кедринъ и въ этомъ мѣстѣ выписываетъ. Въ вопросѣ о Влахахъ (*Vlachi*), въ 1025 году сражавшихся въ Италіи въ рядахъ византійскаго войска, упускаютъ изъ вида, что о нихъ не упоминается у Лупа (Cod. Andr. срв. Каспій, стр. 658). Не стоитъ-ли *Vlachi* вмѣсто *Brunchi?* Или, можетъ быть, были смѣшаны *Vlachi* и *Lachi* (Poloni)? Еще никѣмъ, кажется, не было сдѣлано критическаго сопоставленія всѣхъ разбросанныхъ историческихъ свѣдѣній о южныхъ Влахахъ. Сравнительно лучшія статистическія данныя о нихъ представилъ Э. Пико (E. Picot) въ своемъ трудѣ: Les Roumains de la Macédoine. Paris, chez Leroux (перепечатано изъ Revue d'Anthropologie. Tome quatrième. 1875, p. 385—429). Столь начитанному Пико также не подъ силу было разсѣять тотъ мракъ, который все еще окутываетъ 16 валахскихъ селеній, принявшихъ исламъ. Вообще, было-бы желательно, чтобы путешественники по европейской и азіатской Турціи собирали на мѣстѣ свѣдѣнія о причинахъ перехода въ исламъ цѣлыхъ христіанскихъ деревень съ славянскимъ, гре-

ческимъ, валахскимъ и грузинскимъ населеніемъ. *B. P. Hasdeu* (Istoria critica a Romanilorŭ. Vol. 1. Edit. II, Bucuresci 1874, p. 72) держится того мнѣнія, что въ житіи Св. Ѳеодосія (Vita s. Theodosii) южные Влахи подъ именемъ *Armenii* упоминаются одновременно съ Бессами уже въ IV стол. При этомъ онъ, кажется, несправедливо опирается на современную форму «Armeng».

Византійскіе историки долго упорно молчатъ о валахскихъ поселеніяхъ къ сѣверу отъ Дуная. Между тѣмъ, Рёслеръ совершенно игнорировалъ одно мѣсто у Никиты Акомината (стр. 86—171), которое, выдержи оно критику, само по себѣ могло-бы опровергнуть его теорію. Андроникъ Комнинъ (впослѣдствіи императоръ) въ 1164 году бѣжалъ въ Галицію къ своему родственнику, русскому князю Ярославу Владимирковичу. Незадолго до этого попытка бѣжать не удалась ему, такъ-какъ, у самыхъ границъ Галиціи (τῶν τῆς Γαλίτζης ὁρίων) онъ былъ схваченъ Влахами (παρὰ Βλάχων). «Влахъ» здѣсь едва-ли возможно понимать въ смыслѣ нарицательнаго — «пастухъ», такъ какъ Никита очень часто употребляетъ это слово, какъ племенное имя южныхъ Влаховъ.

P. S. Уже послѣ того, какъ моя работа была сдана въ типографію, я получилъ окончаніе работы Юнга (ср. выше, стр. 3) и дополненія Вильг. Томашека, «Zur Walachischen Frage» (въ Zeitschrift, p. 342—346). Оба автора приводятъ такія доказательства и намеки, которые совершенно не говорятъ въ пользу гипотезы Рёслера.

В. Томашекъ въ своей работѣ говоритъ также о бѣгствѣ Комнина Андроника въ Галицію и относитъ его «къ концу 1164 года». Въ данномъ случаѣ безусловно необходимо въ точности установить годъ. По общепринятому мнѣнію, упомянутое событіе случилось въ 1165 году, что было принято на вѣру и мною (въ «Zusätze» къ Krugs Forsch. 1848, 2, 824). Однако, при составленіи комментарія къ генеалогической таблицѣ Комниновъ, я, путемъ сравненія византійскихъ, латинскихъ и русскихъ источниковъ (Ученыя Записки Академіи Наукъ. Томъ II, 1854 г.,

стр. 716), пришелъ къ убѣжденію, что уже связь между событіями требуетъ принять вообще 1164 годъ, но не обязательно конецъ его. Подобно мнѣ и Томашекъ понималъ τὰ ὅρια у Никиты въ значеніи «границы». Между тѣмъ это слово могло стоять также въ смыслѣ «fines», такъ-какъ Никита на слѣдующей страницѣ употребляетъ выраженіе ἐς τὰ Ῥωμαίων ὅρια (въ значеніи: in Graecorum fines). Такъ какъ Червонная Русь до татарскаго ига обнимала бо̀льшую территорію, то эти Валахи уже давно могли принадлежать къ ея населенію.

ж) **Влахи въ нѣмецкихъ источникахъ.**

Въ нѣмецкихъ источникахъ сѣверные Валахи, вѣроятно, встрѣчаются не ранѣе основанія влахо-болгарскаго царства. Можно-ли считать обоихъ влахскихъ герцоговъ «Hornboge» и «Râmune» (объ ихъ именахъ см. Мюлленгоффа въ издаваемой Гауптомъ Zeitschr. für deutsch. Alterthum 10, 167; на стр. 165 онъ высказываетъ еще предположеніе объ употребленіи имени «Vlâchen» въ пѣсни Нибелунговъ) двумя основателями влахо-болгарскаго царства (съ 1186 года)? Если-бы это было такъ, то это, можетъ быть, бросило-бы нѣкоторый свѣтъ и на время послѣдней редакціи пѣсни Нибелунговъ.

Въ Biterolf'ѣ (Deutsches Heldenbuch. 1 Th. Berlin, 1867), вѣроятно, также имѣются въ виду только южные Влахи въ смыслѣ Болгаръ, по крайней мѣрѣ, въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ (10, 188):

die Vlâchen kâmen în geriten
mit manegem *hurnînen bogen*....

Роговые луки, вѣроятно, требовали отъ стрѣлявшихъ изъ нихъ бо̀льшаго напряженія силъ. Не даромъ одного Норвежца, вскорѣ послѣ 978 года отправившагося въ Византію, звали «Finnbogi ram-r» (сильный; срв. нѣмецкое ramm, баранъ). Долгота гласной въ словѣ Vlâch не первоначальная (срв. выше, стр. 17). Сама форма заставляетъ предполагать, что, какъ имя юж-

ныхъ Влаховъ, она стала извѣстною только при посредствѣ Славянъ или Византійцевъ.

з) Блакуманны въ скандинавскихъ источникахъ.

Скандинавскія саги, какъ кажется, также знаютъ лишь южныхъ Влаховъ. Для нѣкоторыхъ народовъ было трудно произнести «wl» въ началѣ слова. Поэтому, Влахи нерѣдко называются «Blaci», какъ напр., въ одной грамотѣ отъ 1366 года (Fejér IX, 7, 252), болѣе точное освѣщеніе вопроса о достовѣрности или подложности которой слѣдовало-бы ожидать именно отъ Рёслера. На одномъ готландскомъ руническомъ столбѣ (Carl Säve, Gutniska urkunder. Stockh. 1859, p. 44, 55 и 035 введенія) Влахи (въ имен. пад. мн. ч.) называются Blakumen. Согласно большой Olafssaga (Forum. sög. 5,283, или Antiquités russes et orient. 1, 468 и срв. p. 477) страна Blakumannaland, чрезъ которую во время императора Алексѣя Комнина (около 1080 года и позже) проходили язычники (вѣроятно, Печенѣги) лежитъ къ югу отъ Дуная. Въ формѣ Blökumen (имен. пад. мн. ч.; род. мн. ч. — manna) коренная гласная, въ виду свойственной норвежско-исландскому языку особенности, подъ вліяніемъ слѣдующаго «u» только переголосована въ «ö».

Изъ приведеннаго выше объясненія тѣхъ мѣстъ русской лѣтописи, въ которыхъ упоминаются Влахи, можно, по нашему мнѣнію, вывести заключеніе, что эти мѣста не говорятъ въ пользу смѣлаго положенія Рёслера, согласно которому предки нынѣ болѣе чѣмъ пятимилліоннаго румынскаго населенія Буковины, Бессарабіи, княжества Румыніи, Трансильваніи и Баната поселились къ сѣверу отъ Дуная лишь послѣ основанія третьяго болгарскаго царства. Такія переселенія и раньше этого времени могли происходить неоднократно, безъ того, чтобы жившіе вдали

отъ мѣста событій лѣтописцы это замѣчали или считали нужнымъ отмѣчать. Мы даже во всякомъ случаѣ можемъ допустить, какъ то, что въ 274 году не всѣ дакійскіе Романы переселились на южный берегъ Дуная, такъ и то, что около 900 года не всѣ сѣверные Влахи были истреблены Мадьярами. Незначительные остатки легко могли бѣжать въ горы, гдѣ они *пастухами* — у Византійцевъ имя βλάχος уже рано встрѣчается въ этомъ нарицательномъ значеніи — вели скромное существованіе и куда за ними не могли послѣдовать конные народы вродѣ Мадьяръ и Печенѣговъ. Въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ недостатка. На основаніи неизвѣстнаго источника Плиній сообщаетъ (VI, 7 и 19), что при вторженіи Скиѳовъ Напейцы и Танаиты погибли поголовно (viritim). Однако, врядъ-ли это было такъ, потому-что Амміанъ Маркеллинъ вновь называетъ Напейцевъ между горцами Крыма, послѣ того какъ прошло уже тысячелѣтіе со времени натиска Скиѳовъ. Значитъ, остатки Напейцевъ скрылись въ крымскія горы, тогда еще очень лѣсистыя. Тоже самое сдѣлали и Готы, такъ какъ они, пѣшіе, въ степи не могли противостоять натиску гуннской конницы.

Тѣ, которые не задумывались серьезно надъ процессомъ смѣшенія нѣкоторыхъ расъ, изъ современнаго разселенія Румынъ склонны вывести заключеніе о времени поселенія ихъ къ сѣверу отъ Дуная. Между тѣмъ, румынской національности искони была свойственна необыкновенно значительная способность ассимилировать. Не вдаваясь глубже въ этотъ интересный вопросъ, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе лишь на одно достовѣрное наблюденіе: Между тѣмъ какъ дакійскія жены римскихъ легіонаріевъ усваивали языкъ своихъ мужей и передавали его своимъ дѣтямъ, впослѣдствіи, румынскія женщины занимались пропагандою своего языка. Тамъ, гдѣ, напр., теперь румынская невѣста вступаетъ въ сербскій домъ, румынскій языкъ становится языкомъ семьи. И другія національности, хоть и не такъ быстро, становятся жертвою этой пропаганды романскихъ женщинъ. Только одна національность, а именно еврейская, съ непреодо-

*

лимою стойкостью противится Румынамъ. Подъ вліяніемъ старыхъ польскихъ порядковъ, ставшихъ непоправимыми послѣ появленія іезуитовъ, сотни частію цвѣтущихъ городскихъ общинъ отъ Варты до Днѣпра и Двины опустились до уровня плодовитыхъ еврейскихъ гнѣздъ. Та-же самая судьба неминуемо ожидаетъ города Румыніи и сосѣднихъ государствъ, если не удастся превратить въ истинныхъ гражданъ племя, само по себѣ культурное, но страшно заброшенное за время польской Рѣчи Посполитой.

Разысканіе 4-ое.

Первое посѣщеніе (Aufsegelung) „Суда“ византійскаго народомъ-морсходомъ „Сѣверными Скиѳами“ въ IX столѣтіи [1]).

А. Куника.

Уже давно пытались опредѣлить, какое значеніе имѣли отдѣльныя внутреннія моря, и въ особенности понтійское и балтійское, для исторіи развитія живущихъ по ихъ берегамъ народовъ; только, обыкновенно, эту трудную, хотя и благодарную задачу, брали на себя люди, совершенно лишенные всякаго этнологическаго пониманія. Вѣдь именно исторія понтійскаго и балтійскаго морей требуетъ строгаго разграниченія ихъ прибрежныхъ жителей съ точки зрѣнія военной организаціи, такъ какъ иначе остались бы непонятными ихъ склонность или отвращеніе къ морской

1) Константинопольскій проливъ, теперь обыкновенно называемый «Золотымъ Рогомъ», уже давно подъ различными именами былъ извѣстенъ у моряковъ различныхъ національностей, такъ что такъ называемыми Сѣверными Скиѳами онъ былъ какъ-бы вторично открытъ (aufgesegelt); такъ и про Лифляндію, по старому морскому выраженію, Нѣмцы продолжали писать, что въ XI стол. она была открыта Саксонцами (vpgesegelt, y Rüssow'a, a. 1577).

войнѣ. Не менѣе отчетливо должно быть выдѣлено то различіе въ отношеніи морской торговли, которое въ болѣе древнія времена было замѣтно между различными прибрежными жителями этихъ морей. Торговлей занимались всѣ отдѣльные прибрежные народы, какъ только имъ удавалось вкусить плодовъ цивилизаціи. Но какого рода была торговля у каждаго отдѣльнаго народа, и который изъ нихъ пользовался естественнымъ водкымъ путемъ по этимъ двумъ морямъ? Морской разбой и торговля не исключали другъ друга, и не одинъ народъ древности и среднихъ вѣковъ занимался и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ: морской разбойникъ, произведшій грабежъ гдѣ-нибудь на берегу, забравшій на свои суда всякаго добра, сильныхъ мущинъ, молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ, старался прежде всего сбыть рабовъ и рабынь въ какомъ-либо ему извѣстномъ торговомъ центрѣ и, такимъ образомъ, временно становился купцомъ, который часто товары предпочиталъ наличнымъ деньгамъ. У кого, съ какихъ поръ и какъ долго подобные обычаи были въ ходу на Понтѣ и въ предѣлахъ балтійскаго бассейна? Эти и подобные вопросы долженъ себѣ самому предложить всякій историкъ, не приписывающій простому случаю тотъ фактъ, что большинство народовъ, появлявшихся на берегахъ Чернаго моря въ древности и въ средніе вѣка, даже не пытались вступать въ борьбу съ его волнами, не говоря уже о томъ, чтобы сродниться съ нимъ.

Если мы окинемъ взглядомъ рядъ понтійскихъ народовъ, въ древности и въ средніе вѣка составившихъ себѣ имя, хотя и не культурными, а военными подвигами, то взглядъ нашъ, главнымъ образомъ, остановится на большихъ степныхъ народахъ. Про нихъ-то, преимущественно, и можно сказать, что они, въ точномъ смыслѣ слова «боялись воды». Будучи сынами среднеазіатскихъ и верхнеазіатскихъ степей, они какъ-бы срослись со своими конями, такъ-что рѣшеніе довѣриться морю и сражаться на немъ потребовало-бы измѣненія всей ихъ природы. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ это, положимъ, могло случиться, но не такъ легко, пока такимъ степнымъ народамъ не приходилось

сталкиваться ни съ христіанской ни съ мусульманской культурой. Эллинская цивилизація не была въ состояніи произвести подобной перемѣны въ тѣхъ наслоеніяхъ кочевыхъ народовъ, которыя почти за 1000 лѣтъ до Р. Х. образовались къ сѣверу и къ сѣверозападу отъ Понта. Для Скиѳовъ, въ настоящемъ или болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, берега моря оставались границами ихъ владѣній. Подъ конецъ слабые остатки скиѳскихъ и сарматскихъ конныхъ ордъ должны были подчиниться народу, сражавшемуся лишь въ пѣшемъ строю, а именно — Готамъ, около 200-го года надвинувшимся со стороны Балтійскаго моря. А эти послѣдніе, въ продолженіе тѣхъ двухъ столѣтій, что они властвовали на берегу Понта, доказали, что въ нихъ не было стремленія превратиться въ мореходцевъ, словомъ: понтійскіе Готы были прибрежными жителями, но не мореходцами (см. Каспій, стр. 430).

Со времени Гунновъ три рода тюркскихъ народовъ смѣнили другъ друга въ тѣхъ краяхъ, но ни Гунны, ни Болгары, Авары и Хазары, ни Печенѣги и Половцы, ни Татары не чувствовали стремленія сродниться съ моремъ. Только одной изъ этихъ ордъ выпала на долю такая честь, что въ продолженіе одного столѣтія Понтъ назывался ея именемъ: по крайней мѣрѣ, у трехъ арабскихъ писателей IX вѣка онъ называется «Хазарскимъ моремъ», но не потому, чтобы Хазары плавали по нему, а потому лишь, что они подчинили себѣ большія пространства по берегу этого моря и, частію, содержали тамъ военные гарнизоны. Арабскій писатель Масъуди, который, какъ мусульманинъ, не вполнѣ былъ способенъ ясно распознавать природныя особенности и наклонности отдѣльныхъ народовъ, около 940 года посѣтилъ юговосточную и южную часть Каспійскаго моря и убѣдился въ господствовавшей на немъ кипучей жизни. Ему бросилось въ глаза, что сами Хазары не имѣли флота, и лишь потому, что они владѣли сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря и частью западнаго берега, онъ это море называлъ, преимущественно, Хазарскимъ, а Волгу — Хазарской рѣкой. Но онъ уже не могъ рѣшиться, по

примѣру предшествующихъ, ему хорошо извѣстныхъ писателей, называть Понтъ, Хазарскимъ моремъ: за это время на Понтѣ выросла новая сила, значеніе которой онъ вполнѣ сумѣлъ оцѣнить, и которое нашло себѣ выраженіе въ употребленномъ впервые имъ для обозначенія Понта имени «Русское море». Лишь незадолго до этого возобновилось такъ хорошо извѣстное поэтамъ и такъ мало извѣстное историкамъ древнее таврическое избіеніе людей, какъ выражается авторъ житія св. Георгія Амастрійскаго по поводу набѣга Русовъ (Rôs) въ 865 году: *ἡ ταυρικὴ ξενοκτονία ἐκείνη ἡ παλαιά παρ᾽ αὐτοῖς νεάζουσα.*

Въ то время, когда сѣверный берегъ Понта находился подъ властію скиѳско-сарматскихъ и слѣдовавшихъ за ними тюркскихъ племенъ, одни лишь Греки пользовались воднымъ путемъ, шедшимъ отъ Ѳракійскаго Босфора къ Киммерійскому и къ устьямъ Днѣпра, Днѣстра и Буга. Какъ ни малы были потребности этихъ кочевниковъ, питавшихся кониной и кумысомъ, — постепенно они вошли во вкусъ произведеній промышленности ушедшихъ, въ культурномъ отношеніи, впередъ народовъ Малой Азіи и жившихъ на западъ отъ нихъ Грековъ. Часто греческія торговыя поселенія разрушались, но потребность въ мѣновой торговлѣ всегда сказывалась вновь. Правда, кочевники не могли вывозить зерна, но степныя лошади, кожи степного скота, (соленая) рыба и икра, а равно и всякаго рода пушнина, невольники и т. п. охотно принимались въ торговыхъ складахъ, расположенныхъ по берегу моря. Въ теченіе первыхъ вѣковъ существованія Византійской Имперіи у греческихъ торговцевъ не было никакихъ соперниковъ. Только Евреи, частію, вѣроятно, изъ Малой Азіи, поселились на берегу Киммерійскаго Босфора, какъ о томъ свидѣтельствуютъ греческія надписи, найденныя въ Пантикапеѣ (Керчи) и около Анапы и принадлежащія ко времени до Гунновъ. Слѣдовъ славянскихъ торговцевъ и пиратовъ на Понтѣ нельзя найти и въ столѣтія, слѣдующія за паденіемъ государства Гунновъ. Ни одинъ знатокъ исторіи средневѣкового мореплаванія не станетъ этому удивляться, только наши *моряки на*

сухомъ пути (см. Каспій, стр. 688) держатся иного мнѣнія; на томъ основаніи, что живщіе близъ устьевъ Дона и Днѣпра казаки въ *шестнадцатомъ* и *семнадцатомъ* столѣтіи (см. Каспій, стр. 391) такъ легко изучили ремесло пиратовъ и съ успѣхомъ занимались имъ, они воображаютъ, что за *тысячу* лѣтъ до этого славянамъ-язычникамъ было такъ-же легко, живя на сѣверѣ далеко отъ моря, преобразиться изъ мирныхъ земледѣльцевъ въ морскихъ разбойниковъ!

Можно было предвидѣть, что тѣ предположенія, которыя были высказаны въ Каспіи (стр. 357 и 453) съ цѣлію дать возможность оріентироваться въ области исторіи русскаго мореходства, дадутъ поводъ къ преніямъ. Этимъ оказывается дѣйствительная услуга чрезвычайно важному предмету, по которому образованное общество ждетъ разъясненій отъ историковъ. До сихъ поръ три голоса высказались по поводу того, что приведено въ Каспіи [1]). Предоставляемъ судить другимъ, было-ли самое существенное изъ того, что высказано въ Каспіи, вѣрно понято этими антинесторовцами, въ особенности, кн. Вяземскимъ и гг. Иловайскимъ и Забѣлинымъ, не упустили-ли они изъ виду то или другое замѣчаніе, не смѣшали-ли они совершенно различныя эпохи и основаны-ли ихъ возраженія на положительномъ историческомъ знаніи или, отчасти, лишь на апріорныхъ заключеніяхъ. Мы обратимъ здѣсь особенное вниманіе лишь на одно положеніе, опровергнуть которое строго научнымъ путемъ невозможно.

Исторія древности и среднихъ вѣковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что множество народовъ, обитавшихъ далеко отъ морскихъ береговъ, не успѣли создать ни военнаго, ни торговаго флота, и что даже не мало приморскихъ народовъ, по той или другой причинѣ, не дѣлали даже попытокъ воспользоваться своимъ выгоднымъ географическимъ положеніемъ для того, чтобы въ качествѣ

1) Князь П. П. Вяземскій, стр. 29—31. — Разысканія о началѣ Руси. Соч. Д. Иловайскаго, стр. 144. — Исторія русской жизни. Соч. И. Забѣлина. I, стр. 121—127.

воиновъ или торговыхъ людей пріобрѣсти извѣстное значеніе на морѣ. Когда Славяне впервые выступили на поприще исторіи, мѣста ихъ осѣдлости въ нынѣшней Россіи не достигали ни до Чернаго, ни до Балтійскаго морей. Благодаря движенію Готовъ къ Черному морю, движенію, очевидно, находящемуся въ связи съ великою маркоманнскою войною, Славяне получили больше простора и постепенно стали двигаться на западъ и сѣверо-западъ въ мѣстности, оставленныя Германцами. Въ то время, когда отрядъ Геруловъ — около 510 года — направлялся отъ Дуная въ южную Швецію, ему по ту сторону далеко растянувшихся славянскихъ владѣній пришлось пройти большую безлюдную пустыню (ἔρημον δὲ χώραν διαβάντες ἐνθένδε πολλήν), прежде чѣмъ онъ пришелъ къ остаткамъ Варновъ—Varini Тацита[1]), — а оттуда къ Датчанамъ (т. е. Ютамъ). Предположивъ даже, что Славяне еще въ VI столѣтіи заняли всю прибрежную полосу отъ Вислы до Травы, то все-же нѣсколько поколѣній должны были смѣниться, прежде-чѣмъ они отъ каботажнаго могли перейти къ дальнему плаванію и къ разбою. Въ тѣ времена это, само по себѣ, было не такъ легко, какъ воображаютъ иные ученые, мало знакомые съ исторіею европейскаго мореходства и древне-славянской военной организаціи. Одно изъ главныхъ затрудненій заключалось въ томъ, что прибалтійскіе и другіе Славяне распадались на отдѣльные племенныя общины или этнархіи, взаимныя отношенія которыхъ были правильно оцѣнены еще Маврикіемъ. Къ этому явленію краснорѣчивый комментарій даютъ, съ одной стороны, императоръ Константинъ (de adm. imp. cap. 50) и, съ другой стороны вся исторія прибалтійскихъ Славянъ. Правда, съ теченіемъ времени Славяне нѣсколько освоились съ моремъ, такъ-что для IX ст. (ср. выше, ч. 1-я, стр. 52) уже не подходитъ та картина, ко-

---

1) Въ старыхъ-ли мѣстахъ или на Варнѣ? Въ Vidsidh'ѣ княземъ Варновъ является Billing, котораго поэтъ, очевидно, прославляетъ, какъ предка знаменитаго въ историческое время саксонскаго рода Billung'овъ на югъ отъ нижней Эльбы.

торую въ 595 году ихъ послы набросали о самихъ себѣ передъ императоромъ Маврикіемъ. Но, все-же, нѣтъ фактовъ, говорящихъ за то, чтобы во времена Рюрика Поморяне и Оботриты играли выдающуюся роль, какъ мореходы. Уже ранѣе (см. Каспій, стр. 691) мы указывали на то, что они принимали лишь слабое участіе въ балтійско-каспійской торговлѣ. И въ столь богатой исторіи морского разбоя въ западной Европѣ въ IX стол. Венды не упоминаются, если не принять во вниманіе одного писателя, выражающагося довольно-таки неопредѣленно. Въ этомъ отношеніи они сыграли роль только въ *болѣе позднее время*, въ особенности, послѣ того, какъ имъ былъ данъ столь соблазнительный примѣръ военнымъ союзомъ датскихъ Jômsviking'овъ въ устьяхъ Свины. Когда Норманы начали утихать, раздались жалобы на морскіе разбои, производимые Вендами на датскихъ островахъ. Въ глазахъ священника, какимъ былъ Саксонъ Грамматикъ, эти разбои были отвратительны, но именно здѣсь онъ, какъ достовѣрный и безпристрастный свидѣтель, даетъ о ихъ виновникахъ такое показаніе, которое вполнѣ выясняетъ намъ различіе, существовавшее между морскими разбоями Датчанъ и Славянъ. Не задолго до обращенія въ христіанство Владимира Святого, въ укрѣпленіи Jômsviking'овъ скончался отъ раны датскій король Гаральдъ Гормсонъ, изгнанный своимъ единственнымъ сыномъ (1-го ноября 986 или 985 года). Жизнь въ этомъ гнѣздѣ морскихъ разбойниковъ, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходилось охранять берега владѣній Бурислава, несомнѣнно производило чарующее впечатлѣніе на жившихъ въ этихъ мѣстностяхъ Славянъ, такъ что съ самаго начала отдѣльные Славяне примкнули къ этимъ норманскимъ грабителямъ[1]). Грабительскіе на-

---

1) Въ новѣйшее время Dasent популярно изложилъ исторію Jômsviking'овъ, которая уже и сама по себѣ очень романтична (The Vikings of the Baltic. London, 1875, 3 voll. in 8⁰).

Болѣе поздній союзъ запорожскихъ казаковъ имѣетъ много общаго съ военнымъ союзомъ Jômsviking'овъ. Объ исторіи запорожцевъ см. между прочимъ соч. А. Скальковскаго (Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запо-

бѣги Jômsviking'овъ стали даже высшею школою, пройдя которую Славяне въ устьяхъ Одера, на Рюгенѣ и т. д. сами становились мореходцами и, преимущественно, морскими разбойниками. Впослѣдствіи Датчанамъ-островитянамъ самимъ пришлось много страдать отъ своихъ признательныхъ воспитанниковъ, пока, наконецъ, Вальдемаръ I и помогавшій ему архіепископъ Авессаломъ не пресѣкли корня зла. Лѣтописцу Саксону Грамматику вполнѣ ясна была связь между Jômsviking'ами и позднѣйшимъ морскимъ разбоемъ у Славянъ. Тамъ, гдѣ онъ собирается говорить о рѣшеніи Свена, сына и преемника Гаральда, разрушить разбойничье гнѣздо Jômsviking'овъ, онъ, не смотря на свой патріотизмъ Датчанина, считаетъ нужнымъ засвидѣтельствовать, что въ то время (приблизительно, около 990 года, значитъ въ *десятомъ* столѣтіи) Славяне еще «чрезвычайно рѣдко» занимались позорнымъ промысломъ морскихъ разбойниковъ, тогда какъ про Датчанъ можно было сказать противное.

«Eo tempore piraticae usus nostris creber, Slavis perrarus extitit, qui ob hoc latius ad eos manare coepit, quod Julini oppidi piratae, patriae studiis adversum patriam usi, eo maximae Danis, quod ab ipsorum ingeniis traxerant, nocuerunt. Quem incursationis morem nostris annis Waldemari regis maximique pontificis Absalonis propensae pro civibus excubiae domuerunt. Quorum strenuo interventu tranquillus terris cultus geritur, tuta aquis navigatio celebratur» (Lib. X. Havniae 1839, p. 492).

Меньше вліянія имѣлъ примѣръ, который, какъ торговые мореплаватели, дали приодерскимъ Славянамъ Норманы и селившіеся въ Julin'ѣ (Wolin) Саксы и языческая Русь; однако, кромѣ внутреннихъ причинъ, лежавшихъ въ политической организаціи этихъ Славянъ, нельзя не принять во вниманіе и одной внѣшней причины, препятствовавшей въ болѣе раннее время возникнове-

рожскаго. 2-е изд. Одесса, 1846). Интересное сообщеніе о запорожцахъ Erich'a Lassota von Steblau (Tagebuch einer Reise. Halle 1867), къ сожалѣнію, нѣсколько кратко.

нію сильнаго вендскаго флота. Славяне заняли земли по юго-западному берегу Балтійскаго моря на нѣсколько столѣтій послѣ того времени, когда Шведы уже по Тациту владѣли ими. Славяне въ короткое время не могли пріобрѣсти той опытности, которою уже обладали Шведы. Съ ихъ стороны было-бы неразумно вступить въ неравную борьбу съ испытаннымъ въ морскомъ дѣлѣ народомъ. До времени Карла Великаго и Норманамъ пришлось покориться силѣ обстоятельствъ. Какъ извѣстно, берега Сѣвернаго моря вплоть до крайней оконечности Кимврскаго полуострова, до основанія англійскаго государства, были населены германскими народностями, которыя рано стали безпокоить галльскіе и британскіе берега и, частью, даже селились на нихъ. И послѣ того, какъ огромныя полчища нашли новое пристанище въ Англіи, оставшіеся на родинѣ Фризы и Саксы продолжали быть отважными мореходцами, повидимому, все еще заграждавшими Норманамъ путь на Сѣверномъ морѣ, хотя Датчане уже заняли на Кимврскомъ полуостровѣ покинутыя Ютами мѣста. Только и сохранилось извѣстіе о неудавшемся около 520 года вторженіи гаутскаго князя Hugleik'а (древне-франкскій Chochilaich) во владѣнія Хаттваровъ (англо-сакс. Haetvere, между Рейномъ и Маасомъ). Лишь послѣ того, какъ Карлъ Великій сломилъ грубую силу Саксовъ и Фризовъ, и они, подъ вліяніемъ христіанства, стали предаваться болѣе мирнымъ занятіямъ, въ этихъ приморскихъ областяхъ появились Норманы и, прежде всего, Норвежцы, которые сначала обратили свои взгляды въ сторону расшатанной Британіи. Пока Карлъ былъ живъ, тянущимся на большомъ разстояніи западнымъ берегамъ франкскаго государства еще мало приходилось страдать отъ сѣверныхъ пиратовъ, которые послѣ смерти великаго императора, какъ онъ и предвидѣлъ, неудержимымъ потокомъ устремились туда. Эти безчисленные набѣги, упоминаемые во всевозможныхъ источникахъ, совершались, преимущественно, Датчанами, Гаутами и Норвежцами: всѣ они, благодаря своему выгодному положенію, на берегу океана, скоро достигли славы самыхъ отважныхъ пиратовъ, которыхъ свѣтъ

когда-либо видѣлъ. Для Шведовъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, океанъ по временамъ былъ почти-что запертъ морскими разбойниками[1]), и плаваніе по внутреннему морю, сѣверная часть котораго бо̀льшую часть года была недоступна, далеко нельзя было сравнить съ плаваніемъ по океану. Это могло послужить одною изъ причинъ къ тому, что Шведы предпочли обратить свои взгляды на ближній востокъ; тамъ рѣчное судоходство, какъ по Двинѣ, такъ и по Наровѣ, какъ по Невѣ, такъ и по Волхову, правда, тоже представляло большія затрудненія, но ихъ можно было обойти, хотя и не безъ большаго труда и не безъ потери времени. Подводные камни, которыми усѣяно дно этихъ рѣкъ, и многочисленные пороги, а равно и гранитныя скалы Финскаго залива, и до сего дня не безопасныя, должны были удерживать жившихъ еще за Финнами Славянъ отъ посѣщенія Балтійскаго моря, а на сушѣ они не могли стать народомъ-мореходомъ въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова. Укажемъ здѣсь нашимъ «морякамъ на сухомъ пути» лишь на одно аналогичное явленіе. Евреи и Финикіяне — двѣ націи, состоявшія въ столь-же, если не болѣе близкомъ родствѣ, какъ Нѣмцы и Голландцы. Не смотря на то, что Финикіяне занимали лишь узкую береговую полосу, они еще въ то время, къ которому относятся первыя наши историческія свѣдѣнія объ эллинскомъ племени, считались торговыми людьми, пристававшими съ торговыми цѣлями ко всѣмъ островамъ и ко всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, тогда-какъ Евреи продолжали заниматься лишь земледѣліемъ и скотоводствомъ. Въ Баваріи и Швейцаріи есть озера и рѣки, по которымъ мѣстное населеніе рано стало плавать. Однако, подъ вліяніемъ этого, они еще не стали выказывать склонности къ мореходству, тогда-какъ Голландцы въ исторіи искони являются мореходами, также и Шведы

1) Во время вторичнаго пребыванія Ансгара въ Швеціи, которое относятъ къ періоду времени не ранѣе 852 и не позже 854 года (см. Dümmler, Gesch. des ostfr. Reichs, p. 356) проѣздъ оттуда къ фризскому Dorstadt'у, благодаря морскимъ разбойникамъ, вновь сталъ опаснымъ и даже невозможнымъ для Шведовъ. См. Das Leben Ansgars, cap. 27, 20, 8 и 24.

около 90 года по Р. Х. тотчасъ выступаютъ въ исторіи народомъ-мореходомъ. Переселились они къ озеру Мэлару, и притомъ въ доисторическое время, тоже по морю, вѣроятно на выдолбленныхъ ясеняхъ (поэтому англо-саксонск. äsemen и ascomanni у Адама Бременскаго встрѣчается въ значеніи piratae).

У Византійцевъ самыя раннія свѣдѣнія о Скандинавіи связаны съ островомъ Θούλη. Послѣ Pytheas'a, который подъ этимъ островомъ, вѣроятно, подразумѣвалъ лишь одинъ изъ Шетландскихъ острововъ (Müllenhof, deutsche Alterthumsk. 1, 402), его постепенно стали отодвигать все дальше на сѣверъ. У Моисея Хоренскаго (перев. Langlois 2, 155) подъ нимъ, вѣроятно, еще подразумѣвается Британія, а по Исидору онъ лежалъ «ultra Britanniam». Уже рано иные подъ этимъ именемъ, можетъ быть, понимали Скандинавскій полуостровъ, котораго не могли представить себѣ иначе, какъ островомъ — разумѣется не особенно большимъ — на океанѣ. Только Прокопій раздобылъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ островѣ отъ Геруловъ, пришедшихъ оттуда на юго-востокъ (de bell. got. IV, 25, срв. II, 15). Согласно его сообщенію, лежащій среди океана островъ Туле (ἡ νῆσος Θούλη), будто-бы, въ десять разъ больше Британіи, но, не взирая на это, бóльшая часть его необитаема (ἔρημος); въ обитаемой (южной) части острова, будто-бы, насчитываются до 13-ти народностей, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего короля; среди нихъ Гауты, около которыхъ поселились Герулы, будто-бы, являются очень многочисленною народностью (ἔθνος πολυάνθρωπον); въ необитаемой (сѣверной) части острова, будто-бы, скитаются Скритифины, ведущіе охотничій образъ жизни. Записанное Прокопіемъ извѣстіе о (полу)островѣ Скандіи было достаточно опредѣленно, но затѣмъ было опять забыто. Лѣтописецъ императора Константина Мономаха удовольствовался замѣчаніемъ, что норманскія вспомогательныя войска, въ качествѣ наемниковъ призванныя Владиміромъ, сыномъ Ярослава Владиміровича, противъ Грековъ въ 1043 году, принадлежали къ такимъ народностямъ, которыя жили на лежащихъ къ сѣверу островахъ океана (ἐν ταῖς προσαρ-

κτίαις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις). Сто лѣтъ спустя Анна Комнина отечество Варанговъ, тогда состоявшихъ изъ Англичанъ, опять называетъ — Туле, но, повидимому, подъ этимъ именемъ понимаетъ Британію. Объ Исландіи, откуда уже въ X вѣкѣ отдѣльныя лица наѣзжали въ Босфоръ, Византійцы, какъ кажется, не имѣли опредѣленныхъ свѣдѣній. Вѣдь и въ западной Европѣ Исландія стала извѣстна только поздно, послѣ того какъ она впервые была открыта Кельтами, какъ мы узнаемъ отъ ирланца Дикуила, писавшаго около 830 года (Liber de mensura orbis terrae. Ed. Parthey. Berol. 1870, p. 42). Около 800 года ирландскіе «clerici» провели одно лѣто въ «Thile ultima», которая лишь около 860—870 года была впервые посѣщена Норвежцами и съ 874 года стала заселяться ими.

Одно темное сказаніе не было забыто и въ Византіи,—сказаніе о Темномъ морѣ (срв. выше, ч. 1-я, стр. 188); по императору Константину въ этотъ океанъ можно было попасть въ теченіе тридцати дней и изъ верхняго теченія Вислы, такъ-что онъ все-же считалъ его судоходнымъ. Предполагали, очевидно, что разстояніе оттуда до сѣвернаго полюса было не слишкомъ велико, и современная европейская Россія представлялась Византійцамъ лишь въ миніатюрномъ видѣ. У византійскихъ писателей вообще, а, тѣмъ болѣе, у Фотія, уже нельзя открыть вѣрныхъ слѣдовъ (воображаемой) связи Понта съ Сѣвернымъ океаномъ (впрочемъ, см. Procop. de b. got. 4, 6).

Когда Русы въ 838 году, какъ кажется, впервые появились въ Византіи, тамъ, можетъ быть, недоумѣвали относительно того, къ какому племени ихъ причислять и въ какой сторонѣ лежали мѣста ихъ жительства. Несклоняемая форма — Rhôs, Ῥῶς и Ῥώς—указываетъ на то, что Византійцы думали видѣть предъ собою потомковъ или родственниковъ народа Ῥώς или Rôsch семидесяти толковниковъ (см. Каспій, стр. 672, № 6 и стр. 681). Начиная съ 839 года, когда Русы удалились во владѣнія Франковъ, до ихъ нашествія въ 865 году, о нихъ, кажется, мало свѣдѣній приходило въ Византію. Фотій говоритъ въ своей первой

бесѣдѣ, что вслѣдствіе гнѣва Господняго подкрался народъ *съ сѣвера* (…διὰ τοῦτο λαὸς ἐξεῖρψεν ἀπὸ βορρᾶ) и были встревожены народы *съ крайняго предѣла* міра (ἔθνη ἐξηγέρθη ἀπ' ἐσχάτου τῆς γῆς, p. 203, ed. Nauck). Эта картина, правда, заимствована изъ пророка Іереміи (гл. 6, ст. 22—25), гдѣ идетъ рѣчь о предстоящемъ вторженіи сѣверныхъ народовъ въ Вавилонію, однако возможно допустить, что Фотій здѣсь хотѣлъ намекнуть на происхожденіе Русовъ, тѣмъ болѣе, что также и по Іезекіилю (гл. 39, ст. 1, 2; гл. 38, ст. 2, 6, 15) Гогъ, повелитель народовъ Росъ, Мосохъ и Ѳовелъ, выступитъ *отъ конца сѣвера* (ἀπ' ἐσχάτου βορρᾶ), съ тѣмъ чтобы наводнить югъ. Во 2-й бесѣдѣ Фотій называетъ Русовъ народомъ, живущимъ гдѣ-то далеко отъ нашей страны (ἔθνος πόρρω που τῆς ἡμῶν ἀπῳκισμένον…, p. 219 ed. Nauck). Здѣсь можно было-бы еще предположить, что Фотій имѣлъ въ виду только Русовъ въ южной Россіи (въ Кіевѣ), однако другое мѣсто въ первой бесѣдѣ даетъ возможность заключить, что онъ уже имѣлъ неясныя свѣдѣнія о томъ, что Русы переселились въ Россію изъ другой страны. Тамъ, гдѣ Фотій напоминаетъ своимъ слушателямъ о томъ, съ какою невѣроятною быстротою (ἄπιστος δρόμος) надвинулись варвары, такъ-что городъ никѣмъ не могъ быть предупрежденъ о ихъ предстоявшемъ прибытіи, онъ не безъ намѣренія прибавляетъ: хотя поспѣшно приближавшіеся (отъ Византіи) были отдѣлены столь многими странами-этнархіями, судоходными рѣками и морями безъ гаваней (…χώραις πόσαις ἐθναρχίαις τε καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ ἀλιμένοις πελάγεσι[1]) τῶν ἐπαλασάντων διειργομένων, p. 208, ed.

1) Порфирій въ своемъ изданіи (стр. 7) читаетъ λιμενηροῖς πελάγεσι и переводитъ это чрезъ «пристанищныя моря»; однако, существованіе прилагательнаго λιμενηρός въ значеніи εὐλίμενος, по крайней мѣрѣ, у классическихъ авторовъ, доказано болѣе, чѣмъ слабо, такъ-что мы врядъ-ли имѣемъ право отступать отъ чтенія воспроизведеннаго фотографически оригинала (ἀλίμενος, importuosus). Прилагательныя ναυσίπορος и ἀλίμενος, на первый взглядъ, дѣйствительно какъ будто противорѣчать другъ другу, но мы вѣдь не знаемъ въ точности, какъ Фотій представлялъ себѣ плаванія Русовъ. Одно онъ зналъ доподлинно, а именно, что по сѣверо-западному берегу Понта не было такихъ пор-

Nauck). Невольно при этомъ вспоминаются «греческій водный путь», который, по Нестору, велъ изъ Варяжскаго моря въ Понтъ, и то мѣсто въ письмѣ Императора Θеофила отъ 839 г., согласно которому Русы не хотѣли возвращаться назадъ этимъ путемъ, «quoniam itinera (множ. число!), per quae Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant». Это послѣднее мѣсто, а равно и выше приведенное изъ Фотія, прямо-таки исключаютъ всякую возможность предполагать, что Русы въ 838 году пришли изъ Кіева, а что касается до различныхъ этнархій и до «barbarae et nimiae feritatis gentes immanissimae» — у Адама бременскаго «barbarae gentes, quae in medio sunt» —, то Фотій, вѣроятно, уже лѣтомъ 865 года зналъ, что они стали въ особенныя отношенія къ Русамъ. Точными свѣдѣніями о нихъ онъ, пожалуй, еще не обладалъ, но какъ ему, такъ и византійскимъ государственнымъ мужамъ, при веденіи переговоровъ о мирѣ, представлялось достаточно случаевъ собрать болѣе точныя свѣдѣнія о возникновеніи могущества Руси. Въ лицѣ отправленнаго въ Кіевъ епископа Фотій, вдобавокъ, имѣлъ еще и агента, который, навѣрно, письменно сообщалъ ему о положеніи вещей въ той части Скиѳіи, которая была пріобщена къ христіанству. Въ окружномъ посланіи, написанномъ полтора года послѣ вторженія, Фотій нарочно подчеркиваетъ, что Русы обратили свое оружіе противъ Византійской имперіи лишь послѣ того, какъ они *сперва* покорили окружавшіе ихъ народы (τοὺς πέριξ αὐτῶν δουλωσάμενοι) и вслѣдствіе этого (κἀκεῖθεν) чрезмѣрно возгордились. Онъ, какъ и Константинъ и Ибрагимъ, врядъ-ли знали что-либо о призваніи Рюрика, и видѣли всюду лишь завоевателей и покоренныхъ (см. Разысканіе 5-е, а). Вѣдь даже внукъ Рюрика въ

товъ, какіе встрѣчаются на югъ отъ Константинополя. Не хотѣлъ-ли онъ, можетъ быть, намекнуть на затруднительность судоходства по рѣкамъ между Сѣвернымъ океаномъ и Понтомъ? Имя Темнаго моря было ему столь-же хорошо знакомо, какъ и другимъ византійцамъ и западно-европейцамъ. См. выше, ч. 1-ая, стр. 188. Σκότος у Гомера обозначаетъ мракъ смерти, впослѣдствіи — мракъ подземнаго міра.

972 году хвастался тѣмъ, что русскія дружины безъ труда побѣдили сосѣдніе народы и, не обнаживъ меча, подчинили себѣ цѣлыя страны (... τῇ ῥωσικῇ πανοπλίᾳ..., τὰ πρόσοικα καταστρεφομένη ἔθνη ἀπονητί, καὶ χώρας ὅλας ἀνδραποδιζομένη ἀναιμωτί... Левъ Діаконъ, стр. 151). Къ этимъ завоеваніямъ Святославъ навѣрное не причислялъ владѣній сѣверныхъ Кривичей и Словенъ въ Новгородѣ (см. Разысканіе 5-е, а), гдѣ онъ самъ побывалъ. Впрочемъ, императоръ Константинъ, источникъ нѣсколько болѣе древній, но по одному этому еще не лучше освѣдомленный именно въ этомъ отношеніи, также и новгородскихъ Словенъ называлъ πακτιῶται τῶν Ῥῶς.

Спрашивается теперь, къ какой группѣ народовъ Фотій причислялъ Русовъ, считалъ-ли онъ ихъ Норманами или народомъ sui generis, двинувшимся отъ Сѣвернаго (т. е. съ точки зрѣнія Византійцевъ) океана? Въ первой бесѣдѣ онъ называетъ Русовъ издалека по морямъ и рѣкамъ двинувшимся противъ Византіи скиѳскимъ, жестокимъ и варварскимъ народомъ (τὸ δὲ σκυθικὸν τοῦτο καὶ ὠμὸν ἔθνος καὶ βάρβαρον) и съ самаго начала сравниваетъ ихъ вторженіе съ гиперборейскимъ громовымъ ударомъ (ὑπερβόρειος κεραυνός). Во второй бесѣдѣ, сказанной имъ вскорѣ послѣ ухода Русовъ, Фотій говоритъ о нихъ съ великимъ презрѣніемъ: они-де «невзрачный, безславный народъ, не бывшій даже извѣстнымъ (т. е. вѣроятно большинству населенія Византіи) до нападенія ихъ на столицу» (.... ἀφανές, ἄσημον καὶ μηδὲ μέχρι τῆς καθ' ἡμῶν ἐπελεύσεως γινωσκόμενον). Въ другомъ мѣстѣ онъ вновь называетъ ихъ невзрачнымъ, безчисленнымъ народомъ, неизвѣстнымъ, но благодаря этому походу пріобрѣвшимъ имя, (ἔθνος ἀφανές, ἔθνος ἀναρίθμητον...., ἄγνωστον μέν, ἀλλ' ἀπὸ τῆς καθ' ἡμῶν στρατείας ὄνομα λαβόν....), т. е. не только среди жителей Византіи, но и въ странахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ этимъ государствомъ (срв. выше, ч. 1-я, стр. 189). Изъ этого можно вывести двоякое заключеніе, 1) что Русы до того времени были извѣстны въ Византіи лишь по имени, и то лишь отдѣльнымъ лицамъ, и 2) что патріархъ не считалъ ихъ Славянами, которые

были слишкомъ извѣстны въ Византіи для того, чтобы подать поводъ къ характеристикѣ, подобной выше приведенной. Если патріархъ дѣйствительно нуждался въ точныхъ свѣдѣніяхъ относительно національности Русовъ, то, по возстановленіи мира, онъ имѣлъ достаточно случаевъ добыть таковыя. Къ этому его должна была побудить уже характеристика язычниковъ «pagani» въ письмѣ папы Николая отъ сентября мѣсяца 865 года. Папа предполагалъ, что въ Византіи будутъ знать, кого на западѣ подразумѣвали подъ этими «pagani». Предположивъ даже, чтобы этого не знали, то уже прибавленіе «qui veritatis ministris jugiter adversantur» могло-бы открыть глаза Византійцамъ. Въ написанномъ на полтора года позже окружномъ посланіи къ восточному духовенству Фотій является уже болѣе точно освѣдомленнымъ о Русахъ. Срв. выше, стр. 37 [1]).

1) Слова τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλούμενον (т. е. ἔθνος) я прежде (1845 г.) переводилъ «das bei Vielen oftmals berüchtigt gewordene Volk der Rôs», т. е. Норманы въ Западной Европѣ, такъ что Фотій, подобно Арабамъ, употреблялъ имя Rôs, какъ общее имя вмѣсто «Normanni». Между тѣмъ, г-нъ Гедеоновъ (Вар. отрывки. 1862 г., стр. 72) возсталъ противъ этого толкованія и теперь еще настаиваетъ на, правда, совершенно обыкновенномъ значеніи глаг. θρυλεῖσθαι, а именно: быть или стать предметомъ разговоровъ, особенно, въ народѣ. Вяжется-ли съ этимъ вполнѣ хорошо πολλάκις и предположеніе, что «народъ Русовъ, жестокостью и кровожадностью превосходящій всѣхъ другихъ людей» прославился только у Византійцевъ, начиная съ середины лѣта 865 года до конца 866 года (ср. выше, ч. 1-я, стр 188)? Развѣ слава острова Туле (ἡ πολυθρύλητος Θούλη) была распространена тоже только среди Византійцевъ?

Не настаивая нисколько на прежнемъ своемъ толкованіи этого слова черезъ «berüchtigt geworden, ruchtbar geworden, verschrieen» мы все-же хотѣли бы предложить тѣмъ, которые держатся иного мнѣнія, одну задачу. Употребляетъ-ли Фотій страд. зал. θρυλεῖσθαι въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и въ какомъ именно значеніи? Заимствовалъ-ли онъ употребительное уже въ древности выраженіе παρὰ πολλοῖς θρυλεῖται у одного изъ своихъ любимыхъ аттическихъ писателей и употреблялъ-ли онъ его въ томъ-же самомъ значеніи, какъ этотъ писатель? Въ виду того неоспоримаго значенія, которое имѣютъ сочиненія патріарха для правильнаго пониманія византійскаго міровоззрѣнія вообще, было-бы большою заслугою, если-бы какой-нибудь филологъ, одинаково знакомый съ аттическимъ, библейскимъ и церковнымъ греческимъ языкомъ, составилъ нѣчто вродѣ Lexicon Photianum. Благодаря этому, вмѣстѣ съ тѣмъ, сами собою поддались-бы исправленію нѣкоторыя испорченныя переписчиками мѣста въ многочисленныхъ сочиненіяхъ патріарха. Проф. Гергенрётеръ, какъ онъ объ

Нельзя сказать, чтобы замѣчался недостатокъ въ другихъ свидѣтельствахъ византійскихъ писателей о вторженіи Русовъ въ 865 году; только свидѣтельства эти сохранились лишь у позднѣйшихъ компиляторовъ. Исключеніе составляютъ только два панегириста. Никита Давидъ, пафлагонецъ, описавшій около 880 года жизнь патріарха Игнатія, называетъ новыхъ враговъ наиболѣе запятнаннымъ убійствами народомъ изъ числа Скиѳовъ (τὸ μιαιφονώτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος). Другой уроженецъ Малой Азіи, написавшій въ Амастріи, главномъ городѣ Пафлагоніи, житіе св. Георгія Амастрійскаго, въ своей характеристикѣ Русовъ придерживается, главнымъ образомъ, характеристики, набросанной Фотіемъ. Помимо несовсѣмъ понятной намъ произвольной этимологіи имени Rôs, мы находимъ у него лишь одинъ немного темный намекъ, заключающійся въ восклицаніи по поводу чуда, явленнаго, согласно его показанію, у гроба Святого въ Амастріи: «О гробъ, слава котораго проникла до предѣловъ океана (ὦ σορὸς, ἧς ἡ δόξα μέχρις ἔφθασεν ὁρίων Ὠκεανοῦ!)». Панегиристъ не написалъ этого предложенія безъ особенной причины, но все-же неизвѣстно, хотѣлъ-ли онъ этимъ намекнуть на то, что Русы пришли отъ Сѣвернаго океана.

Только одинъ позднѣйшій компиляторъ, а именно, Скилицій (лат. пер. Venetiis 1580, p. 30), котораго Кедринъ (2,551=173) и въ этомъ мѣстѣ дословно выписываетъ, сохранилъ намъ заимствованное, вѣроятно, изъ современной вторженію лѣтописи извѣстіе о томъ, что необузданный и дикій скиѳскій народъ Русовъ 865 года жилъ около Сѣвернаго Тавра: ἔθνος δὲ οἱ Ῥῶς σκυθικόν, περὶ τὸν ἀρκτῷον Ταῦρον κατῳκημένον, ἀνήμερόν τε καὶ ἄγριον. Нельзя не признать, что многіе Греки различали выраженія βόρειος и ἀρκτῷος, и что послѣднее, произведенное первоначально отъ ἡ ἄρκτος, созвѣздія Большой Медвѣдицы на сѣвер-

---

этомъ заявлялъ и публично, уже давно тщетно надѣется на изданіе еще не изданныхъ сочиненій патріарха Фотія въ Россіи и Греціи; насколько исправенъ текстъ нѣкоторыхъ уже неоднократно издававшихся сочиненій патріарха — это лучше, чѣмъ другимъ, извѣстно только-что названному ученому.

номъ полярномъ кругѣ, скорѣе указываетъ на направленіе къ сѣверному полюсу. Между тѣмъ воображенію тутъ все-же былъ предоставленъ большой просторъ, особенно, въ виду того, что въ представленіи Грековъ сѣверная Европа являлась несравненно меньшею, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, такъ что сѣверную Россію они представляли себѣ лежащею болѣе на юго-востокъ. Поэтому было вполнѣ естественно, что подъ αἱ ἄρκτοι (Большая и Малая Медвѣдицы) понимали не только сѣверный полюсъ, но также и сѣверъ вообще. По какой-бы причинѣ ни помѣстили Русовъ въ 865 году въ *арктическую* область,—одно несомнѣнно, а именно, что до того времени прилагательнаго этого никогда не употребляли для обозначенія мѣстъ жительства давно извѣстныхъ Славянъ. Для Византійцевъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ государственныхъ и торговыхъ людей, Русы были народомъ неизвѣстнымъ (ἄγνωστον ἔθνος, см. выше, стр. 38), каковымъ были также и Норманы 844 года для жителей Пиренейскаго полуострова (Lordmani *primi* in Asturias venerunt. — Classis Normannorum.... Gens crudelissima nostris in finibus *antea non cognita.* — Gens haec crudelissima et in partibus nostris *antea non visa*). И для продолжателя лѣтописи Моисея Албанскаго Rhoúz-ik'и (французск. транскр.) 944 года являлись еще «un peuple étranger de visage et d'apparence». Такъ, еще въ 839 году Франки (на Майнѣ) были удивлены, когда императоромъ византійскимъ имъ были рекомендованы нѣсколько человѣкъ изъ неизвѣстнаго еще народа «Rhos». Впрочемъ, Франки лучше Грековъ и другихъ народовъ были въ состояніи опредѣлить ихъ происхожденіе и собрать свѣдѣнія о томъ, гдѣ они въ дѣйствительности жили.

Для Византійцевъ неизвѣстный народъ послѣ 865 года не долго оставался загадкой. Опустошенія, произведенныя Русами въ окрестностяхъ столицы, на островахъ и на побережіи Пропонтиды, были столь ужасны, что слѣды ихъ и въ послѣдующіе годы должны были производить сильное впечатлѣніе на капитановъ и на экипажъ торговыхъ судовъ, прибывавшихъ изъ западныхъ портовъ Средиземнаго моря, и на другихъ пріѣзжихъ.

Сравненіе этихъ опустошеній съ тѣми, которыя за нѣсколько лѣтъ ранѣе были произведены Норманами на побережьяхъ Испаніи, южной Франціи и Италіи (срв. выше, ч. 1-я, стр. 167), было такъ естественно! Словомъ, было-бы странно, если-бы многіе изъ жителей Византіи еще до 870 года не пришли къ тому убѣжденію, что Скиѳы или варвары, которыхъ они называли Rôs, были хорошо извѣстны жителямъ западной Европы, хотя и подъ другимъ именемъ; венеціанскій лѣтописецъ и папа Николай свидѣтельствуютъ объ этомъ при первомъ извѣстіи о вторженіи 865 года. Люди, стоявшіе во главѣ управленія въ Византіи, и безъ того не нуждались въ дальнѣйшемъ подтвержденіи. Таковое они, однако, получили еще разъ въ 871 году. Въ то время римскій императоръ (Imperator Romanorum) и императоръ Ромейцевъ (βασιλεὺς των Ῥωμαίων) опять вели споръ изъ-за императорскаго титула. Василій не хотѣлъ признать за Людовикомъ II-мъ, внукомъ Людовика Благочестиваго, этого титула, какъ не по праву присвоеннаго, и вскорѣ послѣ завоеванія Бари, случившагося 2-го февраля 871 года, онъ написалъ Людовику письмо, полное выдержекъ изъ дипломатической переписки византійскаго двора. Греческій подлинникъ этого посланія до насъ не дошелъ, но длинныя цитаты изъ него сохранились въ латинскомъ переводѣ въ отвѣтномъ посланіи Людовика. Между прочимъ, Василій привелъ четыре народа, верховнымъ главамъ которыхъ Византійцы давали титулъ «Chagan». На это Людовикъ отвѣтилъ: «Chaganum vero non praelatum Avarum, non Gazanorum (чит. Gazarorum) aut *Nortmannorum* nuncupari reperimus, neque principem Vulgarum, sed regem vel dominum Vulgarum». Удивительно, какъ Людовикъ могъ противорѣчить Византійцу именно относительно трехъ тюркскихъ народовъ; впрочемъ, весь его отвѣтъ полонъ неточностей и ни на чемъ не основанныхъ притязаній. Незнакомство его съ византійскими дипломатическими обычаями проистекаетъ, можетъ быть, изъ того, что Людовикъ во время своего похода противъ Сарацинъ въ Нижней Италіи имѣлъ при себѣ лишь незначительную часть своего архива, и изъ того, что при

немъ не было опытнаго секретаря. Иначе-бы онъ, помимо переписки съ болгарскимъ каганомъ Борисомъ (срв. выше, ч. 1-я, стр. 150) узналъ, что еще въ 839 году императоръ Θеофилъ въ оффиціальномъ посланіи рекомендовалъ его дѣду Людовику Благочестивому одного «Chacan»'а Русовъ изъ племени Шведовъ.

Конечно, Людовикъ II предполагалъ, что употребленное имъ имя *Nortmanni* было знакомо Византійцамъ. Въ греческомъ подлинникѣ его навѣрное не было. Изъ Россіи, гдѣ имя «Урмане» употреблялось лишь въ примѣненіи къ Норвежцамъ, къ Византійцамъ не могло перейти знакомство съ этимъ именемъ, а къ тому, чтобы въ лѣтописяхъ и въ дипломатической перепискѣ руководиться западно-европейскою терминологіею, — не было особеннаго повода. Лишь послѣ того какъ романизованные Норвежцы изъ Нормандіи поселились въ нижней Италіи, Греки соблаговолили называть ихъ Νορμάνοι, такъ-какъ они сами себя такъ называли. Поэтому Кругъ, впервые открывшій употребленное въ 871 году выраженіе Chaganus Nortmannorum, былъ въ правѣ предположить, что въ греческомъ письмѣ вмѣсто этого стояло: χαγάνος τῶν ῾Ρῶς. Кругъ еще не чаялъ, что его предположеніе подтверждается не только Ліудпрандомъ, но, даже еще болѣе, венеціанскимъ лѣтописцемъ и папою Николаемъ. Всѣ 3 были Итальянцы, и письмо императора Василія было по крайней мѣрѣ переведено въ нижней Италіи, гдѣ Людовикъ располагалъ достаточнымъ числомъ грамотныхъ людей, знакомыхъ и съ греческимъ, и съ латинскимъ языками. Пускай рѣшаютъ Итальянцы, были-ли четыре итальянскихъ писца въ періодъ времени отъ 865 до 965 года, когда Италіи многократно приходилось сталкиваться съ южными Славянами, дѣйствительно столь несвѣдущи и сумбурны, что употребляли имя «Normanni» совершенно произвольно. Нѣкоторые антинесторіанцы, дѣйствительно, полагаютъ, что Іоаннъ Діаконъ и Ліудпрандъ (мнимо славянскихъ) Русовъ, принимали за Нормановъ по той причинѣ, что эти оба автора не знали, будто-бы, другихъ вторженій, кромѣ норманскихъ! До такого наивнаго предположенія г-нъ Гедеоновъ, конечно, не могъ дойти.

Однако, онъ не соглашается съ тѣмъ, что въ письмѣ отъ 871 года «Chaganus Nortmannorum» является переводомъ греческаго χαγάνος τῶν Ῥῶς, но полагаетъ, что въ греческомъ подлинникѣ было написано χαγάνος τῶν Βορείων Σκυθῶν.

Эверсъ (Krit. Vorarb. Dorp. 1814, p. 147) впервые открылъ этихъ Сѣверныхъ Скиѳовъ въ тактикѣ императора Льва (гл. 19) и, увлеченный своею хазароманіей, онъ съ радостью воскликнулъ: «это вѣдь уже не Норманы»; онъ считалъ ихъ азіатами и въ концѣ концовъ (p. 252, 196) объявилъ ихъ Хазарами! Какъ сынъ своего времени, Эверсъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этнологической критикѣ. Подобно ему, врядъ-ли и другому историку его времени пришло-бы въ голову задуматься надъ тѣмъ, могли-ли языческіе тюркскіе народы-наѣздники, жившіе νομαδικῶς и, подобно Кентаврамъ, сросшіеся со своими конями, быть въ то же время такими опытными мореходами, какими Левъ рисуетъ Сѣверныхъ Скиѳовъ. Мы такъ и не знаемъ, открылись-ли его глаза, когда онъ 10 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ своихъ «Vorarbeiten» прочелъ у Френа (Ibn-Foszlan, p. 246) слѣдующее мѣсто изъ Масъуди: «Dieser König (der Chasaren) hat keine Schiffe, und seine Unterthanen sind in der Schiffahrt unbewandert». Въ 1845 году (Rodsen 2, 392) я старался упрочить имя «Сѣверные Скиѳы» за Норманами и въ особенности за Варяго-Русью. Никто дальше не сумѣлъ воспользоваться этимъ свидѣтельствомъ. Только г-нъ Гедеоновъ воспользовался имъ для объясненія выраженія «Nortmannorum chaganus» въ письмѣ отъ 871 года; правъ-ли онъ въ этомъ или нѣтъ, еще не рѣшено. Вотъ дословный переводъ того небольшого отрывка, въ которомъ Левъ даетъ указанія византійскимъ адмираламъ касательно ихъ стратегическихъ пріемовъ противъ (двухъ) непріятельскихъ флотовъ, съ которыми Византіи тогда приходилось бороться:

«Ты снарядишь малыя и большія дромоны, смотря по составу флота непріятельскихъ народовъ, такъ-какъ снаряженіе судовъ сарацинскихъ варваровъ и, такъ называемыхъ, Сѣверныхъ Скиѳовъ не одно и то-же. (Οὐ γάρ ὁ αὐτός ἐστι στόλος τῶν πλοίων

τῶν τε σαρακηνῶν βαρβάρων, καὶ τῶν λεγομένων Βορείων Σκυθῶν). Тѣ, варвары, пользовались бо̀льшими и болѣе тяжелыми кумбаріями, Скиѳы-же пользовались меньшими, болѣе легкими и быстроходными акатіями [1]). Вѣдь такъ-какъ они по рѣкамъ (διὰ ποταμῶν) входятъ въ Эвксинъ, они не могутъ пользоваться бо̀льшими судами». Cap. XIX. περὶ ναυμαχίας. § 70. (Aeliani et Leonis tactica. L. 1613, p. 350 или Meursii Opera. T. VI. Flor. 1745).

Къ сожалѣнію еще не существуетъ критическаго изданія тактики Льва, сохранившейся въ нѣсколькихъ редакціяхъ [2]). Въ виду этого пока нѣтъ возможности точно опредѣлить, когда было написано это сочиненіе. По всей вѣроятности, оно было написано въ послѣднемъ десятилѣтіи IX столѣтія. Въ то время Византія жила въ полномъ мирѣ съ Русью. Такъ-какъ Левъ родился 1-го сентября 866 года, то о вторженіи 865 года онъ зналъ только по наслышкѣ и по письменнымъ источникамъ. Къ миролюбію Русовъ онъ врядъ-ли питалъ большое довѣріе. Онъ не говоритъ, почему они по рѣкамъ (значитъ, преимущественно по Днѣпру, Бугу и Днѣстру) входятъ въ Понтъ, но объ этомъ легко догадаться. Къ тому-же уже въ его время въ Византію, для поступленія на военную службу, приходили Норманы и,

---

1) Въ древности подъ ἡ ἄκατος разумѣли очень быстроходное судно; уменьшительное τὸ ἀκάτιον служило, въ особенности, для обозначенія легкихъ судовъ морскихъ разбойниковъ. По Льву Діакону (стр. 144) флотъ Святослава состоялъ изъ акатій, и самъ онъ гребъ веслами въ одной изъ нихъ (стр. 156).

2) И эксцерпированное Львомъ Strategicon, можетъ быть, безъ достаточнаго основанія приписываемое императору Маврикію, тоже сохранилось въ различныхъ редакціяхъ. Покойный бреславльскій профессоръ Фр. Гаазе подготовлялъ полное изданіе византійскихъ военныхъ сочиненій. См. его «De militarium scriptorum graecorum et latinorum omnium editione instituenda Narratio». Berolini 1847 in 8⁰. Литературное наслѣдіе Гаазе, какъ говорятъ, находится еще въ рукахъ его вдовы въ Бреславлѣ.

Новое изданіе этихъ сочиненій, дополненное другими еще не изданными, было-бы тѣмъ желательнѣе, что исторія Византійской имперіи никогда не можетъ быть вполнѣ понята безъ болѣе основательнаго изученія ея военной организаціи.

безъ сомнѣнія, не только тѣ, которые жили въ Россіи. При скудости византійскихъ источниковъ, именно для времени царствованія Льва, не удивительно, что лишь въ 902 году упоминаются Русы, какъ наемники въ византійскомъ флотѣ.

Уже расположеніе матеріаловъ въ тактикѣ Льва въ достаточной мѣрѣ выясняетъ, что онъ подъ Сѣверными Скиѳами не подразумѣвалъ ни настоящихъ Скиѳовъ (въ византійскомъ смыслѣ), ни-же Славянъ. Онъ Скиѳами считаетъ сѣверныхъ варваровъ, которые ведутъ кочевой образъ жизни (νομαδικῶς) и, какъ народы-наѣздники, «не могутъ долго стоять на ногахъ». Къ нимъ онъ, очевидно, причисляетъ тюркскіе народы и, какъ таковыхъ, въ особенности, называетъ Болгаръ и Турокъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Подъ послѣдними онъ разумѣлъ мадьяръ. Кого онъ въ главѣ 17, § 51 подразумѣваетъ подъ *скиѳоподобными* народами (....κατά τινων σκυθικῶν ἤ τινων ὁμοίων ἐθνῶν), прямо не сказано. По всей вѣроятности онъ причислялъ къ нимъ Персовъ, уже тогда сильно смѣшавшихся съ Турками; причислялъ-ли онъ къ нимъ также и Русовъ — болѣе, чѣмъ сомнительно. Послѣ скиѳскихъ народовъ онъ описываетъ Франковъ и Лангобардовъ, затѣмъ Славянъ и, наконецъ, Сарацинъ. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ, повидимому, не встрѣчается ни малѣйшаго намека на Русовъ. Онъ не могъ совершенно умолчать о нихъ. Онъ, очевидно, считаетъ ихъ, относительно образа жизни и веденія войны, народомъ совершенно отличнымъ отъ вышеприведенныхъ, считаетъ ихъ, главнымъ образомъ, *мореходами* и, поэтому, упоминаетъ о нихъ лишь въ 19-й главѣ, въ которой говоритъ о мореходствѣ. То-же самое представленіе о Русахъ имѣли также и восточные писатели Якуби и Ибн-Хордадбехъ, упоминающіе о нихъ почти въ тѣже самые годы, а вскорѣ послѣ этого, въ 902 году, сообщается уже о Русахъ, которые находятся на службѣ у Византійцевъ и на собственныхъ судахъ вмѣстѣ съ греческимъ флотомъ участвуютъ въ походѣ противъ острова Крита. Даже пятьдесятъ лѣтъ спустя ни сынъ Льва, императоръ Константинъ Багрянородный, ни Арабъ Масъуди не называютъ этого народа-морехода

среди перечисленныхъ ими славянскихъ племенъ, а посвящаютъ ему особый отдѣлъ. Къ тому-же, было-бы тщетнымъ трудомъ, если-бы кто-либо захотѣлъ согласовать то немногое, что Левъ говоритъ о Сѣверныхъ Скиѳахъ, съ его-же подробнымъ описаніемъ военной организаціи Славянъ. Это могутъ дѣлать лишь тѣ, кто незнакомъ съ древне-славянскою военною организаціею.

Что побудило Льва назвать именно Русовъ *Сѣверными Скиѳами?* Болгары и Тюрки скитались и къ сѣверу отъ Византіи, и къ нимъ гораздо болѣе, чѣмъ къ народу-мореходу Русамъ, подошло-бы имя «Сѣверныхъ Скиѳовъ», такъ-какъ они вели дѣйствительно скиѳскій (съ точки зрѣнія Льва) образъ жизни и вели войну, какъ *скиѳскіе наѣздники.* Значитъ, у Льва была особенная побудительная причина, заставившая его назвать Русовъ именно такъ, а не иначе. Такое наименованіе ихъ врядъ-ли можно объяснить стремленіемъ византійскихъ педантовъ называть вновь появляющіеся народы классическими именами. Правда, отъ имен. существ. βορέας (βορᾶς), какъ отъ страны свѣта, названной *сѣверомъ* по сѣверному вѣтру (собств. сѣверо-сѣверо-восточному, aquilo), уже ранѣе часто производились собств. имена, имѣвшія, однако, только географическое значеніе; таково, напр., имя Гиперборейцевъ, подъ которыми не подразумѣвали никакого опредѣленнаго народа. Сынъ императора Льва, Константинъ Багрянородный, на котораго преимущественно ссылаются, въ своемъ сочиненіи de adm. imp., дѣйствительно, въ трехъ мѣстахъ употребляетъ выраженіе βόρειος. Главу 43-ю онъ начинаетъ словами, что теперь-де уже достаточно говорено о *Сѣверныхъ Скиѳахъ* (Ἀλλὰ περὶ μὲν τῶν βορείων Σκυθῶν ἱκανῶς σοι δεδήλωται). Изъ предыдущей главы видно, что онъ подъ этимъ именемъ подразумѣвалъ самые разнообразные народы, — Угровъ, Хазаръ, Русовъ, Печенѣговъ, Алановъ, Зиховъ и т. д. Въ главѣ 13-й онъ поучаетъ своего читателя, что природа надѣлила всѣ *сѣверные* народы ненасытною алчностью (ἴσθι οὖν ὅτι τοῖς βορείοις ἅπασι γένεσι φύσις ὥσπερ καθέστηκεν τὸ ἐν χρήμασι λίχνον καὶ ἄπληστον

καὶ μηδέποτε κορεννύμενον...). Нѣсколько строчекъ далѣе онъ, частію, называетъ эти народы по именамъ: «Если когда-либо, будь то Хазары, будь то Тюрки (Угры), или Русы, или-же какой-либо другой народъ изъ *сѣверныхъ* или скиѳскихъ (народовъ), какъ это часто случается, желаютъ и требуютъ царскихъ одеждъ, діадемъ или вооруженій... (...εἴτε Χάζαροι εἴτε Τοῦρκοι εἴτε καὶ Ῥῶς ἤ ἕτερόν τι ἔθνος τῶν βορείων καὶ σκυθικῶν...)»; однако здѣсь мы видимъ опять-таки употребленіе этого слова только въ географическомъ (какъ въ подобномъ-же случаѣ у Ліудпранда), но не въ *этнографическомъ* значеніи. Самъ Левъ одинъ разъ употребляетъ выраженіе βόρειος и, притомъ, въ сравнительной степени, а именно, въ главѣ 14-й § 42, гдѣ онъ сообщаетъ, какъ устроить врагу засаду. Это-де дѣлается, обыкновенно, въ войнѣ съ *болѣе сѣверными* и *скиѳскими* народами, такъ-какъ они въ сраженіяхъ не придерживаются опредѣленнаго строя, какъ, напр., Тюрки (Мадьяры) и подобные имъ (Τοῦτο δὲ ὡς ἐπὶ πολὺ ἐπὶ τῶν βορειοτέρων καὶ σκυθικῶν ἐθνῶν γίνεται διὰ τὸ ἄτακτα εἶναι, οἷον Τούρκων καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς). Подъ послѣдними онъ врядъ-ли подразумѣваетъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ выраженіе «болѣе сѣверные народы» у него слѣдуетъ понимать въ чисто *географическомъ* значеніи.

Напротивъ того, имя «Сѣверные Скиѳы» у Льва имѣетъ несомнѣнно *этнографическое* значеніе, на что указываетъ прич. λεγόμενον. Почему Левъ не поставилъ его передъ именемъ Сарацинъ? Именно потому, что это имя, какъ дѣйствительное имя народа, было общеизвѣстно. Имя «Сѣверные Скиѳы», должно быть, тоже было употребительно, такъ-какъ иначе Левъ не прибавилъ бы λεγόμενον. У какого-же народа оно было употребительно? У *византійскихъ* писателей IX и X-го столѣтія нельзя найти слѣдовъ этого имени. Правда, одинъ авторъ называлъ еще Русовъ 865 года, народомъ, живущимъ въ области сѣвернаго (сѣверо-восточнаго) Тавра (срв. выше, стр. 40) и въ 941 году писатели-педанты называютъ ихъ Дромитами, въ смы-

слѣ Тавроскиѳовъ, *οἱ Ρῶς, οἱ καὶ Δρομῖται λεγόμενοι*[1]), а Левъ Діаконъ считаетъ почти ниже своего достоинства называть Русовъ иначе, какъ Тавроскиѳами. Если это послѣднее имя дѣйствительно уже въ IX-мъ столѣтіи было употребительно въ примѣненіи къ Русамъ, почему-же императоръ Левъ не употребляетъ его вмѣсто столь двусмысленнаго «*Сѣверные Скиѳы?*». При такихъ обстоятельствахъ невольно хочется видѣть въ этомъ особенное намѣреніе со стороны ученаго императора Льва. Онъ зналъ такъ-же хорошо, какъ и его отецъ, (срв. выше, стр. 43), что тотъ народъ-мореходъ, который на Понтѣ и Босфорѣ называли *Русами*, на западѣ называли *Нортманнами*. Не мало было въ IX—X стол. латинскихъ лѣтописцевъ, которые считали нужнымъ хвастаться своими филологическими позналіями и давать этимологическій анализъ имени Нормановъ, парафразируя его чрезъ Aquilonares homines и т. п. И Византійцы могли возымѣть ту-же самую мысль. Если уроженецъ запада или нижней Италіи переводилъ имъ это имя, то прежде всего онъ долженъ былъ подумать о переводѣ чрезъ *οἱ Βόρειοι ἄνθρωποι* или *ἄνδρες*. Для примѣра укажемъ на путешествія римскихъ священниковъ въ Константинополь. Въ 860 году Луна, Пиза и другіе города по западному побережью средней Италіи были опустошены (срв. выше, ч. 1-я, стр. 164). Въ концѣ лѣта прибыло въ Римъ торжественное посольство изъ Византіи, члены котораго находились въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ патріарху Фотію (см. Hergenröther 1, 414). Вслѣдствіе этого, Николай отрядилъ отъ себя епископовъ Родоальда и Захарія послами въ Византію, гдѣ они

---

1) См. Каспій, стр. 677. И во второмъ изданіи словаря Вейганда (см. подъ слов. Russe) упорно повторяется совершенно произвольно принятое Цейссомъ толкованіе имени *Дромитовъ* въ значеніи *бѣгуны*. Князь Вяземскій въ своей работѣ (стр. 41) также восхищается этою чисто отвлеченною этимологіею. Моряки искони были мало способны къ тому, чтобы отличаться скороходствомъ. У какого классическаго или византійскаго писателя встрѣчается нарицательное *δρομίτης*? Было-бы желательно узнать это, дабы лексикографы могли исправить ошибку, которую они дѣлаютъ вотъ уже въ продолженіе трехъ столѣтій. Вѣдь такъ-таки не существуетъ слова *δρομίτης* въ значеніи *δρομάς* и *δρομεύς*.

оставались до 862 года. О пребываніи библіотекаря Анастасія въ Византіи въ 869 и 870 годахъ см. Каспій, стр. 362.

Другіе рѣшатъ, достойно-ли вниманія приведенное толкованіе выраженія οἱ λεγόμενοι Βόρειοι Σκύθαι, или-же заслуживаетъ только того, чтобы быть преданнымъ забвенію. И въ послѣднемъ случаѣ все-же остается неприкосновеннымъ предложенное толкованіе выраженія «Chaganus Nortmannorum» въ смыслѣ «Каганъ Сѣверныхъ Скиѳовъ»; вѣдь число тѣхъ, вѣроятно, останется весьма незначительнымъ, которые полагаютъ, что канцелярія императора Людовика *II* въ данномъ случаѣ совершенно ложно поняла греческій подлинникъ, т. е. при предполагаемомъ въ немъ выраженіи *Сѣверные Скиѳы* (будто-бы въ смыслѣ «славяно-русскіе») тотчасъ подумала о столь знакомыхъ ей *Норманахъ* (въ смыслѣ «Скандинавы»). Гораздо естественнѣе было-бы предположить, что латинскій переводчикъ οἱ λεγόμενοι Βόρειοι Σκύθαι перевелъ-бы дословно чрезъ «Scythae, qui vocantur septentrionales» или «Scythae, aquilonares dicti». Впрочемъ, болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы въ греческомъ подлинникѣ стояло упомянутое выраженіе Льва. Византійцы того времени подъ Скиѳами подразумѣвали варварскіе сѣверные народы. Короче, Скиѳъ было ругательнымъ словомъ. Когда императоръ Михаилъ въ 865 году въ своемъ посланіи къ папѣ назвалъ латинскій языкъ «lingua barbara et scythica», папа очень обидѣлся. Византійцы съ большимъ презрѣніемъ относились къ скиѳскимъ варварамъ, но, тѣмъ не менѣе, очень боялись ихъ. У нихъ не хватило-бы мужества адресовать посланіе къ скиѳскому Кагану (напр. къ Аскольду въ Кіевѣ, крещенному незадолго до 871 года): τῷ χαγάνῳ τῶν Βορείων Σκυθῶν, или написать халифу: εἰς τὸν Ἀμηρᾶν τῶν Σαρακηνῶν Βαρβάρων. Точно такъ-же ни франкскій императоръ, ни папа не осмѣлились-бы отослать письмо, адресованное «Horico, regi Paganorum» или «regi Barbarorum» (см. выше, ч. 1-я, стр. 171), хотя Норманны и у Англосаксовъ назывались язычниками, и у Нѣмцевъ и Романовъ довольно часто слыли за «Pagani».

Если разъ установлено, что такъ называемые Сѣверные Скиѳы

были *мореходами* и вообще были извѣстны подъ именемъ Русовъ, то всякій споръ о славянскомъ ихъ происхожденіи становится излишнимъ. Тѣ, которые съ этимъ несогласны, пусть попробуютъ строго научнымъ путемъ доказать предъ европейскимъ ученымъ ареопагомъ, что 1) прибалтійскимъ Славянамъ *девятаго* вѣка можно присвоить имя народа-морехода въ тогдашнемъ значеніи этого слова, и 2) что восточные Славяне того времени, жившіе вдали отъ моря и отъ другихъ болѣе культурныхъ народовъ, въ своемъ развитіи пошли по пути, совершенно неслыханномъ во всей исторіи мореходства древнихъ и средне-вѣковыхъ народовъ. Еще не родился тотъ, который могъ-бы доказать эти два положенія. Менѣе всѣхъ доказать ихъ взялся-бы морякъ, и научно и практически одинаково образованный. Именно такому моряку покажется совершенно естественнымъ, что хорватскіе и сербскіе Славяне въ Адріатическомъ морѣ, какъ и македонскіе Славяне въ Архипелагѣ, выступаютъ морскими разбойниками столѣтіями раньше, чѣмъ прибалтійскіе Славяне въ Балтійскомъ морѣ, и что Поляки, перенесши свою столицу въ Краковъ, совершенно и не думали о томъ, чтобы, съ военными цѣлями, обзавестись флотомъ на Вислѣ. Еще императоръ Константинъ Багрянородный (de adm. imp. cap. 31) зналъ лучше нашихъ антинесторіанцевъ, почему крещеные Хорваты въ Адріатическомъ морѣ были моряками и владѣли судами, тогда какъ некрещеные Хорваты въ области верхней Вислы не имѣли ни военныхъ, ни торговыхъ судовъ, такъ какъ — море было слишкомъ далеко отъ нихъ (ὡς μήκοθεν οὔσης τῆς θαλάσσης). То, что онъ по этому поводу писалъ въ 950 году, примѣнимо и къ восточнымъ Славянамъ около 850 года, когда они, въ союзѣ съ Феннами, отказались далѣе платить дань народу скандинавскихъ мореходовъ, что, затѣмъ, повлекло за собой призваніе особаго княжескаго рода. По имени тѣхъ сѣверно-скиѳскихъ *мореходовъ*, которыхъ Несторъ называетъ Варягами и колѣномъ которыхъ онъ считаетъ Русь, были названы нѣкоторыя мѣстности, которыя частію сохранились и по днесь, частію-же, были забыты, когда Россія перестала быть морскою державою

въ средневѣковомъ значеніи этого слова. На берегахъ Невы еще около 1500 и 1650 годовъ существовало нѣсколько деревень, носившихъ имя *Варягово*; однако, во время шведско-русской войны онѣ, какъ кажется, исчезли съ лица земли. *Варегово болото* называется въ Ярославской губерніи болото, занимающее поверхность около 3000 десятинъ; изъ него берутъ свое начало рѣки Печегда и Черемха, и мѣстами оно покрыто водою, такъ что, вѣроятно, прежде тамъ было большое озеро (Географическо-статистическій словарь. Составилъ П. Семеновъ. I, Спб., 1863). Переходъ *я* въ *е* объясняется такъ-же, какъ въ имени озера *Ва́реги* въ Черниговской губ. (см. Каспій, стр. 414 и срв. сѣверно-русскія формы Вареги и Ко́лбеги), окаймленнаго курганами, изъ которыхъ одинъ, разрытый, навѣрное относится къ XI столѣтію. Погодинъ незадолго до своей смерти получилъ свѣдѣнія о существованіи Варяжскаго озера въ Черниговской губерніи, но только на основаніи рукописнаго путешествія. Между тѣмъ, выше приведенную форму Ва́реги я самъ неоднократно слышалъ изъ устъ образованнаго мѣстнаго жителя, не знавшаго другой. Еще два другихъ имени можно привести въ связь съ древнимъ народнымъ именемъ Варягъ, а именно, село *Варежъ* (см. Словарь, П. Семенова) во Владимірской губ., на правомъ берегу Оки, съ пристанью для нагрузки и выгрузки товаровъ, и болото *Варехъ* (можетъ-быть, образованное изъ Варегъ?), также во Владимірской губ., вокругъ озера того-же имени. Изъ болота Варехъ вытекаетъ Люлихъ, притокъ Клязьмы. Не невозможно, что *Веряжа*, называемая и *Варяжей* (см. Словарь, П. Семенова), впадающая въ Ильменское озеро, своимъ именемъ обязана Варягамъ. Возможно, что первоначально она называлась «Варяжь» (въ лѣтописяхъ подъ 1477 годомъ: «въ монастырѣ у Троицы на Варяжи»; подъ 1412 годомъ: «на Веряжи»). Она беретъ начало изъ Вяжецкаго озера (поэтому-то Вяжецкій монастырь называется также «Варяжскимъ монастыремъ») и, такимъ образомъ, соединяетъ два озера. Совершенно случайнымъ созвучіемъ, можетъ быть, объясняется имя Варяжскаго озера въ Литвѣ, на которое ссылался покойный ви-

ленскій профессоръ Опацевичъ съ тѣмъ, чтобы дать еще одну слабую опору своему (въ самое послѣднее время вновь всплывшему) смѣлому положенію о приходѣ Рюрика изъ Литвы. Болѣе заманчиво звучитъ польское имя одной мѣстности въ Галиціи. *Waręz* (въ русской транскрипціи Варенжъ, такъ какъ говорятъ w Waręzu» и т. д.) называется мѣстечко недалеко отъ русской границы, лежащее на берегу большого пруда (nad dużym stawem), и лежащее тутъ-же рядомъ село въ округѣ (obwód) Żółkiew, недалеко отъ лежащей на правомъ берегу Буга почтовой станціи Sokal (см. Skorowidz wszystkich miescovości, położonych w Królestwie Galicyi. Lwów 1855. Въ оффиціальномъ «Orts-Repertorium des Königr. Galizien, Wien 1874», p. 204 ошибочно написано Waręź). По сочиненію «Starożytna Polska». (Przez Balińskiego i Lipińskiego. Tom II. Warszawa, 1845, p. 1253) это имя встрѣчается въ грамотахъ въ формахъ Waranss (въ 1538 г.) и Warąsch (въ 1544 и 1555 гг.), причемъ отвѣтственность за колеблющееся правописаніе этихъ формъ падаетъ исключительно на писцовъ, въ тѣ времена еще не особенно хорошо вышколенныхъ. Если это имя дѣйствительно находится въ связи съ именемъ Варяговъ, то древне-шведское Waring у Поляковъ первоначально звучало-бы Warąg (срв. *szeląg*, Schilling и *Elbląg*, Elbing, перенятыя изъ нѣмецкаго языка лишь немногимъ позже) [1]). Можно предположить, что число озеръ, по которымъ Варяги совершали плаванія съ торговыми и иными цѣлями и которыя, вслѣдствіе этого, были названы по ихъ имени, было еще больше, и что часть этихъ именъ относится къ тому времени, когда, какъ во времена Олега, родовое имя «Варягъ» еще употреблялось въ перемѣшку съ видовымъ

---

1) Насколько мнѣ извѣстно, тридцать лѣтъ тому назадъ Я. Головацкій впервые привелъ имя этого мѣстечка въ связь съ именемъ «Варягъ». При этомъ онъ указывалъ еще на находящуюся по близости мѣстность «Rusin». Я, однако, не счелъ возможнымъ включить эту форму въ таблицу (Каспій, стр. 414), такъ-какъ, если я не ошибаюсь эта мѣстность лишь поздно была заселена мазовецкими колонистами. Окончательное рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить знатокамъ мѣстной исторіи Галиціи. Иного происхожденія имена мѣстностей Waręźyn (польск.) и Warenzin (оботритск.).

именемъ «Русь». Имя лежащаго на Днѣпрѣ *Варяжскаго острова*, который упоминается по поводу перваго похода русскихъ князей противъ Татаръ въ 1223 году, но положеніе котораго въ точности не опредѣлено, можетъ быть, также указываетъ на начало плаваній Варяговъ (см. Арцыбышевъ, Повѣствованіе, I, стр. 317, прим. 1992 и 1987; островъ Хортица, тоже упоминаемый подъ 1223 годомъ, лежалъ ниже пороговъ). Упоминаемый въ Готаской рукописи Ибн-Хаукаля *Русскій островъ* (Джезиретъ-ар-Русія), вѣроятно, былъ названъ такъ не по имени морскихъ разбойниковъ, какъ полагалъ П. Савельевъ (Мухам. Нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. II, 1846, стр. 0145), а по имени такихъ русскихъ торговцевъ, какихъ описываетъ Ибн-Хордадбэхъ. Напротивъ того, имя семи *Русскихъ островов*ъ (или, вѣрнѣе, полуострововъ; срв. Димешки и Const. de adm. imp. Cap. 42) въ Черномъ морѣ, вѣроятно, прежде всего можно объяснить тѣмъ, что вскорѣ или недолго послѣ 900 года на ихъ берегахъ поселились варяго-русскіе морскіе разбойники.

На средне-вѣковыхъ, преимущественно, итальянскихъ картахъ 14-го и 15-го стол. еще сохранилось имя одной варяжской гавани (прежде всего, на картѣ P. Vesconte, 1318 года) въ формѣ *Varangolimena*; знатокъ исторической географіи сѣвернаго Понта, Ф. Бруунъ, въ этой гавани призналъ гавань Акмечети на западномъ берегу Крыма повыше Евпаторіи. Эта бухта могла получить такое имя очень рано, когда еще не приводили строгаго различія между именами Βάραγγοι и Ῥῶς. Записанную ими форму Итальянцы, конечно, заимствовали отъ живших по берегу Крыма Грековъ, у которыхъ она сохранилась до тѣхъ поръ пока она во время татарскаго ига не была окончательно забыта.

Кромѣ озеръ, острововъ и бухтъ, также и водовороты свидѣтельствуютъ о томъ, что языкъ Сѣверныхъ Скиѳовъ былъ языкомъ народа, знакомаго съ моремъ. Во время своихъ плаваній къ Босфору имъ на Двинѣ, Наровѣ, Невѣ, Волховѣ и Днѣпрѣ приходилось бороться съ многими естественными преградами, которыхъ-бы испугался всякій другой европейскій народъ 9-го и

10-го стол. Плаваніе было *особенно затруднительно*, благодаря встрѣчающимся въ этихъ рѣкахъ и тянущимся иногда на нѣсколько верстъ каменнымъ грядамъ, которыя называются частью катарактами и порогами, частью-же быстринами и водопадами, при чемъ не всегда точно соблюдается существующее между этими выраженіями различіе (срв. καταρράκτης и φραγμός, порогъ и быстрина и т. д.). Норманы, для обозначенія этихъ грядъ, пользовались несуществующими въ другихъ германскихъ языкахъ словомъ *fors*, которое входитъ также въ составъ различныхъ именъ мѣстностей, какъ Таммерфорсъ, Гельсингфорсъ и т. п., и часто употребляется въ значеніи: водопадъ. Въ договорной грамотѣ Ярослава Ярославовича Новгородскаго и нѣмецкихъ и готландскихъ торговыхъ гостей отъ 1270 года, дошедшей до насъ только въ нижне-нѣмецкомъ переводѣ, упоминается *vorsch* (срв. исландск. forsfall = Wasserfall), т. е. лежащая позади (старой) Ладоги ([Alt]ladoga или Aldagen см. Каспій, стр. 630), часть русла рѣки Волхова, на протяженіи почти 7-ми верстъ заполненная каменными грядами и валунами, гдѣ и въ настоящее время нагруженныя товарами или дронами барки осторожно провозятся у праваго берега на бичевахъ. Согласно договору, съ русской стороны въ распоряженіе иностранныхъ гостей предоставлялись, такъ называемые, «*vorschkerle*», которые и должны были провозить нагруженныя товарами суда черезъ «*vorsch*»: Cum hospites hyemales venerint ad torrentem, qui dicitur *Vorsch*, intimabitur oldermanno vectorum, qui dicuntur *Vorschkerle*, ut mane veniant ductores etc.[1]). Такъ какъ ни нижне-нѣмецкій, ни англо-саксонскій языкъ не знаютъ выраженія *fors* (муж. р., находится въ связи съ сред. р. *fors*, вспыльчивость, пылъ; шведск. *forsa*, быстро течь, струиться), то оно, очевидно, сохранилось на мѣстѣ съ варяжскаго вре-

1) Договоръ этотъ печатался неоднократно: у Sartorius-Lappenberg'a, въ Cod. dipl. Lubec., въ Livl. UB. вмѣстѣ съ латинскимъ черновикомъ его. Срв. Russisch-liwländische Chronographie. E. Bonnell. Pet. u. Leipz. 1862, p. 81. — Авг. Энгельманнъ первый доказалъ, что 1270 годъ единственно возможный годъ договора.

мени и при посредствѣ Готландцевъ перешло къ Нѣмцамъ. Форма «*Vorschkerle*», такимъ образомъ, заставила-бы предположить существованіе древне-шведскаго мн. числа *forskarla* (срв. roodzskarla, жители Rôslag'а въ 1434 году). Теперь въ Далекарліи (Svenskt Dialekt-Lexikon af Rietz. Malmö, 1867) слово *fórskall* еще употребляется для обозначенія рѣчного Водяного, называемаго по шведски также и «strömkarl, näcken», тогда-какъ у современныхъ Норвежцевъ (Norsk Ordbog af Jvar Aasen. Christ. 1873) *fossekall* обозначаетъ птицу (срв. названіе птицы καταρράκτης), а именно cinclus aquaticus. То-же самое шведское *fors* въ томъ-же значеніи встрѣчается уже въ источникѣ норманскаго періода, а именно около 950 года въ сочиненіи императора Константина de adm. imp., для перевода славянскаго *прагъ* (церк.-слав. прагъ, русск. порогъ; находится въ связи съ именемъ чешской столицы Praha и польской Praga близъ Варшавы). Въ своемъ описаніи плаванія Русовъ въ Византію, дошедшемъ до насъ, къ сожалѣнію, только въ дурномъ спискѣ, императоръ Константинъ сообщаетъ имена 7-ми днѣпровскихъ пороговъ на славянскомъ (σκλαβινιστί) и русскомъ (ῥωσιστί) языкахъ. Второй порогъ онъ по славянски называетъ Ὀστροβουνί πράχ (соединенное со словомъ *прагъ* прилагательное *островьнъ*), а по русски — Οὐλβορσί, и почти механически переводитъ это чрезъ τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ (вмѣсто ὁ φραγμὸς τοῦ νησίου). Правда, русскую форму было-бы трудно узнать, если-бы она не была достаточно выяснена основною славянскою формою и греческимъ толкованіемъ ея. Поразительна передача *f* черезъ β, такъ-какъ тогдашнее произношеніе (*w*) послѣдней не подлежитъ сомнѣнію, и самъ Константинъ часто пользуется буквою β для передачи *w* и *b* въ иноязычныхъ именахъ. Возможно, что вообще очень нерадивый переписчикъ сочиненія императора замѣнилъ букву φ буквою β; самъ императоръ, впрочемъ передаетъ славянское *b* также черезъ φ (Φαλιμέρης, Σφενδοσθλάβος, Σφενδοπλόκος). Слабаго придыханія въ началѣ иноязычныхъ словъ Константинъ вообще (см. выше, ч. 1-я, стр. 132 и сравни также λεάντι, какъ имя одного изъ Днѣпров-

скихъ пороговъ) болѣе не выражаетъ. Даже готская форма Ulmerugi (т. е. Inselrugen на берегу Балтійскаго моря) уже потеряла это придыханіе, тогда-какъ оно сохранилось въ норвежской формѣ имени Hôlmrygir (т. е. жителей острововъ передъ норвежскимъ Rogaland). Передача долгаго *ô* черезъ *u* совершенно естественна. Кромѣ имени Ulmerugi можно привести еще и то, что въ Gutasaga Россія называется Hulmgardh: til Jerslafs i Hulmgarþi (Säve, Gutniska urkunder. Stockh, 1859, p. 33). Holm въ шведскомъ языкѣ, какъ уже и (hôlm-r) въ памятникахъ исландской литературы, отличается отъ ö (исл. ey) тѣмъ, что оно, обыкновенно, обозначаетъ небольшой островъ, особенно въ рѣкѣ, въ озерѣ или въ бухтѣ, тогда-какъ ö обозначаетъ большой островъ (напр. Dagö, Runö). Выпало-ли μ, благодаря невнимательности переписчика, или уже самому императору въ данномъ случаѣ показалось слишкомъ варварскимъ стеченіе трехъ согласныхъ (λ μ β), теперь уже нельзя рѣшить, но, какъ недавно, такъ и впредь тщетны будутъ всѣ усилія заподозрить въ глазахъ непредубѣжденныхъ филологовъ отождествленіе Οὐλβορσί съ Hôlmfors, какъ произвольное. Называть загадочнымъ русское имя пятаго порога прямо-таки неразумно. Имена βουλνηπράχ и βαρουφόρος вполнѣ покрываютъ одно другое, такъ какъ оба обозначаютъ «волнопрагъ». Род. пад. мн. числа женск. рода bâra встрѣчается въ исландскомъ языкѣ въ различныхъ сочетаніяхъ: bârufâk-r (конь волнъ, поэтич. вмѣсто корабль), bâruhestar (undarum equi, i. e. naves), bârufall (волненіе моря), bârustrom (безпокойное море), и т. п. Слова πράχ императоръ не снабдилъ греческимъ окончаніемъ, а въ словѣ φόρος это окончаніе, вѣроятно, обязано своимъ существованіемъ только невнимательному переписчику, которому уже слишкомъ знакомы были существительное ὁ φόρος или имя ὁ Βόσπορος. Такъ какъ толкованіе большинства русскихъ именъ или вполнѣ, или въ достаточной мѣрѣ доказано, то можно также предположить, что они возникли въ такое время, когда поѣздки изъ Кіева въ Понтъ и въ Византію становились обычными, что̀ случилось, безъ сомнѣнія, послѣ 865 года. Само

собою разумѣется, что славянскія имена относятся къ еще болѣе раннему времени, хотя императоръ Константинъ въ своихъ объясненіяхъ нарѣчіе ῥωσιστί ставитъ всегда на первомъ мѣстѣ, потому-ли, что онъ считалъ Ῥῶς именемъ господствовавшей династіи, или потому, что лицо, отъ котораго онъ почерпалъ свои свѣдѣнія, принадлежало къ Варяго-Руси, уже лучше владѣвшей славянскимъ языкомъ, чѣмъ скандинавскимъ. Форма πράχ, которая не находится въ непосредственной связи ни съ церк.-славянскимъ *прагъ*, ни съ великорусскимъ *порогъ*, ни съ польскимъ *próg* (срв. врагъ, ворогъ, vróg, wrah въ Каспіи, стр. 406), ближе всего подходитъ къ чешскому prah (обозначаетъ также порогъ въ дверяхъ и водопадъ) и заставляетъ предполагать, что, можетъ быть, существовала древне-южно-русская форма *прагъ* (съ придыхательнымъ *г*, какъ въ словахъ Богъ, богатъ), pragh, изъ котораго затѣмъ образовалась форма prah.

Если рѣчные острова и рѣчные пороги назывались по имени древнѣйшихъ варяжскихъ мореходовъ, то тоже самое мы можемъ ожидать и по отношенію къ морскому проливу или «fretum angustum». Это было доказано уже 65 лѣтъ тому назадъ въ сочиненіи, поучительномъ не только для своего времени: *Von dem Sud* (*судъ*) *der russischen Chronik* (Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie. Von *Ph. Krug*. Pet., 1810, p. 183—209). Такіе люди, какъ Карамзинъ, Шафарикъ, Погодинъ, а равно и издатели и переводчики русской лѣтописи Миклошичъ, Эрбенъ и Смитъ, которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, нельзя обвинить въ отсутствіи самостоятельной критики, безпрекословно признали скандинавское происхожденіе словечка *судъ*[1]). Только

1) Matzenauer не включилъ слова Судъ въ свой славянскій словарь иностранныхъ словъ (cizí slova), изданный въ 1870 году въ Брюннѣ Матицей Моравской, хотя это слово, безъ сомнѣнія, было ему извѣстно (срв., напр., Миклошичъ, die Fremdwörter in den sl. Sprachen. 1867). Возможно, что я не замѣтилъ соотвѣтствующаго мѣста, такъ-какъ пользованіе этимъ трудомъ значительно затруднено тѣмъ, что авторъ не снабдилъ его простымъ алфавитнымъ указателемъ.

въ послѣднее время съ нѣсколькихъ сторонъ — публично и частнымъ образомъ, — были высказаны мнѣнія противъ такого толкованія. Правда, эта оппозиція съ самаго начала нѣсколько теряетъ въ своемъ значеніи, благодаря тому, что никто изъ противниковъ, какъ мы то по вѣскимъ причинамъ принуждены предположить, не удостоилъ сочиненія Круга ни малѣйшаго вниманія. Однако, публично по этому вопросу высказались только два Рюриковича, а именно, кн. М. Оболенскій (Нѣсколько словъ. 1870, стр. 28) и кн. П. Вяземскій въ сердитой отвѣтной статьѣ на вопросы, предложенные ему мною (Каспій, стр. 690) съ цѣлью достигнуть соглашенія на научной почвѣ. Кн. Оболенскій полагалъ, что при помощи Шлёцера и Дю-Канжа ему удастся разгадать истинное значеніе слова *судъ*, но скончался, не придя къ горькому убѣжденію, что онъ запоздалъ на 60 лѣтъ. Кн. Вяземскій по поводу выраженій *suda* и *ἡ σοῦδα* тоже совѣтовался съ греческимъ и латинскимъ Дю-Канжемъ. Но, такъ какъ онъ лучше другихъ понималъ, что изъ приведенныхъ у Дю-Канжа мѣстъ нельзя вывести заключенія о греческомъ происхожденіи слова Судъ, онъ занялся своеобразными комбинаціями, опредѣлить достоинство которыхъ мы съ удовольствіемъ предоставляемъ другимъ; точно такъ-же мы, по чувству терпимости, совершенно не осмѣливаемся желать убѣдить нашего противника, воспылавшаго гнѣвомъ безъ всякаго повода съ нашей стороны. Наша скромная задача заключается лишь въ томъ, чтобы «цѣпью» филологическихъ и историческихъ доводовъ оградить Византійскій «Судъ» отъ новыхъ вторженій.

Въ классической латыни было извѣстно лишь слово ж. рода *sŭdis*, ставшее техническимъ терминомъ въ фортификаціи. Въ связи съ нимъ, конечно, находится вульгарно-латинское *suda* въ значеніи палисадъ, сооруженіе изъ свай. Подобно другимъ военнымъ терминамъ, слово suda во времена первыхъ византійскихъ императоровъ перешло въ греческій языкъ. Здѣсь *ἡ σοῦδα* встрѣчается не только въ значеніи *fossa sudibus munita*, но и въ значеніи *vallum, castrum*, на ряду со словомъ *τὸ σουδᾶτον*. Со вре-

мени Круга сдѣлались доступными не мало новыхъ источниковъ, въ которыхъ упоминается Константинопольскій проливъ и различныя имена, а равно и отдѣльныя части его. Нигдѣ, ни въ одномъ изъ источниковъ Золотой Рогъ не названъ — ἡ Σοῦδα. Уже однимъ этимъ фактомъ вся теорія, построенная на словѣ suda, погружается въ пучину пролива.

Преподобный Несторъ и другіе благочестивые отцы говорятъ въ пользу «Sund'»а еще и по другой причинѣ, значеніе которой, надѣемся, не всѣ антинесторіанцы станутъ отрицать. Въ древности славянскіе народы не такъ механически и безъ вкуса перенимали иностранныя слова, какъ это случалось въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Что могло побудить кіевскихъ Славянъ около 865 или 900 года превратить въ существ. муж. рода Судъ совершенно удобное для нихъ, оканчивающееся на *а* греческое существ. женск. рода Suda? Напротивъ того, превращеніе существ. ср. рода *Sund* въ существ. муж. рода *Судъ*, лишенное носового звука, объясняется именно только тѣмъ, что это было необходимо. Славянамъ, которые съ военными или торговыми цѣлями вмѣстѣ съ Варяго-русью отправлялись въ Византію, впервые приходилось слышать имя Sund (средн. рода) изъ устъ своихъ варяго-русскихъ спутниковъ. Лишая это имя, согласно свойственной славянскому языку особенности, носового звука, Славяне рисковали смѣшать его съ двумя искони существовавшими и однозвучными словами муж. рода, а именно, со словами *судъ* (judicium; срв. церкв.-слав. *сѫдъ*, польск. sąd, о родствѣ котораго см. словарь Миклошича и Conrad Hofmann въ «Germania» Pfeiffer'a 8 Jahrg. Wien, 1836, p. 3; срв. истъ, истина) и *судъ* (navis, или vas, въ средне-вѣковомъ значеніи этого слова, vaisseau, теперь судно; срв. церк.-слав. *сѫдъ*, instrumentum, vas и см. словарь Миклошича). Такое смѣшеніе этихъ словъ мы, впослѣдствіи, дѣйствительно и встрѣчаемъ у переписчиковъ русской лѣтописи, которые, не будучи знакомы съ топографіей Константинополя, не поняли слова Судъ и сдѣлали изъ него суды (корабли) и т. д. Точно такъ-же поступили позднѣйшіе толкователи. Судъ, на ко-

торый намекала Ольга (срв. ниже, стр. 68), Ломоносовъ считалъ купелью, но судъ, упоминаемый подъ 907 годомъ, онъ приблизительно правильно объяснялъ, какъ узкій проходъ; Шлёцеръ находилъ это смѣшнымъ, хотя достойнымъ осмѣянія былъ онъ самъ, такъ-какъ, по его мнѣнію «die Suda» — *такъ онъ* всюду произвольно транскрибируетъ славянское имя муж. рода *Судъ* — обозначаетъ «einen mit Pallisaden umsteckten Graben»[1]).

Именно изъ разбираемаго случая явные и тайные противники Су́да Византійскаго могутъ убѣдиться, что время лингвистической рутины прошло. Помимо того, что въ 9-мъ столѣтіи не было причины превращать греческое имя женск. рода Σοῦδα въ славянское имя мужск. рода, существуютъ даже причины, заставляющія предполагать, что въ тѣ времена во всякомъ случаѣ предпочитали сохранять въ заимствованныхъ словахъ формы женскаго рода на *-а* (α). Благодаря обрядамъ греческой церкви стало извѣстно слово προσφορά, т. е. освященный пшеничный хлѣбъ, которымъ священникъ надѣляетъ вѣрующихъ. Это слово женск. рода безъ видоизмѣненія (*просфора́*) продолжаетъ пользоваться правомъ гражданства въ русскомъ литературномъ языкѣ, тогда-какъ народъ по своему передѣлалъ его: просвира́, а теперь часто даже *про́свира*. Были заимствованы безъ измѣненій, съ сохраненіемъ ударенія, даже формы средн. рода мн. числа на *-а*, но, удобства ради, ихъ принимали за формы женск. рода ед. числа. Τὸ γράμμα первоначально обозначало всякій врѣзанный или вы-

---

1) Въ своей автобіографіи (стр. 215; срв. 250) Шлёцеръ *пишетъ*, что Ломоносовъ «Suda» переводитъ чрезъ «enge Einfahrt, *Sund*». Только у Ломоносова нѣтъ слова «Sund»; оно прибавлено самимъ Шлёцеромъ, съ его точки зрѣнія, для большей ясности. Уже въ своемъ соч. «Probe russischer Annalen» (Bremen, 1768, pag. 166) онъ напечаталъ: «Niemand hat dieses Wort bisher verstanden. Einige vergleichen es mit dem Isländischen *Sund*». Со времени своего пребыванія въ Швеціи, Шлёцеръ зналъ Stocksund и *много* другихъ Sund'овъ по шведскому побережью, и поэтому, вѣроятно, онъ не могъ понять, какъ можно было назвать су́домъ (проливомъ), въ *скандинавскомъ значеніи* этого слова, Константинопольскій заливъ, развѣтвляющійся отъ Босфора на западъ. Норманы и, прежде всего, именно Шведы тѣмъ не менѣе, въ видѣ *исключенія*, дѣлали это, какъ мы увидимъ ниже.

битый знакъ, въ особенности-же, письмена. Множественное число τὰ γράμματα сохранилось въ значеніи «письмо», какъ документъ, надпись, исписанный свитокъ или книга, и перешло въ церковно-славянскій языкъ, въ которомъ совершенно обыденно существительное женск. рода *грамата* (съ пропускомъ одной изъ удвоенныхъ согласныхъ) въ значеніи «документъ, письмо». Въ древне-русскомъ языкѣ эта форма уже рано была преобразована въ форму *грáмота* и удержала, главнымъ образомъ, значеніе оффиціальнаго документа (напр., жалованная грамота). Согласно твердо установившемуся правилу (Каспій, стр. 416) въ восточно-славянскомъ нарѣчіи вторая гласная перешла въ *о*, тогда какъ первая осталась безъ измѣненія, можетъ быть, не столько потому, чтобы желали избѣгнуть столкновенія со словомъ «громъ», сколько по той причинѣ, что съ выпаденіемъ одного плавнаго звука эта гласная получила другое фонетическое значеніе, чѣмъ въ греческомъ языкѣ. Нельзя отрицать различія въ произношеніи *а* въ словахъ гр*а*мота и гр*а*мма. Переходъ въ *о* второй гласной въ этомъ заимствованномъ словѣ долженъ былъ случиться очень рано, такъ какъ въ древнѣйшихъ спискахъ русской лѣтописи всегда пишется «грамота словѣньская» и въ договорѣ Игоря отъ 944 года также всегда пишется «грамота». Затѣмъ это слово также и во множ. числѣ стало склоняться правильно по образцу существ. женск. рода на *-а*. Вмѣстѣ съ другими церковными терминами, это слово уже рано перешло также къ нѣскольскимъ сосѣднимъ народамъ, когда къ нимъ, если не при Владимирѣ, то, во исякомъ случаѣ, при Ярославѣ, были заброшены первыя сѣмена христіанства. Еще теперь это слово живо въ финскомъ, эстонскомъ, ливскомъ, латышскомъ и литовскомъ языкахъ, только тутъ оно подиерглось разнымъ видоизмѣненіямъ въ духѣ этихъ языковъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ антинесторіанцевъ, какъ приверженцы лингвистическаго натурализма, весьма охотно въ неопредѣленныхъ словахъ выражаютъ свое отрицательное отношеніе къ лингвистическимъ доводамъ, но, между тѣмъ, сами они не даютъ ничего положительнаго, могущаго встрѣтить одобреніе со сто-

роны компетентныхъ критиковъ. Здѣсь имъ опять предоставляется удобный случай сдѣлать невозможное возможнымъ и пригоднымъ для славистовъ, а именно, образованіе собств. имени Судъ отъ нарицательнаго ἡ σούδα или отъ какого-либо одного изъ похожихъ по звуку топографическихъ названій по берегамъ византійскихъ владѣній, названій, о которыхъ выше не стоило даже упоминать. Время покажетъ, чье объясненіе научно-обосновано. Теперь только спрашивается, возможно-ли согласовать толкованіе Судъ — Sund съ исторіей той или другой части водъ, омывающихъ Константинополь. Еще Кругъ пытался доказать возможность этого; однако, пробѣломъ у него является отсутствіе строгаго разграниченія того значенія, которое *Stenon* и *Hieron* имѣли въ различныя эпохи и у различныхъ писателей [1]).

Такъ какъ, въ виду сильнаго прибоя, судамъ было почти невозможно приставать у восточной части Константинополя, то, со времени возникновенія мореплаванія въ этихъ краяхъ, гаванью города служилъ проливъ или, вѣрнѣе, морской рукавъ, который нынѣ отдѣляетъ собственно турецкій городъ или Стамбулъ отъ франкскаго города (Галата и Пера). Въ древности устье рѣки и конецъ бухты залива назывались «рогомъ». Имя *Золотой рогъ* (Χρυσοῦν κέρας, Χρυσόκερας) еще рано было перенесено на заливъ, называвшійся также и Κεράτιος κόλπος. Весь заливъ простирается на западъ всего на полчаса пути и мѣстами до того узокъ, что, какъ въ древности, такъ и въ новѣйшее время, чрезъ него въ нѣсколькихъ мѣстахъ были перекинуты мосты. Поэтому бросается въ глаза то обстоятельство, что въ византійскую эпоху этотъ заливъ называли именемъ, которое первоначально и впослѣдствіи понималось въ совершенно иномъ значеніи, а именно *Stenon*.

Какъ у другихъ народовъ такъ и у Грековъ, всякій проливъ

---

1) Въ интересахъ, какъ византійской, такъ и русской исторіи было-бы желательно, чтобы кто-нибудь по источникамъ составилъ географическо-историческій эскизъ Босфора, Константинопольскаго пролива и Пропонтиды и отмѣтилъ на картахъ положеніе различныхъ мѣстностей и ихъ древнія и новыя имена (т. е. греческія, славянскія и т. д.).

назывался прилагательнымъ, выражающимъ понятіе *узкій*, а именно στενός. Τὸ στενόν (т. е. πέλαγος), по преимуществу, назывался проливъ, извѣстный также подъ именемъ Ѳракійскаго Босфора, и еще у Византійцевъ прибрежное населеніе его называлось οἱ Στενῖται. Императоръ Константинъ Багрянородный (de adm. imp. Cap. 51) подъ этимъ именемъ подразумѣвалъ моряковъ Stenum'а или области на сѣверномъ берегу залива, изъ которыхъ, частью, (ἀπὸ τῶν Στενιτῶν πλωΐμων) набирался экипажъ для императорскаго краснаго флота. Этотъ послѣдній искони имѣлъ свою стоянку въ «Stenum'ѣ». Никита (около 1200 года) перенесъ имя Stenon даже на Пропонтиду, что было сдѣлано также нѣсколькими русскими паломниками (узкое море).

Другимъ именемъ Босфора было *Hieron*, по имени храма (τὸ ἱερόν), который, согласно преданію, Аргонавты на обратномъ пути соорудили на берегу бухты въ Виѳиніи. Впослѣдствіи подъ τὸ Ἱερόν подразумѣвали всю принадлежавшую къ храму территорію. Изъ этой бухты, изъ которой наблюдали за прибывавшими изъ Понта судами, обыкновенно отправлялись въ Византію и ея имя было перенесено на весь Босфоръ. Еще Дука (стр. 80—144) подъ ὁ πορθμὸς τῆς Προποντίδος τοῦ ἱεροῦ στομίου подразумѣваетъ Босфоръ. Срв. Hammer, Constantinop. u. d. Bosporus. P. 1822, II, p. 285.

Въ церковно-слав. языкѣ прилаг. στενός, обыкновенно, передается чрезъ ѫзъкъ (польск. wąski, чешск. úzký, родственно латинскому ang-ustus, готск. agg-vus, др. врх.-нѣм. angi и т. д.). Уже въ житіи Св. Кирилла (гл. 4) Stenum переведено «узкое море», и русскіе паломники различныхъ вѣковъ также называютъ Константинопольскій проливъ узкимъ моремъ. Кромѣ того было образовано слово «узмень», но оно, можетъ быть, употреблялось въ особенномъ значеніи. Такъ и у Норвежцевъ существовало имя существ. муж. рода *angr* (бухта, заливъ), которое уже рано исчезло, но все-таки сохранилось во многочисленныхъ именахъ мѣстностей, какъ, напр., Stafangr, Warangerf(jord) и т. д.; это слово строго различалось отъ сущ. средн. рода *sund*.

Изъ русскихъ лѣтописей только въ самой древней встрѣчается имя Судъ и, притомъ, четыре раза въ періодъ времени отъ 865 до 958 года. Какъ извѣстно, лѣтописецъ, котораго мы привыкли называть Несторомъ, заимствовалъ свѣдѣнія о походѣ Руси противъ Византіи въ 865 году изъ церковно-славянскаго перевода византійскаго продолжателя такъ называемаго Георгія Амартола. Существуютъ двѣ группы рукописей этого перевода, изъ которыхъ одна, такъ называемая болгарская (вѣроятно, изготовленная въ Болгаріи), дословно придерживается византійскаго подлинника, тогда-какъ въ другой, русской группѣ, вѣроятно, еще до Нестора, были вставлены, между прочимъ, имена Аскольда и Дира. Кромѣ того, въ русскихъ рукописяхъ имя рѣки «Мавропотама» замѣнено именемъ «Черная рѣка» и «Hieron» передано черезъ «Судъ». Болгарскій переводчикъ не понялъ имени Hieron и передалъ его чрезъ «церковь» (τὸ ἱερόν); въ Кіевѣ это было исправлено. О недостаточно еще выясненномъ отношеніи этихъ двухъ редакцій перевода см. капитальныя изслѣдованія И. Срезневскаго въ Запискахъ Академіи Наукъ, томъ VI, (1865 г.), стр. 272. До поры до времени хочется вѣрить, что русская редакція перевода возникла въ самой Россіи.

1) Руси же приспѣвше внутрь быти церкве... (болгарск. ред. см. Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей I, 1846 г., стр. 242). Этому соотвѣтствуетъ текстъ Георгія Амартола (Georg. hamart. ed. Muralt, p. 736, Georg. mon. ed. Hase, p. 826 такъ-называемаго Theophanes Continuatus): Οἱ δὲ Ῥῶς φθάσαντες ἔνδον τοῦ Ἱεροῦ γενέσθαι...

Русь же внутрь Суда вшедше.... Русск. ред., стр. 242.

Си же внутрь Суду вшедше.... (Лѣт. по Лавр. списку. 1872, стр. 20).

Этотъ сокращенный текстъ находится у Льва Грамматика, стр. 463=241: οἱ δὲ Ῥῶς φθάσαντες ἔνδον τοῦ Ἱεροῦ, и у такъ-называемаго Симеона Логоѳета, стр. 445=674: οἱ Ῥῶς ἔνδοθεν τοῦ Ἱεροῦ φθάσαντες....

Лѣтописи или, вѣрнѣе, утерявшаяся лѣтопись, которую вы-

писывали позднѣйшіе компиляторы, какъ кажется, считала рукавъ Босфора, называемый Золотымъ Рогомъ, принадлежащимъ еще къ проливу или къ самому Босфору, т. е. она хотѣла дать понять, что Русы проникли внутрь пролива или внутрь Суда вплоть до западной оконечности отдѣляющагося отъ него рукава; это, косвенно, подтверждается также и бесѣдами патріарха Фотія.

Біографъ патріарха Игнатія, Никита Давидъ, писавшій около 880 года, сообщаетъ, что «Русы, проникнувши изъ Понта въ Stenum (*οἱ.... Ῥῶς, διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου προσκεχωρηκότες τῷ Στενῷ*) и разграбивши всѣ мѣстности и монастыри, ринулись и на острова, лежащіе вокругъ Византіи», въ особенности, на такъ называемые Принцевы острова въ Мраморномъ морѣ, гдѣ въ опалѣ жилъ патріархъ Игнатій. Такъ какъ Никита хотѣлъ описать только то, что, благодаря этому нашествію, пришлось перетерпѣть патріарху, то образъ дѣйствій Русовъ въ другихъ мѣстахъ нисколько не интересовалъ его. Поэтому онъ, вѣроятно, употребилъ имя Stenum вмѣсто Босфора. Срв. «*πρὸς τοῖς δεξιοῖς τοῦ Στενοῦ μέρεσι*» въ началѣ житія.

2) Второй набѣгъ Русовъ при Олегѣ въ 907 году Византійцы стараются обойти молчаніемъ; однако, этотъ набѣгъ подразумѣвается въ дошедшемъ до насъ мирномъ договорѣ 907 года. Русское извѣстіе объ этомъ походѣ частію уже получило легендарную окраску, но всё-же было совершенно излишне сомнѣваться въ загражденіи гавани посредствомъ цѣпи, такъ какъ это неоднократно дѣлалось въ Византіи. Точно такъ-же Кругъ подтвердилъ достаточнымъ количествомъ историческихъ примѣровъ фактъ перевозки Олеговыхъ морскихъ ладей на колесахъ. Перевозка эта, разумѣется, была предпринята съ тою цѣлью, чтобы спустить ладьи опять въ море, т. е. въ Судъ, выше того мѣста, гдѣ была протянута цѣпь, и оттуда взять городъ приступомъ, такъ какъ въ этомъ и заключалась главная цѣль набѣга. Послѣ этого Греки, дѣйствительно, тотчасъ завязали переговоры. Вотъ соотвѣтствующее мѣсто изъ лѣтописи Нестора:

«....пріиде къ Царюграду; и Греци замкоша Судъ (*проливъ, какъ гавань*), а градъ затвориша». Болѣе поздній, такъ называемый Архангельскій списокъ (см. ниже, стр. 71) въ этомъ мѣстѣ поясняетъ *Судъ* чрезъ *лименъ*.

3) Въ третьемъ мѣстѣ, а именно, въ повѣствованіи о походѣ Игоря въ 941 году, Судъ является переводомъ греческаго Stenon.

....τό τε γὰρ Στενὸν λεγόμενον ἅπαν ἐνέπρησαν (Georgius ham. ed. Muralt, pag. 843, Georg. mon. p. 589=515). У такъ называемаго Continuator Theophanis значится: ....ἅπαν λεγόμενον.... (p. 263=425).

Въ такъ называемой болгарской редакціи перевода продолжателя Георгія Амартола это мѣсто переведено дословно; даже имя «Stenon» удержано и лишь передѣлано въ существ. муж. рода:

«..., ибо Стенонь глаголемыи вьсь пожегоше...». (П. Собр. русск. лѣт. I, П. 1846, стр. 245). Напротивъ того, въ такъ называемой русской редакціи «Stenon» не только переведено соотвѣтствующимъ славянскимъ словомъ, но это послѣднее еще пояснено чрезъ «Судъ»:

«....тогда оубо оузменъ (церк.-слав. *Ѫзмень, *узкій проходъ*), глаголемый Судъ, всѣ (чит. вьсь) пожгоша». У Срезневскаго (Зап., стр. 277): тъгда оузмень глаголемыи Соудъ и вся пожьгоша. Срв. Оболенскій въ Чтеніяхъ Общества Исторіи. Москва, 1847 года.

У Нестора безъ дальнѣйшихъ прибавленій: «и Судъ весь пожьгоша».

Очевидно, византійское извѣстіе о походѣ 941 года дошло до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Когда Игорь со своимъ флотомъ въ 1000 судовъ прибылъ въ Византію, въ столицѣ не было ни войскъ, ни судовъ, такъ какъ всѣ боевыя силы Византійцевъ были высланы противъ Арабовъ. Въ торопяхъ были снаряжены 15 разоруженныхъ судовъ; эти суда, подъ начальствомъ Ѳеофана, вышли въ Босфоръ, стали у малоазійскаго бе-

рега близъ Понта, т. е. въ бухтѣ «Hieron», и нанесли русскому флоту первое пораженіе. Прежде чѣмъ изъ Малой Азіи прибыла греческая сухопутная армія съ тѣмъ, чтобы, прежде всего, уничтожить производившую грабежи въ Виѳиніи Русь, эта послѣдняя успѣла произвести ужасныя опустошенія и на европейскомъ берегу. Несторъ имѣлъ предъ собою русскую редакцію перевода продолженія Георгія Амартола, но располагалъ, помимо русскихъ извѣстій, еще и другимъ, неизвѣстнымъ византійскимъ источникомъ, конечно, въ болгарскомъ переводѣ. Изъ этого источника онъ заимствовалъ, напр., слѣдующее:

«И почаша воевати Виѳаньския страны, и воеваху по Понту Аркълѣя и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидиискую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша...».

Такъ какъ въ этомъ неизвѣстномъ византійскомъ источникѣ нарочито упоминается о разграбленіи Виѳиніи вплоть до Никомидіи, то подъ именемъ Судъ (Stenon) тутъ врядъ-ли подразумѣвается область по обѣ стороны Босфора, а только сѣверное побережье Константинопольскаго залива. Въ этотъ заливъ Русь, вѣроятно, не входила, такъ какъ, по выходѣ въ море своего резервнаго флота, Греки навѣрное не преминули заградить гавань цѣпями.

4) Въ четвертый разъ Византійскій Судъ упоминается въ гордомъ отвѣтѣ, который Ольга дала императору Константину когда тотъ велѣлъ напомнить ей объ обѣщаніи, данномъ ею въ Византіи въ 957 году:

«Аще ты, рьци, такоже постоиши у мене в Почайнѣ, якоже язъ в Суду, то тогда ти дамъ...».

Ольга, можетъ быть, прибыла на ладьѣ, отдѣланной съ нѣкоторымъ комфортомъ, и возможно, что въ Судѣ эта ладья служила ей и жилищемъ. Стояла-ли ладья у теперешней таможни, какъ полагаетъ князь Вяземскій, или-же тамъ, гдѣ обыкновенно останавливалась Русь, этого рѣшить нельзя.

Затѣмъ Судъ вновь упоминается лишь въ концѣ 12-го столѣтія, и притомъ упоминаетъ о немъ паломникъ Добрыня Ядрѣй-

ковичъ, который, по возвращеніи изъ паломничества въ священный Царьградъ, принялъ схиму, былъ при этомъ нареченъ Антоніемъ и въ 1210 году былъ назначенъ архіепископомъ Новгородскимъ. Антоній посѣтилъ Константинополь около 1200 года. Въ концѣ своего, нѣкоторымъ изъ насъ давно извѣстнаго, но лишь недавно изданнаго[1]) сжатаго описанія святыхъ мѣстъ Византіи, онъ два раза упоминаетъ о Судѣ.

«Се же на увѣдѣніе и на память и на молитву благовѣрнымъ человѣкомъ, еже есть во Царѣградѣ, *по Суду извну града*, отъ много ничтоже святыхъ написахъ, или во градѣхъ, или во святой Софіи и во Апостольской церкви, иже паки во Царьградѣ».

«Мануилъ царь испытывалъ по всей области греческой и повелѣлъ звати всѣхъ поповъ и давати имъ пореперу и монасты-(ревъ) колико есть *отъ конецъ Суда и до другого конца*. Отъ греческаго моря *и до Русьскаго моря* есть поповъ 40000, акромѣ монастырскихъ; а монастыревъ 14000; а у святыя Софіи 3000 поповъ...».

Итакъ, Антоній посвятилъ благовѣрнымъ людямъ то, что онъ написалъ о святыхъ мѣстахъ «во Царѣградѣ, *по Суду* извну града, или во градѣхъ, или во святой Софіи» и т. д. Согласно второй цитатѣ, императоръ Мануилъ Комнинъ велѣлъ произвести перепись всѣмъ попамъ своей имперіи «и монастыревъ, колико есть *отъ конецъ Суда и до другого конца*. Отъ Греческаго моря и до Русьскаго моря есть поповъ 40000, акромѣ монастырскихъ...». Послѣднее мѣсто было-бы неясно, если-бы предположить, что подъ *Судомъ* Антоній понималъ не только сѣверный берегъ Византійскаго залива, но также и проливъ, Босфоръ. Очевидно, по его мнѣнію, Греческое море простиралось до того мѣста, гдѣ начинается Понтъ или Русское море.

И послѣдній русскій источникъ, въ которомъ упоминается

---

1) Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савваитова. Спб., 1872 г.

«Судъ», также доказываетъ, что подъ этимъ именемъ подразумѣвали не только заливъ, но и населенный сѣверный берегъ его. Краткій, но цѣнный памятникъ о взятіи Константинополя Франками въ 1204 году написанъ либо Грекомъ, либо Славяниномъ, очевидцемъ этого событія. Почему этотъ памятникъ былъ включенъ именно въ новгородскую лѣтопись, нельзя отгадать. Если встрѣчающаяся тамъ краткая замѣтка о городѣ «Брьнѣ» (*Verona*): «Маркосъ отъ Рима во градѣ Брьнѣ, идѣже бѣ жилъ поганыи злыи Дедрикъ» принадлежитъ автору самого памятника, то онъ, по всей вѣроятности, былъ (новгородскій) Русскій, прожившій продолжительное время въ южной Европѣ[1]).

«Прьвое пришьдъше (*Франки*) въ *Судъ*, замкы желѣзныя разбиша приступивъше къ граду (*крѣпости*), огнь въвергоша 4-рь мѣстъ въ храмы.... и.... погорѣ иподрумье и до моря (*до Пропонтиды*), а сѣмо по царевъ затворъ и до *Суда* погорѣ».

Насколько этимъ выясняется то мѣсто лѣтописи, въ которомъ идетъ рѣчь объ образѣ дѣйствій Олега, вполнѣ очевидно. Кромѣ того Кругъ (p. 196) уже доказалъ, что франкскіе лѣтописцы

---

1) Простая - ли это случайность, что словечко «идѣже» (послѣ «Брьнѣ») кромѣ того встрѣчается еще 5 разъ въ самомъ текстѣ? Въ 1863 году И. И. Срезневскій еще допускалъ возможность перевода съ греческаго (Древніе памятники русскаго письма in 4⁰, стр. 42).

Текстъ памятника, въ латинскомъ переводѣ былъ обнародованъ также и Гопфомъ въ «Chroniques gréco-romanes. Berlin, 1873, p. 93—98. Срв. p. 014. Его переводъ вышеприведенныхъ отрывковъ не годится.

Форма *Дедрикъ* не готская, не верхне-нѣмецкая и не древне-скандинавская, а нижне-нѣмецкая (срв. Müllenhoff въ «Haupts Zeitschrift f. deutsch. Alterth. 12, 344); такимъ образомъ, нижне-нѣмецкими торговыми гостьми эта форма была занесена въ Новгородъ, куда иныхъ посылали нарочно еще въ дѣтскомъ возрастѣ на продолжительное время съ тѣмъ, чтобы они научились русскому языку. Здѣсь, въ Смоленскѣ и Полоцкѣ, они, въ обмѣнъ на свои романтическія саги объ Аттилѣ и готскихъ герояхъ, знакомились съ былинами о Владимирѣ Святомъ и его богатыряхъ. На устныхъ источникахъ этихъ Sagamänner, отчасти, основана древне-норвежская редакція саги о Дитрихѣ (такъ наз. Vilkinasaga). Тѣхъ «нѣмецкихъ людей», на которыхъ ссылается норвежскій редакторъ, можетъ быть, слѣдуетъ искать среди такихъ торговыхъ гостей (изъ Сёста, Бремена и Мюнстера), какіе упоминаются въ договорной грамотѣ князя Мстислава Смоленскаго и нѣмецкихъ и готландскихъ купцовъ отъ 1229 года.

вполнѣ согласны съ авторомъ нашего повѣствованія. Въ своей Byz. Chronologie, p. 201 Кругъ не счелъ возможнымъ понять въ географическомъ смыслѣ слово *судъ* въ другомъ, третьемъ мѣстѣ славянскаго извѣстія. Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ своего сочиненія онъ убѣдился, что здѣсь нарицательное *судъ* было употреблено въ значеніи «summum tribunal» какъ переводитъ Гопфъ (p. 98); по поводу этого Кругъ написалъ слѣдующее: «судъ ist hier nicht Sund, sondern Gerichtsbarkeit» и при этомъ сослался еще на одно мѣсто въ Лѣтоп. Никон. II, 280: «.... Кондофларендъ царство приять, Маркожъ градоблюдие, Андрѣйже Бернандъ землисохранение».

Со времени взятія Константинополя Франками и случившагося нѣсколькими десятилѣтіями позже нашествія Татаръ, сношенія Россіи съ Византіей встрѣчали многочисленныя препятствія. Вслѣдствіе этого слово Судъ было забыто, такъ-что переписчики древне-русской лѣтописи исковеркали его въ суды (корабли), сосуды и т. д. Исключеніе составляетъ только одинъ такъ называемый Архангельскій списокъ (Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Росс. истор. отъ 852 до 1598 г. М. 1781, in 4⁰). Въ этомъ спискѣ сохранились и нѣкоторыя другія цѣнныя свѣдѣнія, какъ, напр., о томъ, что Олегъ не умеръ сказочною смертью, но, какъ мы теперь знаемъ также и изъ другого списка, отказавшись отъ правленія, собрался отправиться «за море», но дошелъ только до Новгорода и — Ладоги, гдѣ онъ умеръ и гдѣ въ честь его былъ сооруженъ курганъ. Въ Архангельск. спискѣ, стр. 7, подъ 907 годомъ значится: «и Греки замкоша Ссудъ, ежъ есть лимень». И въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ позднѣйшихъ лѣтописей и въ запискахъ русскихъ паломниковъ проливъ также называется просто лимень.

Послѣ того какъ Кругъ, на основаніи историческихъ источниковъ, доказалъ, что подъ именами Stenon и Судъ понимали и заливъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣверное побережье его, ему казалось несомнѣннымъ и то, что слово *Судъ* было передѣлано изъ *Sund* точно такъ-же, какъ русское *пудъ* изъ германскаго *Pund*. Ана-

логія была убѣдительна, но ее можно было-бы обосновать еще лучше, если-бы тогда уже было открыто новое произношеніе церк.-славянскаго ѫ = польск. ą [1]). Помимо того, что эта носовая гласная, встрѣчающаяся во всѣхъ чисто славянскихъ словахъ, въ нарѣчіи восточныхъ славянъ рано потеряла носовое произношеніе (срв. выше, стр. 60 по поводу *судъ*, judicium), даже иностраннымъ словамъ приходилось подвергаться подобному измѣненію, хотя-бы они въ иностранныхъ языкахъ и не имѣли строго носового произношенія, какъ, напр., *Pund*. Однако, это правило, особенно со времени татарскаго періода, болѣе не соблюдалось, какъ мы здѣсь покажемъ на двухъ примѣрахъ. Прежде русское *пудъ* имѣло нѣсколько значеній (гиря, плата за взвѣшиваніе, единица вѣса, теперь = 40 русскимъ фунтамъ и т. д.). Предположеніе, что оно образовалось изъ готскаго *pund* невѣроятно не столько потому, что въ отрывкахъ Вульфилы оно встрѣчается лишь для обозначенія малой единицы вѣса, λίτρα, сколько потому, что само слово *пудъ* чуждо всѣмъ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Для того, чтобы производить это слово непосредственно отъ несклоняемаго латинскаго *pondo*, отъ котораго производятъ готское существ. ср. рода *pund*, древне-верхне-нѣмецкое *phunt*, недостаетъ историческихъ данныхъ. Поэтому мы должны предположить, что въ Россію это слово было занесено въ такое время, когда она поддерживала довольно правильныя торговыя сношенія со странами сѣверо-западной Европы. Можетъ быть, въ Новгородѣ и Полоцкѣ со словомъ *пудъ* прежде всего познакомились чрезъ посредство Готландцевъ, которые, въ свою очередь, получили его отъ нижне-нѣмецкихъ уроженцевъ,

---

1) Ученіе объ обѣихъ носовыхъ гласныхъ было научно обосновано лишь Востоковымъ въ 1820 году; но, независимо отъ него, Кругъ, немного лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ своей хронологіи, правильно понялъ ихъ фонетическое значеніе и подтвержденіе ему нашелъ въ древанскомъ (нарѣчіе люнебургскихъ Славянъ) и польскомъ языкахъ. Онъ, какъ кажется, не зналъ, что еще Шлёцеръ въ своей грамматикѣ русскаго языка, недопущенной къ изданію въ 1764 году, (см. стр. 41 и сл. перепечатаннаго мною изданія) высказалъ подобное предположеніе, не обосновавъ его болѣе подробно.

у которыхъ, какъ и въ Скандинавіи, былъ въ употребленіи такъ наз. *lispund*. Лишь долгое время спустя послѣ татарскаго ига въ Россію перешелъ, безъ всякихъ измѣненій, нѣмецкій отпрыскъ латинскаго pondo въ формѣ *фунтъ* (*funt*), но, можетъ быть, не непосредственно, а уже изъ польскаго языка (*funt*). Къ тому времени славянская фонетика уже вступила въ періодъ окаменѣнія, и тоже самое явленіе мы замѣтимъ по отношенію ко вторичному заимствованію слова *Sund*. Такъ-какъ это слово столь живо показываетъ намъ, что Русы были народомъ-мореходомъ норманскаго происхожденія, то мы бросимъ еще взглядъ на его распространеніе. Такимъ образомъ потеряетъ почву всякій, кто захотѣлъ-бы сдѣлать еще попытку найти объясненіе имени *Судъ* непосредственно въ греческомъ, славянскомъ или литовскомъ языкахъ.

Sund въ значеніи *проливъ* можно найти только у двухъ народовъ — у Англосаксовъ и у Скандинавовъ. Такъ-какъ это слово встрѣчается у обоихъ народовъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ, то трудно предположить, чтобы одинъ изъ нихъ заимствовалъ его у другого; напротивъ того, Скандинавы принесли слово *sund*, въ вышеприведенномъ значеніи, съ собою въ новое свое отечество, когда они прибыли туда на судахъ за долго до Рождества Христова. До сихъ поръ, особенно въ Германіи, смѣшивали это слово съ однозвучнымъ *sund* (сред. рода, natatio, отъ прошедшаго времени глагола *svima; срв. также исландск. *synda* = natare), но скандинавскіе филологи, руководимые живымъ филологическимъ чутьемъ, справедливо возстали противъ подобнаго сопоставленія. Въ древне-скандинавскомъ языкѣ сохранилось первоначальное значеніе слова *Sund*, а именно «ущелье, дефиле, узкій проходъ», и лишь впослѣдствіи оно было перенесено на узкій проходъ между двумя морскими берегами и, вообще, на всякій проливъ, который *разъединяетъ* два берега (срв. древне-скандинавскій глаголъ sun-d-r-a, dissecare). Наконецъ, въ поэзіи *sund* обозначало также и море (напр., *sundfaxi*, equus maris, *sundvargr*, lupus maris, i. e. navis). Этому значенію слова,

доказанному древне-скандинавскимъ языкомъ, вполнѣ соотвѣтствовало-бы то, чѣмъ «Sund» является въ представленіи моряковъ. Вотъ, что мы читаемъ у извѣстнаго англійскаго морехода Sabine: L'expression *sound* (entrée) diffère de celle de *baie* en ce qu'elle ne désigne pas nécessairement une enceinte fermée[1]). Лексическій составъ англо-саксонскаго языка еще слишкомъ мало разработанъ по источникамъ, чтобы установить точнѣе, чѣмъ это возможно теперь, въ какомъ значеніи употреблялось слово «sund» у древнихъ Саксовъ. Англо-саксонская форма *Sund* (fretum, mare) едва-ли была совсѣмъ забыта, такъ-что ново-англійское *sound* врядъ-ли было заимствовано лишь впослѣдствіи у Скандинавовъ. Это послѣднее слово уже обошло весь свѣтъ, и имъ названы многіе узкіе проходы въ странахъ, открытыхъ лишь въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій. Почему-же и Норманы не могли распространить это столь употребительное у нихъ выраженіе въ то время, когда они отправлялись производить морскіе

1) Revue encyclopédique. 1827, Avril, pag. 7. Доводы въ пользу вышеприведенныхъ значеній слова «sund» можно найти въ исландск. словарѣ Egilsson'a (Lexicon poëticum. 1860) и въ словарѣ Clearsby-Vigfusson'a (Oxf. 1871), а по поводу основного значенія см. въ особенности Fritzner (Ordbog over det gamle norske Sprog. Krist. 1867). Коренной глаголъ, отъ котораго при помощи *d* образовалось слово *sund* (первоначальное сущ. ср. р. sundis и sundas?), въ точности еще не опредѣленъ. По поводу готскаго нарѣчія sundrô и т. д. см. словарь Weigand'a подъ словомъ «sonder.»

Созвучіе русскаго «судъ» (judicium; см. выше, стр. 60) и «Судъ» (=Sund), въ виду выше сказаннаго, не можетъ быть объяснено такимъ-же образомъ. Врядъ-ли возможно вполнѣ объяснить происхожденіе славянской формы *судъ* въ смыслѣ «judicium». Позволимъ себѣ указать здѣсь на развитіе значеній одного греческаго слова. Основное значеніе глаг. κρίνειν — отдѣлять, разлучать, разъединять (*sondern*; страд. зал. бороться, сражаться), затѣмъ отдѣлять, выдѣлять, въ отвлеченномъ смыслѣ, т. е. рѣшать и, въ особенности, *судить*. Существ.: κρίσις, сужденіе, осужденіе. Какъ извѣстно, сюда-же относится латинское cerno. Такъ въ Prûsiska *sund(e)* значитъ наказаніе, а съ этимъ неразрывно связано нѣмецкое *Sünde* (древне-верхне-нѣмецкое sunta) и исландск. synd, тогда-какъ лишенныя носового звука латышскія слова *sôds* и *sôdiba* обозначаютъ судъ, наказаніе. Латышское sôdiba подходитъ къ церк.-славянскому *судьба*, judicium, русск. *судьба*, fatum. Спрашивается теперь, можно-ли согласовать съ этимъ корень *sand* (см. C. Hoffmann въ сочиненіи, цитованномъ на стр. 60), и имѣлъ-ли этотъ послѣдній первоначально отвлеченное или конкретное значеніе?

разбои и открывать новыя страны? Именно берега Скандинавскаго полуострова до того изрѣзаны, что для многочисленныхъ проливовъ возникло множество именъ, въ составъ которыхъ входитъ слово *sund*. Благодаря норвежскимъ переселенцамъ и изъ Исландіи также стали распространяться имена, въ составъ которыхъ входило слово «Sund»; тому-же, съ своей стороны, способствовали и Норманы, поддерживавшіе сношенія съ Гренландіей и открывавшіе Сѣверную Америку. Зундъ, отдѣляющій датскій островъ Зеландію отъ противулежащаго шведскаго берега, сталъ до того общеизвѣстнымъ, что его, обыкновенно, не обозначали точнѣе (Öresund, исландск. Eyrarsund). Ничто не могло быть естественнѣе, чѣмъ то, что Датчане тѣмъ-же именемъ назвали одинъ изъ проливовъ у лежащаго такъ близко отъ нихъ острова Рюгена. Само собою разумѣется, что ихъ поѣздки туда, съ торговыми и иными цѣлями, начались раньше, чѣмъ о томъ свидѣтельствуютъ источники. Островъ Рюгенъ выступаетъ въ исторіи на первый планъ лишь тогда, когда Славяне, собравшись съ силами, стали отъ времени до времени совершать нападенія на датскіе острова. Эти нападенія увѣнчивались успѣхомъ въ 11-мъ и 12-мъ столѣтіяхъ, когда Руяны на своихъ легкихъ ладьяхъ причиняли много вреда Датчанамъ, флотъ которыхъ, напротивъ того, состоялъ уже изъ болѣе тяжелыхъ судовъ бóльшаго размѣра, какія тогда были въ ходу въ западной Европѣ. Наконецъ, Датчане рѣшились перейти въ наступленіе. Было предпринято нѣсколько походовъ, сначала безъ особеннаго успѣха. Въ 1160 году Датчане овладѣли островомъ, который еще въ концѣ 13-го столѣтія назывался и по днесь называется только «Dänholm»; однако, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Исландцы и Саксонъ (apud insulam Strelam), раньше этотъ островъ назывался чисто славянскимъ именемъ «Стрѣла», вѣроятно, потому что прежде одна изъ его оконечностей, подобно стрѣлѣ, выступала въ море. Этотъ островъ лежитъ посреди узкаго пролива, который отдѣляетъ южную часть острова Рюгена отъ лежащей на материкѣ Помераніи, и на немъ Датчане часто останавливались. Мы смѣло мо-

жемъ предположить, что этотъ проливъ, мѣстами шириною не болѣе $1/4$ мили, Датчане называли не иначе, какъ *Sund*. Что это въ дѣйствительности было такъ, доказываетъ имя города *Stralsund*, который былъ основанъ на померанскомъ берегу, на юго-западъ отъ Dänholm'a, либо рюгенскимъ княземъ, либо его сюзереномъ, однимъ изъ датскихъ королей 12-го столѣтія. Оставимъ въ сторонѣ передаваемыя лѣтописцами сказанія объ основаніи этого города, — съ 1240 года островъ Dänholm уже принадлежалъ къ городской территоріи, и, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ печати на городскихъ грамотахъ 13-го столѣтія, городъ сначала назывался просто civitas in Stralessund. Въ древнѣйшей изъ сохранившихся городскихъ грамотъ, относящейся къ 1234 году, городъ называется еще Stralow, значитъ, по славянски, вѣроятно, Stralowo[1]).

И въ Финляндіи, между прочимъ, существуетъ *Svensk sund*, называемый по фински *Ruotsin salmi*; это послѣднее имя въ новѣйшее время передѣлали въ болѣе удобное имя Роченсальмъ.

Подобно тому, какъ Аландскіе острова нѣкогда были насе-

---

1) Положеніе о-ва Dänholm'a можно видѣть, между прочимъ, на картахъ, приложенныхъ къ трудамъ: *Barthold'a* (Gesch. Pommerns. 3 Bd. 1840), *F. Fabricius'a* (Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen von K. G. Fabricius, Strals. 1841), *Otto Fock'a* (Rügisch-Pommersche Geschichte. I. Rügen, 1168, Leipzig, 1861). Объ исторіи Стральзунда см. также *Fock* (Rüg.-Pomm. Geschichte. II. Stralsund... im Jahrhundert der Gründung. L. 1862) и *Kratz* (Die Städte der Provinz Pommern. Abriss ihrer Geschichte. Berlin. 1865). Изображенія печатей гербовъ города Стральзунда — три стрѣлы, которыя подъ конецъ превращаются въ лучи; срв. древне-верхне-нѣмецкое strâla, ж. р., стрѣла — см. въ брошюркѣ «Die älteren Siegel der Stadt Stralsund. Aus Syndicus *Brandenburg's* Papieren herausgeg. von *F. Fabricius*. Sep.-Abdruck aus.... «Deutscher Herold». Jahrg. 1864. Stralsund, Verlag von Bremer. 1874.

Число топографическихъ именъ, въ составъ коихъ входитъ слово стрѣла, польск. strzała и т. д., очень значительно. То, что К. Фабриціусъ предполагалъ относительно стрѣлообразнаго вида острова Dänholm'a, примѣнимо также и къ лежащему на Невѣ острову, на которомъ пишутся сіи строки. Та оконечность этого острова (теперь и задолго до Петра Великаго называвшагося Васильевскимъ островомъ, а у окрестныхъ Финновъ по старому называющагося Hirvisâri, т. е. Лосій островъ), которая насупротивъ крѣпости вдается въ рѣку, называется по-просту Стрѣлкой (на Стрѣлкѣ лежитъ главное зданіе Академіи Наукъ).

лены Финнами, такъ и на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря коренное финское населеніе слилось съ рано переселившимися туда Шведами; однако Эсты, напр., на островѣ Даго, напротивъ, феннизировали Шведовъ. Большой Зундъ, шириною въ 10 верстъ, отдѣляетъ материкъ Эстляндіи (у Вердера) отъ острова Моона, а Малый Зундъ, шириною въ 3 версты, отдѣляетъ о-въ Моонъ отъ о-ва Эзеля, который, кромѣ своихъ эстонскихъ именъ Sârema (островная земля) и Kurresâr, въ сокращенномъ видѣ сохранилъ свое древнее шведское имя (исландск. Eysŷsla). Отъ о-ва Даго о-въ Эзель также отдѣленъ проливомъ, шириною въ 4 версты, который называется *Söälasund* (тюленій проливъ, отъ эстонско-шведскаго söäl¹).

Согласно одному вполнѣ опредѣленному свидѣтельству, Скопти въ 1099 году первымъ изъ Норманов посѣтилъ Гибралтарскій проливъ, который въ сагахъ называется *Njörva-sund*. Это имя, можетъ быть, довольно древнее, такъ-какъ мы знаемъ, что въ числѣ норманскихъ пиратовъ, которые въ 844 году впервые совершили нападеніе на Пиренейскій полуостровъ и Мавританію, были такие и Норвежцы изъ мѣстности Westfold. Когда, почти въ то же самое время, Шведы впервые посѣтили «большой укрѣпленный городъ» (Mikligardh) на Босфорѣ, имъ, можетъ быть, было не легко усвоить себѣ непонятныя имъ греческія имена отдѣльныхъ мѣстностей. Предположивъ даже, что имъ не перевели имени «Stenon», они, слѣдуя роднымъ воззрѣніямъ, едва-ли могли назвать Босфоръ иначе, чѣмъ «Sund». Однако, доказательствъ у насъ нѣтъ. Изъ славянскихъ источниковъ можно вывести заключеніе, что Варяго-Русы, познакомившись съ болѣе тѣснымъ значеніемъ греческаго имени «Stenon», назвали просто *Sund*'омъ также и каналъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ гаванью для мѣстныхъ и иностранныхъ судовъ, хотя онъ представлялъ собою скорѣе (см. выше, стр. 73) бухту, «Vik» (recessus maris; vik въ исландск. яз. женск. рода, въ шведск. теперь муж. р.);— это названіе (vik) не было чуждо Шведамъ, какъ о томъ, между прочимъ, и теперь еще свидѣтельствуютъ многочисленные вики

по эстляндскому побережью (см. Eibofolke oder die Schweden an den Küsten Ehstlands und auf Runö. Von C. Russwurm. Reval 1855, § 79). Между тѣмъ, имя Sund въ примѣненіи къ каналу сохранилось и было перенято также и Норвежцами, когда они стали чаще наѣзжать въ Византію. Гаральдъ Сигурдсонъ, братъ Св. Олафа Норвежскаго, послѣ битвы при Стиклестадѣ въ 1030 г. выселился, поступилъ на службу къ великому князю Ярославу и около 1032 года отправился въ Византію съ тѣмъ, чтобы тамъ поступить въ ряды войскъ. Послѣ того, какъ онъ въ Сициліи сражался съ Арабами, онъ въ 1042 году въ Константинополѣ принялъ участіе въ дворцовомъ переворотѣ и, ради личной безопасности, рѣшился бѣжать въ Россію. Одна изъ его «галейдъ» (срв. средне-латинск. galeida; визант. ἡ γαλέα; древне-русск. галѣя, подъ 1183 годомъ, и голія, подъ 1553 годомъ; латинск. galea; средне-верхне-нѣмецкое galîe) пошла ко дну при попыткѣ перебраться черезъ цѣпи, заграждавшія *Sævidharsund* (отъ Porta Eugenii до Галаты), а на другой ему удалось бѣжать около 1044 года. Это исландское или норвежское имя Суда, возникшее, вѣроятно, во время первыхъ поѣздокъ Шведовъ въ Грецію, Мунхъ (Norsk Tidskrift for Videnskap, udgiv. af Lange. Christiania 1849, p. 166) толковалъ по датски дословно черезъ «Söveedsund» (древне-исландск. vidh-r, срв. vidhar verk и т. д.; шведск. ved, англійск. wood), т. е. проливъ, въ которомъ подъ водою вбиты доски или сваи.

Другихъ свидѣтельствъ о Судѣ Византійскомъ на сѣверѣ нѣтъ, если не считать достойнымъ вниманія одно мѣсто въ такъ наз. Дамустасагѣ, которое встрѣчается въ 3-мъ томѣ болѣе стараго изданія Heimskringla (Havniae 1783, p. 70): «Miklagardia (*Константинополь*) ita est constituta, quod multi norunt narratione proditum, ut freta ibi sint, *Stolpa-sund* dicta, in quo medio freto positae sunt columnae, utroque a latere, et quae ad columnas applicantur, ferrea clathra arteficiose adeo facta, ut quaecunque volupe fuerit, aperire et claudere liceat. Utrique in mare procurrunt promontoria, in quibus structa sunt castella,

firma adeo et alta, ut transitus non pateat, nisi avibus et volatilibus». Исландское *stólpi* (trabs, columna, родственно съ нѣм. *Stulpe* и съ церк.-слав. *стлъпъ*, *стлъбъ*, русск. *столпъ*, *столбъ*; польск. *słup*; чешск. *sloup* и т. д.), обыкновенно, употребляется для обозначенія Гибралтарскаго пролива (Stolpasund). Не слѣдуетъ-ли предполагать, что въ Дамустасагѣ, хотя бы отчасти, произошло смѣшеніе Гибралтарскаго пролива съ *Судомъ* Византійскимъ? Сама сага, можетъ быть, принадлежитъ къ сагамъ болѣе поздняго происхожденія.

Въ Россіи послѣ татарскаго ига вновь появляется слово «Sund», но перенимаемое уже не изъ первоисточника, а благодаря посредству Нѣмцевъ, и иногда, можетъ быть, даже Поляковъ, которые Oeresund доселѣ называютъ *Zunt* (z = русск. з). Ново-русскія формы: Зюнтъ (Stralsund, 1576); Зунтъ (Öresund, 1581); Сундъ и Зундъ (Öresund, 1630) и т. д. [1]).

Въ заключеніе слѣдуетъ указать еще на то чрезвычайно важное обстоятельство, что немного десятилѣтій спустя послѣ появленія Сѣверныхъ Скиѳовъ на Черномъ морѣ, это послѣднее у нѣсколькихъ народовъ было переименовано. Подобныя переименованія имѣютъ значеніе, если они вызваны дѣйствительно историческими причинами, тогда-какъ чисто географическія наименованія морей часто совершенно случайны. Такъ, Тацитъ называетъ Балтійское море Суэбскимъ моремъ (mare suebicum), потому что внутренняя Германія у него называется Суэбіей и простирается до «Океана»; позже оно стало называться Балтійскимъ моремъ (т. е. Бѣлымъ моремъ, вѣроятно, на языкѣ Прусовъ), Восточнымъ моремъ (Ostsee), Соленымъ моремъ (Saltsee) и т. д. Балтійское море на всемъ своемъ протяженіи не было называемо по имени какой-либо отрасли прибалтійскихъ Славянъ, литовскихъ

---

1) Разумѣется, правописаніе *Зунтъ* и *Zunt* ни датское, ни шведское, а лишь сообразовано съ верхне-нѣмецкимъ произношеніемъ, въ которомъ, благодаря лѣности, утерялось первоначальное твердое произношеніе начальнаго *S*. И въ славянскихъ языкахъ нѣкоторыя фонетическія измѣненія можно объяснить подобнымъ-же образомъ, какъ, напр., исчезновеніе долгихъ гласныхъ и преобладаніе смягченныхъ согласныхъ.

и чудскихъ племенъ. Развѣ только у одного позднѣйшаго арабскаго компилятора оно одинъ разъ приводится подъ именемъ «моря Варанговъ и Славянъ» [1]). «Моремъ Варанговъ» Балтійское море называется уже около 1030 года у Бирунія. Гораздо ранѣе для этого моря у восточныхъ Славянъ вошло въ употребленіе имя «Варяжскаго моря» (хотя, по воззрѣніямъ самихъ восточныхъ Славянъ, Варяги жили только по одному, шведскому, берегу его), которое сохранилось до временъ Петра Великаго. Въ нѣкоторыхъ средне-вѣковыхъ источникахъ, напр., 13-го столѣтія, встрѣчается имя «mare gothicum», но, вѣроятно, лишь благодаря тому, что островъ Готландъ со своимъ знаменитымъ торговымъ центромъ Висби являлся ближайшею цѣлью, къ которой стремились торговые мореплаватели.

Хотя Варяги или Норманы занимали лишь часть балтійскаго побережья, восточные Славяне все Балтійское море назвали ихъ именемъ, тогда какъ они, напр., около 1300 года, восточную Померанію (Pommerellen) считали только сербскою (славянскою) страною, граничащею съ «Варяжскимъ моремъ» [2]). Въ 1629 году въ Москвѣ было получено извѣстіе отъ Густава Адольфа о бѣдственномъ положеніи города Стральзунда, «на Варяжскомъ морѣ». Такимъ-же образомъ случилось, что населенныя Азіатами и Греками страны по берегу Понта, считались лежащими на берегу «Русскаго моря». Еще недостаточно выяснено, какой народъ и по какой причинѣ счелъ это имя Понта устарѣлымъ. Можетъ быть это были Арабы или еврейскіе торговцы. Извѣстно, что ал-Фаргани (родился въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, † 215 — 830)

---

1) Manuel de la cosmographie du moyen âge. Traduit de l'arabe de Shems ed-dîn de Damas, par Mehren. Cop. et Paris, 1874, p. 182, 21. Ученый датскій арабистъ въ одномъ мѣстѣ толкуетъ это «море Варанговъ, Славянъ и Келабитовъ», какъ обозначающее только Ботническій заливъ, однако, безъ достаточнаго основанія. По всей вѣроятности всѣ арабскія извѣстія о Варягахъ имѣютъ своимъ источникомъ Бирунія.

2) «Она бо бѣ рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія Варязкаго, отъ Стараго града, за Кгданскомъ». О различныхъ значеніяхъ имени Кашубовъ см. Кратцъ, die Städte Pomm., p. 356.

еще называлъ Черное море моремъ Рума (Византійскимъ), что Хуррами, который около 845 года жилъ въ Византійской имперіи военноплѣннымъ, вѣроятно, впервые переименовалъ его въ Хазарское море, и что приблизительно въ концѣ 9-го столѣтія Ибн-Хордадбэхъ и Якӯбӣ послѣдовали его примѣру. Мы не знаемъ, послѣдовали-ли ихъ примѣру также и Джейхâнӣ, Ибн-ал-Факӣхъ, писавшій около 900 года или немногимъ позже, и другіе, такъ-какъ ихъ сочиненія дошли до насъ лишь въ не вполнѣ точно еще выдѣленныхъ извлеченіяхъ у позднѣйшихъ писателей. Масъуди зналъ вышеназванныхъ географовъ и пользовался ими около 940 года. Врядъ-ли онъ по собственному почину сталъ называть Каспійское море исключительно Хазарскимъ, а Понтъ, напротивъ того,—Русскимъ моремъ (Бахр-ал-Рӯсъ); вѣроятнѣе, что онъ пользовался бывшими тогда уже въ употребленіи именами:

«Le fleuve des Khazars (*le Volga*), dans la partie supérieure de son cours, se décharge par un bras (*le Don*) dans un des golfes (*la mer d'Azof*) de la mer Nitas (*le Pont-Euxin*), *qu'on peut nommer la mer des Russes*, car ils sont les seuls qui y naviguent, et ils habitent sur l'une de ses côtes» (Pr. d'or, 2, 15. Chap. 17. Cf. 1, 274. Chap. 14).

Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы имя «море Русовъ» было выдумано Масъудіемъ. Согласно достовѣрнымъ справкамъ, вмѣсто напечатанныхъ выше курсивомъ словъ въ подлинникѣ значится лишь: *«et c'*(est) *la mer des Rous»*. Изящество слога вещь хорощая, но совершенно не у мѣста, если оно затемняетъ или даже уничтожаетъ смыслъ какого-нибудь текста. Къ сожалѣнію, это случается нерѣдко въ изданіи «Classiques orientaux», предпріятіи прекрасномъ, которое не только должно вызвать самую искреннюю благодарность всѣхъ историковъ, но также дѣлаетъ Франціи великую честь. Существуетъ вѣдь совершенно простой пріемъ, посредствомъ котораго, при столкновеніи двухъ различныхъ по духу языковъ, можно избѣжать шероховатостей въ переводѣ: слѣдуетъ въ примѣчаніи, хотя-бы въ концѣ книги,

указывать на вольно переведенное мѣсто, приводя тутъ-же дословный переводъ.

Говоря о вторженіяхъ въ Испаяію, въ 844 году произведенныхъ Маджусами или Норманами, которыхъ Якӯбй выдаетъ прямо за Русовъ, Масъуди пишетъ:

«Quant à moi, je pense (Dieu seul sait la vérité) qu'ils arrivaient par un canal communiquant avec les mers Mayotiṣ et Nitas, et que c'étaient des Rous; car ces peuples étaient les seuls qui navigassent sur ces mers que certains détroits relient à l'Océan» (Pr. d'or 1, 364. Chap. 16).

Итакъ, несомнѣнно, что Масъуди имѣлъ свѣдѣнія о поселеніяхъ Русовъ по Киммерійскому Босфору (къ которому примыкалъ и полуостровъ Тамань) и о производимыхъ ими на Понтѣ грабежахъ. О послѣднихъ онъ нарочито упоминаетъ, говоря о городѣ Моснатѣ, подъ которымъ, можетъ-быть, слѣдуетъ понимать древній Корсунь на южномъ берегу Севастопольской бухты [1]):

«Et l'on y voit une ville nommée Mosnat; elle appartient aux Grecs, qui veillent contre les invasions des vaisseaux russes ou d'autres peuples» (Pr. d'or 2, 317. Chap. 29).

Итакъ, Масъуди (подъ вліяніемъ какихъ источниковъ?) пустилъ въ оборотъ имя Русскаго моря, не столько потому, что Русы на восточномъ побережіи Понта основали нѣсколько военныхъ поселеній, сколько потому, что они морскими разбойниками (и торговцами) плавали по этому морю. Онъ нашелъ себѣ подражателей среди своихъ единовѣрцевъ, изъ которыхъ многіе имѣли обыкновеніе выписывать своихъ предшественниковъ, не заботясь о томъ, осталось-ли неизмѣннымъ то, что существовало

1) Это мѣсто, правда, опущено А. Я. Гаркави въ его «Сказаніяхъ», но въ другомъ мѣстѣ онъ попытался возстановить основное чтеніе имени этого города. Съ исторической точки зрѣнія съ нимъ вполнѣ можно согласиться.

двумя или тремя столѣтіями раньше. Благодаря этому, случилось, что арабскіе писатели 14-го столѣтія, когда Россія Татарами была совершенно отрѣзана отъ Понта, все еще говорятъ о Русскомъ морѣ, на которомъ Русы «вездѣ» занимаются «разбоемъ». Совершенно сумбурный эпитоматоръ Ибн-ал-Факиха (см. разысканіе 5-е), какъ кажется, произвольно назвалъ Понтъ или Мэотиду — Славянскимъ моремъ.

Въ виду скудости свѣдѣній, имѣющихся объ этомъ въ источникахъ, теперь уже нельзя въ точности опредѣлить, какъ распространялось имя «Русское море» послѣ 10-го столѣтія. Мы въ правѣ предположить, что Византійцамъ, которымъ это имя напоминало о многихъ опасностяхъ, оно было въ высшей степени непріятно, тѣмъ болѣе, что русскіе морскіе разбойники являлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасными соперниками въ торговлѣ. Между тѣмъ, не успѣли смѣниться немногія поколѣнія, какъ Греки были освобождены отъ своихъ патріотическихъ опасеній. Уже во второй половинѣ 11-го столѣтія молодое государство Сѣверныхъ Скиѳовъ на югѣ перестало быть морскою державою, и Греки овладѣли даже двумя самыми большими русскими торговыми центрами: городомъ, который назывался у нихъ Росія, а у арабовъ Русія, и въ которомъ Брунъ рѣшительно хочетъ видѣть Керчь, и городомъ Матархой или Таманью, гдѣ долѣе одного поколѣнія даже самостоятельно княжили потомки Владимира Святого. Греки вполнѣ понимали важное значеніе этихъ торговыхъ центровъ. Когда они въ 1170 году въ формальномъ договорѣ предоставили Генуэзцамъ право свободной торговли въ предѣлахъ Византійской имперіи, была сдѣлана оговорка: за исключеніемъ Росіи и Матархи (preter in Rusiam et in Matica — ἄνευ τῆς Ῥωσίας καὶ τῶν Ματράχων), т. е. только не въ торговыхъ городахъ Росіи и Тамани по обѣимъ сторонамъ Киммерійскаго Босфора.

Странно, что до сихъ поръ въ итальянскихъ источникахъ не найдено слѣдовъ того почетнаго имени, которое за Понтомъ установилось приблизительно съ 900 года, хотя это имя должно было

быть извѣстнымъ также и въ Италіи. Благодаря расширенію географическаго кругозора Нѣмцевъ, вызванному первымъ крестовымъ походомъ, оно вѣдь проникло даже до Рейна и до нижней Эльбы. Этому много способствовалъ выдающійся лѣтописецъ *Эккегардъ*, котораго извѣстный епископъ Оттонъ Бамбергскій, впослѣдствіи обратившій въ христіанство Поморянъ, въ 1108 г. назначилъ настоятелемъ Ауры (близъ Вирцбурга). Въ 1101 году Эккегардъ съ толпою крестоносцевъ чрезъ Булгарію и Константинополь отправился въ Іерусалимъ. По возвращеніи своемъ въ 1102 году онъ сталъ продолжать свою лѣтопись. Повѣствуя о первомъ крестовомъ походѣ, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ упоминаетъ о взятіи Никеи (1097 г.) въ Виѳиніи и о послѣдовавшемъ послѣ этого поступательномъ движеніи крестоносцевъ вплоть до Понта:

«Inde per regnum Constantini, terram utique opulentissimam, progredientes, *mare* contingunt *Rusciae*».

Лѣтопись Эккегарда распространилась въ многочисленныхъ спискахъ, и не мало лѣтописцевъ воспользовались ею. Для примѣра укажемъ здѣсь на двѣ тоже очень распространенныя лѣтописи, въ которыхъ выписано какъ-разъ также и выше приведенное мѣсто о Русскомъ морѣ, а именно на лѣтопись *Annalista Saxo* (около 1160 года; Pertz. SS. 6, 730) и на *Chronica regia* (называемую теперь также и Annales Colonienses maximi). Упомянутое мѣсто изъ Эккегарда, съ пропускомъ слова «utique» повторяется въ переработкѣ послѣдней изъ двухъ названныхъ лѣтописей, и въ сдѣланномъ по этой позднѣйшей переработкѣ Chronica regia нѣмецкомъ переводѣ это мѣсто читается:

.... unde quamen an das *mere*, das *Ruchyen* (Ruschyen?) ist genannt [1]).

1) Латинскій текстъ Эккегарда у Пертца, SS. 6, 216, нѣмецкій (и латинск.) текстъ Chronica regia въ Corpus hist. med. aevi von Eccard. Lips. 1723, I, p. 971. См. Wattenbach, Deutschl. Geschichtsq. im Mittelalter. 3 Ausg. p. 309.

Около 1170 года *Гельмольдъ*, священникъ въ селѣ Базовѣ на берегу Плёнскаго озера въ Голштиніи, писалъ свою вендскую лѣтопись. За исключеніемъ небольшой части прибалтійскихъ Славянъ, его свѣдѣнія о Славянахъ были болѣе, чѣмъ скудны, а о Россіи онъ зналъ такъ мало, что даже не могъ собрать свѣдѣній о томъ, какими вѣроучителями населеніе Россіи было обращено въ христіанство:

«Diu est ex quo Rucia credidit.... Quibus autem doctoribus ad fidem venerint, minime compertum habeo, nisi quod in omnibus observantiis suis Grecos magis quam Latinos imitari videntur. Nam *Rucenum mare* brevi in Greciam transmittit».

Авторъ стихотворной Мекленбургской лѣтописи, Э. фонъ-Кирхбергъ, — въ 1371 году — слѣдующимъ образомъ, передаетъ это мѣсто (Westphalen, monumenta inedita. IV, 595):

das rusche Mer man dringen
syhet gar na in Krichin Lant.

Это имя увѣковѣчено и другимъ лѣтописцемъ, выписывавшимъ Гельмольда, а именно, авторомъ лѣтописи Chronicum slavicum, quod vulgo dicitur parochi Suselensis (изд. Laspeyres. Lübeck, 1865, p. 7) и также ея нижне-нѣмецкимъ переводчикомъ:

Nam *Rutzenum mare* breve i. e. brachium in Graeciam mittit.
Dat *russesche meer* is Kort ein deel syk strecket in Greken.

Еще Ирэ (см. Schlözer, Allgem. nord. Gesch. Halle 1771, p. 552) не принималъ «Rucenum mare» за Понтъ, и, какъ кажется, Ширренъ (Beiträge zur Kritik älterer holsteinischer Geschichtsquellen. Leipzig, 1876, p. 93) въ выше приведенномъ мѣстѣ также толкуетъ «Grecia» въ значеніи «Россія». Если-бы это было такъ, то слѣдовало-бы предположить, что Гельмольдъ подъ своимъ «Rucenum mare» понималъ воображаемый заливъ Балтійскаго моря, доходившій до Византіи. Дѣйствительно, мно-

гіе Греки и Арабы вѣрили въ существованіе морского рукава, соединявшаго такъ называемый Сѣверный океанъ съ Понтомъ, но все-же совершенно невѣроятно, чтобы житель южнаго берега Балтійскаго моря, пробывшій долгое время въ Любекѣ, могъ въ 1170 году придерживаться того-же взгляда. Гельмольдъ слишкомъ хорошо долженъ былъ знать Адама Бременскаго, чтобы ошибаться относительно того, какой народъ жилъ по нынѣшнему русскому побережью Балтійскаго моря. Едва-ли онъ могъ не замѣтить слѣдующихъ двухъ мѣстъ у Адама Бременскаго: «Haec (Ruzzia) est ultima vel maxima Winulorum provintia, quae et finem facit illius sinus.... In qua (Ruzzia) denuo finem habet ille sinus (balticus)», т. е., вѣроятно, въ Финскомъ заливѣ. — И. Лебедевъ (Послѣдняя борьба балтійскихъ Славянъ противъ онѣмеченія. М. 1876, II, 142) въ своемъ сочиненіи о Гельмольдѣ не доказалъ, что этотъ послѣдній еще вѣрилъ въ существованіе прямой связи между Понтомъ и Балтійскимъ моремъ.

Разъясненіе того, какимъ образомъ случилось, что Адамъ Бременскій подъ «Graeci» и «Graecia» ошибочно понималъ также и «Русовъ» и «Россію», завело-бы насъ слишкомъ далеко. Гельмольдъ (на первой страницѣ своего труда) механически выписалъ только одно изъ этихъ мѣстъ, въ которыхъ имя «Graecia» употреблено въ *этомъ* значеніи. Въ приведенномъ выше отрывкѣ онъ прибавленнымъ для объясненія «nam—transmittit» вѣдь только хочетъ указать на то, что ему кажется вѣроятнымъ, что Русы были обращены въ христіанство скорѣе Греками, чѣмъ Латинянами, такъ-какъ, помимо сходства религіозныхъ обрядовъ у Грековъ и у Русовъ, между ними и Греками по морю лишь небольшое разстояніе. Вездѣ, гдѣ Гельмольду приходится называть Балтійское море, т. е., по крайней мѣрѣ, въ пяти мѣстахъ, оно у него называется «mare balticum», и только въ первой главѣ своего труда онъ, по Адаму Бременскому, еще оговариваетъ, что оно называется также «mare barbarum vel scythicum», по имени народовъ, живущихъ по берегамъ его.

Изъ какого письменнаго или устнаго источника Гельмольдъ

заимствовалъ свое «Rucenum mare», можетъ быть, никогда не удастся выяснить. По мнѣнію О. Фёлькеля (Die Slawenchronik Helmolds. Gött. 1873 г., — къ сожалѣнію, это сочиненіе мнѣ недоступно), Гельмольдъ пользовался Эккегардомъ; но именно свои свѣдѣнія о взятіи Никеи въ 1097 году и о первомъ крестовомъ походѣ онъ заимствовалъ не у Эккегарда, а изъ другихъ нѣмецкихъ источниковъ, какъ это доказалъ Гирзекорнъ (Die Slawenchronik des Presbyter Helmold. Halle 1874, p. 24). Между тѣмъ, имя «Русскаго моря» вошло въ употребленіе, несомнѣнно, не только благодаря Эккегарду, но и черезъ другихъ крестоносцевъ. Нельзя упускать изъ вида, что Гельмольдъ въ 60-й главѣ упоминаетъ Понтъ, правда, только подъ именемъ «mare», а равно и «Brachium s. Georgii», т. е. Босфоръ, «rex Grecie» и «fines Grecie», т. е. Византійской имперіи. Упоминаетъ онъ все это въ отдѣлѣ объ окончившемся такъ плачевно крестовомъ походѣ Конрада III въ 1147 году. Гельмольдъ былъ особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы по этому вопросу собрать точныя свѣдѣнія у современниковъ, такъ-какъ этотъ походъ находился въ тѣсной связи съ тѣмъ походомъ, во время котораго нѣмецкіе крестоносцы въ томъ-же году вмѣсто Сарацинъ напали на болѣе слабыхъ Славянъ на берегу Балтійскаго моря, чтобы такимъ, менѣе опаснымъ, способомъ добыть себѣ вѣчное блаженство.

Третье подобное свидѣтельство о Понтѣ намъ сохранилъ одинъ изъ тѣхъ рыцарей, которые приняли участіе въ позорномъ крестовомъ походѣ противъ Византійской имперіи. Нѣсколько мѣсяцевъ до взятія Константинополя войско осаждавшихъ Франковъ стало терпѣть большую нужду. Въ январѣ 1204 года, когда Алексѣй V Мурзуфлъ уже овладѣлъ престоломъ, былъ предпринятъ набѣгъ на приморскій городъ Филею, лежавшій на берегу Русскаго моря, на сѣверо-западъ отъ Константинополя, съ цѣлью раздобыть недостававшій провіантъ. Найденная тамъ добыча на баркахъ была отправлена въ Перу, въ лагерь Франковъ.

«Là prisent grant gaing de proies... et de viandes qu'il en-

voierent es barges à l'ost contreval le Braz; que la vile séoit sor *la mer de Rossie*», какъ значится у Виллардуэна. Врядъ-ли представляется необходимымъ иначе толковать это выраженіе, хотя въ тѣхъ мѣстахъ и существовалъ, напр., городъ Росса. Мы тотчасъ увидимъ, что въ другомъ одновременномъ источникѣ и юго-восточная часть Чернаго моря также называлась этимъ именемъ [1]).

Разъ доказано, что имя «Русское море» въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій было весьма употребительно, какъ у Арабовъ, такъ и въ романо-германскомъ мірѣ, нельзя удивляться тому, что оно стало популярнымъ также и въ самой Россіи. Съ какихъ поръ, этого мы не знаемъ. Несторъ въ своемъ введеніи для Балтійскаго моря (въ двухъ мѣстахъ) не знаетъ другого имени, какъ Варяжское море; съ особеннымъ удовольствіемъ онъ замѣчаетъ: «и Днѣпръ втечеть въ понетьское море...., еже море словеть *руское*....».

Употребленіе глагола *слути* (слыть), можетъ быть, даетъ право предполагать, что Несторъ отмѣчаетъ это имя, какъ имя, употребительное у чужеземныхъ народовъ. Лишь однимъ столѣтіемъ позже мы слышимъ это имя изъ устъ настоящаго, какъ кажется, жителя сѣверной Россіи, а именно, изъ устъ Антонія, впослѣдствіи архіепископа Новгородскаго, когда онъ въ 1200 году паломникомъ былъ въ Константинополѣ:

«Отъ Греческаго моря и до *Русскаго моря* есть поповъ 40,000». См. выше, стр. 69.

---

1) La conquète de Constantinople par Geoffroi de Ville-Hardouin. Texte original, accompagné d'une traduction par Natalis de Wailly. Paris. 1872, § 226 (pag. 130). Подъ Brachium s. Georgii здѣсь подразумѣвается Ѳракійскій Босфоръ, гдѣ былъ расположенъ лагерь Франковъ.

О взятіи Филеи см. Никита-Хоніатъ (стр. 364=750) и Робертъ де-Клари (Chroniques gréco-romanes, publiées par Charles Hopf. Berlin. 1873. Cap. 66, p. 53). Срв. Essai de chronographie byzantine par Muralt. Bâle et Pétersb. 1871, p. 276.

Въ указателѣ новаго изданія Виллардуэна значится: «*Pont-Euxin*. 226. — *Var*. Mer de Rossie, de Roussie, braz de Roissie». Въ самомъ текстѣ эти разночтенія точно не обозначены.

Наконецъ, русская письменность распростилась съ Русскимъ моремъ, когда Татары впервые появились на берегахъ его или, по крайней мѣрѣ, находились на пути къ нему. Тогда — въ 1223 году — священникъ Евстафій изъ Корсуня въ Крыму собрался въ путь, чтобы отвезти въ Рязань икону Св. Николая. Онъ садится на корабль въ Понтѣ, который называется *Русскимъ* моремъ, ѣдетъ вверхъ по Днѣпру и прибываетъ къ Варяжскому морю, въ Ригу, оттуда черезъ Венденъ въ Новгородъ и, наконецъ, въ Рязань, гдѣ соименный ему его сынъ записалъ сказаніе о чудесахъ, явленныхъ иконою Святого. Правда, Евстаѳій младшій выѣхалъ изъ Корсуня уже вмѣстѣ со своимъ отцомъ, такъ что ему могло быть извѣстно, какъ называлось Черное море у нерусскихъ народовъ; однако изъ занимающаго насъ отрывка легко усмотрѣть, что отрывокъ о Русскомъ морѣ онъ выписалъ изъ Нестора: «.... и пріиде во устье рѣки Днепра, и сѣде въ корабль въ Понтьское море, се же словетъ *море Русское*: и доиде моря Варяжскаго, и пріиде въ Нѣмецкія области во градъ Ригу...». Но все-же возможно допустить, что авторъ лишь передалъ словами чтимаго древне-русскаго лѣтописца дѣйствительно еще обычный въ его время способъ наименованія [1]).

---

1) Годъ поѣздки былъ опредѣленъ мною въ сочиненіи: «О перенесеніи иконы св. Николая изъ Корсуня въ Новгородъ въ 1223 г. Матеріалы, служащіе къ возстановленію первобытной Новгородской лѣтописи съ 1208 по 1224 годъ» (Ученыя Записки Акад. Наукъ по I и III Отдѣл. Томъ II. 1854 г., стр. 747 и 791. Ср. Исторію Рязанскаго княжества. Соч. Д. Иловайскаго. Москва, 1858 г., стр. 127), при чемъ я воспользовался сказаніемъ о перенесеніи чудотворной иконы св. Николая, какъ источникомъ для исторіи перваго татарскаго погрома и для возстановленія нѣкоторыхъ годовъ Новгородской лѣтописи, въ которыхъ переписчиками была нарушена хронологическая послѣдовательность. Все сказаніе заслуживаетъ критическаго изданія и обработки.

Разысканіе 5-ое.

Первое знакомство Персовъ и Арабовъ съ Русами мореплавателями послѣ 865 года.

Вкладъ въ критику Ибн-Хордадбэха и Якуби.

А. Куника.

а) Упоминаніе Славянъ и неупоминаніе Русовъ арабскими писателями до Рюрика.

Еще въ 1823 году Френъ (Ibn Foszlan, p. 40) указалъ на истинную причину того, что арабскіе писатели *до* Рюрика совершенно не упоминаютъ о Русахъ. Затѣмъ, въ 1848 году (въ прибавленіяхъ къ Krugs Forschungen 2, 829; срв. Каспій, стр. 53, прим. 9 и стр. 632) можно было въ болѣе опредѣленной формѣ указать на причину этого молчанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено особенное вниманіе на то обстоятельство, что, какъ только Русы во 2-й половинѣ 9-го столѣтія появляются въ разныхъ странахъ, они тотчасъ выказываютъ близкое знакомство съ моремъ. Вотъ, вкратцѣ, то заключеніе, которое было отсюда выведено: «Во внутренней Россіи народъ, занимавшійся издавна земледѣліемъ, въ тѣ времена не могъ вдругъ преобразиться въ мореплавателей». Чтобы убѣдиться въ этомъ, прежде всего необходимо было обладать, по крайней мѣрѣ, элементарными свѣдѣніями по физической географіи Россіи. Однако, опытъ въ достаточной мѣрѣ выяснилъ, что большинству антинесторіанцевъ — какъ безусловныхъ, такъ и небезусловныхъ — эти элементарныя свѣдѣнія были столь-же мало знакомы, какъ и исторія мореходства по Черному и Балтійскому морямъ. Эверсъ, незнакомство котораго со все-

общею исторіею мореходства *по этимъ морямъ было внѣ всякаго* сомнѣнія, также и въ этомъ отношеніи въ продолженіе 70-ти лѣтъ служилъ блестящимъ примѣромъ для своихъ послѣдователей.

Открытыя позже многочисленныя, неизвѣстныя дотолѣ, свидѣтельства восточныхъ писателей о Славянахъ и Русахъ не опровергли положеній, высказанныхъ въ 1848 году, но, напротивъ того, каждый разъ блестяще подтверждали ихъ. Это яркое *argumentum a silentio* часто замалчивалось. Иногда дѣлались попытки искусственнымъ образомъ ослабить его значеніе; однако, открытіе каждаго новаго свидѣтельства о Славянахъ и Русахъ 9-го столѣтія постоянно вновь подтверждало то положеніе, что болѣе древніе восточные писатели *до* Рюрика знаютъ лишь Славянъ, о Русахъ-же, напротивъ, упоминаютъ лишь со времени Рюрика и его непосредственныхъ преемниковъ. Смѣло, не боясь быть опровергнутымъ, можно предсказать, что будетъ извлечено еще не одно старое свидѣтельство о Славянахъ, принадлежащее ко времени до Рюрика, тогда какъ свѣдѣній о томъ, что на берегу Понта или близъ него живетъ народъ Русовъ, не окажется ни у одного восточнаго или иного писателя, жившаго до Рюрика, ни же въ извлеченіяхъ изъ него, сохранившихся въ сочиненіяхъ болѣе позднихъ писателей.

Надежда, лишить это непріятное argumentum a silentio присущей ему убѣдительности, во многихъ ожила вновь, когда на первомъ съѣздѣ русскихъ археологовъ въ Москвѣ въ 1869 году одинъ оріенталистъ, въ присутствіи Нестора норманистовъ, смѣло заявилъ, что имя Русь ведетъ свое начало не отъ норманновъ, но искони было употребительно въ странѣ Славянъ (Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869 г. М. 1871, стр. 069 и 130). То обстоятельство, что арабскіе писатели *до* 860 года не упоминаютъ о Русахъ, по мнѣнію г-на Хвольсона, объясняется просто тѣмъ, что болѣе древнія относящіяся сюда арабскія сочиненія по географіи утерялись. Этотъ новый парадоксъ, правда, вызвалъ на съѣздѣ рѣшительный отпоръ со стороны Погодина и Гатцука, однако, высказавшій этотъ парадоксъ продолжалъ дер-

жаться его также и въ письменной полемикѣ, возникшей по этому поводу между нимъ и Погодинымъ. Вскорѣ послѣ этого и другой оріенталистъ, г-нъ Гаркави, пришелъ на помощь своему предшественнику съ новыми доводами, извлеченными также изъ арабскихъ писателей (срв. ниже, § г); это вызвало большой восторгъ въ станѣ антинесторіанцевъ, которые уже вообразили, что самое зданіе русской норманистики, съ такимъ трудомъ возведенное, отнынѣ было сильно потрясено въ своихъ основахъ Арабами. Это была опять-таки преждевременная радость. Вполнѣ признавая за обоими антинесторіанцами новаго покроя право побивать насъ восточнымъ оружіемъ, заимствованнымъ у ислама, мы, все-таки, позволимъ себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстать противъ этого востоковѣдческаго мистицизма. Нижеслѣдующіе строки, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны служить отвѣтомъ на сочиненіе одного слависта, А. Котляревскаго, который къ своему почтенному труду «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ» (М. 1868 г.) прибавилъ трактатъ въ 38 страницъ о «Славяяахъ и Руси древнѣйшихъ арабскихъ писателей»; какъ меня лично увѣрялъ авторъ, этотъ трактатъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отдѣлами сочиненія, былъ направленъ, въ особенности, противъ меня. По выходѣ въ свѣтъ «Каспія» мой досточтимый другъ измѣнилъ свой взглядъ. Однако, публично онъ еще не высказалъ своего мнѣнія о современномъ положеніи вопроса; поэтому здѣсь необходимо было упомянуть о немъ, тѣмъ болѣе, что для него, а, подъ вліяніемъ его объясненія, также и для многихъ другихъ, свидѣтельство Ибн-Хордадбэха о (мнимомъ) тождествѣ Славянъ и Русовъ около 870 года имѣетъ рѣшающее значеніе, а также и въ виду того, что онъ опирается, преимущественно, на это свидѣтельство.

Потеря болѣе древнихъ памятниковъ сирійской, арабской и персидской письменности, конечно, очень чувствительна; однако, изъ многихъ писателей, писавшихъ, приблизительно отъ 580 до 860 года, сохранились *извлеченія* въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, еще далеко не использованныя для нашихъ цѣлей. Въ этихъ из-

влеченіяхъ упоминаются именно Славяне, но никогда не упоминаются Русы. Относительно *ал-Фарганія*, весьма неудобнаго также и для антинесторіанцевъ-оріенталистовъ, Д. А. Хвольсонъ утверждаетъ, что онъ былъ не географъ, а только астрономъ, къ которому нельзя предъявлять требованій, подобныхъ вышеприведеннымъ; тѣмъ не менѣе, всѣ смотрящіе трезво оріенталисты, по примѣру Френа, съ полнымъ правомъ будутъ предъявлять таковыя. Ал-Фаргâни нарочно составилъ родословіе племенъ, которое по своему построенію не только, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, совпадаетъ съ подобными родословіями у позднѣйшихъ Арабовъ, но имѣетъ также неоспоримое сходство съ нѣкоторыми родословіями у Евреевъ, Византійцевъ и Славянъ. Какъ могъ онъ рядомъ съ упоминаемыми имъ Славянами, Хазарами и Булгарами не упомянуть также и о народѣ-мореходѣ Русахъ, если они искони жили въ южной Россіи или даже на берегу Понта, какъ утверждаютъ нѣкоторые антинесторіанцы! Народъ-мореходъ не спитъ цѣлые вѣка.

Мы знаемъ уже внушительное число Арабовъ, которые писали *до* 900 года и въ своихъ сочиненіяхъ упоминаютъ о Славянахъ и, отчасти, рядомъ съ ними о Хазарахъ, Булгарахъ и т. д., однако всѣ, за исключеніемъ двухъ позднѣйшихъ изъ нихъ, умершихъ лишь въ 10-мъ столѣтіи, упорно молчатъ о народѣ или странѣ Русовъ недалеко отъ Понта. Если-бы *до* Рюрика въ южной полосѣ нынѣшней Россіи существовали Русы, а флотъ ихъ плавалъ по Понту, то, безъ сомнѣнія, тому или другому изъ этихъ писателей представился-бы случай упомянуть о Русахъ. Если когда-нибудь неожиданно будетъ найдено свидѣтельство о Русахъ у восточнаго писателя, писавшаго, несомнѣнно *до* 860 года, то подъ этимъ именемъ будутъ подразумѣваться только Норманы, но не Славяне.

Мы приводимъ здѣсь списокъ древнѣйшихъ арабскихъ писателей, про которыхъ мы знаемъ, что они писали о Славянахъ или, по крайней мѣрѣ, упоминали о нихъ. Тѣ изъ нихъ, изъ которыхъ сохранились лишь извлеченія у позднѣйшихъ писателей,

обозначены звѣздочкою. Русскій переводъ относящихся сюда отрывковъ можно найти у А. Я. Гаркави (Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и о Русскихъ. Спб. 1870 г. Дополненія. 1871 г., 8°). Отрывки изъ Джâхиза и Абŷ-Ханйфы Динаверй будутъ приведены ниже въ одномъ изъ приложеній.

Ахталъ, около 700 г.	ал-Джâхизъ, † 255=869.
*Ибн-Мусайябъ, † 94=714.	Балâзурй, около 870, † 279.
*ал-Фазâрй, 773.	Абŷ-Ханйфа Дйнаверй, † 895.
*Ибн-ал-Келбй, † 206=819.	Ибн-Кутейба, около 885 г.
ал-Фаргâнй, † 830.	*Ибн - Хордадбэхъ*, около 870, † около 300=912.
*Ибн-ал-Арâбй, † 231=841.	*Якŷбй* (Ахмед-ал-Кâтибъ-секретарь) около 800, † послѣ 905.
*ал-Хуррамй, около 850.	

Приведенные въ этомъ пестромъ спискѣ писатели, среди которыхъ мы видимъ не только географовъ и историковъ, но также и богослововъ, грамматиковъ, астрономовъ и даже поэтовъ, жили въ совершенно различныхъ странахъ мусульманскаго міра, и поэтому они, всѣ вмѣстѣ взятые, могли писать о Славянахъ лишь благодаря тому, что свѣдѣнія о существованіи Славянъ были распространены повсюду. Шесть изъ этихъ писателей были современниками Рюрика и Аскольда, со времени которыхъ въ странѣ восточныхъ Славянъ у понтійскихъ народовъ на сѣверѣ и на югѣ впервые вошло въ употребленіе имя Русь, какъ имя государства, а оттуда быстро распространилось дальше въ Азіи и въ южной Европѣ. Изъ этихъ шести современниковъ Рюрика и Аскольда четыре, болѣе ранніе, упоминаютъ только о *Славянахъ*, тогда какъ двое, болѣе поздніе, наряду со *Славянами* упоминаютъ уже и о *Русахъ;* при этомъ они довольно опредѣленно характеризуютъ ихъ народомъ, занимавшимся морскимъ разбоемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торговлею по берегамъ двухъ морей, словомъ, *народомъ-мореходомъ*.

И впредь не будетъ недостатка въ смѣлыхъ антинесторіанцахъ, которые оставятъ въ сторонѣ этихъ десять писателей,

какъ невмѣняемыхъ. Благословятъ-ли, однако, ихъ на это тѣ оріенталисты, которые болѣе серьёзно, чѣмъ эти знатоки древнѣйшей арабской литературы, задумывались надъ ходомъ ея развитія и пришли къ тому убѣжденію, что Арабы, въ общемъ, знали о Славянахъ, а съ конца 9-го столѣтія и о норманскихъ Русахъ, болѣе, чѣмъ мы могли представить себѣ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ? Для этого убѣдительнаго argumentum a silentio, которое можно игнорировать, но нельзя устранить, существуютъ, впрочемъ, еще и другія опоры.

У *сирійскихъ* писателей 6, 7 и 8-го столѣтій многократно упоминается о Славянахъ и объ азіатско-понтійскихъ народахъ. Правда, до насъ дошли только обломки нѣкогда столь богатой сирійской литературы, и сами Сирійцы не имѣли прямыхъ сношеній со странами нынѣшней южной Россіи, однако, эти мотивы не имѣютъ значенія для авторовъ столь многочисленныхъ и столь разнообразныхъ, по происхожденію, *латинскихъ* источниковъ, въ которыхъ такъ часто говорится о Славянахъ до Рюрика. Напротивъ того, нельзя найти никакихъ слѣдовъ Русовъ, пока они на своихъ ладьяхъ не начинаютъ совершать своихъ поѣздокъ въ Грецію чрезъ нынѣшнюю Россію. Съ этого времени — почему-же не раньше? спросимъ мы опять, какъ и по поводу Арабовъ и Грековъ — начинается рядъ свидѣтельствъ, которыя мы приводимъ ниже въ хронологическомъ порядкѣ до года смерти Святослава.

839 г. Rhos (какъ отрасль «gens Sueonum»).

865 г. Gentes Normannorum (вмѣсто «τὸ ἔθνος τῶν Ῥῶς»).

865 г. Pagani (въ смыслѣ gentes Normannorum).

871 г. Chaganus Nortmannorum (въ смыслѣ Χαγάνος τῶν Ῥῶς).

Около 900 г. Ruzzi (Bruzi. Vuizunbeire. Caziri. Ruzzi).

Около 904 г. Sclavi de Rugis vel de Baemanis (Славяне изъ Россіи (?) или изъ Богеміи).

968—970 гг. (или 936—940 гг.?). Cum Danis, Russis et Gualanis (въ нижней Италіи).

941 г. Rúsii-Nordmanni (вмѣсто «οἱ Ῥῶς, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες»).

958 г. Rúsii, alio nomine Nordmanni.

959—962 гг., 966 г. Rugi (5 разъ).

968 г. Rusii.

968 г. Rugi.

973 г. Rusci.

И въ *византійской* литературѣ мы, въ употребленіи имени Славянъ и Руси, замѣчаемъ ту-же рѣзкую противоположность между писателями, писавшими *до* и *послѣ* 865 года. Благодаря плаванію по Черному морю и своему господству на берегахъ Малой Азіи и Крыма, Византійцы еще гораздо лучше Арабовъ могли записывать свѣдѣнія о мореходахъ Русахъ, если-бы таковые существовали вблизи Понта до 860 года. Или, можетъ быть, Русы цѣлыя столѣтія готовились къ походу 865 года? Такихъ мѣстъ, въ которыхъ у византійскихъ писателей до Рюрика упоминается о Славянахъ и о сѣверно-понтійскихъ народахъ, можно насчитать цѣлыя сотни.

Наконецъ, это argumentum a silentio пріобрѣтаетъ еще гораздо большее значеніе, благодаря тому, что позднѣйшіе эпитоматоры и компиляторы сохранили намъ со времени, приблизительно, отъ 500—860 г. очень многочисленныя извѣстія о Славянахъ и сосѣднихъ съ ними понтійскихъ народахъ изъ утерявшихся и неизвѣстныхъ болѣе по имени *латинскихъ*, *византійскихъ*, *сирійскихъ*, *персидскихъ* и *арабскихъ* источниковъ; между тѣмъ о Руси тамъ нѣтъ ни слова, особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало-бы ожидать, что о ней будетъ упомянуто одновременно со Славянами и другими понтійскими народами [1]). На-

---

1) Еще и въ другомъ отношеніи было-бы желательно имѣть пока краткую, хронологически исправленную таблицу этихъ многочисленныхъ отдѣльныхъ свидѣтельствъ. Въ виду того, что наши представленія о ходѣ развитія торговыхъ сношеній по Волгѣ во времена Сассанидовъ еще въ значительной степени лишены исторической почвы, укажемъ здѣсь хотя-бы на одно свидѣтельство, сдѣлавшееся извѣстнымъ лишь недавно. Когда въ 635 году

противъ того, въ теченіе 10-го столѣтія у византійскихъ, арабскихъ и другихъ неславянскихъ писателей около 50-ти разъ встрѣчается имя Рôсъ и Рŷсъ въ примѣненіи къ опытнымъ мореплавателямъ, торговымъ людямъ, посламъ и т. д. Почему-же оно не встрѣчается, хотя-бы *одинъ разъ*, до 865 года? Правда, о Русахъ говорится уже въ латинскомъ извлеченіи изъ письма византійскаго императора Ѳеофила отъ 839 года; однако, по внимательномъ обслѣдованіи, недовѣрчивые Франки признали ихъ отраслью «gens Sueonum», а такъ какъ ни одинъ благоразумный человѣкъ уже не пожелаетъ въ этомъ отношеніи быть болѣе свѣдущимъ, чѣмъ сами Франки, то этимъ самымъ найденъ ключъ къ упомянутому argumentum a silentio, т. е. Византійцы умалчиваютъ о Русахъ по той причинѣ, что эти послѣдніе въ тѣ времена совершали плаванія лишь по Балтійскому морю и только временно, въ качествѣ торговцевъ или завоевателей, появлялись на чудскомъ побережіи его и въ соприкасавшихся съ нимъ славянскихъ областяхъ.

P. S. Глава о Сѣверныхъ Скиѳахъ уже должна была быть сдана въ типографію, когда вышло новое изданіе изслѣдованій Гедеонова о *Варягахъ и Руси*, послѣдняя глава которыхъ озаглавлена: *Argumentum a silentio.* Идя по стопамъ *Эверса*, «знаменитаго предшественника и руководителя» современныхъ антинесторіанцевъ, авторъ въ этой главѣ пытается опровергнуть высказанныя въ 1848 году положенія; однако, какъ нѣкогда Эверсъ, такъ и теперь его послѣдователь забываетъ, что тутъ дѣло не

первое арабское посольство пришло къ Іездегерду и предложило ему подчиниться халифу Омару, Сассанидъ отвѣтилъ: «J'ai vu, sur la terre, bien des peuples, des Turcs, des Daïlamites, des Slaves, des Indiens et d'autres, et je n'en ai pas trouvé de plus méprisables que vous». Это мѣсто заимствовано изъ персидскаго извлеченія изъ исторіи Табари (переводъ Зотенберга, 3, 387).

столько въ молчаніи отдѣльныхъ писателей, въ родѣ Прокопія, Стефана Византійскаго и т. д., сколько въ молчаніи четырехъ литературъ, а именно: византійской, латинской, арабской и персидской, въ которыхъ, напротивъ того, начиная съ половины 10-го столѣтія, рядомъ со Славянами, Булгарами и Хазарами, вдругъ, какъ по командѣ, появляется *Русь*, какъ совершенно неизвѣстный дотолѣ народъ. Внезапность появленія Руси заставляетъ предполагать, что на сѣверо-западномъ берегу Понта случилось нѣчто необыкновенное. По преподобному Нестору, представителю *пятой* литературы, это необыкновенное событіе заключалось въ томъ, что незадолго до 860 года Чудь и Славяне призвали династію Русовъ «d'outre mer» съ приглашеніемъ навсегда поселиться въ ихъ странахъ. Пусть антинесторіанцы отрицаютъ, что упомянутыя 4 литературы даютъ нѣмое, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчивое показаніе въ пользу непризнаваемаго ими Нестора, все-же послѣдователямъ Эверса никогда не удастся защитить его противъ одного тяжелаго упрека, а именно, что онъ былъ совершенно незнакомъ съ исторіей мореходства средне-вѣковыхъ народовъ. Дѣйствительно, громадному большинству писателей этихъ 4-хъ литературъ Славяне и другіе неславянскіе народы по Нѣману, Двинѣ и Волгѣ были неизвѣстны, однако Варяго-Русы отличались отъ нихъ особеннымъ свойствомъ, — они были опытными и отважными *моряками*, главнымъ занятіемъ которыхъ были разбой и торговля на разныхъ рѣкахъ и моряхъ, между тѣмъ какъ земледѣліе и скотоводство являлись для нихъ едва-ли даже вспомогательными занятіями. Понятно, что народъ, занимающійся мореплаваніемъ, скорѣе становится извѣстнымъ, чѣмъ народности, неотлучно остающіяся на своемъ клочкѣ земли. Однако, вѣдь и въ тѣ времена моряки такого покроя не падали съ небесъ на землю; они могли быть потомками только такихъ предковъ, которые въ продолженіе многихъ поколѣній вмѣстѣ съ молокомъ матери впитывали въ себя морской воздухъ. Можно-ли сказать это про Славянъ, жившихъ выше днѣпровскихъ пороговъ?

Гораздо болѣе убѣдительнымъ, на первый взглядъ, кажется другое argumentum a silentio, на которое особенно напиралъ еще Эверсъ, но которое съ кажущимся успѣхомъ было пущено въ ходъ противъ несторіанцевъ только бойкимъ перомъ Гедеонова. То, что всѣ неславянскіе источники умалчиваютъ о народѣ Русовъ въ самой Скандинавіи и о призваніи Рюрика, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приговоръ о ненаучности пріемовъ всей школы норманистовъ. Мы отрицаемъ правильность посылки. Имя Шведовъ у всѣхъ отраслей балтійскихъ Феннoвъ — Rôtsi (діалект. Ruotsi, Ruotti, Ruossi и т. д., см. Каспій, стр. 672), по всей вѣроятности, столь-же древне, какъ имя «Венды» у Готовъ, Скандинавовъ и балтійскихъ Феннoвъ; во всякомъ случаѣ, оно не поздняго происхожденія и въ самомъ феннскомъ языкѣ является *иностраннымъ словомъ*. Такое фактическое свидѣтельство, которое сохранилось у феннскихъ племенъ отъ Курляндіи до конца Ботническаго залива и почти ежедневно повторяется, замѣняетъ-ли собою полное письменное свидѣтельство или даже болѣе? Если нѣтъ, то пусть кто-нибудь попытается относительно имени Rôtsi доказать противоположный тезисъ такимъ образомъ, чтобы не эверсіанцамъ, а несторіанцамъ пришлось предстать съ повинною предъ ученымъ міромъ всей Европы. Если-бы даже и была наложена на насъ эта кара, въ нашемъ распоряженіи все-же еще оставалось-бы свидѣтельство оффиціальнаго Франкскаго лѣтописца Пруденція Галиндо, согласно которому Русы, пришедшіе въ 839 году къ Людовику Благочестивому съ рекомендаціей изъ Константинополя, по наведеніи точныхъ справокъ (diligentius), были признаны отраслью или разновидностью шведскаго народа (gentis Sueonum). Правда, эверсіанцы пытались лишить это оффиціальное показаніе существеннаго значенія, и нужно согласиться, что пріемъ, при помощи котораго это было сдѣлано, въ особенности, Гедеоновымъ, долженъ быть признанъ самымъ вѣскимъ аргументомъ, когда-либо приведеннымъ противъ школы норманистовъ. Обстоятельное изложеніе спора по поводу шведскаго «Chacanus»'а

839 года — а объ этомъ словѣ тутъ только и идетъ рѣчь — завело-бы насъ слишкомъ далеко. Можетъ быть, въ одномъ изъ послѣднихъ приложеній представится случай вернуться къ этому вопросу. Пока будетъ достаточно замѣтить, что Гедеоновъ, какъ до него и Эверсъ, признаетъ: послы короля Русовъ, «Chacanus vocabulo», были дѣйствительно Шведами, хотя и не были «Rhos»'ами. Признавая, что они были Шведами — а, по нашему мнѣнію, отраслью Шведовъ — эверсіанцы одною ногою уже стоятъ въ лагерѣ несторіанцевъ съ тѣмъ, чтобы, сложивъ оружіе, просить принять ихъ туда.

Теперь всякій можетъ составить себѣ свое собственное мнѣніе относительно того, служатъ-ли положительныя и отрицательныя свидѣтельства арабской и персидской литературъ надежною или слабою опорою тѣмъ данным древне-русской лѣтописи о появленіи въ 860 году въ странѣ Славянъ династическаго имени Русь, которыя, по примѣру другихъ, отвергаетъ также и Д. А. Хвольсонъ. Такъ какъ уже нельзя болѣе шумѣть по поводу «rúsia chelandia» 773 года, и такъ какъ Русы 643 года, какъ «враги всего міра и, въ особенности, Арабовъ», существовали лишь въ воображеніи персидскаго поэта въ прозѣ Балами, писавшаго *послѣ* 944 года, то легковѣрнымъ людямъ остается только басня о пораженіи Русовъ Нуширваномъ, которую преподноситъ намъ Персъ Захир-эд-динъ, писавшій шесть столѣтій *послѣ* Рюрика. У кого еще хватаетъ мужества защищать этотъ грубый анахронизмъ, осужденный еще Френомъ, тотъ безъ оговорокъ долженъ вѣрить также въ Руса Яфетовича и въ Руса Турковича, а равно и въ борьбу Александра Великаго съ Русомъ Кавдавломъ, или-же онъ долженъ помочь намъ найти совершенно другія восточныя извѣстія о Русахъ. Проф. Д. А. Хвольсонъ отчаивается въ возможности найти такія непреложныя свидѣтельства о Ру-

сахъ до Рюрика. Но въ такомъ случаѣ онъ не долженъ былъ давать волю своему воображенію и не долженъ былъ смущать непосвященныхъ прочитанными въ Москвѣ и Петербургѣ публичными лекціями объ арабскихъ источникахъ. Именно отъ двухъ такихъ даровитыхъ и начитанныхъ оріенталистовъ, какъ Д. А. Хвольсонъ и А. Я. Гаркави, можно было ожидать противнаго. До сихъ поръ они, среди непосвященныхъ, въ этой спеціальной области считаются авторитетами, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не отказывался отъ своихъ положеній. Первый изъ нихъ въ своемъ краткомъ отвѣтѣ на критику Погодина даже рѣшительно заявилъ, что не считаетъ себя побѣжденнымъ:

«Какъ-бы то ни было, я во всякомъ случаѣ оспариваю обвиненіе меня г. Погодинымъ въ томъ, будто я на одномъ весьма сомнительномъ мѣстѣ своего автора (Ибн-Дасты) построилъ совершенно новую систему; она зиждется отнюдь не на этомъ сомнительномъ мѣстѣ, а на несомнѣнныхъ положительныхъ фактахъ, и въ особенности на вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ древнихъ и достойныхъ довѣрія арабскихъ писателей, которымъ были весьма хорошо извѣстны обстоятельства ихъ времени. Надѣясь въ скоромъ времени обработать эти свидѣтельства, я довольствуюсь пока этою краткою замѣткою и не войду въ подробное разсмотрѣніе другихъ пунктовъ, которыхъ касается Погодинъ».

Пока эти «несомнѣнные, положительные факты» останутся тайною, въ исторіи варангомахіи нельзя будетъ отмѣтить пораженіе, которое-бы потерпѣлъ *Погодинъ* въ этомъ спорѣ, начатомъ еще въ 1869 году.

Такъ какъ Погодинъ самъ уже не можетъ довести до конца этотъ споръ, то я считаю своимъ долгомъ, насколько возможно, рѣшить его съ той точки зрѣнія, которой покойникъ непоколебимо придерживался въ продолженіе 50-ти лѣтъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ возможности, насколько это, вообще, необходимо, познакомиться съ условіями, въ которыхъ работаютъ сами арабисты, онъ придавалъ еще слишкомъ большое значеніе нѣкоторымъ

чтеніямъ этническихъ именъ, выдвинутымъ Д. А. Хвольсономъ на первый планъ. За это время эти чтенія, частію, были отвергнуты другими, частію-же, на нихъ былъ пролитъ новый свѣтъ. Д. А. Хвольсонъ, можетъ быть, съ самаго начала не сталъ-бы такъ упорно держаться за нихъ, если-бы онъ, увлеченный антинесторіанцами, не пришелъ къ совершенно неисторическому взгляду на исторію зарождавшейся Россіи. Намъ, несторіанцамъ, присуще чувство терпимости, и если-бы настоящая оппозиція, растративъ свои заряды, вдругъ замолкла, мы, во избѣжаніе опасности впасть въ сухой догматизмъ, пожелали-бы возникновенія новой оппозиціи. Поэтому, если мы здѣсь оспариваемъ приведенную выше точку зрѣнія, то мы это дѣлаемъ вовсе не съ цѣлію переубѣдить ея поборника и его послѣдователей, но потому, что и другіе оріенталисты, стремящіеся быть безпристрастными, находятъ подобные-же камни преткновенія въ вопросѣ, для нихъ, естественно, запутанномъ. Прежде всего мы дословно приведемъ то, что нашъ оріенталистъ въ 1871 году[1]) счелъ нужнымъ отвѣтить на критику маститаго Погодина:

«Въ своей книгѣ (Извѣстія Ибнъ-Даста), а также въ статьѣ, читанной мною въ 1869 году въ присутствіи г. Погодина въ Московскомъ археологическомъ съѣздѣ я старался доказать, что многіе арабскіе писатели еще въ первыя десятилѣтія X-го вѣка употребляли имя «Русь» въ весьма обширномъ смыслѣ, что Черное море называлось тогда просто русскимъ моремъ, что Новгородскіе Словене, Кіевляне и даже Пермяки слыли Русью и что, наконецъ, Норманы были принимаемы за одно изъ многочисленныхъ племенъ Руси. Изъ этихъ-то весьма положительныхъ и не-

1) См. Каспій, стр. 448. Тамъ осталась неупомянутой лекція, прочтенная Д. А. Хвольсономъ по тому-же вопросу 25-го мая 1869 года, въ С.-Петербургѣ, въ этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества. См. Извѣстія Русскаго Географическаго Общества. Томъ V (1869 г.), стр. 180—182. (Въ извлеченіи въ С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ, 1869 г., № 142). Въ упомянутомъ томѣ Извѣстій (стр. 133—136) помѣщенъ также докладъ В. Григорьева объ изданіи Д. А. Хвольсономъ извѣстій такъ называемаго Ибн-Дусты (Ибн-Ростэ).

опровержимыхъ данныхъ я вывелъ заключеніе, что имя Русь не могло быть заимствовано у Варяговъ, которые лишь незадолго до 865 года пришли въ Кіевъ, и что названіе небольшой дружины завоевателей отнюдь не могло въ столь короткое время получить такое большое распространеніе. Г. Погодинъ, съ своей стороны, считаетъ это возможнымъ, — я думаю, однако, что каждый историкъ въ правѣ требовать отъ него, чтобы онъ указалъ въ исторіи хоть *одинъ* примѣръ такого, могу сказать, дивнаго распространенія наименованія, заимствованнаго отъ небольшой толпы завоевателей. Пока г. Погодинъ не приведетъ такого примѣра, я не признаю себя побѣжденнымъ особенно потому, что система, противъ которой я ратую, опираясь на свѣдѣнія, сообщаемыя арабскими писателями, по мнѣнію другихъ русскихъ историковъ «вовсе не имѣетъ за собою такихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ подтвержденій», какъ полагаетъ г. Погодинъ».

Оставимъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, нельзя-ли было найти опредѣленнаго отвѣта на всѣ эти сомнѣнія въ сочиненіяхъ Погодина, или въ моихъ сочиненіяхъ; не станемъ также спрашивать, какіе историки подразумѣваются подъ этими менторами и удалось-ли имъ добиться признанія своихъ воззрѣній въ русской и другихъ славянскихъ литературахъ. Не станемъ также порицать отсутствіе хронологической критики, которое бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ данныхъ и высказанныхъ мнѣній, — а распространимся лишь по поводу двухъ выраженій, а именно, по поводу *дивно* быстраго распространенія имени Русь и по поводу небольшой толпы *завоевателей*.

Умудренныя горькимъ опытомъ, 5 чудскихъ и славянскихъ племенъ, очевидно, знали лучше, чѣмъ всѣ мы, несторіанцы и антинесторіанцы, вмѣстѣ взятые, что имъ было нужно въ такомъ серіозномъ, безвыходномъ *положеніи*. Ни *одинъ* другой европейскій народъ, кромѣ Норманнъ, въ то время (срв. Каспій, стр. 392) не былъ-бы въ состояніи совершить то чудо, котораго ждали пришедшіе въ отчаяніе Славяне и Чудь, и которое выра-

зилось именно въ чудесно скоромъ распространеніи имени Русь. Но мы имѣемъ передъ собою ни Вендовъ, занятыхъ междоусобицами (срв. выше, стр. 29), ни «rois fainéants» изъ дома Меровинговъ, ни боявшихся воды уроженцевъ востока или запада, ни же трусливыхъ Византійцевъ, а язычниковъ Норманов, такихъ, которыхъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду знатокъ народовъ, трезво расчетливый Ибрагимъ сынъ Якуба (см. выше, ч. 1-я, стр. 50), говоря, что 100 изъ нихъ стоятъ 1000 другихъ воиновъ. Истинное «чудо», какъ распространеніе имени Русь, — а оно происходило еще скорѣе, чѣмъ полагаетъ нашъ противникъ Нестора — не повторяется, и уже поэтому мы избавлены отъ обязательства привести другой подобный примѣръ изъ исторіи. Перейдемъ лучше къ другому словечку, при чемъ мнимое чудо потеряетъ свои романтическія чары и окажется совершенно обыденнымъ фактомъ.

Прежде всего, Д. А. Хвольсонъ исходитъ изъ совершенно неисторическаго предположенія, будто Варяго-Русь *путемъ завоеванія* положила основаніе русскому государству. Именно противъ этого превратнаго взгляда Погодинъ всегда боролся самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ различныхъ критическихъ статьяхъ, исторгнутыхъ у него антинесторіанцами различныхъ временъ. Вкратцѣ онъ изложилъ свои мнѣнія по этому вопросу въ статьѣ, предназначенной, первоначально, для Гизо: L'histoire russe et l'histoire de l'Europe occidentale, comparées sous le point de vue de leur origine (Bulletin de la Classe des sciences histor. etc. de l'Acad. Tome III, № 18, 1846.— По-русски въ «Историко-критическихъ Отрывкахъ. I. М. 1846). Правда, сдѣланное въ этой статьѣ сопоставленіе возникновенія русскаго государства съ возникновеніемъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ имѣетъ нѣкоторыя слабыя стороны, но исходная точка была правильна. Однако, Погодинъ, между прочимъ, не замѣтилъ рѣзкаго различія, которое существовало между первымъ сліяніемъ жившихъ на берегу Финскаго залива, Волхова и въ другихъ мѣстахъ чудскихъ и славянскихъ племенъ

въ единый государственный организмъ и между позднѣйшимъ присоединеніемъ славянскихъ областей, которое по смерти Рюрика еще происходило при его родственникѣ Олегѣ, сынѣ Олега, Игорѣ и внукѣ его, Святославѣ.

Русская лѣтопись повѣствуетъ, что воевавшіе другъ съ другомъ Чудь и Славяне призвали заморскій княжескій родъ, по имени Русь, съ тѣмъ, чтобы онъ правилъ ими и — что само собою разумѣется — защищалъ ихъ противъ внѣшнихъ враговъ, въ особенности-же, противъ норманскихъ пиратовъ. Съ этою цѣлію три брата, существованіе которыхъ критикѣ до сихъ поръ не удалось опровергнуть, селятся въ трехъ различныхъ мѣстахъ: одинъ у Бѣлоозера, другой въ (Старой) Ладогѣ на Волховѣ, недалеко отъ впаденія его въ Ладожское озеро, а третій близъ Псковского озера. Пользуясь естественными водными путями, они, можетъ быть, распространили свое господство еще немного дальше, чѣмъ намъ извѣстно. Всюду, куда распространялось ихъ господство, проникало также и династическое имя Русь, т. е. для этихъ областей это имя стало *политическимъ* именемъ, наряду съ которымъ продолжали существовать старыя чудскія и славянскія областныя имена. Могло-ли государство, уже при своемъ возникновеніи по размѣрамъ равное нынѣшней Франціи, долго оставаться безъ общаго имени? Какъ слѣдовало его назвать? Чудскимъ-ли государствомъ, по имени народности, къ которой во время возникновенія его принадлежала бо́льшая часть населенія? Или, быть можетъ, Словенскимъ государствомъ, въ виду перенесенія главнаго города въ мѣстность близъ озера Ильменя? Въ тѣ времена и при тогдашнихъ условіяхъ этого нельзя было предписать: это дѣлалось само собою. Обратимъ вниманіе лишь на одно обстоятельство. Разъ была создана форма правленія для нѣсколькихъ обширныхъ областей, населенныхъ двумя разноплеменными, но равноправными народами, нужно было ввести родъ податной системы, хотя-бы для поддержанія верховной власти, которая была-бы безсильна безъ нѣкотораго количества укрѣпленій съ гарнизонами. Сначала подати, конечно,

уплачивались, преимущественно, пушниной. Кому-же вносились подати? Представителямъ новаго государственнаго порядка, князьямъ, по-славянски называвшимся Русь и подъ именемъ *Русь* ставшимъ извѣстными сосѣднимъ независимымъ славянскимъ, чудскимъ и балтійскимъ племенамъ. Однако, могло пройти не мало времени, прежде чѣмъ имя Русь, какъ имя государства, вошло во всеобщее употребленіе у сосѣднихъ народовъ по сю и по ту сторону Балтійскаго моря. Средне-шведское *Rydsaland* (образованное изъ Rüdsaland, см. Каспій, стр. 672, прим. 2 и 3) по формѣ своей должно быть очень древнимъ. Исландцы и Норвежцы (по примѣру Шведовъ?) называли новое восточное государство по-просту *Gardhar* и *Gardharîki*, т. е. государствомъ городовъ (кремлей), а именно, по нарицательному имени *gardh-ar* (мн. ч.) = восточно-слав. *городъ*, *Hôlmgardhar* = городъ на островѣ; по-славянски самый городъ сталъ называться *Новгородомъ*.

По смерти двухъ своихъ братьевъ Рюрикъ объединилъ все чудско-славянское государство и перенесъ главный городъ на островъ или полуостровъ вблизи озера Ильменя и назвалъ его Новгородомъ [1]). Неизвѣстно, состояло-ли большинство населенія новаго объединеннаго государства изъ Чуди, занимавшей обширныя пространства (см. Каспій, стр. 692), или изъ славянскихъ колонистовъ, и распространилъ-ли Рюрикъ свое господство по теченію Волги и ея притоковъ. Повѣствуется только о томъ,

---

1) Всѣмъ сказаннымъ отвергается лишь существованіе Новгорода до Рюрика, но не существованіе славянской колоніи на Волховѣ въ Чудской землѣ. Эта колонія была основана на правомъ (болѣе высокомъ) берегу Волхова, тогдакакъ кремль Рюриковичей былъ построенъ на островѣ или на лежащемъ по направленію къ озеру Ильменю полуостровѣ, искусственно превращенномъ въ островъ. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, имя кремля еще рано было перенесено и на городъ, возникшій на мѣстѣ древней славянской колоніи и на противоположномъ низменномъ берегу, на такъ называемой Софійской сторонѣ. Полуостровъ, на которомъ возвышалось укрѣпленіе, какъ многія другія мѣста бывшихъ укрѣпленій, уже давно называется Городище (въ одной ганзейской грамотѣ Gerceke).

что, по смерти своихъ братьевъ, Рюрикъ въ города Полоцкъ (на правомъ берегу Двины) и Ростовъ (на Нерозерѣ) назначилъ посадниковъ, комендантовъ съ правами гражданскихъ губернаторовъ. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что ко времени смерти Рюрика имя Русь обнимало также область верхняго теченія Волги. Кромѣ Словенъ на Волховѣ, только часть славянскихъ Кривичей, а именно, сѣверные Кривичи у Псковского озера, приняли участіе въ призваніи Рюрика, тогда-какъ южные Кривичи (около Смоленска и т. д.) продолжали составлять самостоятельную этнархію.

Въ 860 году двое изъ дружины Рюрика, Аскольдъ и Диръ, просили его, какъ своего военачальника, отпустить ихъ въ Византію для поступленія въ ряды греческихъ войскъ. На югѣ имъ пришлось пройти чрезъ славянскія земли, давно уже *завоеванныя* Хазарами. Отказавшись отъ своего первоначальнаго намѣренія, Аскольдъ и Диръ предпочли отнять у Хазаръ Кіевъ и вмѣсто нихъ властвовать надъ Полянами. Должны-ли мы признать въ этомъ дѣйствительно норманское *завоеваніе?* Это очень сомнительно. До насъ не дошло никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о томъ, что хазарскіе каганы содержали постоянные гарнизоны въ покоренныхъ ими славянскихъ земляхъ. То, что сообщается въ лѣтописи подъ 864, 884, 885 и 964 годами, говоритъ скорѣе противъ присутствія хазарскихъ гарнизоновъ во владѣніяхъ Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. И татары также господствовали надъ Россіей издалека. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что Аскольдъ и Диръ со своею небольшою дружиною были *сначала* слишкомъ слабы для того, чтобы положить основаніе прочному господству въ Кіевѣ, не говоря уже о томъ, чтобы противостоять сильнымъ хазарскимъ ордамъ, если-бы таковыя двинулись противъ нихъ. Они подвергались опасности быть раздавленными численнымъ превосходствомъ Славянъ, прежде чѣмъ они могли получить подкрѣпленіе изъ Скандинавіи. Поэтому, едва-ли будетъ слишкомъ смѣлымъ, если мы предположимъ, что кіевскіе Славяне съ того времени предпочли повино-

ваться собственному династу, чѣмъ признавать господство жившаго вдали азіатскаго деспота, словомъ, что, по примѣру Словенъ и Кривичей на сѣверѣ, былъ заключенъ договоръ между кіевскими Славянами и собиравшимися отправиться въ Византію Варягами Аскольдомъ и Диромъ. Такъ какъ они принадлежали къ *Руси,* переселившейся вмѣстѣ съ Рюрикомъ, то съ этого времени стало обращать на себя вниманіе второе государство этого имени. Едва успѣлъ Аскольдъ утвердить свою власть въ Кіевѣ, какъ онъ въ 865 году появился подъ стѣнами Византіи съ разбойничьимъ флотомъ въ болѣе, чѣмъ 300 судовъ. Конечно, Русь составляла только меньшую часть экипажа этого флота. Другая часть военнаго экипажа состояла изъ заморскихъ Варяговъ, которыхъ, согласно лѣтописи, Аскольдъ и Диръ собрали вокругъ себя, а третья, вѣроятно, довольно значительная часть состояла изъ мѣстныхъ Славянъ, второпяхъ обученныхъ морской службѣ. Благодаря этому грабительскому набѣгу далеко разнеслось имя Руси (кіевской) и стало извѣстно, въ особенности, по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей. Послѣ того какъ былъ заключенъ прочный миръ между Византіей и кіевскимъ «Chaganus Northmannorum», русскіе торговые люди, вѣроятно, чаще стали появляться на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ. Но Черное море все еще называлось Хазарскимъ; это имя оно пріобрѣло, лишь благодаря тому, что Хазары господствовали въ бо́льшей части его сѣвернаго побережія. Безъ сомнѣнія, Аскольдъ, въ теченіе своего продолжительнаго правленія, увеличилъ хотя-бы и не особенно значительно, территорію своего государства на границахъ Полянскихъ владѣній.

По прошествіи болѣе чѣмъ 20-ти лѣтъ со времени призванія Рюрика, для главнаго государства начинается эпоха *присоединеній* при помощи политическаго и военнаго давленія. Болѣе плодородный югъ отвлекъ Олега отъ Новгорода. По пути туда къ государству были присоединены Смоленскъ, одна изъ главныхъ твердынь оставшихся еще независимыми днѣпровскихъ Кривичей, и затѣмъ еще другая твердыня (Любечь) во владѣніяхъ Сѣве-

рянъ въ нынѣшней Черниговской губерніи, которые тоже еще платили дань Хазарскимъ *завоевателямъ*. Съ этихъ поръ Кіевъ сталъ тѣмъ магнитомъ, который — какъ это впослѣдствіи случилось съ Москвой по отношенію къ княжествамъ, вольнымъ городамъ и ханствамъ — сталъ привлекать къ себѣ всѣ мелкія этнархіи. Съ убіеніемъ Аскольда былъ положенъ конецъ эфемерному существованію отдѣльной русской федераціи на югѣ. Отнынѣ (т. е. съ 882 года) существовало лишь одно государство, простиравшееся отъ Финскаго залива до Кіева; для обозначенія его служило собирательное имя *Русь*, которымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и прежде, назывались переселившіеся Норманы. Слѣдуетъ-ли отнынѣ дальнѣйшій приростъ территоріи считать завоеваніями или присоединеніями? Изъ оставшихся еще независимыми славянскихъ областей ни одна не примкнула къ новому государству добровольно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ не были достаточно сильны для того, чтобы впредь защищать свое обособленное существованіе противъ Польши, вскорѣ начавшей усиливаться, или противъ Хазаръ и другихъ восточныхъ ордъ. Прежде всего Олегъ (въ 883 году) силою подчинилъ себѣ Древлянъ (въ Волыни), а затѣмъ (въ 884 и 885 гг.) онъ запретилъ Сѣверянамъ (по Деснѣ и т. д. въ нынѣшней Черниговской губ.) и Радимичамъ (потомкамъ польскихъ переселенцевъ по Сожѣ въ нынѣшней Могилевской и Смоленской губ.) платить дань Хазарамъ и принудилъ ихъ признать свою верховную власть. Только Угличи (въ Буджакѣ) и Тиверцы (на Днѣстрѣ) не выказывали ни малѣйшаго желанія примкнуть къ новому государству. Однако, ихъ стремленія къ сепаратизму нисколько не помогли имъ; мы видимъ, что въ морскомъ походѣ противъ Грековъ въ 907 году кромѣ Чуди и Новгородскихъ Славянъ и т. д. принимаютъ участіе также и Хорваты (Карпатскіе Славяне), Дулебы (на Бугѣ) и Тиверцы. (Только Вятичи на Окѣ, тоже потомки польскихъ переселенцевъ, еще долго признавали верховную власть Хазаръ, пока, наконецъ, въ 964 и 966 гг. внукъ Рюрика, какъ кажется, противъ ихъ желанія, не присоединилъ ихъ къ государству).

Итакъ, не прошло и полвѣка, а могущественный повелитель или Хаганъ Руси, какъ его называли Арабы и сами днѣпровскіе Славяне, властвовалъ отъ Финскаго залива до Карпатовъ. При Олегѣ, какъ кажется, и Понтъ, а, можетъ быть, сначала только Азовское море, былъ названъ Русскимъ моремъ, либо потому, что Русы, будто-бы съ разрѣшенія Хазарскаго хагана, заняли нѣсколько островов, либо-же потому, что они больше Грековъ плавали по Понту и, притомъ, не только съ торговыми цѣлями, но одновременно какъ пираты и торговцы. Впервые Понтъ упоминается подъ этимъ именемъ у Масъуди (срв. выше, стр. 81) не задолго до половины 10-го столѣтія и, значитъ, почти сто лѣтъ послѣ призванія Рюрика.

Такимъ образомъ, всякому непредубѣжденному оріенталисту должно быть очевиднымъ, что широкое распространеніе имени Ру̂съ, о которомъ свидѣтельствуютъ Арабы, начиная съ конца 9-го столѣтія, вызвано естественными причинами и что было-бы прямо-таки произволомъ, или даже неразуміемъ, если-бы впредь кто-нибудь вздумалъ отнести начало этого распространенія къ такому времени, когда Арабы и Персы еще не могли имѣть свѣдѣній о Русахъ, такъ-какъ эти послѣдніе тогда жили на Балтійскомъ морѣ или недалеко отъ него. Остается преодолѣть еще только одно затрудненіе, которое, насколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ не было выяснено, а именно, перенесеніе этого имени также и на *славянскій языкъ*.

Норманы были грубы, кровожадны и сребролюбивы, но когда они селились среди другихъ народовъ, они и не думали лишать туземцевъ ихъ языка, какъ это было отмѣчено уже въ Каспіи, стр. 398. На обширной территоріи новаго государства нарѣчіе Русовъ должно было исчезнуть тѣмъ скорѣе, что Русы были немногочисленны, а дѣти второго и третьяго поколѣнія, благодаря общенію съ многочисленными славянскими сверстниками, начали свободнѣе говорить на славянскомъ языкѣ, чѣмъ на языкѣ своихъ родителей или своихъ отцовъ, имѣвшихъ славянскихъ женъ. Новый наплывъ Варяговъ послѣ Рюрика — а та-

ковой, навѣрное, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ — могъ способствовать усиленію норманскаго элемента на болѣе продолжительное время только въ городахъ, какъ напр., въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ и Ладогѣ. Тому, что норманскій языкъ былъ вытѣсненъ славянскимъ, навѣрное, много способствовало также и изобрѣтеніе Кирилломъ славянскаго письма, безъ котораго совершенно немыслимы ни христіанское богослуженіе, совершавшееся въ Кіевѣ при Аскольдѣ и, впослѣдствіи, со времени Игоря, ни составленіе *погодныхъ* записей. Даже болѣе, Русы и Византійцы пользовались славянскимъ языкомъ для взаимныхъ сношеній, и потому мирные договоры 907, 911, 944 и 972 гг. были переведены на славянскій языкъ, тогда-какъ для составленія норманскаго перевода не нашлось-бы ни письменъ, ни грамотныхъ людей. Рунами пользовались на Готландѣ и въ языческой Швеціи только для короткихъ надписей на камнѣ или на деревѣ. И для варяго-русскихъ купцовъ далеко распространенный славянскій языкъ также служилъ лучшимъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ, если только они не знали греческаго или одного изъ восточныхъ языковъ.

Нѣкоторые норманисты заявили мнѣ, что они не могутъ согласиться съ моимъ мнѣніемъ о раннемъ исчезновеніи скандинавскаго языка; однако, я вовсе не отрицаю, что онъ, наряду со славянскимъ языкомъ, продолжалъ существовать въ извѣстныхъ кругахъ и мѣстностяхъ. Языкъ меньшинства населенія не исчезаетъ вдругъ, но въ продолженіе поколѣній, въ одной семьѣ и въ одной мѣстности ранѣе, въ другой позже, какъ это довольно часто можно наблюдать и понынѣ въ Россіи и въ другихъ странахъ. Между Русами и Славянами, навѣрное, никогда не существовало такой борьбы изъ-за языка, какая встрѣчается въ исторіи между Славянами и Нѣмцами, между Славянами и Мадьярами, и т. д. Г-нъ Гедеоновъ (Варяги и Русь) ни за что не хочетъ согласиться съ тѣмъ фактомъ, который приведенъ мною въ Каспіи, стр. 398, однако онъ упускаетъ изъ виду, что молодой герцогъ Ричардъ былъ отправленъ для изученія скандинавскаго языка

въ Байэ (Bayeux) лишь потому, что Норманы, жившіе въ Руанѣ и по этому также принадлежавшіе къ герцогскому двору, по прошествіи 50-ти лѣтъ говорили уже преимущественно на романскомъ нарѣчіи, хотя многіе изъ нихъ, можетъ быть, довольно хорошо понимали языкъ своихъ отцовъ, не будучи, однако, въ состояніи бѣгло и правильно изъясняться на немъ. Точно такъже, въ виду выше сказаннаго, нельзя согласиться съ тѣми заключеніями, которыя г-нъ Гедеоновъ (Варяги, 1876 г. Предисловіе, стр. XI) выводитъ изъ высказаннаго мною мнѣнія, что уже представители второго поколѣнія Руси или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ говорили на языкѣ своихъ отцовъ менѣе свободно, чѣмъ на славянскомъ языкѣ окружавшей ихъ туземной среды. Вообще, приписывать для того времени такое большое значеніе различію языка двухъ, въ политическомъ отношеніи, тѣсно связанныхъ племенъ, — взглядъ чисто современный и поэтому неисторическій. Гораздо сильнѣе сказывалась вплоть до временъ Ярослава другая противоположность между Русью и Славянами, противоположность скорѣе *соціальнаго*, чѣмъ этническаго характера. Норманы, какъ призванные, такъ и переселившіеся впослѣдствіи, питали, главнымъ образомъ, склонность къ воинскому ремеслу, и только нѣкоторые изъ нихъ, совмѣстно съ этимъ, занимались также и торговлей. Отдѣльныя славянскія племена въ предѣлахъ Россіи и за ея предѣлами, въ различной степени, также обнаруживали воинственный духъ, но во всякомъ случаѣ онъ не могъ быть очень силенъ у тѣхъ 4-хъ племенъ, которыя такъ долго сносили иго жившихъ такъ далеко отъ нихъ азіатскихъ деспотовъ, хазарскихъ хагановъ въ устьяхъ Волги. Напротивъ того, воинственый духъ, которымъ отличались Норманы, не могъ заглохнуть въ одномъ поколѣніи, тѣмъ болѣе, что позднѣйшіе переселенцы постоянно вновь разжигали его. Въ виду этого ясно, что языческая Русь составляла *родъ* военной касты; это не ускользнуло также отъ вниманія арабскихъ наблюдателей около 900 года (см. ниже). Однако, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ окрѣпло юное государство, эта каста не могла стать такою зам-

кнутою, какъ тѣ, которыя мы встрѣчаемъ на востокѣ въ древнее и болѣе позднее время. Изъ этого военнаго сословія и, въ особенности, изъ самой дружины Рюриковичей само собою образовалось нѣчто въ родѣ *военнаго служилаго дворянства*, составившаго основу позднѣйшаго русскаго дворянства (отъ слова дворъ = septum, затѣмъ, въ особенности, aula principis, — отсюда дворянинъ, aulicus; слово *дворъ* этимологически тождественно съ *θύρα*, лат. *foris*, готск. *daur*, нѣм. *Thor*). Въ виду этого становится — коротко говоря — понятнымъ, какимъ образомъ еще при Владимирѣ и Ярославѣ существовало различіе между *Русиномъ* и *Славяниномъ*, различіе, которое въ тѣ времена уже не было основано, главнымъ образомъ, на различіи языка.

Какъ сами Русы называли свое нарѣчіе?

Для обозначенія его они, навѣрное, не пользовались прилагательнымъ *rusk*, образованнымъ отъ славянской формы «Русь»; такое прилагательное у нихъ должно было звучать, по меньшей мѣрѣ, *rósk*, съ гласнымъ звукомъ, исчезнувшимъ въ восточно-славянскомъ нарѣчіи. Существуютъ причины, заставляющія предполагать, что имя Rôs или * Rods столь-же древне какъ имя Вендовъ и Чуди (см. Каспій, стр. 437). Если-же это было только династическимъ именемъ, то для обозначенія языка Русовъ могло служить болѣе старое имя, какъ *svensk* и *gutnisk* (Каспій, стр. 395). Въ такомъ случаѣ оставалось-бы только, на основаніи аналогичныхъ случаевъ, объяснить себѣ употребленіе славянскаго прилагательнаго *rusk* — русскій (рус-ьскій) для обозначенія славянскаго языка. Подъ «la langue française» вотъ уже много столѣтій подразумѣваютъ тотъ романскій діалектъ, на которомъ говорятъ въ прежней Галліи. Эта послѣдняя была названа своимъ нынѣшнимъ именемъ «la France» по имени нижненѣмецкихъ Франковъ. Однако, въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній языкъ однихъ только франкскихъ заноевателей, которые, какъ кажется, были родомъ изъ одной мѣстности позднѣйшихъ Нидерландовъ (срв. Die Glossen in der Lex salica. Von H. Kern. Haag 1869), назывался «lingua franca, francisca» или какъ его еще

называли по-латыни. — *Болгарскимъ* языкомъ первоначально назывался тюркскій языкъ Хагано-Болгаръ, но уже въ житіи св. Климента подъ этимъ названіемъ подразумѣвается славянскій языкъ, бывшій въ употребленіи въ государствѣ Богорадовъ.— Когда Византія была сдѣлана столицею римскихъ императоровъ, латинскій языкъ былъ введенъ какъ языкъ оффиціальный. Впослѣдствіи онъ, какъ таковой, былъ вытѣсненъ литературнымъ греческимъ языкомъ, а въ обыденной жизни вульгарно-латинскій языкъ и безъ того не могъ соперничать съ вульгарно-греческимъ. Такимъ образомъ случилось что Ῥωμαῖοι стало національнымъ именемъ не только Византійцевъ, но также и Грековъ, жившихъ въ Азіи и на островахъ Средиземнаго моря. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій ἡ ῥωμαϊκή (нарѣч. ῥωμαϊστί) означало «греческій языкъ», и оно сохранило это значеніе, отчасти и теперь, хотя въ королевствѣ Греческомъ древнее имя Эллиновъ искуственнымъ образомъ вновь сдѣлано народнымъ именемъ.

Императоръ Константинъ Багрянородный обладалъ вполнѣ точными свѣдѣніями о томъ различіи, которое около 950-го года еще существовало между Русами и Славянами, хотя, наблюдая издалека, онъ существовавшее между ними въ соціальномъ отношеніи различіе представлялъ себѣ слишкомъ рѣзкимъ (см. Каспій, стр. 673 прим. 7). Но никогда никому не удастся доказать, что онъ былъ неправъ, предполагая, что въ его время въ «Россіи» были въ употребленіи два языка, т. е. языкъ стоявшихъ во главѣ государства Русовъ (οἱ Ῥῶς), изъ которыхъ нѣкоторые ежегодно съ торговыми цѣлями являлись на судахъ изъ Кіева въ Византію и т. п., и языкъ подчиненныхъ имъ Славянъ (Σκλάβοι, οἱ πακτιῶται τῶν Ῥῶς), какъ-то: Кривичей, Лутичей, Древлянъ, Угличей и т. д. Свидѣтельствомъ въ пользу этого положенія служитъ то, что имена семи днѣпровскихъ пороговъ приводятся въ двухъ видахъ, по-русски (ῥωσιστί) и по-славянски (σκλαβινιστί). Какъ извѣстно, текстъ сочиненія de administrando imperio дошелъ до насъ въ очень испорченной рукописи. Славян-

скія имена пороговъ менѣе искажены, чѣмъ русскія, но все-же формы большинства этихъ послѣднихъ еще настолько прозрачны, что только невѣдѣніе или упрямство можетъ заставить отрицать ихъ древне-скандинавскій характеръ. Въ виду этого, кажется, мы въ правѣ заключить, что императоръ языкъ (норманскихъ) Руссовъ называлъ — ῥωσική γλῶσσα. Съ *внѣшней* стороны это названіе соотвѣтствовало-бы одному финскому названію: по-фински шведскій языкъ и понынѣ еще называется Ruotsin (діалектически Ruottin, Ruossin, Ruohtin и т. д.) kieli. Ruotsin представляетъ собой род. пад. собирательнаго Ruotsi, а двугласный uo, какъ и въ другихъ иностранныхъ словахъ произошелъ изъ ô. Хотя съ точки зрѣнія языкознанія ничего нельзя привести противъ этого внѣшняго соотвѣтствія, все-же, въ виду вышесказаннаго, остается лишь вѣроятнымъ, что для обозначенія своего языка Варяго-Русы на востокѣ дѣйствительно употребляли прилагательное *rôs-k*; однако, съ другой стороны, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній предполагать, что лицо, сообщавшее императору эти свѣдѣнія, само придумало нарѣчіе ῥωσιστί, въ смыслѣ linguâ rôsicâ, лишь для того, чтобы не обременять его другимъ еще незнакомымъ ему именемъ (svensk или gutnisk). Этимъ лицомъ былъ вѣроятно одинъ изъ крещеныхъ Руссовъ, жившихъ торговли ради въ самой Византіи. Въ главѣ 9-й (см. заглавіе) описываются лишь торговыя поѣздки Руссовъ въ Византію и ихъ языческія жертвоприношенія, при чемъ упоминаются Гипподромъ и Цыканистерій, а при именахъ днѣпровскихъ пороговъ ῥωσιστί ставится всегда передъ σκλαβινιστί.

У Нестора мы также не находимъ опредѣленнаго свидѣтельства о томъ, съ какихъ поръ восточно-славянскій языкъ сталъ называться прилагательнымъ «русьскый» — такъ пишется правильная форма въ древнихъ рукописяхъ, — образованнымъ отъ имени Руси. Въ *его* время (т. е. къ концу 11-го столѣтія) это названіе, навѣрное, было уже общеупотребительнымъ. Въ концѣ повѣствованія о 898-мъ годѣ Несторъ, сообщивъ о возникно-

веденія славянскаго перевода св. Писанія и т. д., нарочито заявляетъ, что въ его время русскій и славянскій языкъ были тождественны. Но онъ былъ убѣжденъ, что прежде этого не было. Чтобы сдѣлать яснѣе эту мысль, онъ присовокупляетъ: «А славянскій языкъ и русскій одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене». При этомъ онъ имѣетъ въ виду, въ особенности, аборигеновъ Кіева, Полянъ, такъ-какъ въ его время Русь, какъ *политическое* имя, преимущественно употреблялось о Кіевскомъ княжествѣ. Подобнымъ-же образомъ Несторъ выражается также и въ другихъ мѣстахъ, какъ напр., во введеніи къ своему повѣствованію о славянской литургіи. Тамъ онъ, въ числѣ славянскихъ племенъ, принявшихъ эту литургію, называетъ и Полянъ, «яже нынѣ зовомая Русь»

Другія племена, жившія вдали отъ Кіева и присоединенныя лишь позже, какъ напр., при Святославѣ, вѣроятно дольше Полянъ продолжали называть свое собственное нарѣчіе словенскимъ, тѣмъ болѣе, что подъ Русью, въ политическомъ смыслѣ, долгое время понимали преимущественно владѣнія великаго князя *Кіевскаго*, что никѣмъ и не оспаривается. Такъ, напр., объ Антоніи, упомянутомъ выше на стр. 69, въ новгородской лѣтописи значится: «. . . . и волею Божиею, възлюби и князь Мьстіславъ и вси Новгородьци, и послаша и въ Русь (т. е. въ Кіевъ) ставиться». Дольше всего названіе «словенскій языкъ» сохранилось, вѣроятно, среди поселянъ, пока оно, съ теченіемъ времени, не исчезло и у нихъ.

Если-бы мы даже предположили, что сама призванная Русь свое нарѣчіе называла *Rôska* — теперь въ Шведскомъ языкѣ *Svenska* употребляется въ значеніи lingua suecica, а *Ryska* въ значеніи lingua russica — то все-же невѣроятно, чтобы сами Славяне въ продолженіе нѣкотораго времени называли *Rôska* русскимъ языкомъ. Напротивъ того, очень вѣроятно, что они этотъ языкъ называли *варяжскимъ*, такъ-какъ имя Варяги еще очень рано, т. е. еще до основанія государства, стало общимъ именемъ различныхъ норманскихъ племенъ. Чрезъ посредство

проникавшихъ по рѣкамъ очень далеко норманскихъ торговцевъ имя Варяговъ легко получило широкое распространеніе, тѣмъ болѣе, что ни имя Шведовъ, ни имя Датчанъ въ тѣ времена не имѣли такого широкаго значенія, какъ теперь, и ни Готландцы, ни Гауты, ни Далекарлійцы и т. д. не называли своего нарѣчія «шведскимъ». Языкъ тѣхъ скандинавскихъ наемниковъ, которые подъ именемъ «Варяговъ» поступали на службу къ Владимиру и Ярославу и происходили, частью, съ острововъ Балтійскаго моря, частью изъ Швеціи, частью-же изъ Норвегіи и Исландіи, по-славянски, навѣрное, назывался *«варяжскимъ»*. Замѣчательно, что въ сагѣ о Тидрекѣ (Thidhrek), записанной въ Норвегіи около 1250-го года со словъ нижненѣмецкихъ купцовъ и на основаніи нижненѣмецкихъ пѣсенъ, по поводу нѣкоторыхъ нѣмецкихъ именъ пять разъ (стр. 18, 82, 177, 181, 185 въ изданіи Унгера) нарочито указывается на то, что Варяги (Vaeringjar), т. е. здѣсь въ смыслѣ Норманов вообще, называютъ ихъ такъ-то и такъ-то; напр.: *dreka* er Veringjar kalla *Fadhmi* (драконъ, котораго Варяги называютъ Fadhmi), *alpandyr* (слонъ), котораго Варяги называютъ *fil* и т. д. Въ русскихъ источникахъ только одинъ разъ упоминается терминъ «варяжскій языкъ», а именно у жившаго ранѣе въ Молдавіи и Галиціи глоссографа Памво Беринды (Pamwo Berynda † 1632), глоссарій котораго впервые былъ напечатанъ въ Кіевѣ въ 1627-мъ году. Въ глоссѣ значится: *Капитонъ*, сирѣчь, князь варяжскимъ языкомъ (см. также подъ словомъ князь). Варяжскій здѣсь вѣроятно, въ значеніи западно-европейскій. Срв. Caspia, p. 36, b.

Въ заключеніе укажемъ еще на одно до сихъ поръ не объясненное византійское свидѣтельство, которое, какъ кажется, подтверждаетъ мое мнѣніе о томъ, что сліяніе Славянъ съ переселившеюся Варяго-Русью началось уже рано. Подобно тому, какъ въ Болгаріи, Франціи и Византіи подъ болгарскимъ, франкскимъ и ромейскимъ языками въ концѣ концовъ стали понимать туземные славянскій, романскій и вульгарно-греческій языки, такъ и имя «русскій», можетъ быть, было огульно перенесено

на языкъ славянскихъ племенъ лишь послѣ того, какъ собирательное Русь сдѣлалось общимъ политическимъ именемъ для всего населенія новаго государства и для всей русской земли. Не смотря на новый наплывъ заморскихъ Варяговъ, это могло мѣстами случиться довольно рано. Когда внукъ Рюрика въ 970-мъ году воевалъ съ Византійцами по ту сторону Дуная, Цимисхій велѣлъ отвести свои войска на зимовку и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ послать въ мѣстности, занятыя Русами, лазутчиковъ, одѣтыхъ по-скиоски и владѣвшихъ обоими языками (διγλώσσους ἄνδρας), съ тѣмъ, чтобы они могли собрать свѣдѣнія о намѣреніяхъ Русовъ. Мы не вполнѣ точно освѣдомлены относительно состава многочисленной арміи Святослава. Помимо печенѣжскихъ, угорьскихъ и нѣсколькихъ болгарскихъ вспомогательныхъ отрядовъ, армія Святослава, вѣроятно, состояла изъ тѣхъ-же элементовъ, что армія Олега и Игоря въ 882, 907 и 941 годахъ, т. е. изъ потомковъ переселившихся при Рюрикѣ и послѣ него Варяговъ, изъ отряда наемныхъ забалтійскихъ Нормановъ и, навѣрное, въ значительной части своей, изъ представителей отдѣльныхъ славянскихъ и фенскихъ племенъ, которыя входили въ составъ государства и, подъ руководствомъ Русовъ, усовершенствовались въ военномъ искусствѣ. Предположивъ даже, что кромѣ забалтійскихъ Нормановъ часть дружины Святославовой еще понимала по-шведски, — врядъ-ли греки имѣли въ своемъ распоряженіи надежныхъ лазутчиковъ, понимавшихъ одновременно по-шведски и по-гречески; напротивъ, Греки считали естественнымъ, что въ арміи Святослава говорили преимущественно по-славянски. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на одного современника Святослава, одного изъ самыхъ старыхъ норманистовъ и не фантазера. Ибрагиму-ибн-Якубу не удалось добыть свѣдѣній о призваніи Рюрика, но онъ доподлинно зналъ, что Русы не жили исконп въ странѣ восточныхъ Славянъ, что они, напротивъ, какъ пришлое сѣверное племя, поселились среди Славянъ и, какъ ему казалось, завладѣли ихъ страною. Тутъ-же онъ, однако, прибавляетъ, что они приняли также славянскій языкъ. Въ Прагѣ

Ибрагимъ-ибн-Якубъ, вѣроятно, встрѣтился съ упоминаемыми имъ торговцами изъ народа Русовъ, которые тамъ, конечно, могли объясняться только при помощи славянскаго языка. Ибрагимъ воображалъ, что принятіе Русами — т. е. большинствомъ ихъ — славянскаго языка было слѣдствіемъ того, что они слились со Славянами, не понимая, что уже личныя выгоды и условія жизни побуждали первое поколѣніе Норманновъ знакомиться со славянскимъ языкомъ. Во всякомъ случаѣ, мы до сихъ поръ не знаемъ ни одного другого писателя кромѣ Ибрагима и Императора Константина, который, какъ-бы заранѣе, представилъ такой краснорѣчивый комментарій къ приведеннымъ выше словамъ Нестора.

б) Персо-Арабъ Ибн-Хордадбехъ о движеніи торговыхъ каравановъ Русовъ въ Багдадъ, около 890 года.

Кажется, ни одно арабское свидѣтельство такъ сильно не противорѣчитъ Несторову преданію о норманскомъ происхожденіи династіи Рюриковичей, какъ свидѣтельство Ибн-Хордадбеха. Какъ только антинесторіанцы ближе ознакомились съ нимъ, они и не замедлили извлечь изъ него возможныя выгоды. При теперешнемъ положеніи изслѣдованія они, во всякомъ случаѣ, имѣли на это больше права, чѣмъ имѣли мы въ одномъ противоположномъ случаѣ. Мы чуть не вообразили, что Якûби былъ очевидцемъ разграбленія Севильи Маджûсами въ 844 году и что онъ тамъ самъ призналъ въ нихъ настоящихъ шведскихъ Рôсовъ, а между тѣмъ онъ тогда еще едва только родился! Такъ и антинесторіанцы сочли себя въ правѣ отодвинуть какъ можно дальше время составленія «Книги почтовыхъ дорогъ», съ тѣмъ-чтобы добыть дорюриковское или, по крайней мѣрѣ, современное Рюрику свидѣтельство о славянскомъ происхожденіи династіи Рюрика. Они вѣрятъ, что уже добыли такое свидѣтельство. Но уже святые отцы церкви считали вѣру и знаніе двумя совершенно разными вещами.

Дѣдъ нашего писателя, пока былъ еще парсійской вѣры, назывался Хордадбехъ, но промѣнялъ свою вѣру на вѣру Мухаммедову. Его внукъ Абу-ль-Касимъ самъ, вѣроятно, родился еще въ древней Мидіи. Какъ писателя его называли не по имени отца, а по имени дѣда. Мы не знаемъ, какъ онъ, на ряду съ роднымъ языкомъ, изучилъ арабскій и какъ вообще изъ него, Перса-мусульманина, выработался арабскій писатель. По Фихристу Ибн-ан-Надûма «Абу-ль-Касимъ занималъ должность директора почты и халифскаго наблюдателя[1]) въ мѣстностяхъ ал-Джибâля (приблизительно Мидіи) и былъ современникомъ и однимъ изъ довѣренныхъ лицъ Мутамида». Послѣднее подверждаетъ также и Масъуди (глава 122). Оріенталисты предполагаютъ, что онъ жилъ въ Багдадѣ при дворѣ халифа Мутамида (870 — 892 г.) лишь послѣ того, какъ онъ сложилъ съ себя должность директора почты. Когда это случилось, въ точности совсѣмъ не извѣстно. И годъ его смерти въ точности не извѣстенъ, такъ-какъ по Хаджи Хальфѣ (II, 101) онъ умеръ *«около* 300 года», значитъ, въ то-же время, когда въ Ладогѣ скончался великій князь Олегъ. Если-бы 300 годъ былъ хотя-бы приблизительно вѣренъ, то мы имѣли-бы возможность предположить, что Ибн-Хордадбехъ, покинувъ Мидію, прожилъ въ Багдадѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько десятилѣтій.

Рядъ сочиненій Ибн-Хордадбеха извѣстенъ намъ только по заглавіямъ. До насъ дошла только «Книга путей и стравъ», и то въ извлеченіи, которое испорчено переписчикомъ и, можетъ быть, уже обогащено вставками. Для нашихъ цѣлей необходимо точно опредѣлить, когда это сочиненіе было написано. Издатель этого извлеченія держался того мнѣнія, что Ибн-Хордадбехъ написалъ свой трудъ въ то время, когда онъ еще занималъ свою должность въ Мидіи, а именно между 240 и 260 (854 — 873) годами, и

---

1) [Почта во времена халифовъ существовала только для государственныхъ надобностей, и завѣдывавшіе ею въ каждомъ городѣ играли, вмѣстѣ съ тѣмъ, роль тайныхъ довѣренныхъ халифа и были обязаны доносить ему о дѣйствіяхъ оффиціальныхъ представителей халифской власти]. В. Р.

старался доказать, что трудъ этотъ былъ начатъ не позже 260 года. Соображенія Барбье де Менара долгое время не вызывали противорѣчій среди оріенталистовъ. *Де Гуе* (Das alte Bett des Oxus Amu-Darja. Leiden 1875, p. 8) относитъ время составленія этого труда приблизительно къ 865 году. *Д. А. Хвольсонъ* высказался за круглое число 860. (Труды перваго археологическаго съѣзда, стр. 131). *А. Я. Гаркави* утверждаетъ, что трудъ Ибн-Хордадбеха написанъ послѣ 866, но до 870 года; при этомъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяетъ себѣ привести едва-ли заслуживающее одобренія толкованіе мѣста о титулахъ византійскихъ государей (Сказанія мусульм. писателей. СПБ. 1870, стр. 47. 50). Въ дополненіяхъ (СПБ. 1871, стр. 13) онъ ссылается еще и на Якута, который, при перечисленіи своихъ предшественниковъ называетъ Ибн-Хордадбеха раньше Якуби и Джейхâни. Воспользовался трудомъ Ибн-Хордадбеха уже Ибн-ал-Факûхъ, около 910 года (см. ниже, стр. 138). *Рамбо* (Rambaud. L'empire grec au dixième siècle. Paris 1870, p. 182, 176) относитъ составленіе труда Ибн-Хордадбеха къ слишкомъ позднему времени. Мы вѣдь не знаемъ, вышло-ли перечисленіе византійскихъ ѳематъ въ настоящемъ его видѣ, изъ подъ-пера Ибн-Хордадбеха, или-же оно расширено его эпитоматоромъ. Хуррами, цитуемый Ибн-Хордадбехомъ (Journal asiatique 1865, t. 5, p. 474), писалъ (значитъ, около 850 года) о раздѣленіи Византійской имперіи на 14 провинцій.

Уже въ Каспіи (стр. 53, прим. 9) я выражалъ сомнѣнія по поводу принятаго до сихъ поръ времени составленія «Книги почтовыхъ дорогъ», такъ-какъ мнѣ, съ точки зрѣнія русской исторіи, казалось сомнительнымъ, чтобы уже при Рюрикѣ русскіе торговые караваны могли проникнуть до Багдада. Мои сомнѣнія побудили проф. де Гуе подвергнуть время составленія нашего источника новому изслѣдованію. На основаніи этого изслѣдованія этотъ источникъ долженъ былъ быть написанъ между 240 и 250 (854 — 864) годами, значитъ, все-таки около 860 года.

Мы должны теперь согласиться съ тѣмъ, что Ибн-Хордад-

бехъ началъ писать свою «Книгу почтовыхъ дорогъ» задолго до смерти Рюрика (въ 879 г.). Можно согласиться и съ тѣмъ, что онъ — первый мусульманинъ, упоминающій о Рӯсахъ, если допустить, что отрывокъ о нихъ не внесенъ въ рукопись лишь послѣ 890 года. Въ этомъ отношеніи, разрѣшенію спорнаго вопроса могутъ способствовать только внутреннія причины, которыя должны быть найдены въ самомъ отрывкѣ.

Какъ Персо-Арабъ, какъ высокопоставленное должностное лицо въ провинціи Джибаль (Мидія) и какъ начитанный писатель, Ибн-Хордадбехъ могъ выдаваться среди своихъ единовѣрцевъ своими, сравнительно, обширными свѣдѣніями о странахъ и народахъ. Но какъ далеко простирались эти свѣдѣнія о странахъ и народахъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Каспійскаго моря? Какъ кажется, Ибн-Хордадбехъ не посѣтилъ побережія Каспійскаго моря, такъ-какъ онъ не имѣетъ свѣдѣній объ Аральскомъ морѣ и, согласно его утвержденію, какъ Араксъ (Кура), такъ и Джейхунъ (Оксусъ) впадаютъ въ Друрджанское (Каспійское) море (Journ. Asiat. l. c. p. 524, 525). Конечно, мы не имѣемъ права преждевременно судить о немъ на основаніи одного небольшого отрывка, единственнаго дошедшаго до насъ изъ всѣхъ его многочисленныхъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ встрѣчающихся у него достовѣрныхъ свѣдѣній основаны либо на болѣе раннихъ письменныхъ источникахъ, либо на личныхъ наблюденіяхъ и разспросахъ. Наприм., онъ, какъ уже замѣчено выше, пользовался сочиненіемъ Хуррами, у котораго онъ, вѣроятно, заимствовалъ также и имя *Хазарскаго моря*. О Хазарахъ Ибн-Хордадбехъ упоминаетъ неоднократно, между прочимъ, на стр. 487 среди Талишей и Алановъ, Срв. стр. 515 и 231. «Городъ Хазаръ», т. е. столица, встрѣчается только одинъ разъ, на стр. 514. Упомянувъ (стр. 490) о городѣ Семендерѣ по ту сторону Баб-эл-Абваба (Дербендъ), Ибн-Хордадбехъ присовокупляетъ: «Tout le pays situé au delà est occupé par les Khozars». Помимо уже приведеннаго выше мѣста, также и въ отдѣлѣ о торговыхъ поѣздкахъ русскихъ и еврейскихъ купцовъ (стр. 514 и 515) Каспійское море называется

Джурджанскимъ и сообщается, что сѣверное побережіе его также принадлежитъ Хазарамъ. Только въ одномъ мѣстѣ (стр. 527) онъ, кажется, называетъ Каспійское море «Хазарскимъ», если только мы тутъ не имѣемъ дѣло съ извлеченіемъ изъ какого-нибудь другого писателя. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ (стр. 471, 472, 474, 475, 516) Ибн-Хордадбехъ подъ Хазарскимъ моремъ понималъ *Черное море*. Именемъ «*Нитасъ*» (передѣланная арабами форма Πόντος) онъ называетъ Ѳракійскій Босфоръ, лежащій между Хазарскимъ и Сирійскимъ морями, Пропонтиду и Геллеспонтъ. Онъ упоминаетъ также (стр. 472) и объ островахъ (т. е. преимущественно полуостровахъ, которые впослѣдствіи назывались островами Рўсовъ) въ «Хазарскомъ морѣ». Ибн-Хордадбехъ, какъ кажется, не раздѣлялъ того представленія, будто Черное или Каспійское море соединяется съ Сѣвернымъ океаномъ. Не вполнѣ ясно, предполагалъ-ли (стр. 471) онъ, что Черное море соединяется съ Каспійскимъ. По имѣющимся у него свѣдѣніямъ (стр. 515), торговые караваны направляются къ Каспійскому морю также и сухимъ путемъ изъ *Армѝніи*[1]) черезъ страну Славянъ и потомъ Хазаръ. Это относится къ тому времени, когда Угры еще не покорили дунайскихъ Славянъ.

Имя *Славянъ* въ сохранившемся фрагментѣ Ибн-Хордадбеха встрѣчается 8 разъ, но почти только, какъ географическое имя. Отдѣлъ о царскихъ титулахъ онъ заканчиваетъ краткимъ замѣчаніемъ, что *царь Славянъ* имѣетъ титулъ Кобâдъ (Journ. as. l. c. p. 257; Гаркави, Сказанія стр. 148). Переписчику невольно вспоминалось персидское имя Кобадъ. Гаркави вмѣсто этого чи-

---

1) Уже Рено (Reinaud) въ 1848 году предложилъ вмѣсто этого читать *Alamania*, и невольно вспоминаются тѣ торговыя сношенія, о которыхъ Хасдай даетъ нѣкоторыя указанія въ своемъ посланіи къ хазарскому хагану. Случай обратнаго искаженія см. Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia. I. Firenze 1854, p. 247.—Однако, де Гуе и другіе считаютъ весьма рискованнымъ читать Alamania вмѣсто Armenia. По Мукаддаси (стр. 242, 5) страна Славянъ лежитъ даже за Хорезміей (Ховарезміей). По мнѣнію Лерха, отъ одной изъ формъ этого послѣдняго имени образовалось имя Хвалисовъ у Нестора, и по ихъ имени у него Каспійское море называется Хвалійсьскимъ.

таетъ Кнадъ, и это, дѣйствительно, до нѣкоторой степени, соотвѣтствовало-бы русской, лишенной носового звука формѣ «князь», однако, пришлось-бы принять во вниманіе и болѣе древнюю форму «кънѧзь», сохранившуюся въ церковно-славянскомъ языкѣ. Бируни заимствовалъ также и эту замѣтку; его разночтеніе Кобâръ легко объяснить смѣшеніемъ д и р въ арабскомъ письмѣ.

Въ отдѣлѣ о берберскихъ племенахъ Ибн-Хордадбехъ упоминаетъ о ввозѣ *славянскихъ* и суданскихъ евнуховъ, испанскихъ дѣвушекъ и т. д. (J. as. l. c. p. 463; Гаркави, стр. 48). Эти Славяне были родомъ изъ нынѣшней сѣверной Германіи (срв. ниже стр. 135). Въ заключеніи къ этому отдѣлу онъ упоминаетъ о морѣ, которое по ту сторону (балтійскихъ?) *Славянъ* тянется до острова Тулэ (см. Записки Имп. Акад. Наукъ, 1873 г., т. 22, стр. 150—151).

Къ Европѣ Ибн-Хордадбехъ причисляетъ Андалузію, *страну Славянъ*, Рӯмъ (Византію), страну Франковъ и Танжеръ вплоть до границы Египта (Journ. as. l. c. p. 515; Гаркави, стр. 49). Къ сѣверу отъ византійской ѳемы Македоніи жили (вѣроятно, по Хуррами) Бурджâны (древне-тюркскіе Болгары), а къ западу отъ нея *Славяне* (le pays des Slaves, Journ. as. l. c. p. 475).

Изъ *страны Славянъ* приходятъ въ страну Хазаръ. Рӯсы вывозятъ товары изъ *самыхъ отдаленныхъ странъ Славянъ* въ Византію и къ Каспійскому морю, при чемъ они плывутъ по *Славянской рѣкѣ* (Дону; едва-ли здѣсь имѣется въ виду Волга. Journ. as. l. c. p. 514. 515).

Ибн-Хордадбехъ старается приводить различные маршруты и торговые пути. Почему-же у него нигдѣ не упоминается о *славянскихъ* купцахъ? Именно въ его время процвѣтали торговыя сношенія Россіи съ прикаспійскими странами и Средней Азіей, и именно онъ, въ точности знавшій всѣ почтовые маршруты и крупные пути сообщенія, могъ познакомиться съ вожаками торговыхъ каравановъ, приходившихъ оттуда и направлявшихся туда. И въ Багдадѣ онъ также имѣлъ возможность дѣлать подобныя наблюденія. Онъ приводитъ двѣ категоріи такихъ

каравановъ, караваны еврейскихъ *Рахданитовъ* и караваны *Рýсовъ*. Этимъ Ибн-Хордадбехъ подтверждаетъ, что вожаки норманскихъ и еврейскихъ каравановъ встрѣтились въ нѣкоторыхъ странахъ Востока и, такимъ образомъ, работали ко взаимной выгодѣ, фактъ, который явствуетъ для всякаго непредубѣжденнаго человѣка изъ исторіи балтійско-каспійской торговли [1]).

Описанію торговыхъ поѣздокъ Евреевъ Ибн-Хордáдбехъ посвящаетъ особенную главу, озаглавленную: «Itinéraire des marchands juifs, dits Radhanites». Какъ онъ сообщаетъ, эти Евреи кромѣ арабскаго и персидскаго владѣли также нѣсколькими европейскими языками, между прочимъ, и *славянскимъ*. Онъ описываетъ ихъ поѣздки съ запада къ Черному морю и оттуда въ Индію и Китай, причемъ онъ замѣчаетъ, что иногда они направляются чрезъ Антіохію (въ Сиріи) и Багдадъ, оттуда плывутъ внизъ по Тигру и изъ (Персидскаго) залива на судахъ отправляются въ Индію и Китай.

Непосредственно за этимъ слѣдуетъ отрывокъ о торговыхъ поѣздкахъ Рýсовъ въ Византію и къ Каспійскому морю.

Послѣ этого отступленія (или вставки?) авторъ опять возвращается къ повѣствованію о томъ, какими путями отправляются торговые караваны, чтобы (сухимъ путемъ) попасть въ Китай.

1) Въ засѣданіи международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ 22-го августа 1876 года (бюллетень № 6) былъ возбужденъ вопросъ о причинахъ паденія балтійско-каспійской торговли. Не вдаваясь въ болѣе подробный разборъ высказанныхъ тамъ мнѣній, я ограничусь сообщеніемъ своего собственнаго мнѣнія, которое было высказано мною уже много лѣтъ тому назадъ и которое я здѣсь не могу развить подробнѣе. Балтійско-каспійская торговля совершенно немыслима безъ двухъ главныхъ факторовъ — Норманновъ, съ одной стороны, и Евреевъ, съ другой. Потрясеніе, испытанное въ 969 году царствами Бѣлыхъ Болгаръ и Бѣлыхъ Угровъ (Хазаръ), вызвало едва лишь мимолетный застой этихъ грандіозныхъ торговыхъ сношеній. Гораздо сильнѣе, въ этомъ отношеніи, отразилось вліяніе христіанства, ставшаго государственной религіей въ Россіи и въ Швеціи, такъ какъ осужденіе морского разбоя повлекло за собою ослабленіе предпріимчивости Норманновъ по ту сторону Балтійскаго моря и ихъ потомковъ по сю сторону его. Наконецъ, смертельный ударъ этой торговлѣ былъ нанесенъ притекавшими все въ большемъ количествѣ къ Волгѣ и въ Западную Азію второстепенными тюркскими ордами, о грубости которыхъ мы можемъ судить по нынѣшнимъ туркменамъ. Срв. Каспій, стр. 453.

Безъ всякой внѣшней связи съ концомъ повѣствованія о караванахъ Рȣсовъ, непосредственно за нимъ сообщается, что эти различныя путешествія могутъ быть совершены и по сушѣ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ купцы, родомъ изъ Испаніи — подъ которыми, вѣроятно, слѣдуетъ подразумѣвать извѣстныхъ испанскихъ Евреевъ — и изъ страны Франковъ, направляются чрезъ сѣверную Аѳрику въ Дамаскъ, а оттуда проходятъ въ Индію и Китай. Другой путь по сушѣ, какъ сообщаетъ Ибн-Хордадбехъ, ведетъ изъ Арминіи (или Аламаніи? см. выше стр. 123 прим.) чрезъ *страну Славянъ* въ хазарскую столицу и къ Каспійскому морю; тамъ садятся на суда и такимъ образомъ доходятъ сухимъ путемъ черезъ Балхъ въ Китай.

Странное сообщеніе о торговыхъ поѣздкахъ Рȣсовъ въ Византію и къ Каспійскому морю, вставленное между описаніями различныхъ поѣздокъ въ Китай, за послѣдніе 30 лѣтъ неоднократно переводилось и коментировалось, при чемъ, однако, не былъ удостоенъ серьезнаго обслѣдованія именно главный вопросъ, откуда и когда впервые эти Рȣсы появились въ устьяхъ Волги. Безъ разъясненія этихъ двухъ вопросовъ это сообщеніе можетъ повести лишь къ заключеніямъ, находящимся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми результатами, которые пока достигнуты изслѣдованіями о Варяго-Руси и ея торговыхъ поѣздкахъ.

Извѣстіе Ибн-Хордадбеха о Рȣсахъ было напечатано уже нѣсколько разъ: Шпренгеромъ (Journal of the Asiatic Society of Bengal. T. 13. Calcutta 1844 p. 522) по-арабски и англійски.— Рено (Géographie d'Aboulféda, Introd. 1848, p. 059) по-французски. — Срезневскимъ, въ сотрудничествѣ съ оріенталистомъ Казембекомъ (Вѣстникъ Географ. Общ. 1854. Ч. 10, Отд. II, стр. 52) по-русски. — Меренонъ, на основаніи Рено, по-датски (Annaler for nordisk oldkyndighed 1857. Kjöb. p. 12). — Барбье де Менаромъ (Journ. as. 1865. T. V, 514) по-арабски и французски. — Хнольсономъ (Извѣстія Ибнъ-Даста. СПБ. 1869, стр. 159) и Гаркави (Сказанія, 1870, стр. 49, 54—57) по-русски. Изъ объясненій къ этому мѣсту слѣдуетъ указать

преимущественно на объясненія Срезневскаго и Гаркави. См. также сочиненія и статьи Вл. Ламанскаго (О Славянахъ, стр. 54, 55, 147 и стр. 165 Замѣчаній; см. выше, ч. 1-я, стр. 69 прим. 1), Котляревскаго (О погребальныхъ обычаяхъ Славянъ М. 1868, стр. 09), Хвольсона (Труды перв. археол. съѣзда, М. 1871, стр. 131 и Извѣстія Географ. Общ. 1869 стр. 181, гдѣ считается уже доказаннымъ, что по Ибн-Хордадбеху Рȣсы были славянскимъ племенемъ), Гатцука (Труды и пр. 146) и Погодина (тамъ-же стр. 138).

Такъ-какъ изъ сравненія различныхъ, изданныхъ на англійскомъ, французскомъ, русскомъ и датскомъ языкахъ переводовъ я вынесъ убѣжденіе, что нѣкоторые переводчики въ отдѣльныхъ мѣстахъ переводили неточно, а другіе, въ особенности французскіе, слишкомъ изящнымъ слогомъ, то я обратился къ барону В. Р. Розену съ просьбою, сдѣлать для историковъ возможно дословный переводъ не только отрывка о Рȣсахъ, но вообще всего отдѣла объ описанныхъ Ибн-Хордадбехомъ торговыхъ путяхъ; въ основаніе перевода, конечно долженъ былъ лечь текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ настоящей editio princeps арабскаго текста Барбье де Менара (Journ. as. 6 série, t. V, 1865). Этотъ новый переводъ баронъ В. Р. Розенъ снабдилъ нѣсколькими пояснительными примѣчаніями, которыя, первоначально, предназначались лишь для меня, но приводятся и здѣсь, какъ небезполезныя и для другихъ неоріенталистовъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ печатномъ арабскомъ текстѣ встрѣчается значекъ, обыкновенно ставящійся въ концѣ какого-нибудь отдѣла и періода. Согласно нарочитому заявленію моего досточтимаго сотрудника, на это нельзя обращать *никакого* вниманія, такъ-какъ мы 1) не знаемъ, встрѣчается-ли этотъ значекъ въ подлинномъ текстѣ Ибн-Хордадбеха и такъ-какъ 2) и въ этомъ случаѣ этотъ значекъ имѣлъ-бы лишь относительное значеніе: часто онъ служитъ лишь каллиграфическимъ украшеніемъ[1]).

---

1) Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что моя статья объ Ибн-Хордадбехѣ,

«Маршрутъ Евреевъ-купцовъ Рахдани, которые говорятъ по-персидски, рӯмски, арабски, франкски, андалузски и славянски. Они путешествуютъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ по сушѣ и по водѣ. И вывозятъ они съ запада евнуховъ, рабынь, рабовъ, парчу, бобровый мѣхъ и мечи. И они путешествуютъ изъ страны Франковъ по западному морю и высаживаются у ал-Фарамâ и доставляютъ свои товары сухимъ путемъ въ ал-Кульзумъ — между обоими (*городами*) 5 дней и 20 фарсанговъ — и путешествуютъ (*затѣмъ*) по восточному морю изъ ал-Кульзума въ ал-Джâръ и въ Джидду, затѣмъ они отправляются въ ал-Синдъ, ал-Хиндъ и ал-Сӣнъ и вывозятъ изъ ал-Сӣна мускусъ, алой, камфору, корицу и другіе товары, которые вывозятъ изъ тѣхъ странъ (*и путешествуютъ*), пока не вернутся въ ал-Кульзумъ, затѣмъ доставляютъ они ихъ въ ал-Фарамâ, затѣмъ ѣдутъ они по западному морю, и иногда они со своими товарами поворачиваютъ къ Константинополю и продаютъ ихъ. Иногда-же они доставляютъ ихъ къ государству Франковъ (*или къ царю Франковъ*) и продаютъ ихъ тамъ. И если они хотятъ, они отправляются со своими товарами изъ страны Франковъ по западному морю и высаживаются у Антакіи (*Антіохіи*) и совершаютъ сухимъ путемъ три дневныхъ перехода; затѣмъ они плывутъ по Евфрату, затѣмъ [a]) въ Багдадъ; затѣмъ плывутъ они по Тигру

въ настоящемъ своемъ видѣ, уже была набрана, когда я получилъ новый переводъ. Мнѣ, конечно, было пріятно узнать, что главный выводъ изъ моего изслѣдованія о составленіи извѣстія о Русахъ было одобрено барономъ В. Р. Розеномъ (см. ниже, стр. 130, прим. *е*), а затѣмъ и профессоромъ де-Гуе (см. стр. 132, прим. 1), и что моя попытка объяснить слово «джинсъ» не была отвергнута этими двумя оріенталистами.

а) Слово «затѣмъ» въ текстѣ слѣдуетъ вычеркнуть, такъ-какъ оно только мѣшаетъ, и прибавленіе его легко объясняется тѣмъ, что оно встрѣчается такъ часто, почти на каждой строкѣ. В. Р.

Въ оксфордской рукописи въ вышеприведенномъ мѣстѣ нѣтъ слова «затѣмъ». Де Гуе.

до ал-Оболлы, и изъ ал-Оболлы (*они ѣдутъ*) въ Оманъ и ал-Синдъ и ал-Хиндъ и ал-Сӣнъ. Все[а]) это связано одно съ другимъ. Что-же касается до русскихъ[б]) купцовъ — а они видъ[в]) Славянъ — то они вывозятъ бобровый мѣхъ и мѣхъ черной лисицы и мечи изъ самыхъ отдаленныхъ (*частей*) страны Славянъ къ рӯмскому морю, и съ нихъ (*купцовъ*)

а) Авторъ, вѣроятно, хочетъ сказать, что всѣ перечисленныя страны соприкасаются одна съ другой, *такъ-что*, какъ сказано во французск. переводѣ, «le voyage peut se faire sans interruption». В. Р.

б) Въ подлинникѣ поставлена правильная арабская форма *прилагательнаго рӯсӣ* съ арабскимъ окончаніемъ множ. числа —*ӯн*; значитъ, вполнѣ точно перевести слѣдуетъ «русскіе купцы», а не «купцы-Русскіе» или «купцы-Русь».

в) *Джинс* обозначаетъ какъ *видъ*, такъ и *родъ, племя*. Насколько мнѣ извѣстно, оба значенія равноправны; только, какъ кажется, первоначальнымъ является первое значеніе, т. е. *видъ*.—Впрочемъ, арабскія племена никогда не называются *джинс* — не говорятъ «джинс Бени такихъ-то» — но неарабскія племена, нерѣдко обозначаются этимъ словомъ: напр. «*джинсъ* Славянъ, называемое Дулаба» и т. д. Если-бы гдѣ-нибудь значилось: «Арабы (распадаются на) много джинсовъ», то это могло-бы значить только, что арабы бываютъ разнаго вида (т. е. большіе и малые, глупые и умные и т. д.) и даже нельзя было-бы ожидать увидѣть вслѣдъ за этимъ перечисленіе именъ арабскихъ племенъ, какъ-то: «Бени Тамимъ, Бени Амръ» и т. д. Напротивъ того, о неарабскихъ народахъ сплошь да рядомъ приходится читать: «Славяне (или Тюрки) и т. д. (распадаются на) много джинсовъ, какъ, напр., Дулаба и Намджинъ и т. д., или-же «*джинс* Славянъ, называемый Мэаза» и т. д.—Если-же я въ вышеприведенномъ переводѣ отдалъ предпочтеніе значенію «видъ», нисколько, впрочемъ, не считая свой переводъ обязательнымъ для другихъ, то я сдѣлалъ это потому, что, какъ мнѣ казалось, это значеніе лучше подходитъ къ выраженію «русскіе купцы» съ опредѣленіемъ въ видѣ *прилагательнаго*. Если-бы въ текстѣ значилось «Купцы-Рӯсы» съ опредѣленіемъ въ видѣ приложенія, то я непремѣнно перевелъ-бы: «и они *племя* Славянъ». Но моему чутью претило превращать *русскихъ* купцовъ въ *племя*. Противъ этихъ моихъ мотивовъ можно было-бы возразить, и, притомъ, по моему собственному мнѣнію, съ полнымъ *правомъ*, что все это было-бы очень хорошо, если-бы Арабы не любили подчасъ выражаться нѣсколько неопредѣленно, что находится въ зависимости отъ характера семитскихъ языковъ. Противъ этого ничего нельзя сказать. Поэтому я полагаю, что изъ одного этого трактующаго о русскихъ купцахъ мѣста у нашего автора можно вывести только то заключеніе, что, по его мнѣнію, они принадлежали къ Славянамъ. Въ какомъ видѣ онъ представлялъ себѣ ихъ отношенія къ славянамъ, изъ даннаго мѣста не видно.—Во французскомъ переводѣ пропущено слово «Купцы», а Гаркави переводитъ, не придерживаясь строго прилагательной формы, стоящей въ подлинникѣ, а поэтому слово «племя» въ его переводѣ вполнѣ удобно. В. Р.

десятину взимаетъ царь Рӯма (*Византіи*). И если они хотятъ, то они отправляются по....[а]), рѣкѣ Славянъ и проѣзжаютъ проливомъ столицы Хазаръ, и десятину съ нихъ взимаетъ ихъ (Хазаръ) правитель. Затѣмъ они отправляются къ Джурджанскому морю (*Mare hyrcanium — caspium*) и высаживаются на какомъ угодно берегу. И діаметръ этого моря — 500 фарсанговъ, и иногда они привозятъ свои товары на верблюдахъ изъ Джурджана въ Багдадъ. Что-же касается до ихъ[б]) маршрута по сушѣ, то отправляется тотъ изъ нихъ, кто отправляется, изъ Андалуса и изъ страны Франковъ, и переправляется затѣмъ въ Сӯсъ-ал-Акса (*Марокко*) и отправляется въ Танжеръ, затѣмъ въ Ифрикію, затѣмъ въ Египетъ, затѣмъ въ Рамлу, затѣмъ въ Дамаскъ, затѣмъ въ Куфу, затѣмъ въ Багдадъ, затѣмъ въ Басру, затѣмъ въ Ахвâзъ, затѣмъ въ Фâрисъ,

а) Это очень неудобное мѣсто. Въ печатномъ текстѣ поставлено слово обозначающее «суда». Затѣмъ слѣдуетъ «рѣка (или рѣки и т. д.) Славянъ» Такимъ образомъ, по Барбье де Менару, Гаркави и др., купцы на судахъ, что дѣйствительно совершенно естественно, плыли по рѣкѣ Славянъ. — Однако, нѣтъ никакой возможности *такъ* понять имѣющуюся въ текстѣ конструкцію. Печатаный текстъ можно было-бы перевести только слѣдующимъ образомъ: *«на судахъ рѣки Славянъ»*, и это можно было-бы себѣ объяснить, хотя-бы, такъ: на судахъ и т. д., которыя стоятъ тамъ на готовѣ, или обыкновенно совершаютъ этотъ рейсъ и т. под. — Проф. де Гуе уже годъ тому назадъ говорилъ мнѣ, что въ рукописи совсѣмъ нѣтъ слова «суда», что тамъ поставлено слово совершенно лишенное діакритическихъ точекъ, которое еще необходимо сперва вѣрно прочесть. Какъ онъ, вѣроятно, писалъ также и Вамъ, онъ это слово, прочелъ Танаисъ. Въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія языка, все было-бы въ порядкѣ: «они плывутъ по Танаису (ـــــــ), рѣкѣ Славянъ». Но мнѣ эта конъектура кажется неподходящею, такъ какъ *эта* арабская транскрипція имени Танаисъ *совершенно несходна* съ обыкновенною арабскою транскрипціей его, и *поэтому* сперва слѣдовало-бы *доказать*, что такая транскрипція, дѣйствительно, была употребительна. Я тоже не могу предложить ничего подходящаго, и остается только подождать и пока оставить въ сторонѣ это мѣсто. В. Р.

б) Чьего? Съ точки зрѣнія языка, ближе всего было-бы толкованіе: «русскихъ купцовъ». Но это невозможно по контексту, и «ихъ» поэтому слѣдуетъ отнести къ еврейскимъ купцамъ. Въ крайнемъ случаѣ и здѣсь также для объясненія можно было-бы сослаться на отсутствіе стиля у Арабовъ. Однако,

затѣмъ въ Кирмâнъ, затѣмъ въ ал-Синдъ, затѣмъ въ ал-Хиндъ, затѣмъ въ ал-Сîнъ. И иногда они ходятъ по ту сторону Армîніи въ страны Славянъ, затѣмъ къ проливу хазарской столицы, затѣмъ по Джурджанскому морю, затѣмъ въ Балхъ и Мавераннахръ, затѣмъ въ ал-Сîнъ».

Прежде всего подлежитъ разрѣшенію вопросъ о томъ, былъ-ли отрывокъ о торговыхъ поѣздкахъ Рўсовъ написанъ Ибн-Хордадбехомъ тотчасъ при составленіи перваго наброска книги, или-же онъ вставленъ *впослѣдствіи* — пока безразлично, кѣмъ — въ законченное уже сочиненіе. Послѣднее предположеніе, пожалуй, окажется самымъ вѣроятнымъ. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ автору, главнымъ образомъ, было желательно описать движеніе каравановъ въ Индію и Китай. Сначала онъ трактуетъ о двухъ морскихъ путяхъ, исходящихъ изъ Чермнаго моря и изъ Персидскаго залива, и заключаетъ этотъ отрывокъ словами, которыя въ вольной французской передачѣ (см. теперь выше, стр. 129 прим. а) звучатъ: «Le voyage peut se faire sans interruption».

Затѣмъ слѣдуетъ отрывокъ о торговыхъ поѣздкахъ Рўсовъ, которыя, однако, имѣютъ конечнымъ пунктомъ лишь побережье Каспійскаго моря и только *иногда* Багдадъ. О томъ, что Рўсы проникали въ Индію и Китай, нѣтъ рѣчи.

Вступленіе ко второму отрывку, о маршрутахъ въ Индію, («Что-же касается ихъ маршрута по сушѣ») не можетъ относиться къ караванамъ Рўсовъ, но только *тогда* совершенно есте-

---

я вполнѣ присоединяюсь къ Вашему мнѣнію, что весь отрывокъ о русскихъ купцахъ представляетъ собою вставку, подвернувшуюся по поводу еврейскихъ купцовъ подъ перо самого автора или одного изъ читателей. — Если переводить это мѣсто дословно, то, при возвращеніи къ главной темѣ, чувствуется въ немъ еще бóльшая шероховатость, чѣмъ въ вольномъ французскомъ переводѣ. В. Р.

ственно примыкаетъ къ отрывку о поѣздкахъ по морю, если выбросить извѣстіе о Рӯсахъ.

Вставилъ-ли самъ Ибн-Хордадбехъ или-же его эпитоматоръ отрывокъ о Рӯсахъ, потому что его трудно было приткнуть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Или, можетъ быть, эпитоматоръ или одинъ изъ переписчиковъ, какъ это часто дѣлаютъ арабы, взялъ извѣстіе о Рӯсахъ изъ другого мѣста и вставилъ его между путешествіями въ Китай по водѣ и по сушѣ. На основаніи впечатлѣнія, которое чтеніе труда Ибн-Хордадбеха произвело на меня, мнѣ хотѣлось-бы думать, что онъ самъ авторъ вставки. Во всякомъ случаѣ, сравнительное изслѣдованіе хотя и очень кропотливое и требующее много времени, употребленія отдѣльныхъ словъ и выраженій во вставкѣ и въ текстѣ всего труда могло-бы до нѣкоторой степени выяснить, слѣдуетъ-ли приписывать авторство вставки скорѣе позднѣйшему писателю, чѣмъ самому Ибн-Хордадбеху [1]). Какъ-бы то ни было, а весь отрывокъ заключаетъ нѣкоторыя данныя, которыя, можетъ быть, даютъ намъ право отнести возникновеніе его къ болѣе позднему времени, чѣмъ было принято до сихъ поръ. При этомъ мы исходимъ изъ того положенія, что Рӯсы, которые, какъ *мореходы*, появляются въ послѣднемъ десятилѣтіи 9-го столѣтія, принадлежали либо еще къ числу призванныхъ Нормановъ, либо-же къ ихъ непосредственнымъ потомкамъ.

---

1) На подобную вставку указывалъ уже Барбье де Менаръ (р. 460).

P. S. Проф. де Гуе указываетъ мнѣ теперь еще на нѣсколько подобныхъ случаевъ въ текстѣ Ибн-Хордадбеха. Точно такъ-же онъ согласенъ со мною въ томъ, что отрывокъ о русскихъ купцахъ въ первоначальной редакціи находился не тамъ, гдѣ мы видимъ его теперь, но полагаетъ, что онъ лишь передвинутъ, какъ другіе приводимыя имъ мѣста. Такъ-какъ у насъ нѣтъ полнаго Ибн-Хордадбеха, то трудно рѣшить, было-ли это извѣстіе помѣщено гдѣ-нибудь въ *первоначальной* (срв. выше, стр. 121) редакціи — въ чемъ я положительно сомнѣваюсь—или же оно вставлено авторомъ только впослѣдствіи, въ *Багдадѣ*, или же оно вставлено позднѣйшимъ писателемъ въ сокращеніе. Впрочемъ и проф. де Гуе, также, полагаетъ, что слогъ отрывка о Рӯсахъ напоминаетъ слогъ Ибн-Хордадбеха.

По общепринятому мнѣнію, Рӯсы Ибн-Хордадбеха были Славяне. Одинъ только Погодинъ сомнѣвался въ этомъ, не устранивъ, однако, тѣхъ затрудненій, которыя заключаются въ самомъ текстѣ подлинника. Сторонники перваго мнѣнія слишкомъ поторопились ухватиться за переводъ или, вѣрнѣе, парафразъ Рено (Reinaud): qui appartiennent à la race slave. Дословно это мѣсто звучитъ: «Ат-тудджâръ (купцы) ар-рӯсiӯн (русскіе) ва хум (и они) джинс (видъ) мин (изъ) ас-сакâлиба (Славянъ)...» Послѣднія слова, согласно общеизвѣстному способу выраженія, можно-бы было передать черезъ «изъ страны Славянъ»; но это толкованіе по мнѣнію филологовъ-арабистовъ врядъ-ли заслуживаетъ предпочтенія. Употребленное Ибн-Хордадбехомъ слово «джинс» Арабы заимствовали у Сирійцевъ, а у нихъ это слово слѣдуетъ производить отъ греческаго γένος. Но слѣдуетъ-ли въ данномъ случаѣ понимать «джинс» въ первоначальномъ его значеніи, или-же оно здѣсь, подобно латинскому *genus*, нѣмецкому *Art*, славянскому *родъ*, латышскому *tauta*, древненѣмецкому *slahta* (итал. *schiatta* и т. д; въ ново-нѣмецкомъ *Ge-schlecht* только въ значеніи греч. γένος), здѣсь обозначаетъ—*quoddam genus*, *une sorte*, *une espèce de* . . . ? Изъ сокращенной редакціи «Книги странъ» Ибн-ал-Факûха Дорнъ въ 1871 году (Bullet. T. 17 col. 480 = Mél. asiat. VI p. 648) сообщилъ въ дословномъ переводѣ слѣдующее мѣсто: «Der Berg Kabk (*Caucasus*) stösst an das Land der Griechen bis zu der Gränze der Chasaren und Alanen; er reicht bis zu den Ländern der Slawen. Auf ihm giebt es auch eine Art (*ǵins*), von Slawen; die übrigen sind Armenier». Особенно замѣчательно то, что Персъ Кардизи въ одномъ отрывкѣ, въ которомъ Рӯсы и Саклабы представлены совсѣмъ различными народностями, пишетъ о Рӯсахъ первой половины 10-го стол.: «Ihr Sein ist nach der Art von Saklab».

Но даже если-бы въ данномъ отрывкѣ нельзя было допустить предложеннаго толкованія слова «джинс» (см. теперь также выше, стр. 129, в), то все-же оставалось-бы сомнительнымъ, имѣлъ-ли самъ Ибн-Хордадбехъ дѣйствительно въ виду болѣе близкое кров-

ное родство Ру̊совъ и Славянъ. Само по себѣ трудно себѣ представить, чтобы, какъ мусульманинъ, этотъ Персо-Арабъ, если онъ въ Мидіи даже и имѣлъ возможность видѣть рядомъ Славянъ, Ру̊совъ и другихъ бѣлыхъ людей, задался трудомъ точно отличать другъ отъ друга отдѣльные европейскіе народы. Въ своей книжкѣ онъ въ Европѣ отмѣчаетъ только четыре главныя страны, а именно, Андалузію, Словенію, Ру̊мъ (Византію) и страну Франковъ. Если даже предположить, что онъ въ Ру̊сахъ врядъ-ли видѣлъ что-нибудь другое, чѣмъ Славянъ, т. е. по крайней мѣрѣ, родъ Славянъ, то изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что они были Славяне въ собственномъ смыслѣ слова. Если-бы Ибн-Хордадбехъ захотѣлъ представить Ру̊совъ настоящими Славянами, то онъ и въ девятый разъ могъ просто употребить слово «Саклабъ». Онъ, очевидно, намѣренно употребилъ не встрѣчающееся нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слово «Ру̊съ». А исторія запрещаетъ видѣть въ Ру̊сахъ 9-го столѣтія славянское *торговое сословіе.*

Нельзя упускать изъ вида, что по Ибн-Хордадбеху русскіе купцы вывозятъ свои товары не изъ извѣстной страны Ру̊съ, а изъ отдаленнѣйшихъ славянскихъ странъ. Такимъ образомъ, это извѣстіе возникло въ такое время, когда имя Русь, какъ географическое и политическое имя, еще не было общеизвѣстно къ югу отъ Каспійскаго моря, когда оно, напротивъ, обозначало еще, преимущественно, призванную династію и близкихъ къ ней по происхожденію воиновъ и торговыхъ людей. При этомъ, помимо русской лѣтописи, невольно вспоминается свидѣтельство пишущаго приблизительно на 70 лѣтъ позже Ибрагима-Ибн-Якуба о томъ, что Ру̊сы, какъ одинъ изъ народовъ Сѣвера, поселились среди Славянъ и приняли ихъ языкъ. Въ тѣ времена народы гораздо легче усваивали себѣ языкъ своихъ сосѣдей, чѣмъ теперь, и въ особенности для купцовъ было очень выгодно, если они могли легко объясняться со своими покупателями. Какъ-бы грубы и кровожадны ни были Норманы, они меньше всѣхъ были одержимы современною болѣзнію фанатизма языка. При помощи

шведскаго языка они по Волгѣ и по Каспійскому морю могли-бы вести лишь нѣмую торговлю. Владѣя славянскимъ языкомъ, они довольно хорошо могли обойтись безъ знанія отдѣльныхъ восточныхъ нарѣчій, въ особенности, если имъ приходилось имѣть дѣло съ Евреями, которые уже тогда были хорошими дѣльцами. Поэтому, если приходившіе изъ славянской земли варяго-русскіе мореплаватели въ сношеніяхъ съ другими торговыми людьми пользовались славянскимъ языкомъ, то ничего не могло быть естественнѣе того, что мусульмане и ихъ самихъ также принимали за Славянъ. Въ средневѣковыхъ источникахъ встрѣчается достаточное количество такихъ названій, которыя хромаютъ съ этнологической точки зрѣнія, но легко объяснимы исторически. Такъ, напр., Ливаній Софистъ († 365) называетъ нижненѣмецкихъ Франковъ кельтскимъ племенемъ (ἔστι γένος κελτικὸν οἱ Φράκτοι), потому-что они начали распространяться въ странѣ издревле населенной Кельтами, въ которой они, хотя и не такъ скоро, какъ шведская Русь на востокѣ, промѣняли свой языкъ на языкъ туземцевъ. Характерно то представленіе, которое испанскіе Арабы имѣли объ Оттонѣ I, «Великомъ царѣ Франковъ и Саксовъ», какъ его называли Византійцы. Именно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оффиціальныхъ сношеніяхъ между нимъ и Испаніей, онъ въ одномъ источникѣ названъ «Хўта, царь Славянъ». Славяне были въ Испаніи болѣе извѣстны, чѣмъ Саксы, жившіе по нижней Эльбѣ, такъ-какъ Евреи привозили въ Испанію большое количество военноплѣнныхъ и другихъ Славянъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, были родомъ изъ славянскихъ областей въ нынѣшней сѣверной Германіи [1]). Еще двумя столѣтіями позже Византійцы перенесли имя Бритовъ на Англосаксовъ, которыми

1) Объ употребленіи имени «Славяне», въ болѣе тѣсномъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ, у испанскихъ Арабовъ см. «Histoire des musulmans d'Espagne. Par R. Dozy». Leyde 1861. Tome III, p. 59. И у другихъ Арабовъ имя «Славянъ», — но, можетъ быть, весьма рѣдко до 10-го столѣтія — подчасъ также имѣло неопредѣленное значеніе.

тогда преимущественно пополнялся корпусъ норманскихъ Варанговъ въ Византіи: Киннамъ называетъ ихъ ἔθνος βρεταννικόν.

По какой-бы причинѣ Персо-Арабъ Ибн-Хордадбехъ ни причислялъ Рŷсовъ къ Славянамъ, — въ дѣйствительности они не были Slavigenae; эти купцы и мореходы принадлежали къ тѣмъ, которые подобнымъ-же образомъ появились въ Византіи въ 907 и 911 годахъ. Именно тутъ никакой софистикой нельзя опровергнуть, что въ русской лѣтописи есть указанія на разобщенность, въ то время еще существовавшую между потомками переселившейся Руси и туземными Славянами. Кромѣ Варяго-Руси въ побѣдоносномъ сраженіи принимали участіе также и многочисленные Славяне на парусныхъ ладьяхъ. Въ договорахъ 907 и 911 годовъ упоминаются также и купцы, которые, однако, являются принадлежащими только къ числу Руси, и имена пословъ, которымъ было поручено заключеніе этихъ мирныхъ и торговыхъ договоровъ, указываютъ намъ на то, откуда пришли ихъ отцы и дѣды: «Мы отъ рода Рускаго, Карлъ, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ» и какъ тамъ еще звучатъ ихъ неславянскія, все еще терзаемыя (см. Погодина въ Каспіи, стр. 461) имена. Конечно, условія, установленныя этими договорами, не были всецѣло новы, но только отчасти обновлены. Среди уступокъ, которыя Греки въ 907 и 911 годахъ сдѣлали трудно побѣдимому Олегу, упоминается также освобожденіе русскихъ купцовъ отъ извѣстныхъ, не опредѣленныхъ точнѣе, таможенныхъ пошлинъ (*мыто*; такъ или иначе связано съ готскимъ *môta*, которое, однако, какъ и нѣмецкое *Maut*, заимствовано изъ латинскаго *mûta*; срв. готск. *môtareis* и церк.-слав. *мытарь*). Вѣроятно, подъ этимъ подразумѣвалась и δεκάτη или десятина, о которой упоминаетъ Персо-Арабъ.

Правильныя торговыя сношенія между Русью и Греками могли развиться лишь послѣ заключенія мира въ 865 году. Въ то время отношенія между Русью въ Кіевѣ и Хазарами были нѣсколько натянуты (см. Каспій, введ. стр. IX). Въ тѣ времена торговля и при неблагопріятныхъ политическихъ условіяхъ про-

бивала себѣ путь, такъ-что описанныя Ибн-Хордадбехомъ торговыя поѣздки Рўсовъ можно-бы отнести къ тому времени, когда онъ жилъ еще въ Мидіи. Теперь является вопросъ, приходили-ли эти русскіе купцы изъ Кіева и отъ Понта. По Ибн-Хордадбеху Рўсы привозили свои товары издалека — изъ отдаленнѣйшихъ странъ Славянъ. Многіе будутъ склонны предполагать, что на сѣверѣ существовали варяго-русскіе купцы. Въ составъ владѣній Рюрика, послѣ смерти его братьевъ, входили земли между Бѣлымъ озеромъ, Ладожскимъ, Псковскимъ и Ростовскимъ озерами. Въ Полоцкъ и Ростовъ онъ назначилъ своихъ посадниковъ. Возможно, что власть ростовскаго посадника простиралась до области нынѣшняго Нижняго Новгорода. Разстояніе отсюда до Новгорода и, по Волгѣ, до Итиля было почти одинаково. Надежда на обильную прибыль уже рано могла побудить предпріимчивыхъ Норманов, въ пору своего расцвѣта не знавшихъ страха и всегда вооруженныхъ, безъ посредниковъ продавать прикаспійскимъ жителямъ пушнину, на которую былъ большой спросъ, и т. п. Вѣдь имъ во времена Рюрика уже не приходилось впервые открывать торговый путь по Волгѣ, такъ-какъ таковой уже давно существовалъ, о чемъ свидѣтельствуетъ находимое въ большомъ количествѣ въ Пермской губерніи серебро изъ временъ Сассанидовъ; ради собольяго мѣха этимъ путемъ пользовались, преимущественно, восточные торговцы.

Рўсы, какъ природные мореходы, плаваніе по рѣкамъ, озерамъ и морямъ предпочитали переходамъ пѣшкомъ; поэтому они, вѣроятно, рѣдко и въ сравнительно позднее время стали возить свои товары въ чужія страны сухимъ путемъ. На это указываетъ и Ибн-Хордадбехъ. Если-бы онъ самъ былъ очевидцемъ ихъ прибытія въ Багдадъ, гдѣ онъ жилъ до и послѣ 900 года, то этимъ самымъ было-бы опредѣлено, когда имъ было записано разбираемое извѣстіе. Во всякомъ случаѣ, въ виду вышеизложеннаго, это извѣстіе лишь позже могло быть вставлено въ первоначальную редакцію той главы, въ которой оно теперь находится, и изъ него можно выковать развѣ только тупое оружіе

противъ старѣйшаго норманиста, преподобнаго Нестора, въ защиту котораго изъ неизвѣстныхъ еще или забытыхъ источниковъ возстаютъ все новые сильные союзники и заступники, и, при томъ, не только изъ стана правовѣрныхъ и отступниковъ, но также и изъ стана евреевъ и басурманъ. Въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ, въ особенности, отмѣтить тотъ фактъ, что нѣкоторыя указанія, которыя встрѣчаются въ сохранившихся у Нестора договорахъ съ Греками 907 и 911 годовъ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ также и на торговыя поѣздки Руси къ Каспійскому морю, особенно, если принять во вниманіе еще одно извѣстіе изъ эпитоматора Ибн-ал-Факиха.

в) Извращеніе извѣстія о торговыхъ поѣздкахъ Русовъ у эпитоматора Ибн-ал-Факиха.

О личности географа Ибн-ал-Факиха до сихъ поръ мало извѣстно. Его сочиненіе не дошло до насъ и сохранилось лишь въ извлеченіи, которое нѣсколько десятилѣтій тому назадъ среди оріенталистовъ стало извѣстнымъ подъ именемъ «Книги странъ» (Китâбу-л-булдâнъ) и которое, въ новѣйшее время, Рьё приписалъ какому-то Шарзи[1]). Проф. Лотъ, приготовившій изданіе этого сокращенія на основаніи сохранившихся рукописей, держится того мнѣнія, что этотъ текстъ, принадлежащій Ибн-ал-Факиху, написанъ или, по крайней мѣрѣ, начатъ вскорѣ послѣ 289 (902) года и, во всякомъ случаѣ, законченъ до 317 (929) или 319 (931) года. Ибн-ал-Факихъ пользовался сочиненіями Белâзури, Ибн-Хордадбеха, Якуби и, можетъ быть, также написаннымъ по широкой программѣ географическимъ сочиненіемъ саманидскаго визиря ал-Джейхâни, поработавшаго надъ своимъ тру-

1) Catalogus manuscriptorum orientalium Musei britannici Pars secunda. 1873. № 380 и p. 772. Срв. Mélanges asiatiques. Tome VI, p. 627 и Хвольсонъ, Ибн-Даста, стр. 42 [Ибн-ал-Факихъ также изданъ де Гуе и составляетъ томъ V его Bibliotheca Geographorum arabicorum. В. Р.].

домъ довольно продолжительное время, приблизительно около 900 года. Мукаддаси и Якутъ сообщили извлеченія изъ полнаго текста Ибн-ал-Факйха, и эти извлеченія болѣе или менѣе точно сохранились также и въ сокращеніи.

Извѣстіе Ибн-Хордадбеха о торговыхъ маршрутахъ Раданитовъ и Рӯсовъ встрѣчается также и у эпитоматора Ибн-ал-Факйха. По одной рукописи его это извѣстіе было переведено сначала Шпренгеромъ (1844), затѣмъ Казембекомъ (1854) и, наконецъ, Гаркави (1870). Послѣ того, какъ я пришелъ къ убѣжденію, что данныя о русскихъ купцахъ въ книгѣ почтовыхъ дорогъ Ибн-Хордадбеха носятъ характеръ интерполяціи, въ высшей степени желательнымъ являлось обнародованіе подлиннаго текста и дословнаго перевода сходнаго мѣста у Ибн-ал-Факйха. Проф. Лоту мы обязаны исправленнымъ арабскимъ текстомъ, а барону В. Р. Розену его переводомъ и объясненіемъ.

Cod. Mus. Brit. Add. 7496, fol. 74 v. Var.: S = Cod. Sprenger. 2. I = Cod. India Office 617.

وروى بعضهم انه مكتوب فى التورية الرىّ من ابواب الارض واليها متجر الخلق وقال محمد بن اسحق الرى طيّبة الهواء عجيبة البناء باب التجار ومأوى الفجار فهى عروس الارض وسكة الدنيا وواسطة خراسان وجرجان والعراق وطبرستان وهى احسن الارض مخلوقةً ولها الشُن والسريان[a]) واليها[б]) يقع تجارات ارمينية واذربيجان وخراسان والخزر وبلاد برجان لان تجار البحر يسافرون من المشرق الى المغرب ومن المغرب الى المشرق فيحملون الديباج والخزّ الفائق من فرنجة الى الفرما[в]) ويركبون البحر الى القلزم فيحملون ذلك الى الصين ويحملون الدارصينى والاميران ومتاع

а) «Чит. съ Мукаддаси, стр. 259,3 и Якутъ III, 67 строка 8 слѣд. الشُتّر و السَرْبان». Де Гуе.

б) Шпренгеръ, Journ. of. the As. Soc. of. Beng. XIII, 526.

в) S. I. القرما

الصين كلّه حتى يصيرون بالقلزم ثم يتحولون الى الفرما [г]) وهم التجار اليهود الذين يقال لهم الرهدانيّة[д]) يتكلمون بالفارسية والرومية والعربية والافرنجية *ويخرجون من الفرما فيبيعون المسك والعود و جميع ما معهم من ملك فرنجة[е]) فيجيئون الى انطاكية ثم يصيرون الى الأبلة ثم الى بغداذ فاما تجار الصقالبة فيحملون جلود الثعالب وجلود الخز من اقصى صقلبة فيجيئون الى البحر الرومى فيعشرهم صاحب الروم ثم يجيئون فى البحر الى سَمكوش[ж]) اليهود ثم يتحولون الى الصقالبة ثم ياخذون من بحر الصقالبة حتى يجيئون الى خليج الخزر فيعشرهم صاحب الخزر ثم يصيرون الى البحر الخراسانى فى هذا النهر الذى يقال له نهر الصقالبة فربما خرجوا بجرجان فباعوا جميع ما معهم فيقع جميع ذلك الى الرىّ واعجب من هذا انها فُرضة الدنيا ولذلك قال عمر بن سعد بن ابى وقاص الخ

«...И одинъ изъ нихъ (*ученыхъ*) передаетъ, что въ Торѣ написано: ал-Рей ворота[з]) изъ воротъ земли и туда (*отъ Рей направляется*) торговля людского рода[и]). Мухаммедъ ибн-Исхакъ говоритъ: ал-Рей обладаетъ хорошимъ климатомъ, прекрасными зданіями, служитъ воротами для купцовъ и убѣжищемъ для безнравственныхъ[к]), и это невѣста[л]) земли и (*главная*) станція міра и

г) S. القرما

д) S. I. الراهدانية

е) У Шпренгера пропущены слова, начиная отъ *ويخرجون.

ж) S. سمكوس со знакомъ ˇ надъ послѣдней буквой; приходится оставить подъ сомнѣніемъ, обозначаетъ ли онъ 3 точки надъ ش = ш, или-же діакритическій знакъ буквы س = с.

з) *Ворота* въ значеніи *торговый центръ*, т. е. пунктъ чрезъ который проходитъ торговля.

и) Вся эта тирада встрѣчается дословно у Якута II, 896, строка 9—10, и притомъ, какъ цитата изъ Ибн-ал-Факиха.

к) Настоящаго проходимца - мошенника называли тогда Рейскимъ. См. Lataîf-al-Maârif, ed. de Jong, p. 112, l. 8.

л) Часто встрѣчающееся арабское уподобленіе = краса, украшеніе земли, одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ земли.

центръ Хорасана, Джурджана, Ирака и Табаристана. И это прелестнѣйшее (*мѣсто)* на землѣ въ отношеніи всего сотвореннаго[м]), и къ нему принадлежатъ ал-Сурръ и ал-Сарбâнъ[н]). И туда *(въ Рей)* приходятъ товары Арменіи и Азербейджана и Хорасана и Хазаръ и странъ Бурджâновъ[о]), такъ-какъ торговые мореплаватели путешествуютъ съ востока на западъ и съ запада на востокъ и привозятъ парчевыя ткани и отличный касторъ[п]) изъ страны Франковъ въ ал-Фарамâ и плывутъ по морю[р]) въ

м) Т. е. богато всѣмъ, что даетъ природа.

н) Какъ мнѣ любезно сообщаетъ проф. Лотъ, это имена двухъ мѣстностей, принадлежащихъ къ Рею. Тотъ-же ученый обратилъ мое вниманіе на то, что эти имена вмѣстѣ со всѣмъ предложеніемъ встрѣчаются у Ибн-Хордадбеха стр. 123, строка 16 слѣд. (перев. стр. 523, строка 15 слѣд. [срв. теперь также переводъ де Гуе, Bibliotheca Geographorum Arabicorum. T. VI, p. 133]), а проф. де Гуе обратилъ мое вниманіе на то, что они встрѣчаются у Мукаддаси 259,3 и Якута III, 67, строка 8; оба послѣдніе правильно читаютъ «ал-Сурръ» и «ал-Сарбâнъ». Срв. прим. къ тексту. Замѣчу мимоходомъ, что у Ибн-Хордадбеха въ приведенномъ мѣстѣ, строка 17, послѣ словъ واحسنها مصنوعةً, очевидно пропущенно имя города и, притомъ, вѣроятно, имя جرجان (Джурджанъ), которое у ал-Рâгиба ал-Исфахâни (Мухâдарâт-ал-Удабâ, изд. Булакское II, стр. 349 строка 4) снабжено тѣмъ-же эпитетомъ. «У Мукаддаси послѣ словъ واحسنها مصنوعةً также слѣдуетъ имя جرجان». Де Гуе.

о) Я думаю, что здѣсь кончается цитата изъ Мухаммеда ибн-Исхака. Этотъ писатель, можетъ быть, тождественъ съ тѣмъ Мухаммедомъ ибн-Исхакомъ, котораго цитуетъ Ибн-Дустэ (по Рьё, Catal. Mus. Br. p. 607. [См. теперь Ibn-Rosteh въ Bibliotheca Geographorum Arabicorum. T. VII, p. 132]). Сама цитата написана риѳмованною прозою и полна риторическихъ украшеній. Послѣдующее, напротивъ того, написано сухою прозою и очень неудачно связано съ предшествующимъ посредствомъ союза *«такъ-какъ»*. Послѣ этого «такъ-какъ» естественно ждать, что цвѣтущее состояніе города Рея будетъ мотивировано нахожденіемъ его на пути торговыхъ карагановъ. Вмѣсто этого мы встрѣчаемъ тутъ описаніе торговаго пути, лежащаго совершенно въ сторонѣ отъ Рея, а именно морского пути въ Индію чрезъ Суэзскій перешеекъ. Это *первый* примѣръ безтолковости компилятора.

п) «Я-бы предложилъ здѣсь перевести: *отличныя парчевыя ткани и ал-хаззъ* и понимать подъ послѣднимъ словомъ не касторъ, а ту шелковую ткань, которую Византійцы называютъ χασδιον. Уже тогда изъ Магриба вывозили шелкъ. См. Истахри стр. 45, послѣдняя строка, и мой переводъ этого мѣста у *Pariset*, Histoire de la soie II p. 225. Срв. также *Dozy*, Glossaire des mots espagn. p. 90 подъ словомъ alchaz». Де Гуе.

р) Это безтолково списано. Значитъ, примѣръ № 2. По этому поводу де Г.

ал-Кульзумъ и привозятъ это *(эти товары)* затѣмъ въ ал-Сӣнъ. И *(оттуда)* они вывозятъ корицу и хелидоній и всѣ сӣнскіе товары, пока они не прибудутъ въ ал-Кульзумъ. Затѣмъ они отправляются въ ал-Фарамâ. И они тѣ купцы-Евреи, которыхъ зовутъ ал-Рахданія (= *знакомые съ путями* [c]). Они говорятъ по-персидски, рӯмски (*гречески*), арабски и франкски [т]). И они отправляются изъ ал-Фарамâ и продаютъ мускусъ и алой и все, что у нихъ съ собою, царю страны Франковъ [у]). И они приходятъ въ Антâкію. Затѣмъ они отправляются въ Оболлу, затѣмъ въ Багдадъ [ф]). И что касается до купцовъ Славянъ, то они вы-

---

замѣчаетъ: «Эпитоматоръ, безъ сомнѣнія работалъ очень небрежно. Однако, здѣсь الى القلزم, вѣроятно, простой lapsus calami вмѣсто من القلزم; эта ошибка часто встрѣчается. Такимъ образомъ слѣдуетъ переводить: „„и садятся на суда въ ал-Кульзумѣ““ — и примѣръ № 2 слѣдуетъ вычеркнуть». — Я не рѣшаюсь обвинять переписчика въ этомъ lapsus calami, но не утверждаю, что эпитоматоръ дѣйствительно вѣрилъ въ существованіе морского пути изъ Фарамâ въ ал-Кульзумъ: я утверждаю лишь то, что онъ могъ упустить изъ вида даже такія послѣдствія безтолковаго эксцерпированія. Именно поэтому я долженъ высказаться также и противъ другой поправки, предложенной проф. де Гуе, правда, въ гораздо менѣе рѣшительной формѣ; проф. де Гуе полагаетъ, что ниже, въ предложеніи: «Затѣмъ они отправляются изъ моря Славянъ», вмѣсто ثُمّ = *затѣмъ*, можетъ быть, слѣдуетъ читать او = *или*, значитъ «Или они отправляются изъ моря Славянъ и т. д.» какъ вступленіе къ другому маршруту.

c) «*Знакомые съ путями*, правда, дословный переводъ этого слова, но уже во время Мукаддаси (стр. 30, посл. строка) это слово обозначаетъ *торговцевъ сукномъ*. Здѣсь и у Ибн-Хордадбеха это слово имѣетъ, навѣрное, общее значеніе: странствующій купецъ, коробейникъ». Де Гуе.

т) Эти два предложенія, т. е. отождествленіе вышеупомянутыхъ торговыхъ мореплавателей съ еврейскими и т. д., прерываютъ общую связь и должны стоять послѣ словъ «такъ-какъ торговые мореплаватели». Примѣръ безтолковости № 3.

у) Царь страны Франковъ здѣсь нѣсколько не у мѣста. Изъ Фарамâ до страны Франковъ слишкомъ быстрый скачекъ. Нашъ эпитоматоръ обошелся здѣсь, вѣроятно, опять очень своевольно со своимъ источникомъ. Срв. разумное описаніе у Ибн-Хордадбеха, стр. 116, 1 — 4 (перев. выше стр. 128). Этого, однако, нельзя съ увѣренностью причислить къ категоріи «безтолковостей».

ф) Это второй маршрутъ еврейскихъ купцовъ! Это описаніе здѣсь втиснуто въ два короткія, съ предыдущимъ совсѣмъ слабо связанныя предложенія, и какъ еще втиснуто! Почти что кажется, что купцы приходятъ въ Антіохію

возятъ лисій и бобровый мѣхъ изъ самыхъ отдаленныхъ (*краевъ*) страны Славянъ и приходятъ къ рŷмскому морю, и десятину съ нихъ взимаетъ царь Рŷма (*Византіи*). Затѣмъ по морю они прибываютъ въ Самкŷшъ [х]) Евреевъ. Затѣмъ они отправляются изъ моря Славянъ, пока они не приходятъ къ проливу [ц]) Хазаръ, и взимаетъ съ нихъ десятину владѣтель Хазаръ. Затѣмъ они отправляются къ хорасанскому морю по этой рѣкѣ, которая называется рѣкою Славянъ. И иногда [ч]) они высаживаются въ Джурджанѣ и продаютъ все, что у нихъ съ собою. И все это доходитъ до Рея [ш]). И удивительнѣе этого то, что онъ (*Рей*) торговый центръ міра, и поэтому говоритъ Омаръ б. Са̂дъ б. Абй Ваккâсъ и т. д.

чрезъ страну Франковъ. Уже и это не дурно, но особенно хорошъ конецъ: купцы изъ Антіохіи отправляются не въ Багдâдъ, но сначала въ *Обоялу*, а *затѣмъ въ Багдадъ*! Это ужъ несомнѣнно безтолково. Примѣръ № 4. Этимъ у эпитоматора блестяще заканчивается описаніе торговыхъ поѣздокъ Евреевъ.

х) «Или по S., можетъ быть, слѣдуетъ читать также Самкусъ, Самкдсъ, Самкрсъ». О Лотъ.

ц) Лучше: «Рукавъ рѣки, каналъ, какъ это слово переведено и у Ибн-Х.» Де Гуе.—Для неарабистовъ я прибавлю, что соотвѣтствующее арабское слово имѣетъ оба значенія. В. Р.

ч) Если они *иногда* высаживались въ Джурджанѣ, то гдѣ-же они сбывали свои товары *въ большинствѣ случаевъ*?? У нашего писателя этотъ вопросъ остается совсѣмъ безъ отвѣта. Однако, загадка легко разрѣшается, если прибѣгнуть къ помощи Ибн-Хордадбеха. Здѣсь нашъ эпитоматоръ опять доказываетъ свою безграничную безтолковость, благодаря которой онъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отрывкѣ, читаетъ всегда только однимъ глазомъ. Дѣло въ томъ, что въ своемъ источникѣ онъ нашелъ отмѣченными два случая: обыкновенный — остановка въ Джурджанѣ, и болѣе рѣдкій — дальнѣйшее путешествіе въ Багдадъ. Онъ ограничился однимъ, обыкновеннымъ, случаемъ, но прибавилъ слово «иногда», характерное для другого, болѣе рѣдкаго случая! Если-бы съ нимъ не случилось, по крайней мѣрѣ, этого казуса, то было-бы не такъ легко уличить его.

ш) Кромѣ разобраннаго выше мѣста, извѣстіе нашего эпитоматора о торговыхъ поѣздкахъ *Славянъ* заключаетъ въ себѣ еще и другія, хотя и менѣе сильныя искаженія. Прежде всего, опять-таки, безтолковое злоупотребленіе словами «и» и «затѣмъ» выдаетъ небрежную работу. Благодаря этому, опять совершенно сливаются въ *одинъ* спутанный и невозможный маршрутъ тѣ *два*

И такъ, рушилась надежда на то, что исправленный текстъ сокращенія поможетъ заполнить пробѣлъ въ текстѣ Ибн-Хордадбеха и, кромѣ того, выяснилось, что у эпитоматора — такъ-какъ самого Хамаданца Ибн-ал-Факӣха мы знаемъ пока еще слишкомъ мало — были совершенно сумбурныя представленія о географіи. Между тѣмъ, его текстъ все-же имѣетъ для насъ нѣкоторое значеніе.

Пока-что, мы склонны предполагать, что каждый изъ эпитоматоровъ обоихъ арабскихъ географовъ имѣлъ предъ собою полный текстъ извѣстія о торговыхъ маршрутахъ Раданитовъ и Рӯсовъ. Если Ибн-ал-Факӣхъ или Шарзи не скомбинировалъ этихъ маршрутовъ произвольно, то онъ подтверждаетъ высказанное выше (стр. 136) предположеніе, что Рӯсы Ибн-Хордадбеха, подобно занимавшимся торговлей Рӧсамъ императора Константина, изъ Кіева — а не изъ Азовскаго моря — отправлялись въ Византію, оттуда направлялись въ Азовское море, затѣмъ плыли вверхъ по Дону, перетаскивали свои ладьи и товары по извѣстному вӧлоку (срв. церк.-слав. влѣкѫ, литовск. velku, греч. ἕλκω и ὁλκοί νεῶν) въ Волгу и, наконецъ, выходили въ Каспійское море.

Что-же слѣдуетъ понимать подъ «Самкӯш'емъ Евреевъ»? Какъ увѣряетъ проф. Лотъ, въ рукописяхъ нѣтъ разночтеній; однако, согласно рукописи «Cod. Sprenger», это слово можно было-бы прочесть также и *Самкусъ*, *Самкдсъ*, *Самкрсъ*. Врядъ-ли это имя нарицательное; всего вѣроятнѣе, что оно имя какого-нибудь торговаго

маршрута (страна Славянъ — Румъ и страна Славянъ—Хазаръ—Джурджанъ), которые такъ ясны у Ибн-Хордадбеха. Я ограничусь здѣсь еще только указаніемъ на то, что по нашему эпитоматору купцы *сначала* платятъ пошлину царю Хазаръ *и затѣмъ* по «этой» рѣкѣ Славянъ отправляются въ «Хорасанское» море (т. е. Каспійское море, которое, какъ сообщаетъ проф. Лотъ, нашъ авторъ, обыкновенно, называетъ хорасанскимъ или Хазарскимъ моремъ, рѣже Джурджанскимъ), но не наоборотъ. — Sapienti sat. — Только одно можно привести въ пользу нашего автора, а именно, что онъ сохранилъ намъ (правда, пока еще загадочное) «Самкушъ Евреевъ», которое, въ видѣ исключенія, ускользнуло отъ вниманія Ибн-Хордадбеха.

центра, населеннаго, преимущественно, Евреями. Текстъ эпитоматора наводитъ на мысль, что подъ моремъ Славянъ онъ понималъ Азовское море и что, поэтому, Самкȳшъ лежалъ къ югу отъ послѣдняго на одномъ изъ береговъ Киммерійскаго Босфора. Однако, мы должны предложить себѣ вопросъ, говорилось-ли дѣйствительно о *морѣ* Славянъ въ томъ подлинникѣ, которымъ воспользовался эпитоматоръ? Какъ извѣстно, Мэотида въ древности называлась «обыкновенно озеромъ, часто-же болотомъ», въ болѣе позднее время она считалась почти-что частью самаго Танаиса, а многіе называли даже Киммерійскій Босфоръ прямо Танаисомъ (Ukert, Skythien, Weimar 1846, p. 167, 168). Въ одномъ мѣстѣ изъ Θеофана Исповѣдвика, которое ниже будетъ приведено, Керченскій проливъ также сравнивается съ рѣкой (ἴσα ποταμῷ θάλασσα).

Ни въ византійскихъ, ни въ русскихъ источникахъ, ни у позднѣйшихъ арабскихъ географовъ Идриси, Ибн-Саида (не изданъ, но сильно использованъ Абуль Федой) и т. д., ни на итальянскихъ картахъ 14-го столѣтія пока не удалось найти похожаго имени. Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что Самкȳшъ представляетъ собою имя, совершенно искаженное переписчиками. Топографическія имена съ первымъ слогомъ *сам* встрѣчаются у различныхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Тотчасъ вспоминается приводимое у императора Константина извѣстіе, что кіевскій кремль (τὸ κάστρον) назывался также Σαμβατάς. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какой звукъ императоръ хотѣлъ выразить здѣсь черезъ византійское β (см. выше, стр. 56) и слѣдуетъ-ли транскрибировать это имя Самвата́ или Санбата́ или даже Самфата́, если только самъ императоръ или одинъ изъ переписчиковъ его труда не исказили этого имени. Всѣ попытки объяснить его при помощи славянскаго или скандинавскаго языка окончились полнѣйшею неудачею. Приведенное Кругомъ и другими (Варяги и Русь, С. Гедеонова, 1876, стр. 232) для сравненія имя венгерскаго города Сомбатъ (Szombat) слѣдуетъ оставить совершенно въ сторонѣ, такъ какъ это былъ такъ наз. субботній городъ т. е.

крѣпость или городъ, въ которомъ суббота базарный день. Лишь въ виду того, что Кіевъ и, по крайней мѣрѣ, часть Тамани находились въ зависимости отъ Хазаръ, мы позволимъ себѣ указать здѣсь еще на нѣкоторыя созвучія. *Самбатава* (или Самбегова?) *башня*—встрѣчается уже въ грамотахъ, касающихся казанскихъ Татаръ. Встрѣчающееся въ одной босфорской надписи отъ 237 года п. Р. Х. Σαμβατιων, можетъ быть, есть род. падежъ мн. ч. и обозначаетъ двухъ братьевъ (Bullet. hist-phil. T. 8, № 11 = Mél. gréco-romains I, 101). Имя мѣстности «Сомкутъ» (Somkuth) въ одной венгерской грамотѣ, вѣроятно, приведетъ насъ не дальше. Если-бы чтеніе Самкўшъ или Самкошъ — арабское *вавъ* выражаетъ оба звука — было внѣ всякаго сомнѣнія, то второй слогъ напоминалъ-бы извѣстное турецкое слово *кошъ* (мѣсто сборища, станъ), которое, согласно русскимъ лѣтописямъ, уже въ 12 стол. было употребительно у Половцевъ и затѣмъ перешло также и къ казакамъ (срв. Кошевой атаманъ). Однако, всѣ эти созвучія не приводятъ ни къ чему, если имя Самкўшъ принадлежало не хазарско-тюркскому, а одному изъ стоящихъ особнякомъ языковъ Кавказа.

Нѣкоторые, можетъ быть, надѣются, что это загадочное имя могло сохраниться въ одномъ изъ памятниковъ средневѣковой еврейской литературы. Надежда эта, повидимому, не тщетна. Въ 1869 году извѣстный Караимъ Авраамъ Фирковичъ привезъ изъ Египта въ Петербургъ новую редакцію такъ наз. хазарскаго письма, т. е. написаннаго незадолго до 965 года отвѣта Хазарскаго хагана Іосифа на посланіе испанскаго еврея Хасдая. Д. А. Хвольсонъ первый призналъ подлинными нѣсколько мѣстъ въ этой новой редакціи посланія, недостающихъ въ прежнихъ изданіяхъ его, и А. Я. Гаркави тоже защищалъ подлинность ихъ противъ сомнѣній, высказанныхъ мною въ брошюрѣ «О готскомъ топархѣ» (стр. 91). Эти сомнѣнія двоякаго рода. Во-первыхъ, многія изъ встрѣчающихся въ этой новой редакціи посланія именъ округовъ и мѣстностей Крыма имѣютъ довольно современную форму, а во-вторыхъ, хазарскій хаганъ въ своемъ по-

славіи приписываетъ своему государству бо̀льшее протяженіе, чѣмъ оно могло имѣть въ дѣйствительности въ 963 году, хотя, впрочемъ, это можетъ быть и проявленіемъ свойственной восточнымъ народамъ хвастливости. Только предполагая, что эти фонетическія и географически-историческія затрудненія будутъ окончательно устранены, мы пока рѣшаемся привести имя *Самкрцъ* (סמכרץ), которымъ хаганъ Іосифъ называетъ подвластный ему городъ или страну, такъ или иначе признавшую его верховенство. Послѣднія двѣ согласныя, правда, тоже могли быть искажены переписчикомъ-евреемъ, но слѣдуетъ замѣтить, что проф. Лотъ написалъ приведенное выше (стр. 143, прим. x) примѣчаніе прежде, чѣмъ онъ узналъ о существованіи этого еврейскаго Самкрцъ, и что А. Я. Гаркави вскорѣ послѣ обнародованія его перваго толкованія еврейскаго Самкрцъ (см. Russische Revue Bd. 6, Pet. 1874, p. 87) пришла мысль, что это Самкрцъ можно какъ-нибудь отождествить съ арабскимъ Самку̂шъ (по транскрипціи Шпренгера). Мы спокойно можемъ выжидать рѣшенія спора относительно подлинности еврейской формы, — на первыхъ порахъ для насъ важнѣе выяснить положеніе торговаго центра Самку̂шъ, насколько это пока возможно. Можетъ быть, онъ былъ извѣстенъ еще и подъ другимъ именемъ.

Правда, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ источниковъ начала 10-го столѣтія, въ которыхъ можно было-бы найти болѣе точныя указанія относительно существовавшихъ въ то время на Босфорѣ и на Азовскомъ морѣ портовыхъ городовъ. Императоръ Константинъ, который писалъ лишь около 950 года, но данныя котораго, отчасти, восходятъ къ болѣе раннему времени, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Евреяхъ на Азовскомъ морѣ или на Киммерійскомъ Босфорѣ; однако, онъ умалчиваетъ также и о поселеніяхъ Ро̂совъ на Азовскомъ морѣ или на Босфорѣ, а между тѣмъ о нихъ еще до него свидѣтельствуетъ Масъуди и намеки на ихъ существованіе есть также въ договорѣ 944 года. Почти кажется, будто византійскій императоръ волей-неволей былъ

готовъ терпѣть эти поселенія, но не хотѣлъ прямо признать законность ихъ существованія. Между тѣмъ, его «острова Зиховъ» (τῶν Ζιχῶν; см. выше, стр. 54), повидимому, отчасти, тождественны съ островами (или, вѣрнѣе, полуостровами) Рўсовъ у Масъуди или 7 островами у Димешки. На одномъ изъ этихъ острововъ, вѣроятно, слѣдуетъ искать Самкўшъ, если не понимать подъ нимъ ни Судакъ (Σουγδαία, Sugdai въ египетской рецензіи хазарскаго письма, Сурожъ въ русскихъ источникахъ), ни Керчь. Послѣдняя въ хазарскомъ письмѣ называется также *Krz* (что довольно сильно напоминаетъ современное Керчь, встрѣчающееся, по крайней мѣрѣ, уже въ 16 столѣтіи); въ русской надписи 1068 г. она называется Кърчевъ, въ житіи Св. Стефана Керчевъ, а въ болѣе позднихъ рукописяхъ Корчевъ. Если я не ошибаюсь, В. Томашекъ первый сталъ производить нынѣшнее имя древней Пантикапеи отъ имени μετόχιον τοῦ Κορίζου. Императоръ Константинъ и другіе Византійцы, обыкновенно, называютъ этотъ городъ просто Βόσπορος.

Еще и другое обстоятельство говоритъ въ пользу того, что Самкўшъ Евреевъ слѣдуетъ искать на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ, который прежде, можетъ быть, былъ островомъ, прорѣзаннымъ рѣками.

Какъ о томъ свидѣтельствуютъ греческія надписи, Евреи уже рано встрѣчаются въ Пантикапеѣ, Анапѣ и на устьяхъ Буга въ Ольвіи. Въ посланіи, съ которымъ патріархъ Фотій (до 867 г.) обратился къ архіепископу Антонію въ Босфорѣ (Керчи), говорится объ обращеніи тамошнихъ Евреевъ (οἱ αὐτόθι Ἰουδαῖοι). Еще на полстолѣтія раньше одинъ византійскій историкъ болѣе точно указалъ на одну изъ еврейскихъ колоній на Киммерійскомъ Босфорѣ. Θеофанъ Исповѣдникъ пишетъ въ своей хронографіи (стр. 297 = 545), что по берегу восточной части Мэотиды до Фанагоріи и (до) живущихъ тамъ Евреевъ живутъ нѣсколько народностей (καὶ εἰς μὲν τὰ πρὸς ἀνατολὴν μέρη τῆς προκειμένης λίμνης ἐπὶ Φαναγουρίαν καὶ τοὺς ἐκεῖσε οἰκοῦντας Ἑβραίους παράκεινται ἔθνη πλεῖστα). Это извѣстіе, правда, приводится подъ

6171 годомъ=680 (а не 671, по невѣрному вычисленію латинскаго переводчика), но оно относится только къ тому времени, когда Ѳеофанъ писалъ свое сочиненіе, значитъ, приблизительно къ 815 году. Въ новѣйшее время И. Археологическая Комиссія (при Министерствѣ Двора) предприняла систематическія раскопки на мѣстѣ древней Фанагоріи и по близости отъ нея, но до сихъ поръ, кромѣ одного фрагмента съ отдѣльными еврейскими словами, не найдено ни одной полной еврейской надписи. Какъ въ понтійской степи и въ Сибири, такъ и на Таманскомъ полуостровѣ, русскіе и азіатскіе кладоискатели разграбили и разрушили курганы. Въ послѣдніе годы на Таманскомъ полуостровѣ открыты еврейскіе могильные камни, на которыхъ изображены извѣстные семисвѣчники и встрѣчаются, кромѣ того, еще различные знаки, которые пока еще въ точности не опредѣлены.

Слѣдовалъ-ли эпитоматоръ Ибн-ал-Факйха въ употребленіи имени *море Славянъ* принятому въ его время способу наименованія этого моря, или-же онъ самъ изобрѣлъ это имя? Мы уже знаемъ, что онъ произвольно перемѣщалъ не только города и страны, но также рѣки и моря. Врядъ-ли онъ собственными глазами видѣлъ Понтъ Эвксинскій, а о конфигураціи Азовскаго моря онъ имѣлъ, конечно, еще менѣе ясное представленіе. Для него персидскій городъ Рей — можетъ быть, родина его — являясь центромъ всемірной торговли и, принявъ его за исходную точку, онъ составилъ себѣ свое особенное географическое міровоззрѣніе. Географъ такого рода могъ, конечно, изобрѣсти море Славянъ; но, можетъ быть, пылкость его воображенія не заходила такъ далеко. Выше (стр. 80—83) мы показали, какъ въ 10 столѣтіи для обозначенія Понта возникло имя «моря Рўсовъ» и какъ оно у нѣкоторыхъ писателей, знавшихъ конечно только славянскихъ Рўсовъ, сохранилось еще въ болѣе позднее время, когда Варяго-Русь уже давно отказалась отъ своего языка и отъ своей національности. Мы не знаемъ, назывался-ли Понтъ когда-нибудь, напр., у Арабовъ, моремъ Славянъ, и жилъ-ли авторъ вставки въ такое время, когда Русь и Словены (см. выше, стр. 116)

считались совершенно однимъ и тѣмъ-же. Одно мы, во всякомъ случаѣ, смѣло можемъ предположить, а именно, что такой плохой географъ, какъ нашъ эпитоматоръ, былъ, вѣроятно, не лучшимъ этнографомъ. Можетъ быть, прежде всего его ввело въ заблужденіе сочиненіе Ибн-Хордадбеха? Этотъ послѣдній преднамѣренно (см. выше, стр. 129) называлъ русскихъ купцовъ не просто Славянами, а только *видомъ Славянъ*. Лѣнивому эпитоматору было, конечно, удобнѣе просто написать болѣе извѣстное имя Славянъ. Самъ Ибн-Хордабехъ могъ подкрѣпить его въ такомъ выборѣ, даже еще побудить его сдѣлать такой именно выборъ, такъ какъ онъ сообщаетъ, что Рӯсы вывозятъ товары изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей «страны Славянъ», и плывутъ, очевидно, по «рѣкѣ Славянъ», чтобы притти къ Хазарамъ. Можетъ быть, мы въ правѣ предположить, что эпитоматоръ Ибн-Хордадбеха сократилъ именно его извѣстіе о томъ, что Рӯсы приходили въ Азовское море и въ Донъ, какъ рѣку Славянъ; что Ибн-ал-Факӣхъ съ своей стороны, принялъ его въ свой текстъ тоже не дословно и что, наконецъ, эпитоматоръ Ибн-ал-Факӣха по своему передѣлалъ это, полученное изъ третьихъ рукъ, извѣстіе (или, можетъ быть, первоначальное извѣстіе самого Ибн-Хордâдбеха). Когда онъ произвелъ эту передѣлку, послѣ 900 года, или послѣ 950 года, или-же еще позже, для насъ не особенно важно, въ виду принятаго имъ въ области географіи и этнографіи метода толкованія. Одно мы въ правѣ считать довольно достовѣрнымъ, а именно, что ни одинъ мало-мальски осторожный и начитанный арабскій географъ въ первомъ десятилѣтіи 10-го столѣтія прямо не отождествлялъ Рӯсовъ со Славянами и, въ виду этого, также моря Рӯсовъ съ моремъ Славянъ,—если допустить, что послѣднее имя дѣйствительно существовало. Этого не сдѣлали даже Масъуди и Ибрагимъ-ибн-Якубъ, писавшіе почти на 50 л. позже. То-же относится и къ основному сочиненію, которое имѣли передъ собою Ибн-Даста (Ибн-Ростэ) и Кардизи и которое, по всей вѣроятности, было написано только немного позже 900 года.

О происхожденіи имени «Рѣка Славянъ» пока нельзя сказать

ничего положительнаго. Какъ извѣстно, рѣки часто назывались по имени той страны, въ которой находятся ихъ истоки. Изъ приведенныхъ эпитоматоромъ Ибн-ал-Факиха спутанныхъ данныхъ еще не слѣдуетъ, что Славяне тогда жили въ низовьяхъ Дона, гдѣ, напротивъ того, одна кочевая орда смѣняла другую. Давно уже я обратился къ одному оріенталисту съ просьбой отыскать въ арабскомъ Табари то мѣсто, въ которомъ его персидскій эпитоматоръ говоритъ о рѣкѣ Славянъ въ 8 столѣтіи (срв. Гаркави, Сказанія, стр. 41); однако, въ арабскомъ оригиналѣ не нашлось подобнаго мѣста. Около 970 года Ибн-Хаукаль называлъ Волгу рѣкою Рȣсовъ. Еще болѣе поздній компиляторъ Димешки († 1327) подъ упоминаемою у него большою рѣкою Славянъ и Рȣсовъ понимаетъ только Донъ:

«Le grand fleuve des Slaves et des Russes sort des montagnes de Sagsîn et de Kélâbiah; il reçoit une grande quantité de rivières venant du pays des Bachkirs, des Magyars (*Magna Hungarïa*) et de Soudâg, et il gêle pendant l'hiver plus fort que le Volga». (Trad. par Mehren, Copenh. 1874. p. 131).

г) Отождествленіе Нормановъ 844 года съ Рȣсами 890 года у Якȣби.

α. Якȣби и сообщаемое имъ извѣстіе о Маджȣсахъ-Рȣсахъ 844 года.

Ахмедъ-ал-Кâтибъ (секретарь), теперь, обыкновенно, называемый *Якȣби*, второй изъ до сихъ поръ извѣстныхъ Арабовъ, упоминающихъ въ 9 столѣтіи о мореходахъ «Рȣсахъ» — авторъ дошедшей до насъ въ неполномъ видѣ книжки, озаглавленной Китâбу-л-Булдâнъ (Книга Странъ). Онъ не особенно хорошо былъ знакомъ съ научной географіей своего времени, но все-же его географически-статистическая работа отличается трезвостію описаній.

Хотя мною, правда, въ короткихъ чертахъ, уже въ 1862 г. было представлено для принятія или опроверженія единственно возможное толкованіе того свидѣтельства, которое насъ преиму-

щественно интересуетъ, все-же еще необходимо его обосновать, въ особенности послѣ того, какъ (въ 1870 году) также и одинъ оріенталистъ призналъ предложеніе: *«которые называются Рўсами»* за вставку болѣе поздняго переписчика арабскаго подлинника. Ниже въ дословномъ переводѣ, сдѣланномъ, по моей просьбѣ, барономъ В. Р. Розеномъ, слѣдуютъ тѣ мѣста изъ описанія Испаніи, которыя насъ особенно интересуютъ:

Къ западу отъ Шадўны (*Sidonia* т. е. *Calsana*) лежитъ городъ, который называется ал-Джезîра; въ немъ поселились Берберы и незначительное число Арабовъ смѣшаннаго происхожденія. И къ западу отъ города, который называется ал-Джезîра, лежитъ городъ, который называется Ишбîлія (*Sevilla*), на большой рѣкѣ. И это рѣка Кордовы. Въ этотъ городъ проникли Маджўсы, которыхъ называютъ Рўсами, (ал-Маджўсъ аллазîна юкâлу лаһумъ ал-Рўсъ) въ 229 году. И они брали въ плѣнъ, и грабили, и жгли, и убивали. И къ западу отъ Ишбîліи лежитъ городъ, который называется Лебла (*Niebla*). Въ немъ поселились Арабы въ первое время послѣ ихъ вторженія въ эту страну при Тâрикѣ, кліентѣ Мусы ибн-Нусейра Лахмита. И къ западу отъ него лежитъ городъ, который называется Бâджа (*Beja*). Въ немъ также поселились Арабы *(еще)* при Тâрикѣ. И къ западу отъ него у соленаго (*ал-мâлихъ*) окружающаго (*ал-Мухîтъ*) моря лежитъ городъ, который называется ал-Ушбўна *(Lisbona)*, и къ западу отъ него, тоже у моря, лежитъ городъ, который называется Ухсўнба (*Ocsonoba*). И это Андалусъ на западѣ, у моря, которое течетъ къ морю Хазаръ. И къ востоку отъ этого города лежитъ городъ, который называется Мâрида, на большой рѣкѣ. И между нимъ и Кордовой 4 дня; и онъ лежитъ къ западу отъ Кордовы и насупротивъ страны христіанъ *(ал-ширкъ* = многобожіе). И одно племя (*джинсъ)* изъ нихъ называютъ Джалâлика *(Галичане)* и оно на (*полу*)островѣ (*Андалусъ*).

..... Затѣмъ оттуда къ востоку (*приходятъ*) въ городъ Саракосту, и это одинъ изъ самыхъ большихъ пограничныхъ городовъ Андалуса, на рѣкѣ, которая называется Абро. И на лѣво отъ него, лежитъ городъ Тутила (*Tudela*) насупротивъ страны христіанъ, которыхъ называютъ ал-Баскопсъ. И на лѣво отъ этого города лежитъ городъ, который называется Вашка (*Huesca*), и онъ лежитъ насупротивъ Франковъ, (*а именно*) одного племени (*джинсъ*), которое называютъ ал-Джаскасъ (*или ал-Джâкія*). И отъ Саракосты къ югу лежитъ городъ, который называется Тартûша (*Tortosa*), и это есть послѣднее пограничное мѣсто Андалуса на востокѣ, и онъ лежитъ на этой рѣкѣ, которая течетъ отъ Саракосты[1]).

Френа обвиняли въ томъ, что онъ недостаточно точно перевелъ вышеприведенное мѣсто: «*Die Ungläubigen welche Russen heissen*». Римскій оріенталистъ Ланчи (Lanci) перевелъ это мѣсто «gli infideli i quali *sono chiamati* Russi», т.-е., прибавляетъ г-нъ Гедеоновъ (Отрывки, 1862, стр. 92), *которыхъ называютъ*. Френъ плылъ по теченію современной ему норманистики и, дѣйствительно, не задумался надъ тѣмъ, въ самомъ-ли дѣлѣ Маджûсы 844 года въ Севильѣ сами себя называли Рûсами. Дабы избѣжать дальнѣйшихъ недоразумѣній, выше, при именахъ народовъ, согласно моему предложенію, *юкâлу лг* переведено «*которыхъ называютъ*».

О личности Якûби Френъ въ 1838 году (Bulletin scientifique de l'Acad. Tome IV p. 131) далъ намъ лишь неясное представленіе. Его личность яснѣе очерчена въ «Specimen .... exhibens descriptionem al-Magribi .... quod edidit .... de Goeje. Lugd. Bat. 1860». Текстъ арабскаго подлинника, поскольку онъ сохранился въ рукописи Мухлинскаго, полностью изданъ А. Іойнбол-

---

1) Jakubi, Descriptio al-Magribi. ed. de Goeje. L. 1860. p. 109—111; текстъ 15. — Ed. Juynboll, p. 144—145. [См. теперь de Goeje, Bibl. Geogr. ar. VII, 354—355].

лемъ въ Лейденѣ въ 1861 году[1]). Изъ «Specimen» стр. 10 мы впервые узнали, что Якўби подъ моремъ Хазаръ понималъ Понтъ Эвксинскій и что онъ, по примѣру нѣкоторыхъ Грековъ, предполагалъ существованіе связи его съ (Сѣвернымъ) океаномъ. Наконецъ, мы обязаны Д. А. Хвольсону существеннымъ пополненіемъ нашихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ жизни нашего писателя, а это повело къ лучшему пониманію его литературной дѣятельности. Френъ доказалъ только, что нашего писателя звали «Ахмедъ ибн-аби-Якубъ ибн-Ва̂дихъ ал-Ка̂тибъ», что у него было прозвище *ал-Мисри* (Египтянинъ) и что у Димешки онъ названъ по имени отца просто *Ибн-Ва̂дихъ*. Тридцать лѣтъ спустя Д. А. Хвольсонъ въ Берлинѣ въ рукописи Cod. Sprenger 2 наткнулся на нѣкоего Ахмеда ибн-Ва̂диха ал-Исбахани, въ которомъ онъ призналъ нашего Якўби. Я это сообщилъ А. Я. Гаркави, автору «Сказаній мусульманскихъ писателей о Славянахъ», но онъ на первыхъ порахъ рѣшительно протестовалъ противъ такого отождествленія (Сказанія 1870, стр. 71; Дополненія 1871, стр. 14, 15). Тогда я попросилъ своего коллегу Дорна выяснить этотъ вопросъ на основаніи самой рукописи Cod. Sprenger, что и было исполнено имъ въ 1871 году въ его «Auszüge» (см. Bullet. de l'Acad. Tome 17, col. 476 = Mélanges asiat. 6, 642, note 54). Слѣдствіемъ этого было то, что А. Я. Гаркави призналъ «доказательство тождественности Исбахани и Якуби» «вполнѣ удачнымъ» и «безъ оговорокъ» отказался отъ своихъ прежнихъ сомнѣній (Russische Revue, IV Band. Pet. 1874, p. 471. Вотъ дословный переводъ всего этого мѣста изъ рукописи Cod. Sprenger:

«Сообщаетъ Ахмедъ ибн-Ва̂дихъ, что онъ долго былъ въ Арменіи и у многихъ изъ ея царей и намѣстниковъ занималъ должность секретаря; что онъ не видѣлъ ни одной страны, которая была-бы богаче (*всѣмъ*) хорошимъ и болѣе выдающейся по обилію всего, чѣмъ она. Онъ сообщаетъ также, что число ея (*т. е. Арменіи*) государствъ (*владѣній*) равняется 113-ти».

---

1) [Новое, значительно улучшенное изданіе далъ de Goeje въ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, t. VII].

Счастливая находка Д. А. Хвольсона привела еще и къ другимъ результатамъ. Въ рукописи, содержащей сокращеніе труда Ибн-ал-Факйха, Дорнъ нашелъ извлеченія изъ Якўби и, притомъ, именно изъ того отдѣла о Закавказьи, котораго недостаетъ въ рукописи Мухлинскаго; изъ этихъ извлеченій явствуетъ, что Якўби сообщаетъ о положеніи дѣлъ въ Закавказьи, какъ очевидецъ, и что о Закавказьи онъ обладалъ болѣе точными свѣдѣніями, чѣмъ о нѣкоторыхъ другихъ описанныхъ имъ странахъ. Дальнѣйшіе поиски за подобными-же извлеченіями изъ Якўби у болѣе позднихъ писателей, можетъ быть, еще болѣе выяснятъ намъ, имѣлъ-ли онъ о странахъ къ сѣверу отъ Каспійскаго и къ сѣверо-западу отъ Чернаго моря еще немного больше свѣдѣній, чѣмъ до сихъ поръ ему приписываютъ. Въ своемъ сочиненіи онъ подъ 140 (757 п. Р. Х.) годомъ, хотя и въ немногихъ словахъ, упоминаетъ также объ отрядѣ Славянъ, занесенномъ въ Переднюю Азію. О мѣстахъ жительства Славянъ Якўби сообщилъ краткое извѣстіе (см. ниже, стр. 158) также и въ своей исторіи Аббасидовъ, недавно найденной, благодаря трудамъ гг. де Гуе и Райта (Wright).

Еще мальчикомъ Якўби—по прозванію Египтянинъ, можетъ быть, по мѣсту рожденія, и Исфаханецъ, вѣроятно, по мѣсту жительства въ болѣе позднее время — сопровождалъ другихъ во многихъ и дальнихъ путешествіяхъ. Чтобы удовлетворить вызванной этимъ любознательности, онъ еще юношей сталъ писать историческія и географическія замѣтки. Онъ разспрашивалъ людей изъ различныхъ странъ о ихъ родинѣ, ея населеніи, правителяхъ, сосѣдяхъ и т. д. Кромѣ того онъ находился въ общеніи съ многими учеными востока и запада (т. е. Андалузіи или мусульманской части Испаніи и противолежащаго африканскаго побережья) и сумѣлъ также извлечь пользу для своихъ цѣлей изъ своего пребыванія въ большихъ торговыхъ центрахъ. Уже давно имъ были собраны разнообразные матеріалы, когда, наконецъ, онъ рѣшился составить географико-статистическое *руководство*, хотя у него хватило-бы матеріаловъ и для болѣе

объемистаго сочиненія. Надъ этимъ руководствомъ (Китâбу-л-булдâнъ = Книга странъ) онъ работалъ въ 278 году (значитъ около 890 года), но по де Гуе (Specimen, p. 18) онъ былъ еще живъ въ 292 году, значитъ въ 905 и, можетъ быть, еще позже.

Если не считать прозвища Якŷби «ал-Мисри», то мы сначала знали очень мало о томъ, гдѣ онъ въ періодъ возмужалости оставался болѣе продолжительное время. Нѣкоторыя заключенія можно было въ этомъ отношенія вывести изъ описанія отдѣльныхъ мѣстностей, какъ напр., Багдада и Самарры. Сѣверную Африку, о которой онъ написалъ историческое сочиненіе, онъ безъ сомнѣнія, отчасти зналъ, какъ очевидецъ. Еще до 890 года онъ написалъ географико-историческое сочиненіе о Рŷмѣ, т.-е. о Византійской Имперіи[1]; однако, врядъ-ли онъ жилъ болѣе продолжительное время въ приморскихъ городахъ, какъ напр., Трапезонтѣ или Синопѣ, такъ какъ иначе онъ, вѣроятно, узналъ-бы, что море Хазаръ или Понтъ не связано съ океаномъ. Напротивъ того, въ Арменіи, подъ которой онъ понималъ нѣсколько различныхъ странъ, Якŷби, повидимому, оставался болѣе продолжительное время и, притомъ, въ должности секретаря (отсюда его прозвище ал-Кâтибъ) различныхъ князей и намѣстниковъ подчиненныхъ имъ странъ. Начало этой его служебной дѣятельности, очевидно, тоже относится ко времени до 890 года. Тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію, что Якŷби описываетъ Арменію на основаніи личныхъ наблюденій, мы пока не можемъ рѣшить, описываетъ-ли онъ и Дербентъ также, какъ очевидецъ. При этомъ мы предполагаемъ, что Ибн-ал-Факîхъ, при составленіи своихъ извлеченій изъ Якŷби, или-же эпитоматоръ Ибн-ал-Факîха, не фантазировали.

P. S. Такъ какъ о личности Якŷби до сихъ поръ еще имѣлись слишкомъ скудныя свѣдѣнія, то я счелъ цѣлесообразнымъ дать это изслѣдованіе, до отпечатанія его, на просмотръ автору «Specimen'а». Проф. де Гуе былъ столь любезенъ, что сообщилъ

1) Мнѣ указываютъ, что здѣсь Рŷмъ нельзя понимать въ болѣе тѣсномъ смыслѣ (какъ Малую Азію).

мнѣ нѣкоторыя данныя и замѣчанія. Я не считаю себя въ правѣ скрыть ихъ отъ тѣхъ, которые интересуются этимъ предметомъ. Любезности того-же оріенталиста я обязанъ также приведенными ниже двумя отрывками изъ неизданнаго еще историческаго сочиненія (Тарйхъ) Якýби; дословнымъ переводомъ ихъ я обязанъ барону В. Р. Розену.

«Кембриджская рукопись Тарйха Аббâсидовъ Якýби подтверждаетъ то, что было мнѣ уже извѣстно изъ цитаты въ «Райхâнъ ал-албâбъ», а именно, что полное имя писателя: Ахмедъ-ибн-абй Якýбъ-ибн-Джафаръ-ибн-Вахбъ-ибн-Вâдихъ *ал-Аббâсй*», т.-е. маулâ Аббâсидовъ, такъ-какъ его предокъ Вâдихъ, пользовавшійся большою благосклонностію халифовъ ал-Мансýра и ал-Махдй, первоначально былъ вольноотпущенникомъ Сâлиха, сына халифа ал-Мансýра, какъ я уже замѣтилъ въ моей Descriptio стр. 17. Изъ Тарйха мы узнаемъ еще, что въ послѣдніе годы правленія ал-Мансýра Якýби былъ намѣстникомъ Арменіи и Азербейджâна. Какъ его предокъ, такъ и Ахмедъ былъ шіитъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему онъ въ своей книгѣ странъ былъ такъ хорошо освѣдомленъ объ алидскихъ государствахъ въ Марокко».

«Прозвища Испахâнй я не нашелъ нигдѣ, кромѣ сообщеннаго Дорномъ мѣста изъ Ибну-л-Факйха, которое списалъ также и Якутъ (вѣроятно, изъ Ибну-л-Факйха). Въ біографическомъ словарѣ испаханскихъ передатчиковъ преданій Абу-Носайма онъ не упоминается. Изъ этого еще нельзя вывести заключенія, что онъ не былъ испаханцемъ; можно лишь заключить, что его не причисляли къ передатчикамъ преданій, родившимся или жившимъ въ Испаханѣ. Судя по тому, что онъ пишетъ въ своей географіи о жителяхъ Испахана, невѣроятно, чтобы онъ и себя причислялъ къ нимъ. Но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что онъ описываетъ Испаханъ на основаніи личныхъ наблюденій».

«Эпитетъ *Испахâнй*, можетъ быть, основанъ на ошибкѣ Ибну-л-Факйха. Но что цитованное имъ мѣсто (выше стр. 154) дѣйствительно слѣдуетъ приписать Якýби, это косвенно подтвер-

ждается Тарйхомъ, изъ котораго явствуетъ, что Якўби хорошо зналъ исторію Арменіи и Азербейджâна».

«Изъ сообщенныхъ мною (Descriptio, pag. 18—20) мѣстъ о Тўлўнидахъ довольно ясно видно, что Якўби бывалъ въ Египтѣ, и что, значитъ, Масъўди, называя его Мисрй, очевидно былъ хорошо освѣдомленъ».

Ниже мы приводимъ упомянутые два отрывка изъ Тарйха Аббасидовъ, дающіе, все-таки, нѣкоторыя указанія на географическій и этнографическій кругозоръ нашего писателя.

Въ кембриджской рукописи (Burckhardt 10) fol. 52 Якўби сначала перечисляетъ тѣ города, которые прежде принадлежали Римской имперіи, а затѣмъ тѣ, которые въ его время принадлежали Византійцамъ (Рўмъ).

فهذه مملكة الروم الخالصة مما صارت (чит. صار) فى ارض الاسلام ثم لهم ما خلف الدرب الى بلاد الصقالبة واللّان و الافرنج ومن المدن التى فى بلاد الروم المشهورة المعروفة مثل رومية و نيقية الخ

.... И это (*т.-е. непосредственно передъ этимъ описанное*) есть государство настоящихъ Рўмовъ, насколько оно (*теперь*) входитъ въ составъ мусульманскихъ владѣній. Затѣмъ имъ принадлежитъ все то, что по ту сторону воротъ (*Дарбъ, т. е. перевала на границѣ Малой Азіи*) простирается вплоть до страны Славянъ, Аллâновъ и Франковъ; и къ городамъ, находящимся во владѣніяхъ Рўмовъ, (*принадлежатъ*) знаменитые и извѣстные, какъ Рўмія и Нйкія и т. д.

Нижеслѣдующее мѣсто (fol. 51 v.) использовалъ уже Масъуди (Pr. d'or 1, 286):

ممالك الجربى و كان ولد عامور بن سويل (sic) بن نوح [لما قسم فالغ] الارض بين ولد نوح خرجوا فى يسرة (рук. سيرة) المشرق فقطع قوم منهم ولد باعوما (sic) ناحية الجربى على سمت الشمال فانتشروا فى البلاد

فصاروا عدة ممالك وهم البرجان و الديلم والتتر (чит. التبر) والطيلسان وجيلان و قملان (чит. وفيلان) و اللان و الخزر (рук. الجزر) والدودانية والارمن وكانت الخزر (рук. الجزر) المتغلبة على عامة بلاد ارمينية وعليها ملك يقال له خاقان وله خليفة يقال له يزيد بلاش (sic) على الران و جرزان و البسفرجان و السيسجان (рук. السجستان) وكانت هذه الكور تسمى ارمينية الرابعة التى افتتحها قباد ملك الفرس فصار الى (الى слѣдуетъ пропустить. В. Р.) نوشروان الى باب اللان مائة فرسخ وفيها ثلاث مائة وستون مدينة الخ .... وقطع قوم من ولد عامور ما وراء النهر ثم افترقوا فى البلاد الخ

Т. е.: «Государства сѣвера: (когда Фалегъ раздѣлилъ[а]) землю между потомками Ноя, потомки ʽАмӯра, сына Сӯ....ла[б]), сына Ноя, отправились на сѣверо-востокъ. И нѣкоторые изъ нихъ (*а именно*) дѣти ....а̂ʼӯма̂[в]) (*Тогармâ?*) отправились чрезъ страны сѣвера прямо на сѣверъ и разсѣялись по странамъ и образовали нѣсколько государствъ. Сюда относятся Бурджâны, Дейлемы, Табары, Тайлесâны, Джӣлâны, Фӣлâны, Аллâны, Хазары, Даудâнія и Армяне. И Хазары суть тѣ, которые подчинили себѣ большинство странъ Арменіи. И надъ ними царь, котораго называютъ Хаканомъ; у него намѣстникъ, котораго называютъ Язӣдъ (Ба)лâшъ, (*управляющій*) ал-Рâномъ, Джурзâномъ, ал-Босфорджâномъ и ал-Сӣсаджâномъ. И эти области называли 4-ю Арменіею. Ее завоевалъ Кобадъ, царь Персовъ. И Нуширвâнъ проникъ до Бâб-ал-лâнъ—100 фарсанговъ. И тамъ 350 городовъ и т. д.

И нѣкоторые изъ дѣтей ʽАмӯра отправились чрезъ Мавараннахръ и разсѣялись затѣмъ по странамъ.

а) Дополнено по Масъуди. Де Гуе.

б) Масъуди: Сӯбӣл. В. Р.

в) У Мас. اارعو; издатели передали это черезъ Агоu. Я думаю, что чтеніе Якӯби слѣдуетъ измѣнить въ تاغرما = Тагрма = Тогарма. В. Р.

β. *Споръ по поводу глоссы: «которые называются Р̂усами».*

Теперь, когда выяснилось, что и оріенталисты, и норманисты и антинесторіанцы то ложно понимали, то совершенно ложно толковали свидѣтельство о Р̂усахъ 844 года и, наконецъ, совершенно отрицали авторство Якуби, намъ надлежитъ опредѣлить истинное значеніе этого свидѣтельства. Краткій обзоръ происходившаго по этому вопросу спора лучше всего объяснитъ причину тѣхъ заблужденій, жертвою которыхъ сдѣлались представители обоихъ лагерей.

Нужно согласиться, что Френъ въ 1838 году приписалъ открытому имъ свидѣтельству слишкомъ большое значеніе. Онъ воображалъ, что опустошившіе Севилью Норманы принадлежали къ *вѣтви* именно тѣхъ Норманов, которыхъ русская лѣтопись называетъ Варяго-Русью; Френъ успокаивалъ себя предположеніемъ, что Якуби слышалъ извѣстіе объ этомъ племени Р̂усовъ во время путешествія въ Сѣверную Африку, гдѣ у него, правда, были знакомства. Однако даже изъ тѣхъ, которые, подобно Кругу, Погодину, Сенковскому, П. Савельеву, Крузе и др., воспользовались [1]) новымъ извѣстіемъ, никто не подумалъ о томъ, что между опустошеніемъ Севильи и составленіемъ руководства протекли почти два поколѣнія, въ продолженіе которыхъ преданіе о такомъ ужасномъ событіи, правда, могло сохраниться на мѣстѣ, но также легко могло подвергнуться искаженіямъ. Вѣрить въ достовѣрность этого преданія въ томъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ у Якуби, можно-бы лишь въ томъ случаѣ, если-бы удалось доказать, что онъ могъ заимствовать это преданіе изъ достовѣрнаго источника, а безусловно довѣриться этому преданію можно было-бы лишь въ томъ случаѣ, если-бы существовали достаточныя основанія предполагать, что

1) Нѣкоторыя библіографическія данныя по этому вопросу см. въ Fraehnii Opusculorum postumorum Pars prima. Petrop. 1855, p. 418, № 24 (или въ Учен. Записки I и III Отдѣл. Акад. Наукъ. Т. III. 1855, стр. 438).

самъ Якуби, какъ писатель, не позволялъ себѣ такъ или иначе распространять или искажать получаемыя отъ другихъ извѣстія. И я также недостаточно принялъ въ разсчетъ всѣ эти условія, когда я въ 1845 году (Rodsen 2,285 — 320) сопоставилъ всѣ извѣстныя мнѣ свидѣтельства о вторженіи Нормановъ въ Бретань, на Пиринейскій полуостровъ и Марокко (въ 843—845 гг.), чтобы, если возможно, выжать изъ нихъ заключеніе, что въ этомъ вторженіи, кромѣ поименно названныхъ Вестфальдинговъ (изъ области Westfold въ Норвегіи) участвовали также и шведскіе Русы. Попытка доказать это окончилась полною неудачею; однако, потраченный на это трудъ не пропалъ даромъ. Въ виду того, что въ то время въ болѣе широкихъ кругахъ еще мало были распространены отчетливыя понятія о способности отдѣльныхъ прибрежныхъ народовъ Европы къ морскому дѣлу, неудивительно, что являлась склонность, частью приписывать эти вторженія балтійскимъ Славянамъ [1]), частью-же приписывать въ нихъ этимъ послѣднимъ выдающуюся роль наряду съ Норманами. Но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка изъ обильно собранныхъ матеріаловъ явствуетъ, что эти вторженія даютъ характерную картину образа дѣйствій норманскихъ пиратовъ и что, поэтому, видѣть въ этихъ *мореходахъ* Данахъ, Вестфальдингахъ, Маджусахъ или Русахъ, какъ ихъ называетъ Якуби, не Нормановъ, а какой-нибудь другой европейскій народъ, значило-бы выказать недостатокъ настоящаго историческаго смысла. — Другимъ положительнымъ результатомъ изслѣдованія 1845 года является выясненіе причинъ того явленія, что въ Кіевѣ еще къ концу 11-го столѣтія христіанъ-испанцевъ называли *Галичанами* (срв. выше, стр. 9): Шведы узнали это имя отъ Датчанъ и, съ своей стороны, водворили его въ Россіи.

---

1) Въ то время еще не было общепризнаннымъ, что рюгенскихъ Славянъ въ 12-мъ и 13-мъ столѣтіяхъ только ошибочно иногда называли *Rutheni* и что извѣстныя свидѣтельства о *Rutheni* 12-го столѣтія относятся лишь къ русскимъ, а не рюгенскимъ Славянамъ того времени.

Наконецъ, мнѣніе, высказанное по поводу того недовѣрія, съ которымъ свидѣтельство Якûби съ нѣсколькихъ сторонъ было встрѣчено около 1840 года и въ слѣдующіе за нимъ годы, именно и подало норманофобамъ поводъ, довести свои сомнѣнія до крайнихъ предѣловъ. Стоитъ только выдѣлить подобныя крайности, и ключъ къ правильному пониманію глоссы въ извѣстіи Якûби будетъ найденъ.

Нельзя отрицать того, что первые противники точки зрѣнія Френа, отказываясь найти въ обнародованномъ имъ краткомъ извлеченіи изъ Якûби то доказательство, которое, какъ онъ полагалъ, въ немъ было заключено, руководились вѣрнымъ чутьемъ. Между прочимъ, въ виду встрѣчающихся у Арабовъ, вообще, искаженій собственныхъ именъ, съ недовѣріемъ было встрѣчено самое чтеніе «Рûсъ», такъ-что я (въ 1845 году) не могъ удержаться отъ словъ: «Es fehlte nur noch, dass man Frähn beschuldigte die «Rûs» in den arabischen Text erst hineingeschrieben zu haben». Этого, конечно, никто не сдѣлалъ, но нѣсколько преждевременно было выведено заключеніе, что слова: «которые назывались Рûсами» представляютъ глоссу позднѣйшаго переписчика Якûби, глоссу, на которую, переписчикъ будто-бы былъ наведенъ Масъудіемъ. Вл. Ламанскій, высказавшій это предположеніе впервые въ 1859 году (О славянахъ въ Малой Азіи.... Замѣч., стр. 50), при этомъ нарочито ссылался на нѣсколько сомнительное толкованіе Масъудіевскаго отрывка о Маджûсахъ 844 года у Рено (Introduction 1848, p. 0299; срв. О Слав., стр. 47, 49). Рено († 1867), правда, уже не можетъ намъ объяснить, гдѣ масъудіевскіе Рûсы, какими онъ себѣ ихъ представлялъ, изучили морское дѣло и выработали изъ себя такихъ отважныхъ пиратовъ, которые вторгались на западѣ въ Испанію, на востокѣ въ прикаспійскія страны и на юго-востокѣ въ Византію. Рено, подобно многимъ другимъ оріенталистамъ и историкамъ, принадлежалъ къ категоріи «marins d'eau douce» и, въ виду этого, невмѣняемъ.

Г-нъ Гедеоновъ, (Отрывки. 1862, стр. 93; теперь также:

Варяги и Русь. 1876, стр. 513), анализируя свидѣтельство Якỳби независимо отъ другихъ, еще во время своего пребыванія въ Римѣ, не прибѣгнулъ къ такому насильственному средству. Убѣдительнѣйшимъ образомъ онъ доказалъ несообразность предположенія Френа и его послѣдователей, будто уже въ 844 году Маджỳсы въ самой Испаніи стали извѣстны подъ именемъ «Рỳсовъ»[1]); однако, объясненіе мотива, почему Якỳби пояснилъ имя «Маджỳсъ» именемъ «Рỳсъ», пожалуй, не всѣхъ удовлетворило, хотя Котляревскій (О погребальн. обычаяхъ Славянъ. М. 1869. Славяне и Русь, стр. 03) и полагалъ, что этимъ законченъ споръ по поводу Якỳби. Между тѣмъ споръ этотъ вступилъ лишь въ новую фазу, такъ какъ простого отрицанія недостаточно въ области положительной науки. Подобно Гедеонову, Д. А. Хвольсонъ въ 1869 году (Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1871, стр. 131) также предположилъ, что Якỳби около 890 года по недоразумѣнію отождествилъ имя Маджỳсовъ = Нормановъ съ древне-славянскимъ именемъ Русь. Была-ли предполагаемая причина этого недоразумѣнія для другихъ болѣе убѣдительна, чѣмъ для Погодина, Гатцука, Ламбина, Бруна и меня?

Еще до появленія труда Гедеонова во мнѣ окрѣпло убѣжденіе, что шведскіе пираты принимали, сравнительно, мало участія (срв. выше, стр. 31—33) въ грабительскихъ набѣгахъ Датчанъ и Норвежцевъ въ Западной Европѣ. Въ прибавленіяхъ къ

---

1) Впослѣдствіи арабскіе источники были собраны и объяснены глубокимъ знатокомъ исторіи мусульманской Испаніи, а именно, въ сочиненіи: Les Normands en Espagne (Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen-âge. Par R. Dozy. Seconde édition. Tome second. Leyde 1860, p. 270—390).

P. S. Г-нъ Говорсъ (Howorth), авторъ книги «History of the Mongols from the 9. to the 19. Century», обратилъ мое вниманіе на недавно открытый, въ высшей степени замѣчательный ирландскій источникъ объ одномъ походѣ Нормановъ въ Мавританію. Вопросъ о томъ, относится-ли этотъ источникъ къ упомянутому выше (ч. 1-я, стр. 165) походу 859 года, еще требуетъ разслѣдованія.

Отрывкамъ Гедеонова (1862, стр. 127) я вкратцѣ объяснилъ, что свидѣтельство Якӯби для насъ «не имѣетъ положительнаго значенія, но выражаетъ лишь *личное* мнѣніе одного арабскаго географа», будто пираты-Маджӯсы 844 года были тѣми-же, которые около 890 года были на юго-востокѣ общеизвѣстны подъ именемъ Рӯсовъ. Съ этимъ согласились Брунъ въ Одессѣ (О черноморскихъ Готахъ. 1874, стр. 34) и Смитъ въ Копенгагенѣ (Nestors Krönike. 1869, срв. p. 346 съ выраженными имъ ранѣе p. 224 сомнѣніями по поводу значенія извѣстія Якӯби). Одинъ только Погодинъ продолжалъ (Г. Гедеоновъ и его система, 1864, стр. 6, 29, 30, 42 и Борьба 1874, стр. 298, 345) считать Рӯсовъ 844 года настоящими Варяго-*Руссами*, нисколько, правда, не доказывая, какимъ образомъ изъ многочисленныхъ арабскихъ и латинскихъ писателей, трактующихъ, частью, очень подробно о Маджӯсахъ = Норманахъ 843—845 гг., именно только до позднѣйшаго Якӯби дошли свѣдѣнія о томъ, что они принадлежали къ Руси. Кромѣ того, Погодинъ былъ несправедливъ по отношенію къ г-ну Иловайскому, который имѣлъ полное право сослаться па то, что я отказался отъ господствовавшаго ранѣе воззрѣнія на свидѣтельство Якӯби. Погодинъ не обратилъ вниманія на мое объясненіе 1862 года.

Намъ остается еще объясниться съ однимъ оріенталистомъ, который, пе будучи знакомъ съ мнѣніемъ Ламанскаго, тоже, не развязавъ узла, по своему разрубилъ его. Въ своей диссертаціи (Сказанія мус. писателей, 1870, стр. 66—70) А. Я. Гаркави пытался доказать, что фраза: «которыхъ называютъ Рӯсами» вставлена въ сочиненіе Якӯби лишь однимъ изъ переписчиковъ, который, будто-бы, вычиталъ изъ Масъуди, что этотъ послѣдній въ Маджӯсахъ 844 года (Pr. d'or. 1,364) предполагалъ Рӯсовъ. Послѣ того какъ я обратилъ его вниманіе на мое объясненіе 1862 года, онъ въ дополненіяхъ (стр. 288—290; см. также Дополн. 1871, 14) вновь вернулся къ этому вопросу, но не отказывался отъ своего первоначальнаго мнѣнія. Въ виду этого я письменно объяснилъ ему, что, не считая нужнымъ въ сомнитель-

ныхъ случаяхъ объяснять писателя прежде всего находящимися у него-же самого данными, онъ поступается однимъ изъ основныхъ принциповъ историческаго изслѣдованія; что дѣло идетъ не о выраженіи, встрѣчающемся у Якӯби лишь одинъ разъ, и что пояснительныя добавленія, въ родѣ «qui vocatur, qui vocantur» у него совершенно обычны. На это А. Я. Гаркави отвѣтилъ (Сказанія, стр. 304) въ примѣчаніи: «Именно такая фраза, которая весьма часто встрѣчается у писателя, очень легко могла быть вставлена однимъ изъ переписчиковъ». Вотъ 6-е изъ тѣхъ положеній, которыя были выставлены имъ при защитѣ диссертаціи: «Слова: *которыхъ называютъ Рӯсъ* принадлежатъ не самому Якӯби, но были вставлены позднѣйшимъ переписчикомъ, жившимъ не ранѣе половины 10-го столѣтія».

Какъ мы видимъ, нашъ экзегетъ заботится не столько о приведеніи убѣдительныхъ доказательствъ, сколько о поддержаніи простого мнѣнія, возникшаго благодаря почину Рено, за которымъ въ данномъ случаѣ нельзя признать совершенно никакого авторитета. Впрочемъ, на той-же страницѣ (срв. выше, стр. 153) Якӯби болѣе одного раза употребляетъ то-же выраженіе. Одно изъ этихъ мѣстъ совершенно аналогично; только вмѣсто Маджӯсовъ (язычниковъ) названы *шаркъ* (христіане), а вмѣсто Рӯсовъ — ал-Баскоисы, которые тоже сами себя такъ не называютъ, но которыхъ называютъ такъ иностранцы. Въ обоихъ случаяхъ Якӯби счелъ нужнымъ пояснить своимъ читателямъ, подъ какими особенными именами тѣ язычники и эти христіане были извѣстны у другихъ народовъ. Неужели опять-таки переписчикъ вставилъ фразу «которые называются Басками?» Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ два первыхъ знатока подлиннаго текста Якӯби — голландскіе оріенталисты Дози и де Гуе — не склонны видѣть вставки. Даже Хвольсонъ въ данномъ случаѣ ничего не хочетъ знать о подобной вставкѣ, хотя и для него, какъ издавна для *всѣхъ* антинесторіанцевъ, это невинное выраженіе «которые называются Рӯсами» въ высшей степени неудобно. Теперь А. Я. Гаркави надлежитъ подыскать такихъ-же трехъ извѣстныхъ

оріенталистовъ, говорящихъ въ пользу его мнѣнія. Уже давно пора закончить споръ по поводу такого небольшого выраженія. Кто больше всего повиненъ въ томъ, что споръ этотъ еще не законченъ? Несторіанцы или тѣ, которые обвиняютъ ихъ въ ереси? Впрочемъ, мы, несторіанцы, охотно признаемъ, что едва-ли намъ удалось-бы притти къ единственно вѣрному мнѣнію объ относительномъ значеніи свидѣтельства Якуби, если-бы первоначальный, до извѣстной степени ошибочный способъ пониманія его въ продолженіи 40 лѣтъ неоднократно не встрѣчалъ такого сильнаго сопротивленія.

γ. *Какимъ мотивомъ руководился Якуби, поясняя имя Маджусъ именемъ Русъ.*

Еще въ 1874 году Погодинъ назвалъ Якуби современникомъ Нормановъ 844 года и, въ виду этого, отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Мы не знаемъ, жилъ-ли Якуби уже въ 844 г. Когда онъ писалъ свое руководство по географіи, онъ имѣлъ за собою уже богатую научными трудами жизнь, такъ какъ онъ нарочито ссылается на два ранѣе написанныхъ имъ сочиненія, а именно, на исторію Африкіи (т. е., въ особенности, сѣверной Африки) и на исторію и географію Рума (Византійской имперіи). Въ виду этого становится вѣроятнымъ, что онъ, самое позднее, родился около половины 9-го столѣтія. Такъ какъ онъ увѣряетъ, что уже въ юности совершалъ дальнія путешествія, то возможно допустить, что онъ посѣтилъ Севилью въ такое время, когда воспоминанія о первомъ вторженіи Норманов были еще достаточно свѣжи[1]). Не смотря на сухость и незатѣйливость изложенія Якуби на его краткомъ описаніи Испаніи замѣтно, что въ немъ онъ приводитъ ско-

1) Вторично Севилья была взята Норманами въ 859 году. Изъ этого, конечно, нельзя выводить заключенія, что Якуби до 859 года написалъ свою замѣтку о первомъ вторженіи. Второе вторженіе могло показаться ему незначительнымъ или даже остаться неизвѣстнымъ ему, если онъ юношею побывалъ въ Испаніи до 859 года.

рѣе свои личныя наблюденія, чѣмъ наблюденія другихъ писателей. Кромѣ того онъ въ своемъ сочиненіи, насколько оно сохранилось въ рукописи Мухлинскаго, нигдѣ не цитуетъ болѣе древняго писателя, но ссылается развѣ только на современниковъ. Въ сравненіи съ остальнымъ сжатымъ описаніемъ Испаніи, историческая замѣтка о Севильѣ кажется просто роскошью. Поэтому описываемое имъ вторженіе Нормановъ, навѣрное, особенно заинтересовало его, такъ что онъ не только точно приводитъ годъ вторженія, но поясняетъ даже еще имя Маджӯсовъ. Арабы постепенно стали употреблять имя древнеперсидскихъ Маговъ для обозначенія языческихъ народовъ вообще. Испанскіе Арабы, можетъ быть, подъ вліяніемъ сообщеній англійскихъ купцовъ, подъ Маджӯсами понимали именно язычниковъ - Нормановъ. Разъ Якӯби упоминалъ о разграбленіи Севильи Маджӯсами, онъ долженъ былъ со стороны своихъ читателей въ Передней Азіи и, вообще, на мусульманскомъ востокѣ ожидать упрековъ въ томъ, что онъ точнѣе не объяснилъ имъ, что это за языческій народъ. Что, напримѣръ, знали въ Самаркандѣ, тоже воспѣтомъ Якӯби, о скандинавскихъ Маджӯсахъ! Таково, по всей вѣроятности, происхожденіе глоссы: «которые называются Рӯсами». Норманы, которые съ 971 года начинаютъ совершать набѣги на Испанію, у одного латинскаго лѣтописца называются *Dani*, между тѣмъ, какъ Арабъ Ибн-Адâрî называетъ ихъ *Маджӯс-Алордомâни* (Лордомани, у христіанскихъ Арабовъ искаженное Nordmani, см. Дози, Recherches 2, 356 и выше, стр. 41). Испанскій епископъ Рецемундъ во время пребыванія въ Германіи побудилъ уроженца Ломбардіи Ліудпранда написать исторію своего времени; Ліудпрандъ, въ виду этого, ожидалъ, что его исторію, кромѣ Романовъ, будутъ читать также и Нѣмцы, и также два раза счелъ нужнымъ объяснить, какой народъ Византійцы понимали подъ «Rúsii»: Rusios, quos alio nos (т. е., по его способу выражаться, жители западной Европы) nomine Nordmannos adpellamus etc. Подобно Якӯби выражается также императоръ Константинъ Багрянородный. 36-я глава его сочиненія de adm. imp.

озаглавлена имъ: О Паганахъ, называемыхъ также Арентанами (Περὶ τῶν Παγανῶν τῶν καὶ Ἀρεντανῶν καλουμένων). Въ самомъ текстѣ онъ сообщаетъ, что часть Сербовъ по рѣкѣ Оронтію (Неретва) въ Далмаціи и на нѣкоторыхъ островахъ долго оставалась некрещенною и прославилась морскимъ разбоемъ. Крещеные Сербы, продолжаетъ онъ, называютъ ихъ Паганами, а Ромейцы (Византійцы) — Арентанами (καὶ γὰρ Παγανοὶ.... παρὰ τῶν.... Ῥωμαίων Ἀρεντάνοι καλοῦνται).

Испанскіе и жившіе насупротивъ ихъ африканскіе Арабы не нуждались въ объясненіи имени Маджӯсовъ. И у другихъ Арабовъ, жившихъ по берегу Средиземнаго моря, вторженіе 844 и 845 года долго могло остаться въ памяти. Дальнѣйшіе походы, а равно и многочисленныя письменныя описанія вторженія 844 и 845 г.г. еще дальше распространили грозное имя Маджӯсовъ, особенно въ 859—861 годахъ (см. выше, ч. 1-я, стр. 164—165). Нѣсколько лѣтъ спустя — въ 865 году — восточная отрасль Маджӯсовъ или «Скиѳовъ, называемыхъ Рôсами» (τὸ μιαιφονώτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς) напали на пользовавшійся громкою славою торговый городъ Константинополь, и извѣстіе объ этомъ, какъ мы знаемъ на основаніи подлинныхъ свидѣтельствъ, тотчасъ проникло въ Венецію и Римъ. Однако, смѣло можно предположить, что этотъ неслыханный набѣгъ, а равно и имя совершившихъ его, уже тогда сдѣлались извѣстными во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря, изъ которыхъ суда ежегодно отправлялись въ Византію. Появленіе пиратовъ-Рôсовъ въ Пропонтидѣ должно было вызвать паническій страхъ среди многочисленныхъ торговыхъ мореплавателей, а моряки и торговые люди въ тѣ времена служили живыми газетами и телеграммами. Еще одно особенное обстоятельство способствовало распространенію извѣстія о вторженіи Рôсовъ въ 865 году. Еще до прибытія Рôсовъ императоръ Михаилъ, чтобы наказать критскихъ Арабовъ за ихъ образъ дѣйствій, со всѣмъ византійскимъ флотомъ отплылъ въ Архипелагъ, и это, понятно, вызвало немало толковъ

въ тѣхъ краяхъ. Конечно, не осталось тайной, почему императоръ вскорѣ, не достигнувъ цѣли, отправился въ обратный путь, чтобы защитить столицу.

На западномъ и сѣверномъ побережьи Малой Азіи воспоминаніе о жестокостяхъ морскихъ разбойниковъ — Рôсовъ — 865 года могло жить еще цѣлыя десятилѣтія; въ пользу такого предположенія говоритъ уже за душу хватающее описаніе автора житія Св. Георгія Амастридскаго. Послѣ 865 года наступилъ глубокій миръ между Кіевомъ и Византіей, въ продолженіе котораго развились оживленныя торговыя сношенія между Варяго-Русью и Византіей и приморскими городами Понта. Достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ дошли даже до жившаго вдали Персо-Араба Ибн-Хордадбеха. Въ написанной около 900 года или немногимъ ранѣе тактикѣ императора Льва уже говорится о томъ, что такъ наз. Сѣверные Скиѳы или Норманы (οἱ λεγόμενοι Βόρειοι Σκύθαι) имѣли обыкновеніе на легкихъ ладьяхъ выходить изъ устьевъ рѣкъ (т. е. Днѣпра, Днѣстра, Буга) въ Понтъ, конечно, не ради забавы, а чтобы сбыть свои товары и, вѣроятно, также съ цѣлью произвести грабежъ на негреческихъ берегахъ. Такъ-же они дѣйствовали и на Каспійскомъ морѣ, гдѣ они на побережьи продавали мѣхъ черной лисицы (куны, куницы?) бобровый мѣхъ и мечи (см. выше, стр. 129) и, при случаѣ, — впервые еще до 883 года — какъ пираты, производили грабежи (см. Каспій, стр. 049).

Невозможно, чтобы Rossia nascens ускользнула отъ вниманія человѣка, столь много путешествовавшаго и столь любознательнаго, какъ Якӯби, который интересовался исторіей и порядками стольких мусульманскихъ странъ и народовъ, который нѣкоторое время, уже въ силу своей служебной дѣятельности, былъ посвященъ въ нѣкоторыя международныя отношенія, который, по собственному свидѣтельству, съ цѣлью собрать различныя свѣдѣнія, охотно посѣщалъ торговые центры, который, наконецъ, собственными глазами видѣлъ, если не Черное, то, навѣрное, Каспійское море. Послѣднее онъ въ трехъ мѣстахъ называетъ

моремъ Дейлема (de Goeje, das alte Bett des Oxus, Amû-Darja. Leiden. 1875, p. 9), а Понтъ онъ называетъ моремъ Хазаръ, какъ это позже дѣлаетъ также Ибн-Хордадбехъ (Journal asiatique 1865 Tome 5, p. 471, 472, 474, 475, 516). Подобно тому, какъ Якўби въ этомъ былъ согласенъ со своимъ современникомъ Персо-Арабомъ, такъ жившій немногимъ лишь позже Масъуди раздѣляетъ его мнѣніе о связи Понта съ сѣвернымъ океаномъ. Убѣжденіе въ существованіи этой связи Арабы давно уже заимствовали у Грековъ; появленіе народа-морехода Рôсовъ, кажется, еще укрѣпило въ Арабахъ это убѣжденіе. Якўби былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что пираты, разграбившіе въ 844 г. Севилью, были тѣ-же, которые нѣсколько десятилѣтій спустя на Черномъ морѣ подъ именемъ Рўсовъ прославились какъ морскіе разбойники. Онъ долженъ былъ спросить себя: Какимъ образомъ эти морскіе разбойники попали въ Понтъ? О томъ, что Норманы приходили въ Неву и Двину и по волокамъ перетаскивали свои ладьи изъ одной рѣки въ другую, онъ не имѣлъ свѣдѣній. Отвѣтъ на этотъ вопросъ давался самъ собою, т. е. Якўби воображалъ, что они по океану приходили въ большой заливъ, который (по воззрѣніямъ Грековъ и по его собственнымъ словамъ, см. выше, стр. 152) изъ океана велъ въ Понтъ. Масъуди, считавшій Рўсовъ и Славянъ двумя различными народами, путемъ комбинацій пришелъ къ тому-же убѣжденію, правда, выраженному лишь въ формѣ предположенія, что Маджўсы 844 года были тѣ самые, по имени которыхъ въ его время Понтъ уже назывался моремъ Рўсовъ. Свое предположеніе онъ основывалъ на томъ, что одни только Рўсы совершаютъ плаванія по Понту и Мэотидѣ, которые посредствомъ извѣстныхъ проливовъ связаны съ (сѣвернымъ) океаномъ (см. Prair. d'or 1,365).

P. S. Въ новомъ изданіи своего сочиненія г-нъ Гедеоновъ (стр. 513 — 517) безъ измѣненій вновь перепечаталъ упомянутый выше отрывокъ о Якўби, и только въ примѣч. 272 онъ прибавилъ мое краткое объясненіе 1862 года, не снабдивъ его никакимъ замѣчаніемъ. Такимъ образомъ, мы не обязаны под-

робнѣе касаться того вопроса, дѣйствительно - ли Якўби лишь по недоразумѣнію считалъ Маджўсовъ = Нормановъ 844 года Рўсами, такъ - какъ онъ де за это время имѣлъ случай видѣть на юго - востокѣ настоящихъ Нормановъ въ качествѣ наемниковъ искони славянской кіевской Руси. Итакъ мы видимъ, это опять сводится къ вопросу, можно - ли произвольно предполагать или отрицать, что еще зàдолго до Рюрика на югѣ существовала искони славянская Русь и что таковая тамъ, вдали отъ моря, преобразилась въ народъ мореходовъ, или - же слѣдуетъ такого рода предположеніе или отрицаніе обосновывать строго научнымъ путемъ. Если-бы свидѣтельство Якўби стояло совершенно особнякомъ, то всякій дальнѣйшій споръ явился-бы пустой тратой времени. Но такъ-какъ это свидѣтельство является звеномъ въ цѣпи доказательствъ въ пользу того, что имя Руси приводили въ генетическую связь то съ именемъ Шведовъ, то съ именемъ Нормановъ, то съ именемъ Варяговъ и Франковъ — послѣднія два имени въ опредѣленномъ значеніи, — то мы посовѣтуемъ представителямъ обоихъ лагерей присмотрѣться къ выше изложенному и, если окажется нужнымъ, еще подробнѣе обосновать все это.

Проф. де Гуе прислалъ мнѣ еще нѣсколько замѣтокъ изъ исправленнаго имъ текста труда Ибнъ-Хаукаля, который самъ въ 969 году, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разграбленія Болгаръ и Итиля, по Волгѣ проѣзжалъ чрезъ страну Рўсовъ.

«Можетъ быть, не лишне указать на то, что на востокѣ еще и позже грабителей Испаніи считали Рўсами. По этому поводу см. замѣчательное мѣсто у Ибн-Хаукаля стр. 14, 22 слѣд.:

««Болгâръ небольшой городъ, владѣющій небольшой территоріей; но онъ знаменитъ, какъ торговый центръ (портъ) для этихъ государствъ. Въ 358 году онъ, подобно Хазарâну, Итилю

и Самандару, былъ совершенно разграбленъ Рȳсами, которые *тотчасъ послѣ этого отправились въ страну Рȳмовъ* (Византію) *и Испанію*»».

«Еще страннѣе другое мѣсто на стр. 78, 18 слѣд.:

««И отъ времени до времени на него (владѣтеля Испаніи) нападаютъ суда Рȳсовъ, Тюрковъ, Славянъ и Печенѣговъ (эти послѣдніе — тюркское племя, живущее около страны Хазаръ и около Болгâра). Иногда они причиняютъ вредъ испанскимъ областямъ, иногда они также возвращаются съ обманутыми надеждами»».

«Важно еще и его замѣчаніе на стр. 281, 13 слѣд. и стр. 286, 9 по поводу того, что, не смотря на разрушеніе Рȳсами Болгâра, *его торговыя сношенія* съ Хазарами и Рȳмомъ безпрепятственно продолжаются. О русской торговлѣ см. также Истахри, стр. 226».

О разграбленіи Рȳсами столицъ волжскихъ Болгаръ и Хазаръ лѣтомъ 969 года мы узнаемъ лишь изъ извѣстій восточныхъ писателей, но наши свѣдѣнія объ этомъ со времени Френа (Ibn-Foszlan p. 64) не обогатились. Трудно принести это событіе въ связь съ византійскими и славянскими извѣстіями о походѣ Святослава противъ Болгаріи лѣтомъ 969 года; вѣдь послѣ покоренія ихъ онъ долженъ былъ разсчитывать на войну съ Византійцами, и къ таковой онъ, по всей вѣроятности, и приготовился. Война съ такимъ императоромъ, какъ Никифоръ, была не шуткой. Неужели Святославъ именно тогда такъ разъединилъ свои силы, что сильный отрядъ своего войска отправилъ по отдаленной Волгѣ и, притомъ, противъ двухъ вовсе не слабыхъ тюркскихъ ордъ на средней и нижней Волгѣ и далѣе въ области кавказскаго побережья Каспійскаго моря? Какъ извѣстно уже съ 1771 года (см. Каспій стр. 522), Ибн-Саидъ этотъ походъ противъ волжскихъ Болгаръ приписываетъ Аламанамъ, но, вѣроятно, лишь вслѣдствіе нерѣдко случавшагося смѣшенія балканскихъ и волжскихъ Болгаръ. Такъ какъ есть надежда на то, что дошедшее до насъ географическое сочиненіе Ибн-Саида въ

ближайшемъ будущемъ будетъ изслѣдовано однимъ оріенталистомъ, то еще представится случай вернуться къ волжскому походу 969 года, и теперь мы только замѣтимъ, что не немыслимо, чтобы пираты въ 969 году изъ нижняго теченія Волги дѣйствительно отправились въ Византію и Испанію. Вѣроятно, они значительную часть захваченной ими добычи и, главнымъ образомъ рабовъ и рабынь хотѣли продать Грекамъ и испанскимъ Арабамъ. Изъ книги Китâб-ал-Танбîхъ, которую Масъуди написалъ приблизительно за двадцать лѣтъ до этого похода, мы узнаемъ что изъ страны Буртасовъ (по Волгѣ) такъ высоко цѣнимый арабами мѣхъ черной лисицы (который иногда принимали за соболій мѣхъ) часто привозился въ страну Хазаръ, оттуда вывозился въ страну Франковъ и въ Испанію, а оттуда уже привозился въ сѣверную Африку.

Во второмъ изъ сообщенныхъ проф. де Гуе мѣстъ подъ судами Русовъ можно было бы понять суда настоящихъ Нормановъ, которые незадолго передъ тѣмъ (въ 959 году) напали на Испанію; однако упоминаніе угорскихъ и печенѣжскихъ судовъ лишаетъ все это извѣстіе почти всякаго значенія. Возможно, что вмѣстѣ съ Уграми въ Галлію вторглись и отдѣльныя орды Печенѣговъ, но, безъ сомнѣнія, они не переходили Пиринеевъ.

Возможно допустить, что около 950 года также и пелопонезскіе Славяне занимались морскимъ разбоемъ [1]), но, вѣроятно, они были слишкомъ слабы для того, чтобы дерзнуть напасть на испанскихъ Арабовъ. Намъ неизвѣстно, отваживались-ли выходить далеко въ Средиземное море тѣ Славяне съ острововъ и побережій Адріатическаго моря, флотъ которыхъ описываетъ императоръ Константинъ Багрянородный (de adm. imp. Cap. 31) и грабежи которыхъ причиняли много неудобствъ Венеціанцамъ (см., напр., жалобы лѣтописца Іоанна Діакона). Около половины 10-го столѣтія норманскіе пираты изъ Іомсбурга ежегодно от-

1) Const. de adm. imp. Cap. 50.

правлялись на морской разбой. О ихъ поѣздкахъ къ британскимъ островамъ сохранились историческія преданія. Само собою разумѣется, что къ такому разбойничьему союзу, свившему себѣ гнѣздо на славянской территоріи, примыкали также и при-одерскіе Славяне язычники, но по меньшей мѣрѣ еще не доказано, чтобы ихъ участіе въ разбояхъ выражалось посылкою цѣлой флотиліи [1]).

1) Срв. выше стр. 29 и 32.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ *).

---

*) Въ обоихъ нижеслѣдующихъ указателяхъ принята система сліянія русскаго и латинскаго алфавитовъ; греческій алфавитъ стоитъ отдѣльно, при чемъ буквы греческаго алфавита поставлены вслѣдъ за соотвѣтствующими имъ по произношенію буквами русскаго алфавита. Порядокъ букавъ въ указателяхъ слѣдующій:

а (ä, ae), α, б (лат. b), β, c (лат.), b (v, w), г (g), γ, h, д (d), δ, е, ε, η, ж, з, ζ, и (i, j), ι, к (k), κ, л (l), λ, м (m), μ, н (n), ν, о, ο, п (лат. p), π, q, р (r), ρ, с (s), σ, т (t), τ, у (u), ф (f), φ, х, χ, ц, ч, ш (ç санскр.), щ, ы, ѣ, э, y (лат.), υ, ю, я, ѳ, ϑ.

Ἀ.

Б.

Г. (G).

Γ.

H.

Δ.

Е.

Е. Н.

З. (Z.)

И. (I. J.)

I.

К.

K.

Л. (L).

М.

M.

Н. (N).

О.

О. Ω.

П. (Р).

П.

Q.

Р. (R).

Σ.

Т. (T).

T.

У. (U).

O.

Ф. (F).

Ф.

Х.

Χ.

Ц.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

M.

Н. (N).

О.

O.

П. (P).

П.

P. (R).

Р.

С.

Σ.

Т.

У. (Ѫ; U).

Ф. (F).

Дополнительная замѣтка къ стр. 96—97, прим. 1.

Въ арабскомъ подлинникѣ исторіи Табари (см. изданіе M. J. de Goeje I, p. 2240) въ сценѣ пріема посольства арабовъ Іездегердомъ въ 635 г. нѣтъ ни одного имени народа, такъ что отвѣтственность за вставленіе здѣсь этнографическихъ именъ падаетъ всецѣло на персидскаго переводчика или, лучше, передѣлывателя лѣтописи арабскаго автора.

В. Р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

